Вс. Соловьевъ

Царское Посольство.

P.o.russ. 119 x

Xerokopieren aus konservatorischen Gründen nicht erlaubt
Nur im Lesesaal benützbar

30. März 19

<36611885640013

<36611885640013

Bayer. Staatsbibliothek

2197

ЦАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Д 186/50331

Вс. С. Соловьевъ.

ЦАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Историческій романъ XVII вѣка.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., № 8.
1893.

ЦАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Часть первая.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

I.

Такъ оно и есть... послѣднія времена настали! духъ антихристовъ путемъ пространнымъ и погибельнымъ возмущаетъ истинный корабль Христовъ! близится часъ — и невдолгѣ настанетъ... Нынѣ который у насъ годъ?—тысяща шестьсотъ пятьдесятъ шестой... Ну такъ звѣринаго числа ждать не долго—почитай ровно десятокъ лѣтъ осталось...

Слова эти, грознымъ тономъ и съ подобающимъ движеніемъ указательнаго перста, произнесъ тощій, сѣденькій священникъ.

Попъ Савва, отъ преподобнаго Ѳеодосія, что на Лубянкѣ, на первый взглядъ не представлялъ изъ себя ничего выдающагося: маленькое желтое, все изрытое оспой лицо его, жидкія космы длинныхъ, почти никогда не причесанныхъ волосъ, клинообраз-

ная борода, угловатыя движенія и привычка то и дѣло сплёвывать въ сторону — не говорили въ его пользу.

Но стоило ему оживиться,—сѣрые слезящіеся его глазки загорались, борода начинала прыгать,—и изъ устъ его лились рѣчи, имѣвшія свойство всегда задѣвать слушателя за живое и поднимать въ его душѣ невольную тревогу.

Попъ Савва, человѣкъ непосѣдливый, чувствовавшій постоянную потребность двигаться и говорить, волноваться и волновать другихъ, соваться всюду, куда ему только былъ доступъ, кончилъ тѣмъ, что, и не занимая виднаго положенія, пользовался на Москвѣ большой извѣстностью. Онъ былъ вхожъ во многіе знатные и богатые дома, и вообще имѣлъ не малое значеніе въ это время всевозможныхъ какъ гражданскихъ, такъ и церковныхъ новшествъ.

Теперь онъ сидѣлъ въ горницѣ у богатаго дворянина Никиты Матвѣевича Залѣсскаго и, по своему обычаю, то и дѣло вскакивая съ лавки и снова порывисто садясь на нее, такъ что стеганый, покрытый плотной шелковой матеріей матрасикъ съѣзжалъ все больше и больше на сторону,—ораторствовалъ.

Передъ нимъ, опершись локтями о рѣзной дубовый столъ, помѣщался хозяинъ, тучный, рослый человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Крутой упрямый лобъ, курчавые сѣдѣющіе волосы, черные глаза на выкатѣ, крупный, покрытый сизыми жилками носъ—такова была наружность дворянина Залѣсскаго.

Никита Матвѣевичъ очевидно находился подъ

впечатлѣніемъ краснорѣчивыхъ доводовъ своего собесѣдника. Въ лицѣ его, все болѣе и болѣе разгоравшемся, и въ томъ какъ онъ время отъ времени теребилъ свою густую длинную бороду, — сказывалось волненіе. Широкая грудь его, которой, казалось, тѣсно было и въ домашнемъ разстегнутомъ кафтанѣ, то поднималась, то опускалась...

Въ той-же горницѣ, нѣсколько поодаль, за другимъ меньшимъ столомъ, сидѣла пригорюнясь супруга Никиты Матвѣевича—Антонида Гелактіоновна. Была она женщина еще далеко не старая и довольно красивая, однако имѣвшая въ лицѣ своемъ нѣчто скорбное, какъ-то особенно бросавшееся въ глаза при густомъ слоѣ румянъ, покрывавшемъ ея щеки, и при выведенныхъ въ струнку, насурмленныхъ ея бровяхъ. Она слушала своего духовника, Савву, впившись въ него немигавшими глазами, слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, видимо изо всѣхъ силъ стараясь вникнуть въ смыслъ его словъ, который часто ускользалъ отъ ея пониманія.

— Да,—повторилъ священникъ возвышая голосъ и снова вскакивая съ лавки,—ровнехонько десятокъ лѣтъ остается, и уже наступило третье время антихристовское....

— Какъ ты говоришь? — переспросилъ Никита Матвѣевичъ.

— Во исполненіе писанія! — еще болѣе поднявъ голосъ и затѣмъ внезапно понижая его до торжественнаго шопота продолжалъ Савва.—Первое время было—отпаденіе отъ православія Рима папскаго; вто-

рое время—отпаденіе отъ православія въ унію; третье время—наше отпаденіе отъ православія во всякое басурманство и чернокнижіе, оное-же отпаденіе, какъ тебѣ вѣдомо, совершается невозбранно!

Никита Матвѣевичъ тяжко вздохнулъ.

— Это точно!—угрюмо произнесъ онъ,—конечно, отпаденіе!...

— Еще-бы не конечно! — воскликнулъ священникъ.—Искони была сугубая аллилуія и внесено ученіе объ оной въ Стоглавъ.... также и о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія—и все сіе подтверждено исправителями церковныхъ книгъ при патріархѣ Іосифѣ... Святые отцы такъ молились — и угодили Господу, и спаслись, и чудесами великими прославились! Нынѣ-же антіохскій патріархъ Макарій и прочіе восточные архіереи къ намъ наѣхали, да, сговорясь съ патріархомъ Никономъ, въ Успенскомъ соборѣ, при всемъ народѣ православномъ, объявили, что тремя перстами креститься подобаетъ, и тѣхъ, кто двумя перстами крестится, всенародной предали анаѳемѣ!.. Тебя-то вотъ, Никита Матвѣичъ, тамъ не было, а вѣдь я былъ, самъ былъ въ соборѣ, своими ушами вотъ слышалъ, какъ Макарій возгласилъ анаѳему двуперстному знаменію! Какъ возгласилъ онъ—ужь и не знаю, что со мною сталось: душа загорѣлась, сердце кровью облилось... Палъ я на земь рыдая. Кого проклинаютъ?! Не насъ, грѣшныхъ,—святыхъ отцовъ проклинаютъ, чудотворцевъ, угодниковъ Божіихъ! Они вѣдь двумя перстами себя осѣняли... Анаѳема святымъ угодникамъ?! А!!!

Савва весь дрожалъ. Глаза его метали искры. Руки онъ вздѣлъ къ потолку, да такъ и остался на нѣсколько мгновеній.

Антонида Гелактіонова не выдержала,—она слабо вскрикнула, закрыла лицо руками и растерянно, въ ужасѣ шептала:

— Ахти намъ!.. святые угодники!.. анаѳема!.. ахти намъ!..

Залѣсскій поднялся со своего мѣста и зашагалъ, потрясая половицы.

— Такъ развѣ это не антихристовы дѣянія?—забѣгая передъ нимъ и подступая къ нему почти съ пѣной у рта, твердилъ Савва.

— А вотъ ты антихристу и поклоняешься!—внезапно остановясь и поднявъ сжатые кулаки къ самому лицу Саввы, прохрипѣлъ Никита Матвѣевичъ.

Савва совсѣмъ растерялся отъ неожиданности такого обращенія.

— Какъ поклоняюсь антихристу?—смущенно прошепталъ онъ, пятясь назадъ отъ хозяина.

— Да кто антихристъ-то? кто онъ по твоему?—наступалъ на него Залѣсскій.

Священникъ растерялся еще болѣе.

— Чего-жь ты молчишь,—вѣдь самъ его назвалъ, и другого нѣту... антихристъ — патріархъ Никонъ, патріархъ! А ты вотъ ему и поклоняешься!

Попъ Савва опустилъ голову.

— Не поклоняюсь ему и не поклонюсь во вѣки,—наконецъ произнесъ онъ. — Не служилъ и не служу ему, борюсь по мѣрѣ силъ моихъ, и отъ сѣтей его

кого могу отвлекаю... Какъ-же это ты мнѣ, Никита Матвѣичъ, такое слово сказалъ?! Грѣхъ тебѣ обижать понапрасну... Я вотъ къ тебѣ зачѣмъ пришелъ, — за добромъ пришелъ, а не затѣмъ, чтобы слушать такія напраслины. Ты-же мнѣ и договорить не далъ...

— Ну, не сердитуй, попъ, не сердитуй!—ласково сказалъ Залѣсскій.—Прости, обижать тебя не хотѣлъ...—Сердце только вотъ не на мѣстѣ отъ твоихъ-же рѣчей... Что-жь у тебя такое, съ чѣмъ пришелъ?

Священникъ успокоился, снова сѣлъ на лавку и заговорилъ:

— А вотъ что́ я хотѣлъ сказать вамъ, Никита Матвѣичъ да Антонида Гелактіоновна: сынокъ-то у васъ, Александръ Никитичъ, единственное дѣтище ваше... такъ замѣсто того, чтобы меня попрекать служеніемъ антихристу, вы-бы дѣтище сіе ваше единственное отъ такого служенія оберегали... Молодой онъ, неразумный еще, и среди дьявольской прелести долго-ли ему погубить свою душу?! Такъ ваше дѣло родительское не допускать его до погибели.

Залѣсскій нахмурился.

Антонида Гелактіоновна тревожно задвигалась на своемъ мѣстѣ.

— Батюшка! — воскликнула она, обращаясь къ священнику,—что-же такое ты про Лексашу-то слышалъ, что? скажи, родимый! И такъ ужь сердце все перепугано, а ты вдругъ такое слово... что тамъ еще?..

— А то, — съ разстановкою произнесъ Савва, — что не слѣдъ изъ благочестивой семьи юношѣ пре-

бывать въ совѣтѣ нечестивыхъ. Гдѣ онъ у васъ время свое провождаетъ?

— Невѣдомо гдѣ, невѣдомо, батюшка! — простонала Антонида Гелактіоновна.—Все говоритъ: учусь, молъ, учусь. А какая такая наука—про то ничего я не вѣдаю... и къ чему ему эта наука... Мое дѣло только молиться за него, да плакать...

— Да, Лександръ совсѣмъ отъ рукъ отбиваться началъ, — проговорилъ Залѣсскій. — Это ты вѣрное слово сказалъ, отецъ. Только душѣ его погибели я все-таки еще не вижу, въ чемъ она? Али ты и взаправду что̀ знаешь? такъ говори!?

— Да тутъ и знать-то нечего,—отвѣчалъ Савва,— всѣмъ вѣдомо, что сынокъ твой въ ртищевскихъ молодцахъ обрѣтается, латинству всякому обучается, прямо въ аггелы антихристовы пріуготовляется, ибо самъ вѣдаешь: что́ Никонъ, что́ Ртищевъ — все-то́ едино. Еще Никонова духу тутъ не было, а уже Ртищевъ мудрилъ, пріуготовлялъ ему путь... А ты вотъ, Никита Матвѣичъ, свое единственное дѣтище взялъ да и отдалъ на погибель. Такъ нечего тебѣ попрекать меня служеніемъ антихристу. Я-ли ему служу, денно и нощно благовѣствуя объ его дѣяніяхъ, тщася соблюсти души христіанскія, али ты— служа ему своимъ дѣтищемъ? Пораздумай-ка объ этомъ, да коли еще не ушло время, вырви изъ геенны огненной свое чадо!

Савва развелъ руками, отплюнулся—и замолчалъ.

Антонида Гелактіоновна тихо и горько плакала. Никита Матвѣевичъ стоялъ молча, запустивъ пальцы

въ бороду и безпощадно теребя ее. Брови его сдвинулись, глаза выкатились еще больше. На упрямомъ лбу выступили капли пота.

Нѣкоторое время продолжалось молчаніе. Наконецъ Савва сталъ прощаться.

Онъ вдругъ засуетился, заторопился.

— Экъ вѣдь я засидѣлся у васъ!—говорилъ онъ,— а время-то не терпитъ, время горячее, не слѣдъ не токмо дню, не токмо часу, а и минутѣ пропадать...

Благословляя хозяйку, онъ шепнулъ ей:

— А ты все-же, матушка, не плачь; слезами-то не поможешь... Господу молись, — молитва матери великое дѣло!

— Да ужь молюсь я, молюсь сколько силъ хватаетъ, извожусь молитвой! — прорыдала Антонида Гелактіоновна.

Но она тутъ-же утерла слезы и вышла провожать священника.

Никита Матвѣевичъ долго еще стоялъ, не трогаясь съ мѣста, погруженный въ свои мысли.

Все было тихо. Въ слюдяныя маленькія окна врывались лучи вечерняго солнца.

— Да гдѣ-же это Лексашка!—наконецъ крикнулъ Залѣсскій и бѣшено ударилъ кулакомъ по столу.

Затѣмъ онъ сталъ громко хлопать въ ладоши.

На этотъ зовъ появился молодой парень, одинъ изъ дворовыхъ, и, на строгій вопросъ хозяина о сынѣ, робко отвѣтилъ, что Лександра Микитичъ еще не возвращался.

II.

Никита Матвѣевичъ принадлежалъ хотя и не къ весьма знатному, но старому и честному дворянскому роду, издавна владѣвшему изрядными вотчинами въ Ярославской губерніи.

Многіе изъ Залѣсскихъ храбро боролись еще и съ татарами, многіе костьми легли на полѣ брани. Одинъ изъ нихъ, при Иванѣ Грозномъ, невѣдомо за что̀ былъ пытанъ и казненъ въ Александровской слободѣ.

Мало по-малу старый родъ, насчитывавшій десятками своихъ членовъ, къ концу смутнаго времени свелся на единственнаго представителя, Матвѣя Ивановича Залѣсскаго. Этотъ Залѣсскій, въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, проживалъ въ своей Ярославской вотчинѣ, съ каждымъ годомъ все бо-

лѣе и болѣе страдая отъ ранъ, полученныхъ имъ въ жаркой стычкѣ со сбродомъ Тушинскаго вора.

У Матвѣя Ивановича было трое дѣтей: старшій сынъ Илья, затѣмъ Никита, да дочь Ирина.

Сынъ Илья, здоровенный малый, въ которомъ кровь ходуномъ ходила, былъ страстный охотникъ. Во время одной изъ любимыхъ потѣхъ своихъ, попалъ онъ на такого медвѣдя, который обманулъ его опытность и, во мгновеніе ока, смялъ его подъ себя. Поломалъ его медвѣдь, поломалъ, повалялъ, повалялъ, порычалъ надъ нимъ—да и ушелъ къ себѣ по добру по здорову въ лѣсную чащобу.

Бѣднаго Илью принесли въ родительскій домъ совсѣмъ изуродованнаго и уже бездыханнаго. Мать, старуха добрая, души нечаявшая въ своемъ первенцѣ, обезумѣла отъ горя, протомилась нѣсколько мѣсяцевъ, да и отдала Богу душу.

Въ это время дочь Матвѣя Ивановича, Ирина, была уже выдана въ замужество; въ домѣ остался одинъ Никита.

Когда старикъ отецъ нѣсколько поуспокоился послѣ тяжкихъ утратъ своихъ, то призвалъ къ себѣ сына и сказалъ ему:

— Слушай, Никита: Господь посѣтилъ насъ, такова Его святая воля—и намъ не слѣдъ роптать. Но вотъ тяжко и пусто у насъ въ домѣ, нѣтъ хозяйки, чтобы присмотрѣть за добромъ нашимъ, да и за мною, старымъ и недужнымъ. Никакъ намъ нельзя безъ хозяйки, а посему рѣшилъ я твердо, что долженъ ты жениться.

Никита еще не помышлялъ о женитьбѣ. Его тянуло въ Москву, ему хотѣлось всякихъ веселостей, о какихъ и помышлять нельзя было въ глухой деревнѣ, подъ строгимъ родительскимъ присмотромъ.

Но, не смотря на то, что въ его характерѣ нерѣдко сказывалось врожденное упрямство, онъ былъ воспитанъ въ безусловномъ подчиненіи родительской волѣ. Поэтому, услыша отцовское рѣшеніе, онъ только печально, едва слышно вздохнулъ и проговорилъ:

— Какъ изволишь, батюшка; коли приказываешь жениться — я въ твоей волѣ. Только на комъ жениться-то?

— Ну, ужь это мое дѣло,—отвѣтилъ отецъ.

На томъ и вся ихъ бесѣда покончилась.

Черезъ мѣсяцъ старикъ повезъ сына въ Ярославль. Побывалъ онъ съ нимъ въ домѣ у своего стараго товарища и соратника, Гелактіона Михайловича Милославскаго.

Милославскій, котораго Никита видалъ и прежде, встрѣтилъ ихъ съ особымъ радушіемъ, приласкалъ молодого человѣка, и въ тотъ-же день Никита уже зналъ, что онъ женится на дочери этого самаго Гелактіона Михайловича Милославскаго, Антонидѣ.

Невѣсты своей онъ никогда не видалъ; но отецъ сказалъ ему, что она дѣвица добрая и изъ себя пригожая.

Свадьба была съиграна въ скоромъ времени. Никита, уже послѣ вѣнца, оставшись наединѣ съ женою, позволилъ себѣ наконецъ освободить ея лицо отъ густой, закутывавшей его фаты. Онъ совершалъ

это не безъ нѣкоторой внутренней дрожи, задавая себѣ тревожный вопросъ о томъ—чѣмъ-то Богъ наградилъ его? Ну что, коли отецъ либо самъ не доглядѣлъ, либо Милославскій обманулъ... ну что, коли она... Антонида-то... какъ есть та «харя», что вотъ московскіе «рожечники» продаютъ для святочной забавы? А? что тогда?..

Къ его великой радости старые отцовскіе глаза не обманулись: Богомъ данная подруга жизни оказалась дѣвицей юной и миловидной, безо всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ и поврежденій...

Молодые переѣхали на житье въ ярославскую вотчину. Въ домѣ оказалась хозяйка, ко всякому домашнему обиходу пріученая, нрава кроткаго и послушливаго. За больнымъ старикомъ она ходила исправно; не только днемъ, но и по ночамъ часто возилась съ его ранами. Молодому мужу ни въ чемъ не перечила, улыбалась ему ласково, когда онъ былъ въ духѣ, а если серчалъ, то становилась тише воды, ниже травы. Даже когда изрѣдка онъ, по обычаю и для порядка, приступалъ къ супружескому ученію, то-есть давалъ волю рукамъ своимъ и награждалъ ее невѣдомо за что подзатыльниками, она никогда не поднимала криковъ и воплей, а упорно молчала, и только, если ужь становилось совсѣмъ не ьъ моготу, позволяла себѣ всплакнуть тихонько.

И нужно отдать справедливость Никитѣ — онъ «училъ» жену крайне рѣдко, всего раза три, четыре въ годъ, да и то подъ пьяную руку...

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и вотъ старикъ

Залѣсскій умеръ. Никита Матвѣевичъ къ этому времени сталъ уже совсѣмъ человѣкомъ остепенившимся. Его уже не тянули веселости. Онъ растолстѣлъ, обросъ густой длинной бородою. Много ѣлъ, много пилъ, много спалъ — однимъ словомъ жилъ — и только.

Дѣти у него съ Антонидой Гелактіоновной рождались чуть не ежегодно, но всѣ эти дѣти, какъ мальчики такъ и дѣвочки, поживутъ-поживутъ немного: кто нѣсколько мѣсяцевъ, кто годъ—другой— да и прибираетъ ихъ Господь. Въ живыхъ остался одинъ только сынъ Алексаша.

Антонида Гелактіоновна изводилась, оплакивая своихъ крошекъ, и ума не могла приложить, отчего это они не жильцы на свѣтѣ.

Положимъ, въ другихъ семьяхъ, кругомъ по сосѣдству, происходило то-же. Дѣтей всюду рождалось много, да немногіе выростали и большая взрослая семья была въ рѣдкость. Знать такова воля Божія.

И ужъ конечно не вдомёкъ было Антонидѣ Гелактіоновнѣ, что на Бога легко ссылаться, а свою людскую дурость разглядѣть трудно.

Станутъ у ребенка первые зубки рѣзаться, пищитъ онъ, дѣлается неспокойнымъ—и вотъ, со всѣхъ сторонъ, появляются мамушки да кумушки съ совѣтами да объясненіями, какъ и чтó въ такомъ разѣ необходимо для ребенка. Мамушки и кумушки— женщины опытныя и знающія, не послушаться ихъ

совѣта, не прибѣгнуть къ ихъ средствамъ — Боже упаси!

Начинаютъ несчастнаго ребенка поить какими-то отварами, какихъ и взрослый желудокъ врядъ-ли безнаказанно переварить можетъ. Вспрыскиваютъ ребенка съ уголька, пугаютъ его этимъ до судорогъ, кладутъ его въ горячую печку.

Несчастное дитя, неимѣющее въ себѣ никакой смертельной болѣзни и, при мало-мальски сносномъ и разумномъ уходѣ, готовое легко вынести неизбѣжные недуги перваго возраста, оказывается все-же слишкомъ слабымъ для той пытки, какой его подвергаютъ...

И вотъ лежитъ это дитя въ гробикѣ, среди бабьихъ воплей и причитаній — и не спрашиваетъ, за что его измучили, за что уморили...

Но ужь если дитя пройдетъ всю такую школу бабьей премудрости, то выйдетъ оно крѣпкимъ и здоровымъ на удивленье.

III.

Такъ случилось и съ Алексашей. Все онъ выдержалъ: и въ снѣгу его валяли, и въ печкѣ жарили, и обкуривали его, и опрыскивали, и невѣдомо чѣмъ кормили и поили.

Случалось — лежалъ онъ безъ движенія, посинѣлый, готовый послѣдовать за своими братьями и сестрами въ иной міръ, о которомъ младенческая душа его быть можетъ еще сохраняла неясное воспоминаніе. Но сила жизни сидѣла въ немъ такъ крѣпко, что онъ каждый разъ отлёживался. Лѣтъ въ тринадцать окончательно распростился онъ со всѣми дѣтскими недугами и вышелъ самымъ крѣпкимъ, рослымъ и румянымъ мальчикомъ, какого только можно себѣ представить.

Теперь ему уже не страшна была никакая бабья премудрость. Мамушкамъ и кумушкамъ не приходи-

лось уже изощрять надъ нимъ свои познанія. Онъ былъ всегда здоровъ.

Онъ могъ безнаказанно объѣдаться самыми жирными яствами, лакомиться сколько душѣ угодно незрѣлыми яблоками и грушами, опиваться медами и квасами. Онъ не боялся никакой погоды; ни зимній холодъ, ни лѣтній зной не оказывали на него вреднаго дѣйствія, — словомъ, совсѣмъ закалился Алексаша.

Катался онъ какъ сыръ въ маслѣ въ деревенскомъ домѣ и вся жизнь его была вѣчнымъ праздникомъ. Ученьемъ его не мучили, объ ученьѣ его еще и не думали, да и кому было учить? Отецъ едва умѣлъ какими-то каракулями подписывать свое имя, по складамъ и безбожно коверкая слова читалъ святцы— и только. Мать совсѣмъ была безграмотна. О челяди домашней и говорить нечего...

Но вотъ, въ жизни Алексаши, также какъ и въ жизни его родителей, совершилась большая перемѣна, покинули они ярославскую вотчину и перебрались на житье въ Москву, гдѣ Никита Матвѣевичъ выстроилъ себѣ на Лубянкѣ хоромы.

Чтобы заставить такого разлѣнившагося и зажирѣвшаго, какъ онъ, человѣка рѣшиться на подобный шагъ, нужно было слишкомъ важное обстоятельство. Обстоятельство оказывалось дѣйствительно важнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ.

Три года тому назадъ, послѣ тридцати-лѣтняго достославнаго царствованія, отошелъ въ вѣчность

царь Михаилъ Өедоровичъ, оставивъ престолъ русскій своему семнадцати-лѣтнему сыну, Алексѣю.

Съ первыхъ-же дней новаго царствованія, бояре, и во главѣ ихъ знаменитый государевъ дядька Морозовъ, рѣшили, что пора молодому государю жениться. Собрали красивѣйшихъ дѣвицъ русскихъ на Москву для царскаго выбора.

Выборъ царскій палъ на бѣдную дворянку, Евфимію Всеволодскую *). Но боярину Морозову не того хотѣлось, онъ намѣтилъ для царя Марью Ильинишну Милославскую, а для себя сестру ея Анну.

Красавицу Всеволодскую, уже «провозглашенную» царскую невѣсту, «испортили» и сослали, вмѣстѣ съ семьею, въ Сибирь. Царь обвѣнчался съ Милославской, а бояринъ Морозовъ съ ея сестрою.

Родъ Милославскихъ, незнатный и небогатый, тотчасъ-же пошелъ въ гору. Царскій тесть, Илья Даниловичъ, человѣкъ ума не великаго, но хитрый, пронырливый и корыстолюбивый до крайности, сталъ обдѣлывать свои дѣла и на подмогу себѣ, для пущей крѣпости, созвалъ всѣхъ своихъ родичей и свойственниковъ.

Всѣмъ имъ въ Москвѣ готово было пристанище, хлѣбное мѣсто на службѣ царской, возможность достигать всякихъ почестей, наживать добра сколько кто сумѣетъ. И все это съ однимъ только уговоромъ: не забывать благодѣтеля Илью Даниловича,

*) Исторія несчастной Евфиміи Всеволодской описана въ моемъ романѣ „Касимовская Невѣста“. *Вс. С.*

дѣлиться съ нимъ какъ подобаетъ и стоять за него крѣпко, оберегать его отъ враговъ и злоумышленниковъ.

Собирая свою родственную рать, царскій тесть вспомнилъ и о свойственникѣ своемъ, Залѣсскомъ. Насулилъ онъ ему всякихъ благъ земныхъ въ Москвѣ, внушилъ, что и для подроставшаго сына его открывается широкая дорога. Лѣнь Никиты Матвѣевича была сломлена: въ немъ вдругъ заговорило честолюбіе.

«Чѣмъ-же я, въ самомъ дѣлѣ, хуже другихъ!»— подумалъ онъ, и рѣшилъ переселеніе въ Москву.

Прошло немного времени. Илья Даниловичъ доказалъ свойственнику, что сулилъ не даромъ. Залѣсскій сдѣланъ думнымъ дворяниномъ и вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ засѣдаетъ онъ въ своемъ приказѣ и принимаетъ по-своему участіе въ государственной и общественной московской жизни. Онъ свыкся съ этой жизнью, ему хорошо и ни за что-бы ужь не вернулся онъ теперь въ деревню.

Онъ является въ свой приказъ довольно аккуратно; съ видомъ важнымъ, съ великимъ достоинствомъ усаживается на свое мѣсто и, перемолвившись обычными привѣтствіями съ товарищами, принимается «слушать» очередное дѣло.

Но думный дьякъ, Иванъ Васильевичъ Голубевъ, такъ монотонно и заунывно читаетъ, что это чтеніе дѣйствуетъ на Залѣсскаго какъ снотворное зелье. Къ тому-же и само-то дѣло, которое читаетъ дьякъ, ему совсѣмъ невѣдомо и неинтересно. Начинаетъ

онъ мало-по-малу клевать носомъ и, наконецъ, громко всхрапывать.

Иной разъ сосѣдъ подтолкнетъ:

— Спи, молъ, Микита Матвѣичъ, да тихохонько, храпѣть-то на всю палату не указано.

Очнется думный дворянинъ, поводитъ глазами, оправдывается:

— Ишь вѣдь духота въ палатѣ! отъ такой духоты, извѣстно, въ сонъ клонитъ...

Начинаются пренія по дѣлу. Добрая половина этихъ бородъ и лысинъ молчитъ, другая начинаетъ говорить, и всѣ говорятъ заразъ, перебивая другъ-друга, не понимая другъ-друга. И говорятъ по бо́льшей части вещи, совсѣмъ даже къ дѣлу и не относящіяся. Дьякъ, человѣкъ ловкій и привычный, да съ нимъ два-три «дѣльца» изъ тѣхъ русскихъ людей, которымъ всякое дѣло какъ на ладони видно, и разумомъ которыхъ крѣпко, нерушимо стоитъ земля русская,—успокаиваютъ, уговариваютъ расходившуюся палату.

Мало-по-малу порядокъ возстановленъ, тишина водворяется, дѣло обсуждено и рѣшено «дѣльцами», утверждено всеобщимъ молчаливымъ согласіемъ. Приступаютъ къ рукоприкладству по очереди. Всѣ, наморщивъ лбы и сопя носами въ сознаніи своей важности, подписываютъ. Доходитъ очередь до Залѣсскаго. Иной разъ онъ, ни слова не говоря, неловкимъ, все еще непривычнымъ движеніемъ беретъ огромное гусиное перо и начинаетъ выводить на бу-

магѣ свои каракули. А то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, упрется.

— Нѣтъ,—говоритъ,—мнѣ къ этому дѣлу руки не прикладывать, я на то не согласенъ!

Онъ понятія не имѣетъ о дѣлѣ, онъ проспалъ его, но подписывать не хочетъ. Дьякъ и такъ, и этакъ:

— Да вѣдь ты, молъ, Микита Матвѣичъ, замѣчанья никакого не дѣлалъ, не возражалъ, кивалъ головою, поддакивалъ... всѣ согласны, всѣ подписали, чего-жь это ты упираешься? Да и въ чемъ тутъ твоя выгода? Ну что тебѣ, подпиши, сдѣлай милость, не задерживай...

— Нѣтъ, мнѣ къ этому дѣлу руки не прикладывать! — упорно повторяетъ Залѣсскій, какъ-то выпячивая впередъ свой крутой лобъ и уставляя глаза куда-то въ уголъ.

И весь онъ, вся его фигура, посадка, лицо и звукъ голоса выражаютъ такое непреоборимое упорство, что оно начинаетъ кой-на-кого даже и дѣйствовать.

Смотришь, три, четыре человѣка, еще за минуту готовые подписать все что угодно, начинаютъ упираться и то-же вслѣдъ за Никитой Матвѣевичемъ кричать:

— Намъ къ такому дѣлу рукъ не прикладывать!

Снова поднимается крикъ; даже самые смирные возвышаютъ голосъ. Дѣло уже забыто, начинаются личные счеты. Наносятся другъ-другу чуть не кров-

ныя обиды. Иной разъ оканчивается даже затрещиной или потасовкой...

А глядишь, въ слѣдующее засѣданіе и Никита Матвѣевичъ, и приставшіе къ нему—молча и важно прикладываютъ свои каракули къ этому-же самому дѣлу.

IV.

Милославскіе не совсѣмъ-то были довольны своимъ свойственникомъ, котораго они вывели въ люди.

Никита Матвѣевичъ, по своему положенію, во многихъ случаяхъ могъ хорошо грѣть руки и дѣлиться со своими благопріятелями. А между тѣмъ онъ этого не дѣлалъ.

«Вотъ человѣкъ!—говорили они про него,—жилъ себѣ въ своей берлогѣ медвѣдь медвѣдемъ, лапу сосалъ. Его человѣкомъ сдѣлали, къ хлѣбному мѣсту пристроили, а онъ какъ былъ дуралей, такъ дуралеемъ и остался — ни себѣ, ни другимъ... никакой въ немъ нѣтъ благодарности за добро—горланитъ себѣ нивѣсть чтò—и только!..»

Такъ оно и было. Никита Матвѣевичъ напускалъ на себя важность и чванство, любилъ при случаѣ по-

казать свою власть, но о мздоимствѣ даже и не помышлялъ — оно было не въ его природѣ. Правда, нельзя сказать, чтобы люди, нуждавшіеся въ немъ и приходившіе къ нему за помощью, ничего не оставляли въ его московскихъ хоромахъ. Иной разъ и самъ онъ приметъ даръ, а супруга его, Антонида Гелактіоновна, та-то ужь и всегда приметъ съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ. Приметъ она, разглядитъ, и похвалитъ, поблагодарствуетъ, а то — такъ и еще чего-нибудь попроситъ, коли принесеннаго мало ей покажется.

Но такія добровольныя даянія въ тѣ времена не считались мздою. За нѣкоторыми блестящими исключеніями, всѣ власть имѣвшіе, начиная съ царскаго тестя и кончая послѣднимъ подьячимъ, прямо требовали за каждое слово свое иной разъ совсѣмъ ни съ чѣмъ несообразную плату. Они томили и терзали обращавшихся къ нимъ, «волочили», часто доводили до полнаго разоренія.

Всякій зналъ, что такъ оно есть и иначе быть не можетъ, никто на такіе порядки не смѣлъ жаловаться, и кончилось, наконецъ, тѣмъ, что люди, подобные Никитѣ Матвѣевичу, даже не пользовались уваженіемъ. Къ нимъ неохотно и обращались, полагая, что если они не дерутъ съ вола по семи шкуръ, то, значитъ, и сила у нихъ не велика и въ большомъ дѣлѣ помочь они не могутъ.

Впрочемъ, такой взглядъ былъ на руку Залѣсскому. Чѣмъ меньше къ нему обращаются, тѣмъ больше у него досуга. Страхъ онъ не любилъ эти

разговоры о дѣлахъ, въ которыхъ почти ничего не смыслилъ.

За то съ каждымъ годомъ онъ начиналъ все больше и больше любить другіе разговоры, разговоры о дѣлахъ церковныхъ, о всякихъ новшествахъ, вводимыхъ царскими любимцами — Морозовымъ, Ртищевымъ и Никономъ. Въ Никитѣ Матвѣевичѣ развилась, быть можетъ съ помощью засѣданій въ приказѣ и тамошнихъ періодическихъ «мнѣ къ этому дѣлу руки не прикладывать!»—потребность въ упорномъ стояніи на своемъ. А тутъ еще попъ Савва со своими доводами...

И кончилъ Залѣсскій тѣмъ, что глубоко убѣдился въ великомъ злѣ отъ новшествъ и въ томъ, что истинной церкви Христовой грозитъ погибель.

Въ послѣдніе два-три года у него только и разговору было, что о новшествахъ, и онъ даже иной разъ бывалъ крайне неостороженъ, вредилъ себѣ и ссорился съ людьми очень нужными. Эти разговоры о новшествахъ и словесный протестъ противъ нихъ составляли теперь всю суть его жизни. Эти разговоры и сопряженное съ ними волненіе доставляли ему даже наслажденіе.

Антонида Гелактіоновна хотя, благодаря духовнику, и раздѣляла взгляды своего супруга, но ощущаемаго имъ наслажденія и интереса не испытывала, а напротивъ, испытывала глубокій ужасъ и отчаяніе. Съ нѣкотораго времени она убѣдилась въ близкомъ свѣтопреставленіи и каждый разъ послѣ посѣщенія попа Саввы не спала по ночамъ, дрожа отъ стра-

ху и ожидая—вотъ-вотъ сейчасъ—всякихъ ужасовъ: «Содома и Гоморры и соляного столба», какъ она говорила.

Все у нея изъ рукъ валилось, все безсознательно теряло прежній смыслъ и значеніе. Даже хозяйство не интересовало ее какъ прежде. Она иной день по цѣлымъ часамъ сидѣла неподвижно на одномъ мѣстѣ, устремивъ глаза на кіотъ съ образами и не замѣчая ничего окружающаго.

Впрочемъ, хозяйство не особенно теряло отъ такого ея настроенія. Это хозяйство было заведено разъ навсегда и, какъ заведенная машина, шло само собою, то-есть, собственно говоря, безпорядокъ былъ такой, что большаго нечего было и опасаться. Ярославскія вотчины давали въ изобиліи всякаго продовольствія. Оттуда ежемѣсячно прибывали и запружали широкій дворъ безчисленныя подводы со всякой живностью, мукой, крупой, медомъ, масломъ и овощами.

Глядя на эти верхомъ нагруженныя подводы, можно было дивиться — куда это все исчезаетъ съ такой быстротою. Но дѣло въ томъ, что у Залѣсскихъ, въ строеніяхъ, окружавшихъ хозяйскія ихъ хоромы, помѣщалось около сотни холопей, людей всякаго возраста и пола, неизвѣстно зачѣмъ проживавшихъ и невѣдомо что дѣлавшихъ.

Но иначе было невозможно. Человѣкъ восемьдесятъ, девяносто челяди—это еще очень мало. Вонъ у Милославскаго семьсотъ дворовыхъ, да и у другихъ всѣхъ бояръ не меньше. Притомъ-же не Богъ

знаетъ какъ и дорого стоитъ эта челядь; продовольствіе свое, не покупное, а больше ничего и не надо.

Живутъ эти люди въ людскихъ пристройкахъ, въ тѣсной кучѣ, спятъ въ повалку, одѣваются почти что въ лохмотья. Войти въ ихъ жилье, такъ свѣжій человѣкъ задохнуться можетъ отъ смрада и грязи. Но гдѣ достать такого человѣка — изъ чужихъ земель его придется выписывать, а у себя не найдется, ибо люди своей грязи не замѣчаютъ, своего смрада не чувствуютъ.

Не очень-то ужь больно чисто и просторно и въ хозяйскихъ хоромахъ. Хоромы эти маленькія-премаленькія, низенькія-пренизенькія. Провѣтрены онѣ плохо и отъ частыхъ постовъ сохранился всюду такой промозглый рыбій запахъ, что его ничѣмъ не выкуришь, никакъ не вывѣтришь.

Такъ живутъ всѣ русскіе люди. Ну, конечно, во дворцѣ царскомъ иное, а особливо въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ дворецъ выстроенъ заново. Тамъ палаты куда просторнѣе прежнихъ, куда великолѣпнѣе. Тамъ заморское убранство, тамъ этой самой рыбкой только чуть-чуть попахиваетъ. И у ближнихъ людей царскихъ завелись по домамъ новые порядки, да много-ли такихъ домовъ: два-три— и обчелся.

V.

Съ переѣздомъ семьи въ Москву жизнь Алексаши измѣнилась. Деревенской воли, деревенскаго простору здѣсь уже не было. Но за то явилось много новаго. Новыя лица, новыя впечатлѣнія, новые разговоры въ домѣ. А тутъ вдругъ отецъ, до послѣдняго времени какъ-то не замѣчавшій мальчика, обратилъ на него вниманіе и замѣтилъ, что онъ «ишь вѣдь вытянулся, отца скоро переростать станетъ, пора за ученье приниматься».

Никита Матвѣевичъ видѣлъ, что всѣ теперь своихъ дѣтей обучаютъ не только грамотѣ, но и всякимъ наукамъ невѣдомо какимъ, какихъ онъ отродясь и названій не слыхалъ. Ну до наукъ-то еще далеко, а грамотѣ малышку выучить надобно. И засадили Алексашу за букварь. Антонида Гелактіоновна по этому случаю призывала отца Савву, молебенъ служила и горько-прегоьрко плакала. Въ учи-

теля былъ взятъ, по указанію того-же Саввы, приходскій дьяконъ.

Въ первые дни ученья Алексаша, не смотря на свои четырнадцать лѣтъ, ревѣлъ благимъ матомъ, такъ ему казалось дико сидѣть на одномъ мѣстѣ и повторять за дьякономъ невѣдомо что̀. А не повторишь, дьяконъ сейчасъ-же за ухо, да не въ шутку, а въ заправду, такъ дернетъ, что индо искры изъ глазъ посыпятся.

Но это было только въ первые дни. Мало-по-малу Алексаша смирился, понялъ, не столько разумомъ, сколько ушами, что ученье это неизбѣжно, что хотя мать, слушая его жалобы, и причитаетъ надъ нимъ, и слезы проливаетъ, а все-же подѣлать ничего не можетъ, потому что отецъ каждый разъ, какъ увидитъ дьякона, такъ и наказываетъ ему:

— А ты его не балуй! коли что не такъ, за уши его хорошенько, за уши, да въ затылокъ, безъ этого нельзя!..

Алексаша рѣшилъ сдѣлать такъ, чтобы не приходилось дьякону на него жаловаться и стыдить его неразумѣніемъ. Сталъ онъ вслушиваться въ то, что́ учитель говорилъ ему, и самъ даже удивился, какъ вся эта премудрость, еще такъ недавно казавшаяся ему непостижимой, другъ выходить стала и простой, и понятной.

Не прошло и мѣсяца, дьяконъ расхваливалъ его Никитѣ Матвѣевичу:

— Разумникъ у тебя ростетъ, батюшка Никита Матвѣичъ, все понимаетъ, далеко можетъ пойти въ ученіи...

Черезъ годъ времени Алексаша читалъ исправно и писалъ такъ, что отецъ, глядя на его писаніе, только головой качалъ, не понимая, откуда все это берется. Вѣдь вотъ онъ самъ, хоть убей его, а такихъ премудрыхъ закорючекъ ни за что не выведетъ!

Дьякона наградили всякою живностью въ избыткѣ, холста ярославскаго дали ему безо всякой скупости, денегъ цѣлый рубль сверхъ положеннаго, и ученье Алексаши было, повидимому, окончено. Но самъ онъ уже пріохотился къ ученью. Съ помощью дьякона онъ раздобылъ себѣ нѣсколько книгъ, рукописныхъ и печатныхъ. Не только Никита Матвѣевичъ, но и человѣкъ гораздо болѣе его грамотный не понялъ-бы сразу о чемъ такомъ говорится въ этихъ мудрыхъ книгахъ, такое въ нихъ заключалось смѣшеніе предметовъ и такимъ изумительнымъ языкомъ онѣ были написаны. Однако Алексаша, разбираясь въ нихъ по цѣлымъ часамъ, мало-по-малу понялъ ихъ сокровенный смыслъ или, вѣрнѣе, на основаніи темнаго текста сдѣлалъ немало догадокъ.

Прежде весь его міръ заключался въ томъ, что онъ вокругъ себя видѣлъ, теперь онъ зналъ многое множество такого, чего онъ не видитъ и не можетъ видѣть. И все это многое множество недавно еще для него не существовавшихъ вещей, на которыя въ его книгахъ были неясныя указанія, его глубоко заинтересовало. Неизвѣстно чѣмъ-бы онъ кончилъ и какую-бы пищу нашла его любознательность, если-бы судьба не подготовила ему встрѣчу, получившую первенствующее вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу его.

VI.

Какъ-то разъ, въ отсутствіе отца, Алексаша сидѣлъ за одной изъ своихъ любимыхъ книгъ, въ пріемной палатѣ. Онъ такъ углубился въ чтеніе, что не слышалъ, какъ къ дому ихъ подъѣхалъ кто-то, какъ громкій мужской голосъ въ сѣняхъ спрашивалъ—у себя-ли хозяинъ, какъ гостю отвѣчали, что Никиты Матвѣевича нѣту, но что съ минуты на минуту онъ долженъ вернуться.

Дверь въ пріемную скрипнула и когда Алексаша поднялъ глаза, то увидалъ передъ собою незнакомаго человѣка. Онъ сразу понялъ, что передъ нимъ гость не простой, а должно быть важный, одинъ изъ тѣхъ, какіе теперь время отъ времени къ отцу заглядываютъ и какихъ отецъ принимаетъ съ низкими поклонами и съ великою честью.

Гость былъ человѣкъ еще молодой, средняго роста, крѣпкаго сложенія. Бархатный кафтанъ темно-синяго цвѣта съ собольей опушкой обрисовывалъ широкія плечи, высокую грудь и станъ еще гибкій, еще не успѣвшій раздаться и разжирѣть. Лицо гостя, не отличаясь особой красотой, было пріятно. Глаза ясные и быстрые: небольшая русая бородка окаймляла его нѣсколько блѣдныя щеки.

Алексаша всталъ и поклонился безъ особаго замѣшательства, которое было не въ его характерѣ. Онъ въ свою очередь объяснилъ гостю, что отецъ долженъ быть сейчасъ домой, потому что всегда къ этому часу бываетъ.

Гость пристально оглядѣлъ Алексашу, подсѣлъ рядомъ съ нимъ на лавку и взялъ въ руки его книгу.

Это была искусно переплетенная въ толстую кожу объемистая книга, писанная чудеснымъ полууставомъ. Многіе листы ея были правлены киноварью. Заглавіе гласило: «Сия книга глаголемая Великое Зерцало. Духовъныя приклады и душеспасительныя повѣсти въ честь и славу Богу и человѣкомъ въ душевную пользу».

Алексаша глядѣлъ, какъ гость перелистываетъ книгу, останавливаясь на нѣкоторыхъ страницахъ, пробѣгаетъ ихъ глазами. Вотъ онъ захлопнулъ книгу, покачалъ головою и усмѣхнулся.

— Славная у тебя книжица... что-жь, ты всю прочелъ?—спросилъ онъ, кладя свою бѣлую, украшенную перстнями руку на плечо мальчика.

— Всю, да и не одинъ разъ, а невѣдомо сколько разъ!—смѣясь отвѣчалъ Алексаша.

— Вотъ какъ, значитъ она тебѣ нравится?

— Вѣстимо, очень занятно.

— Занятно!.. и ты понимаешь все, о чемъ тутъ сказано?

— Понимаю!—бойко проговорилъ Алексаша.

Гость съ любопытствомъ и ласковой улыбкой продолжалъ глядѣть на него.

— Понимаешь! а ну-ко вотъ почитай мнѣ, да и объясни...

Онъ снова взялъ книгу, раскрылъ ее и указалъ Алексашѣ на одну страницу.

— Прочитай-ка.

Мальчикъ бойко началъ:

— «О Удонѣ Магдебургскомъ, како онъ страшнымъ и ужаснымъ образомъ смерти преданъ и весьма грозно осужденъ, повѣсть трепетна и умилительна зѣло...»

— А ну-ка, ну-ка!—весело воскликнулъ гость,— послушаемъ трепетну и умилительну повѣсть!

Алексаша перевелъ духъ, откашлялся и продолжалъ:

— «Удонъ въ юности философскому ученію прилежаше, ко преятію же науки сей разумъ имяше, яко нимало пошествія во ученіяхъ сотворити можаше и сего для отъ учителя часто біеніе претерпѣваше»...

— Стой!—сказалъ гость,—куда ты аки конь ретывый мчишься!.. Что ты читать мастеръ—вижу...

А ты вотъ скажи мнѣ, что сіе за предметъ такой: философское ученіе?

Алексаша поднялъ на него свои ясные глаза и весь такъ и вспыхнулъ.

— Вотъ это самое меня въ досаду великую приводило!—живо заговорилъ онъ.—Что такое философское ученіе... Батюшка не знаетъ, духовникъ нашъ, отецъ Савва, говоритъ: сіе есть ересь, а кака-така ересь — невѣдомо. Думалъ я, думалъ—и надумалъ: философское ученіе, такъ я полагаю, есть мысли разныхъ мудрыхъ человѣковъ обо всемъ, что есть въ мірѣ, обо всѣхъ вещахъ и предметахъ, что оные обозначаютъ, обо всѣхъ дѣлахъ премудрости Божіей... Такъ что-ли?

— Похоже на то, дитятко! — ласково отвѣчалъ гость.

Онъ невольнымъ движеніемъ погладилъ Алексашу по головѣ, а самъ думалъ:

«И ты къ пріятію науки сей разумъ имѣешь... Вотъ находка!..»

Проходили минуты, полчаса прошло, прошелъ почти часъ, Никита Матвѣевичъ все еще не возвращался, а ни гость, ни Алексаша не замѣчали этого. Они вели оживленную бесѣду.

Наконецъ, возвратился хозяинъ.

Онъ поспѣшно вошелъ въ пріемную.

— Батюшка, Федоръ Михайловичъ, вотъ ужь кого не ждалъ у себя видѣть!—съ низкими поклонами заговорилъ онъ. — Что приказать изволишь? Чѣмъ могу служить?.. Прости, Бога ради: людишки гово-

рятъ—давно ты меня дожидаешься, а я какъ нарочно нонѣ и запоздалъ... кабы зналъ, что у меня такой дорогой гость,—поспѣшилъ-бы, не заставилъ-бы тебя скучать.

Онъ замѣтилъ сына и, обратясь къ нему, строго прибавилъ:

— А ты чего тутъ—ступай, ступай!

Алексаша, чувствовавшій къ отцу всегда нѣкоторую робость, взглянулъ на гостя. Въ этомъ взглядѣ сказалось все его сожалѣніе о разлукѣ. Онъ поклонился и вышелъ.

Гость проводилъ его своей свѣтлой, ласкающей улыбкой.

— Съ чѣмъ пожаловалъ, Федоръ Михайловичъ?—продолжалъ между тѣмъ говорить Залѣсскій,—чѣмъ угощать прикажешь? Романею я нынче досталъ пречудесную... Не откушаешь-ли?!

— Отчего не отвѣдать твоей романеи, Никита Матвѣичъ.

Хозяинъ захлопалъ въ ладоши и черезъ пять минутъ на серебряномъ подносѣ появился вычурный графинчикъ романеи и двѣ серебряныя чарки.

Теперь гость передавалъ Залѣсскому то дѣло, по которому къ нему пріѣхалъ. Дѣло оказалось неважное: надо было навести справку въ приказѣ и Никита Матвѣевичъ обѣщалъ завтра-же это сдѣлать не откладывая.

Романею отвѣдали, гость нашелъ ее прекрасной.

Потолковали о томъ, о другомъ. Пора и за шапку, а гость все не поднимается съ лавки.

— Это твой единственный сынъ? спросилъ онъ вдругъ Залѣсскаго, кивая головою по направленію той двери, въ которую вышелъ Алексаша.

— Много было дѣтокъ, Федоръ Михайловичъ, да вотъ одинъ этотъ остался.

— Славный онъ паренекъ у тебя, я съ нимъ, тебя дожидаючись, не видѣлъ какъ и время прошло... разумный паренекъ, на радость...

— Спасибо на добромъ словѣ, сказалъ Никита Матвѣевичъ, — шустрый онъ у меня, это правда, а разумности особой что-то не замѣчалъ я въ немъ...

— Разумный паренекъ, на радость! — повторялъ гость.—Да, пріѣхалъ я къ тебѣ по одному дѣлу, а вотъ теперь и другое нашлось: сынокъ твой, какъ я замѣтилъ, большую склонность къ ученью имѣетъ — знать хочетъ много, а знаетъ мало, такъ я и полагаю, что ему надобно въ этомъ желаніи его поспособствовать. Вѣдомо тебѣ либо нѣтъ, что съ соизволенія великаго государя у меня выписаны изъ Малой Россіи ученые монахи и обучаютъ они молодыхъ людей по моему выбору всякимъ наукамъ. И великій государь сіе дѣло весьма одобряетъ, а тѣхъ молодыхъ людей, кои въ наукахъ успѣхи оказываютъ, жалуетъ своей царской милостью, ибо видитъ въ нихъ будущихъ разумныхъ слугъ своихъ на пользу государства.

— Такъ, такъ, Федоръ Михайловичъ,—отвѣтилъ Залѣсскій,—вѣдомо мнѣ все это.

— А коли вѣдомо, такъ не поручишь-ли мнѣ, Никита Матвѣичъ, и сынка своего? добро великое ему

будетъ отъ этого, и государю я о немъ доложу, и государь своею милостью его не оставитъ.

Залѣсскій задумался было, почесалъ въ затылкѣ, да вдругъ сразу и выговорилъ:

— Ну ладно, быть по твоему, Федоръ Михайловичъ! мнѣ отъ такой чести не отказываться. Спасибо великое за ласку, за доброжелательство.

Хлопнули гость и хозяинъ рука объ руку и гость сталъ собираться.

Рѣшено было прислать Алексашу на «испытаніе» на той-же недѣлѣ.

Гость уѣхалъ. Залѣсскій, проводивъ его, крикнулъ сына и сталъ разспрашивать, о чемъ такомъ онъ говорилъ съ гостемъ.

Алексаша началъ свои объясненія, но отецъ ими не заинтересовался, да и не особенно понималъ ихъ.

— Да ты знаешь-ли кто это? спросилъ онъ.

— Не знаю, батюшка, не знаю кто такой; скажи на милость: очень онъ мнѣ по сердцу пришелся — такой ласковый.

— Это Федоръ Михайловичъ Ртищевъ, царскій постельничій. Коли онъ тебѣ по сердцу пришелся, тѣмъ лучше.

— А что, батюшка?

— Въ свое время увидишь, можетъ и не очень-то обрадуешься... еще посмотримъ...

Алексаша не смѣлъ больше разспрашивать отца и съ великимъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія загадки.

VII.

Никита Матвѣевичъ въ то время еще не ратовалъ открыто противъ «новшествъ», еще не пришелъ къ убѣжденію, что новшества эти — дѣло антихристово, еще не примкнулъ окончательно и сознательно къ партіи недовольныхъ, которая уже давно существовала, но какъ-то притихла, не подавала голоса.

Никита Матвѣевичъ былъ очень польщенъ ласковостью Ртищева; онъ видѣлъ въ немъ тогда только сильнаго человѣка, одного изъ приближенныхъ къ молодому царю, одного изъ его любимцевъ.

Алексаша поступилъ въ ученики къ малороссійскимъ монахамъ.

Откуда взялись эти монахи? А вотъ откуда: Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ былъ человѣкъ ума яснаго и широкаго, характера рѣшительнаго и смѣ-

лаго, и при этомъ въ немъ не было и признака того недостатка, той болѣзни, какою страдало большинство старинныхъ русскихъ людей—не было лѣности. Напротивъ, ему хотѣлось работать, быть постоянно въ дѣйствіи. Прійдетъ въ голову мысль хорошая—тотчасъ-же охота приводить ее въ исполненіе—садить и сѣять, и ждать плодовъ добрыхъ.

Съ ранней юности Ѳедоръ Михайловичъ познакомился съ нѣкоторыми жившими на Москвѣ и пріѣзжавшими по дѣламъ иностранцами. Отъ нихъ онъ узнавалъ о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, о томъ, какъ живутъ въ иноземныхъ государствахъ, какіе тамъ порядки, свычаи и обычаи.

И чѣмъ болѣе узнавалъ онъ о чуждой жизни и нравахъ, тѣмъ яснѣе ему становилось, что куда у «нѣмцевъ» лучше, куда они богаче и разумнѣе. А все почему: потому что у нихъ есть наука, а русскіе люди въ темнотѣ ходятъ, дальше своихъ четырехъ стѣнъ ничего не видятъ.

Ѳедоръ Михайловичъ былъ человѣкъ чисто русскій. Онъ любилъ свою родину пуще всего на свѣтѣ и если-бы ему предложили переселиться въ чужія страны, гдѣ такъ хорошо живется, пользоваться всѣми плодами наукъ и искусствъ—онъ-бы ни за какія сокровища не согласился на это. Ему не завидно было, что у иностранцевъ все такъ хорошо, что они такъ разумны, а было обидно, отчего въ московскомъ государствѣ совсѣмъ иное.

«Чѣмъ мы хуже иноземцевъ! —думалось ему. — Старики наши какъ пни сидятъ, вросли въ землю,

обросли мохомъ, ихъ не сдвинешь. Да вѣдь не одни старики на свѣтѣ, вѣдь вотъ я-же понимаю все это и чувствую—поймутъ и другіе. Сейчасъ, сразу ничего не сдѣлаешь, на все нужно время. Старики умрутъ, имъ на смѣну придутъ сыновья и внуки. Нужно поднять этихъ сыновей и внуковъ, нужно имъ открыть глаза, просвѣтить ихъ науками, —тогда и у насъ все пойдетъ на ладъ, тогда и наша жизнь будетъ нисколько не хуже, чѣмъ тамъ, за морями. Учиться и учить надо!..»

И Θедоръ Михайловичъ рѣшился посвятить всю жизнь свою ученью. Самъ онъ дѣлалъ что могъ, ни часу не упускалъ даромъ. Но этого было мало, надо было дѣйствовать, найти учителей для всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ и кто былъ способенъ учиться. Въ Москвѣ учителей было взять неоткуда.

Тогда Θедоръ Михайловичъ, человѣкъ богатый, пользовавшійся значеніемъ при дворѣ и личнымъ расположеніемъ царя, передалъ молодому государю свои завѣтныя мысли. Государь ихъ одобрилъ и, съ его разрѣшенія, Θедоръ Михайловичъ построилъ на берегу Москвы-рѣки, вблизи отъ города, по кіевской дорогѣ, монастырь, получившій названіе Андреевскаго.

Когда постройка была готова, онъ призвалъ въ свой монастырь тридцать человѣкъ монаховъ изъ разныхъ малороссійскихъ монастырей. Всѣ эти тридцать человѣкъ отличались ученостью. Имъ было поручено образованіе тѣхъ молодыхъ людей, которые пожелаютъ учиться.

Они должны были преподавать грамоту славян-

скую, латинскую и греческую, риторику и философію, а также переводить книги.

Мало-по-малу ученики стали находиться, не только юноши, но и люди зрѣлыхъ лѣтъ.

Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, по должности своей царскаго постельничаго, обязанъ былъ почти неотлучно находиться во дворцѣ. Отъ обязанностей своихъ онъ не отказывался, да и ради дѣла не могъ поступиться своимъ положеніемъ. Но только что оканчивалась его дворцовая служба, онъ спѣшилъ въ Андреевскій къ своимъ монахамъ и частенько всю ночь напролетъ просиживалъ тамъ надъ книгами, да въ бесѣдѣ съ учеными отцами.

Царь относился съ неизмѣнной благосклонностью къ своему постельничему, интересовался его затѣями, жаловалъ его монастырь и ученыхъ монаховъ. Съ такою-же благосклонностью относился къ дѣятельности молодого царедворца и знаменитый бояринъ Морозовъ. Царю и Морозову не противорѣчили и другіе ближніе бояре.

VIII.

Мало-по-малу стали однако являться и враги этимъ затѣямъ. Все чаще и чаще на Москвѣ поговаривали противъ Ртищева и его монаховъ.

«Тамъ учатъ греческой грамотѣ,—говорили, — а въ той грамотѣ и еретичество есть!»

Нѣкоторые изъ зрѣлыхъ мужей, которые вздумали было поучиться въ Андреевскомъ, да убѣдились, что наука не легкое дѣло и удалились по добру по здорову, съ досадой разсказывали направо и налѣво, что не хотятъ-де они учиться у кіевскихъ чернецовъ, ибо чернецы тѣ старцы не добрые и кто по латыни научится, тотъ съ праваго пути совратится. Говорили такъ:

«Вотъ парни молодые теперь этой самой греческой и латинской премудрости наберутся, такъ ве-

ликіе отъ нихъ будутъ потомъ хлопы — возмнятъ о себѣ не вѣсть чтó и старшихъ не уважать будутъ...»

Конечно, пуще всего противъ Андреевскаго возставало московское духовенство, не отличавшееся въ то время образованіемъ. Духовныя лица хорошо понимали, что ртищевскіе монахи по первому-же слову могли заткнуть ихъ за поясъ. Это было дѣло зависти, а зависть пользуется всякимъ оружіемъ и всякое оружіе въ рукахъ ея становится смертоноснымъ.

Духовенство роптало и возмущалось—роптали и возмущались прихожане. Началось съ насмѣшекъ, кончилось клеветою. Были произнесены страшныя слова: еретичество, безвѣрье, дѣйствія антихристовы.

Началось недовольство съ греческихъ и латинскихъ учителей, съ Ртищева, который ихъ вызвалъ, потомъ это недовольство перешло на лицъ еще болѣе сильныхъ чѣмъ Ртищевъ и его монахи, и прежде всего на боярина Морозова. Про него говорили:

«Борисъ Ивановичъ держитъ отца духовнаго только для прилики людской... Кіевлянъ началъ жаловать, а это уже извѣстное дѣло, что туда, значитъ, уклонился, къ такимъ-же ересямъ».

Отъ Морозова перешли къ Милославскому, за которымъ дѣйствительно было много провинностей...

Все перепуталось, смѣшалось. Многіе уже сами не знали, чѣмъ именно были недовольны. Все дурно, все противно, ничѣмъ не угодишь! Просто-на-просто явилась потребность для однихъ мутить, кричать, буйствовать, для другихъ — пользуясь неурядицей, ловить въ мутной водѣ рыбу. Начались мятежи, «ги-

ли», какъ тогда выражались. Морозовъ и Милославскій чуть не поплатились головами.

Когда-же въ Москвѣ волненіе было успокоено, оно перенеслось въ другія мѣста—во Псковъ и Новгородъ, гдѣ «гили» эти приняли огромные размѣры.

Но, не смотря ни на какія волненія, ртищевскіе монахи продолжали свое дѣло. Занятія въ Андреевскомъ монастырѣ не прекращались. И однимъ изъ самыхъ способныхъ учениковъ тамъ былъ Александръ Залѣсскій. Юноша преуспѣвалъ въ наукахъ. Изучилъ онъ и латинскую и греческую грамоту и зналъ ихъ теперь не хуже русской. Изучилъ и риторику, и философію, и имѣлъ теперь ясное понятіе о многомъ такомъ, чего еще недавно ему и во снѣ не снилось.

Ѳедоръ Михайловичъ привязывался къ нему все больше и больше и не разъ уже задумывался о томъ, что-бы такое сдѣлать изъ Алексаши. Вотъ онъ уже совсѣмъ возросъ, пора ему отъ школьныхъ занятій перейти къ живой дѣятельности. Ртищевъ ждалъ только случая, который-бы помогъ ему пристроить юношу къ настоящему дѣлу.

Никита Матвѣевичъ Залѣсскій уже не разъ въ послѣднее время говаривалъ сыну:

— Что-же это ты все сидишь за указкой? О чемъ это твой набольшій, Ѳедоръ Михайловичъ, думаетъ? Сулилъ и то и другое: «въ люди, вишь, его выведу, царскую милость получитъ». А милости этой что-то до сихъ поръ невидно... Доколѣ-же тебѣ съ басурманскими книгами возиться, да на русскую грамоту всякое еретичество перекладывать?

Это относилось къ тому, что Александръ въ последнее время сильно занимался переводами греческихъ и латинскихъ сочиненій.

Никита Матвѣевичъ теперь уже измѣнилъ свои взгляды: онъ заразился недовольствомъ, которое носилось въ воздухѣ и которое съ каждымъ днемъ поселялъ въ немъ все больше и больше краснорѣчивый духовникъ его, Савва. Кромѣ того, Никита Матвѣевичъ почувствовалъ себя чѣмъ-то такое обиженнымъ, какъ ему казалось, со стороны Морозова и новаго всесильнаго человѣка, патріарха Никона. Онъ не получилъ удовлетворенія въ своей мнимой обидѣ отъ Милославскихъ, просто не желавшихъ помогать ему и находившихъ, что онъ того не стóитъ. На жалобы его они отвѣчали, что все дѣло не въ нихъ, а въ Никонѣ, что они сами обижены.

Кончилось тѣмъ, что Никита Матвѣевичъ самъ себя убѣдилъ въ слѣдующемъ: «Всѣ ему враги стали, всѣ самые сильные люди: и Никонъ, и Морозовъ, и Ртищевъ ему зла желаютъ за то, что онъ крѣпокъ въ вѣрѣ и не хочетъ принимать участія въ дѣлахъ антихриста. Ртищевъ нарочно сманилъ у него сына, но и сыну добра не желаетъ, а желаетъ погубить его душу».

И только что Никита Матвѣевичъ остановился на этихъ мысляхъ, какъ является попъ Савва и самъ отъ себя говоритъ ему тоже самое! Значитъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, значитъ такъ оно и есть и надо всему этому положить предѣлъ.

Никита Матвѣевичъ, по уходѣ Саввы, и поджи-

дая сына, дошелъ до крайнихъ предѣловъ возмущенія и ярости. Своего Александра онъ, конечно, любилъ и до сихъ поръ не могъ пожаловаться съ его стороны на непочтительность. Только большое благоразуміе юноши, его ровный характеръ и осторожность и спасали его отъ вспышекъ отцовскаго гнѣва. Но теперь гроза собралась и, глядя на багровое лицо Залѣсскаго, его сдвинутыя брови и налившіяся на лбу жилы, на то, какъ онъ порывисто ходилъ взадъ и впередъ по горницѣ, какимъ страшнымъ голосомъ нѣсколько разъ освѣдомлялся вернулся-ли Александръ—видно было, что этотъ день шуткой не кончится.

Антонида Гелактіоновна вошла было въ горницу, глянула на мужа, да сейчасъ-же поскорѣй и скрылась, изобразивъ на лицѣ своемъ нѣмой ужасъ. — «Изобьетъ онъ его, изобьетъ,—съ отчаяніемъ подумала она,—давно не бивалъ, а ныньче изобьетъ... чуетъ мое сердце!..»

IX.

Въ первую минуту появленія Александра передъ отцомъ можно было ожидать, что предчувствіе Антониды Гелактіоновны немедленно-же исполнится. Залѣсскій грозно взглянулъ на сына и подступилъ къ нему со сжатыми кулаками.

— Да что это ты, на смѣхъ мнѣ что-ли!—крикнулъ онъ.—Гдѣ ты пропадаешь?.. по всей Москвѣ съ собаками тебя не сыщешь когда надо!..

Александръ остановился и съ изумленіемъ, но безъ всякой робости, глядѣлъ на отца. Стройный, широкоплечій, высокаго роста, нельзя сказать чтобы ужь очень красивый, но съ лицомъ пріятнымъ и серьезнымъ, съ большими блестящими глазами, юноша производилъ впечатлѣніе спокойной силы. Сразу-же было видно, что запугать его трудно и также трудно застать врасплохъ, озадачить.

Въ Александрѣ замѣчалось большое сходство съ отцомъ, но этотъ обликъ былъ какъ-то выравненъ, облагороженъ. То, что въ лицѣ старика говорило о тупомъ упрямствѣ, въ лицѣ сына превращалось въ сознательную рѣшимость.

Одежда юноши, небогатая, отличалась чистотою и своего рода изяществомъ: коричневой кафтанъ его изъ тонкаго сукна, украшенный чернымъ шнуромъ, сидѣлъ на немъ ловко, воротъ голубой шелковой сорочки красиво оттѣнялъ юношескую свѣжесть его лица, обрамленнаго мягкой русой бородкой.

Спокойный и въ то-же время очень серьезный видъ сына, молча и не сморгнувъ выдержавшаго первый отцовскій натискъ, нѣсколько смутилъ Никиту Матвѣевича.

— Гдѣ ты пропадаешь?—прибавилъ онъ какъ-бы затихая.

— Я нигдѣ не пропадаю, батюшка,—тихо отвѣтилъ Александръ.—Если-бы зналъ я, что у тебя есть до меня надобность, то былъ-бы дома по твоему приказу въ какое тебѣ угодно время; но вѣдь ты ничего не сказалъ мнѣ утромъ.

— Да я утромъ тебя и не видалъ, тебя никогда не видно теперь!

Александръ едва замѣтно пожалъ плечами.

— Я былъ дома.

— Ну, а цѣлый день, до сего времени?..

— Работалъ въ Андреевскомъ. У насъ спѣшная нынѣ работа.

При этомъ словѣ старикъ опятъ началъ выходить изъ себя.

— Работа, работа!! — передразнилъ онъ. — Такъ вотъ тебѣ мой сказъ: довольно этой работы, все дурость и ничего больше!.. вы небось тамъ такую работу творите, что чертямъ тошно... Вотъ мой сказъ; довольно тебѣ этой работы, довольно этого Андреевскаго съ еретическими монахами да съ твоимъ Ѳедоръ Михайловичемъ!.. чтобы твоей ноги больше тамъ не было... кончено!.. Такъ прямо и скажи: отецъ запретилъ, молъ, и баста...

Щеки юноши вспыхнули.

— Да что такое, батюшка, скажи на милость, я въ толкъ не возьму, чѣмъ Ѳедоръ Михайловичъ и учителя наши провинились?

— А тѣмъ, что еретики вы всѣ и ничего больше! Никогда не прощу себѣ той дурости, что допустилъ тебя въ сей совѣтъ нечестивыхъ.

Это вспомнившееся ему выраженіе попа Саввы онъ произнесъ особенно грозно и внушительно.

— Какъ совѣтъ нечестивыхъ?!—воскликнулъ Александръ, начинавшій тоже волноваться. — Какъ совѣтъ нечестивыхъ? Да развѣ въ Андреевскомъ непотребное что творится? Всякому вѣдомо, что мы тамъ науками занимаемся и ничего больше, и государь тѣ наши занятія одобряетъ...

— Государь, государь!.. обманутъ государь, ослѣпили его, а кабы отверзлись его очи, увидалъ-бы онъ куда все это клонится, такъ ужаснулся-бы! Ну гово-

ри мнѣ, говори мнѣ сейчасъ, къ чему привели тебя твои науки?

— Какъ къ чему привели? — къ тому, что я теперь знаю многое, что́ на потребу человѣку и безъ чего человѣкъ ходитъ какъ во тьмѣ кромѣшной.

Произнося эти слова Александръ самъ понялъ, что проговорился. Отецъ весь такъ и вспыхнулъ.

— Вотъ оно и есть!—закричалъ онъ,—парень, у котораго еще молоко на губахъ не обсохло, и почитаетъ, что произошелъ всю премудрость, а отецъ, молъ, и прочіе старшіе во тьмѣ кромѣшной ходятъ! А, какъ вамъ это покажется, во тьмѣ кромѣшной!.. Я, я, молъ, все знаю, а отецъ ничего не знаетъ, дуракъ дуракомъ всю жизнь прожилъ... дуракъ дуракомъ и въ приказѣ засѣдаетъ, и дѣла важныя государевы вершитъ тоже своей дуростью!.. вотъ они, времена!.. Такъ это значитъ ты меня учить можешь, значитъ ты меня учить хочешь... яйца курицу учатъ, вотъ до чего дожили! Нѣтъ, не будетъ больше этого, довольно... я тебѣ покажу, что родительская власть крѣпка осталась и погляжу я какъ твой Ѳедоръ Михайловичъ, либо другой кто, мнѣ воспрепятствуетъ... Скажи на милость! до сего времени люди жили безъ науки басурманской, безъ этой науки еретической, и во тьмѣ кромешной не ходили, служили царю, оберегали землю, ходили на враговъ, животъ свой клали за царя и за Бога, въ годы бѣдствій государство, Москву оберегали и спасали, а наукъ вашихъ не вѣдали!.. Такъ на что-жь онѣ? Да хоть-бы и толкъ въ нихъ былъ, всему свое время... Ты то ужь

не малолѣтокъ и стыдно тебѣ, дойдя до такого возраста, съ монахами сидѣть за указкой. Довольно!.. слышалъ?!.. Ну что-жь молчишь... отвѣчай, говори... слышалъ?..

— Что-же мнѣ говорить, батюшка,—снова овладѣлъ собою и повидимому спокойно произнесъ Александръ.—Не въ понятье мнѣ только за что ты серчать изволишь... чѣмъ я передъ тобою провинился и при чемъ тутъ мое ученье... Кажись нечего тебѣ на меня жаловаться. Живу я смирно, тихо, почитаю и уважаю тебя и матушку какъ Богъ велитъ... Безчинствъ никакихъ не завожу, соблюдаю себя всячески... За что-же, батюшка? Коли виновенъ въ чемъ я и взаправду, скажи: повинюсь...

Спокойный и нѣсколько грустный взглядъ Александра и его тихій голосъ заставили отца очнуться. Онъ смутно сознавалъ, что сынъ правъ, что ему дѣйствительно не въ чемъ упрекнуть его. Вонъ вѣдь другіе сколько горя отъ своихъ дѣтей принимаютъ. Вонъ у князя Львова сынокъ, Александру сверстникъ, такъ тотъ на всю Москву чудачитъ, отцовское имя срамитъ, почитай каждую недѣлю домой его привозятъ пьянаго да избитаго. А Александръ и въ ротъ хмѣльного не беретъ, никогда не было на него ни одной жалобы, съ отцомъ и съ матерью, точно, почтителенъ. Службы церковныя посѣщаетъ исправно.

Но вмѣстѣ съ этимъ вѣдь онъ-же зналъ, что сыновнее ученье въ прокъ пойти не можетъ, что сынъ со своимъ Ртищевымъ и монахами не дойдетъ до добраго. Онъ вѣдь зналъ это, и попъ Савва зналъ

тоже, а потому всѣ добрыя свойства Александра не въ силахъ были его успокоить.

— Съ родителями, говоришь, почтителенъ!—воскликнулъ онъ.—Да въ чемъ-же твоя почтительность? Что не дерешься съ отцомъ да съ матерью, прости Господи, что-ли?.. въ томъ что-ли твое почтенье да послушанье?! А я тебѣ уже давно говорилъ, чтобы ты пересталъ ходить въ Андреевскій, а ты все туда ежедневно... Ну вотъ я теперь тебѣ и запрещаю, и коли ты точно почтительный сынъ, то долженъ меня послушаться. Эхъ, да что тутъ! Тошно и говорить объ этомъ... Будетъ! есть у меня къ тебѣ другое слово. Слушай, Лександръ, садись на лавку да слушай въ оба уха, не на вѣтеръ говорю и повторять не стану. Коли самъ ты о себѣ не думаешь, такъ я о тебѣ промышлять долженъ, коли ты плохо исполняешь твои сыновнія обязанности, такъ я своихъ родительскихъ не забываю. Пришелъ ты теперь въ возрастъ, пора тебѣ человѣкомъ стать, пора тебѣ жениться.

— Жениться!—воскликнулъ Александръ.

— Ну, что ты такъ на меня уставился? Что же это ты въ первое слышишь что-ли, что парень въ твои годы долженъ жениться?.. И я вотъ, по приказу родительскому, въ двадцать два года сочетался бракомъ съ твоей матерью...

— Невѣсту тебѣ я высмотрѣлъ,—помолчавъ немного и уже инымъ тономъ прибавилъ онъ.

— Кого-же, кого?!

Какъ ни былъ благоразуменъ Александръ, но тутъ

онъ совсѣмъ не выдержалъ, лицо его поблѣднѣло, сердце шибко застучало.

— Кого! Дочь Ивана Михайловича Матюшкина, моего сотоварища и благопріятеля...

Александръ хотѣлъ было что-то сказать, да и не могъ. Такое отцовское рѣшенье было для него полной неожиданностью, а имя Матюшкина поразило его, какъ громовымъ ударомъ.

Между тѣмъ отецъ продолжалъ:

— Кажись на выборъ мой тебѣ нечего жаловаться... Иванъ Михайлычъ человѣкъ видный, богатый. Супруга его, Ирина Лукьяновна, самъ знаешь, тетка родная царю. Покойная царица Евдокія Лукьяновна сестра ей была родная. Со Стрѣшневыми тебѣ породниться честь большая и это супружество поможетъ тебѣ вытти въ люди скорѣе, чѣмъ твой Ртищевъ. Онъ только сулить гораздъ, а самъ помышляетъ о твоей гибели.

— Батюшка, — наконецъ, собравъ силы, проговорилъ Александръ, — да вѣдь у Матюшкина Ивана Михайловича, вѣдь у него слава дурная, вѣдь ты самъ намедни разсказывалъ, какъ онъ всякаго обираетъ, какія чинитъ несправедливости... Вѣдь о немъ вся Москва знаетъ, вся Москва его за звѣря лютаго почитаетъ... Такъ какая-же тутъ честь съ нимъ мнѣ родниться?! Нѣтъ, воля твоя, а такого тестя не желаю.

Никита Матвѣевичъ вскочилъ съ лавки внѣ себя отъ бѣшенства.

— Какъ! — закричалъ онъ, стуча кулакомъ по

столу,—ты не желаешь?!.. Я желаю, а ты не желаешь!.. Такъ вотъ твое почтенье и послушанье, вотъ онѣ, науки твои!.. Такъ я и зналъ... Мнѣ мой родитель покойный, царствіе ему небесное, приказалъ жениться, не спрашивая меня хочу-ли или не хочу... приказалъ — и только, и мнѣ въ голову не могло притти ослушаться... А ты что-же это противъ моей воли идешь?!

— Батюшка, да вѣдь Матюшкинъ...

— Что Матюшкинъ... молчи, нишкни! какъ ты смѣешь судить такого человѣка! Говорю тебѣ: ты женишься на его дочери—и ни слова. Приди въ себя, очнись, не то худо будетъ. Я тебя не допущу надо мною издѣвку дѣлать... Знай, никакіе твои Ртищевы тебѣ не помогутъ. Одумайся лучше, и чтобы завтра я отъ тебя ничего такого не слыхалъ. Повинись въ своей предерзости и помни, что я тебѣ отецъ, а ты мнѣ сынъ!..

Съ этими словами, еще разъ стукнувъ по столу, Никита Матвѣевичъ вышелъ, хлопнулъ дверью и, совсѣмъ свирѣпый, куда-то отправился изъ дому.

Александръ нѣсколько минутъ сидѣлъ молча, опустивъ голову, собираясь съ мыслями.

Дверь тихонько скрипнула—и онъ увидѣлъ передъ собою мать.

X.

Антонида Гелактіоновна, пока происходило объясненіе ея мужа съ сыномъ, пробыла запершись у себя въ спальнѣ, увѣренная, что между ними творится нивѣсть что́.

По первому сердечному влеченію она хотѣла было прислушаться у дверей, съ тѣмъ чтобы въ самую страшную минуту кинуться на помощь своему дѣтищу и заслонить его собою отъ отцовской свирѣпости.

Но потомъ она сообразила, что ничему этимъ не поможетъ, что ея вмѣшательство только повредитъ еще больше Александру: Никита Матвѣичъ совсѣмъ осатанѣетъ...

Онъ вѣдь вотъ и такъ повадился кричать на нее, что она избаловала парнишку, что не будь ея баловства, не было-бы и дурости,—онъ былъ-бы совсѣмъ другой.

А главное, съ первыхъ лѣтъ супружества, она трепетала передъ мужемъ и этотъ трепетъ только возросталъ съ годами.

Она представляла себѣ Никиту Матвѣевича несравненно болѣе страшнымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Будь она иной женщиной, она, конечно, легко разглядѣла-бы, что мужъ ея человѣкъ упрямый, взбалмочный, крикунъ, но вовсе не злой, не жестокій. Она поняла-бы, что если гнѣвъ его иной разъ и продолжителенъ, то это единственно потому, что за него не умѣютъ взяться какъ слѣдуетъ, а умѣючи его въ одно мгновенье утишить можно.

Но Антонида Гелактіоновна была женщина почти неумѣвшая разсуждать. Она только «чувствовала», всю жизнь только «чувствовала», не разбирая, основательны-ли ея чувствованія или происходятъ они отъ ея собственнаго воображенія.

Еще въ первый годъ замужества, досадивъ какъ-то мужу и испытавъ на себѣ бурливый гнѣвъ его, она перепугалась на̀ смерть, да такъ и осталась навсегда перепуганной. И вотъ, сдвинетъ онъ брови,— она уже трясется; крикнетъ онъ,—у нея душа уйдетъ въ пятки, онѣмѣетъ она совсѣмъ, слова не можетъ выговорить. А страхъ этотъ его еще больше подзадориваетъ, еще больше раздражаетъ.

Антонида Гелактіоновна любила сына на сколько была только способна любить, и любовь эта, конечно, выражалась такъ, какъ у нея только и могла выражаться. Никита Матвѣевичъ былъ правъ, говоря, что она избаловала парнишку. Будь у Александра

иной характеръ, иныя умственныя способности, — она-бы его совсѣмъ погубила.

Если онъ не умеръ въ дѣтскіе и отроческіе годы отъ ея заботъ и ухода, отъ ея обкармливанья и опаиванья, если онъ не сталъ лѣнтяемъ и негодяемъ, то ужь никакъ не по ея винѣ. Она, со своей стороны, все для этого сдѣлала. Одного только не могла она сдѣлать, это побѣдить, даже ради сына, своего страха передъ мужемъ.

Поэтому и теперь инстинктивное стремленіе быть возлѣ сына въ минуту грозившей ему, какъ ей казалось, опасности, было тотчасъ-же заглушено ея страхомъ. Этотъ страхъ загналъ ее въ спальню, заставилъ ее сначала кинуться на колѣни передъ кіотомъ съ образами, а потомъ зарыться съ головою въ подушки, чтобы ничего не видѣть и не слышать.

Но выдержать такъ все-же она не могла и, время отъ времени, высовывала голову изъ подушекъ и прислушивалась.

И вотъ услышала она, что мужъ, бурля и крича, ушелъ изъ дома.

«Господи! что̀ тамъ такое! что́ между ними было... въ какомъ видѣ застанетъ она Алексашу?!..»

Она кинулась изъ спальни, ногъ подъ собою не слыша...

Алексаша сидитъ на лавкѣ, понуривъ голову, блѣдный и хмурый...

XI.

Санюшка, дитятко мое родимое, чтó ты... что́ съ тобою... что́ отецъ?!.—слезливымъ шопотомъ заговорила она, охвативъ юношу руками и прижимая его голову къ груди своей.

— Ничего, матушка, — отвѣтилъ онъ, отрываясь отъ своихъ мыслей и не безъ нѣкоторой безсознательной досадливости принимая ея объятія.

Въ дѣтскіе годы для Александра мать была средоточьемъ всей его жизни, неисчерпаемымъ источникомъ удовлетворенія всѣхъ его желаній, капризовъ и потребностей. Чуть что́, онъ кидался къ матери, держался за ея юбку, прижимался къ ней и въ то-же время, конечно, былъ ея тираномъ и повелителемъ. Она «для него» существовала, она ему принадлежала.

Такъ было даже слишкомъ долгое время. Но мало-по-малу такое отношеніе къ матери стало измѣняться и теперь давно уже измѣнилось.

Александръ любилъ ее горячо, но, по мѣрѣ того какъ онъ развивался, въ немъ все больше и больше поднимась досада на ея умственную и нравственную слабость. Его живой, дѣятельной и горячей природѣ инстинктивно было противно это слезливое безсиліе, это отсутствіе какой-бы то ни было почвы, чего-либо, на чемъ можно остановиться. Онъ не могъ даже опредѣлить себѣ ея образъ. Это былъ не образъ, а что-то неопредѣленное, ускользающее, безформенное, жалкое и въ то-же время ничтожное.

Отецъ былъ не таковъ, какимъ ему хотѣлось-бы его видѣть, но все-же это былъ человѣкъ ясный, опредѣленный, не безформенный. Его образъ съ каждымъ годомъ все рѣзче и рѣзче обрисовывался передъ Александромъ, и онъ его понималъ. Съ отцомъ, такъ или иначе, все-же можно было столковаться, а если и не столковаться, то можно было бороться. Лаской, хитростью можно было побѣдить его и въ свою очередь терпѣть отъ него пораженія. Съ матерью ничего нельзя было.

Придетъ попъ Савва, скажетъ, что народился антихристъ,—и она этому тотчасъ-же повѣритъ. Придетъ невѣдомая странница въ домъ, разсказываетъ, что въ городѣ Калугѣ летаетъ змѣй огненный и что поповская корова отелилась теленкомъ о трехъ головахъ и теленокъ этотъ говоритъ человѣчьимъ голосомъ,—она вѣритъ. А заговоритъ Александръ съ

нею о самыхъ простыхъ вещахъ,—и ничего-то она въ толкъ взять не можетъ!..

Но она мать, но впечатлѣнія дѣтства живы — и Александру иной разъ отрадно прильнуть къ груди ея, къ ея сердцу. Тепло у этого сердца, спокойно...

Только вѣдь теперь въ душѣ Александра буря, онъ чувствуетъ потребность борьбы нешуточной, чувствуетъ близость такой опасности, какой доселѣ еще не бывало. И не по немъ это безсильное, слезливое причитанье.

— Ничего, матушка,—повторилъ онъ, осторожно отъ нея отстраняясь.

— Да что отецъ-то, отецъ что? не билъ онъ тебя, дитятко?!

— Не билъ!—печально усмѣхнулся Александръ.

Антонида Гелактіоновна закрестилась.

— Слава Тебѣ Господи... а ужь я такъ и думала, что добромъ не кончится... Кричалъ-то, вѣдь, кричалъ-то много!.. Санюшка, родной мой, покорись ты ему, не иди супротивъ него... вѣдь ты его не переупрямишь... да и опять—отецъ... его слово—законъ!..

— Да ты знаешь-ли, матушка, чего онъ отъ меня требуетъ?..

— Не знаю я, голубчикъ ты мой сизокрылый, ничего-то я не знаю...

— Не знаешь, что онъ велитъ мнѣ жениться?!

— Ну, это-то я знаю, въ этомъ-то нѣтъ еще ничего худого, велитъ—ну и женись.

— Да, вѣдь, онъ мнѣ какую невѣсту нашелъ?!—дочь Матюшкина, Ивана Михайлыча.

— Знаю, знаю!—твердила Антонида Гелактіоновна, кивая головою.

— А какой человѣкъ Матюшкинъ, какая у него слава—и это ты знаешь, матушка?

— Чтó и говорить, — отозвалась она, человѣкъ Иванъ Михайлычъ нехорошій, о немъ еще, кажись, никто добрымъ словомъ не обмолвился... да и нравъ у него, говорятъ, крутой, звѣрь-звѣремъ съ домашними... А тебѣ только что-же до этого, Санюшка,— ты не дѣвица, не къ нему въ домъ пойдешь, а у него изъ дома возьмешь жену, такъ тебѣ-то что до него!.. А они люди въ силѣ... и притомъ отецъ такъ рѣшилъ—значитъ, такъ оно и быть должно.

Александръ всталъ съ лавки и началъ ходить по комнатѣ.

— Матушка, ну да и это оставимъ... дочь его, невѣсту-то ты видала?

— Какъ-же, золотой мой, видала, видала: дѣвица скромная.

— Да, вѣдь, и я ее видѣлъ! — воскликнулъ Александръ,—видѣлъ я ее намеднись въ Коломенскомъ на зрѣлищѣ!.. вѣдь, она изъ себя дурная!!..

Антонида Гелактіоновна задумалась.

— Ну да,—помолчавъ, выговорила она,—не казиста дѣвка, это точно, и притомъ однимъ глазомъ коситъ... Сбоку смотришь — ничего, а коли лицомъ къ лицу—анъ одинъ глазъ и гуляетъ, такъ и гуляетъ, все будто подмигиваетъ, да нá уголъ показываетъ...

Александръ, несмотря на серьезность своего положенія, громко разсмѣялся.

— Однако, матушка, ты мнѣ хорошо мою невѣсту описываешь!.. Послѣ такихъ словъ не особенно она привлекательной кажется.

Антонида Гелактіоновна смутилась.

— Да что̀, Санюшка, что́ правда — то правда... только вотъ какъ я тебѣ скажу: ты объ этомъ не думай, на лицо не смотри, съ лица не воду пить— повѣрь матери—супружество такое дѣло — хорошо лицо, дурно-ли—все одно приглядится. А не казиста жена, такъ всякую ласку вдвое цѣнить будетъ... Лицо—послѣднее дѣло — былъ-бы нравъ добрый, да тѣломъ была-бы здорова... Ужь коли отецъ сказалъ, такъ и мнѣ говорить запрету нѣтъ — вѣдь, мы это дѣло съ Матюшкиными давно ладимъ. Ну, вотъ, я и доподлинно все какъ есть про Наталью, про невѣсту, узнала... и отъ себя засылала стороной развѣдывать, и сама глядѣла въ оба. Вѣрь мнѣ, дитятко, дѣвица хорошая, кабы что неладное, такъ я-бы такъ тебѣ не говорила, не брала бы грѣха на́ душу. Я тебѣ не погибели хочу, а добра. Всего и есть нехорошаго, что лицо... да, вотъ, глазъ бѣгаетъ... Ну, по веснѣ веснушекъ много высыпаетъ—только вѣдь зимою онѣ на половину сходятъ... Рыжевата — это тоже, за то коса длинная-предлинная, и густая — сама расплетала... И вѣрь ты мнѣ, въ такомъ дѣлѣ лгать не стану, здорова она, крѣпка, никакихъ болѣстей за ней слухомъ не слыхано съ измальства... Словомъ, дѣвица какъ дѣвица, никто ничего сказать не можетъ. А лицо, опять говорю,—съ него не воду пить... Такъ-то, дитятко, ужь ты отца съ матерью

послушайся, добра они тебѣ желаютъ. А главное дѣло—не иди противъ отца, у него это крѣпко засѣло и онъ не отступится, не тебѣ съ нимъ тягаться. Ты его еще не знаешь, да и не дай Богъ тебѣ узнать, что́ онъ за человѣкъ!..

— Нѣтъ, не бывать этой свадьбѣ!—самъ того не замѣчая вслухъ рѣшилъ Александръ.

Антонида Гелактіоновна всплеснула руками.

— Санюшка, золотой ты мой, ненаглядный, жемчужный мой, не томи ты меня, да и себя пожалѣй, ишь ты какое слово сказалъ — не бывать!.. Быть-то оно будетъ, а въ гробъ ты меня заранѣе уложишь отъ одной боязни...

— Ну, а если у меня у самого есть другая невѣста на примѣтѣ, любимая, желанная?!! — вдругъ воскликнулъ Александръ въ порывѣ неудержимаго чувства.

Антонида Гелактіоновна поднялась съ лавки, на лицѣ ея изобразился ужасъ. Она бросилась къ сыну, силясь закрыть ему ротъ рукою.

— И не говори, и не говори!!—отчаянно шептала она,—коли отецъ это услышитъ... да это что-жь такое!.. Боже, этого еще не доставало!! Погубилъ... погубилъ... совсѣмъ погубилъ и меня и себя... Святые угодники!!..

Она схватилась за голову, заметалась, наконецъ упала на лавку и зарыдала.

Александръ забралъ шапку и, почти себя не помня, выбѣжалъ изъ дому.

XII.

Майскій вечеръ былъ тихъ и ясенъ, теплынь и свѣтъ безоблачнаго неба стояли надъ Москвою. Недавніе дожди омыли извилистыя московскія улицы, горячее солнце подсушило грязь, но еще не успѣло превратить ее въ пыль. Въ безвѣтряномъ воздухѣ былъ разлитъ душистый запахъ кустовъ сирени, наполнявшихъ безчисленные сады и свѣшивавшихъ черезъ заборы свои лиловыя и бѣлыя вѣтки.

Александръ, выйдя изъ дому, спѣшилъ по направленію къ Кремлю. Онъ то́ и дѣло сходилъ съ досокъ, окаймлявшихъ по обѣимъ сторонамъ улицу и дававшихъ единственную возможность ходьбы въ грязное время.

Но теперь, такъ какъ не было ни грязи, ни пыли, а многія изъ досчатыхъ настилокъ находились въ

такомъ состоянiи, что по нимъ можно было только пробираться съ великой осторожностью, Александръ предпочиталъ, гдѣ только представлялась возможность, итти посреди улицы.

Движенiе въ этотъ часъ все еще было значительно, время отъ времени встрѣчались безконечные обозы, запружавшiе всю улицу, и тогда поневолѣ приходилось снова возвращаться на деревянныя настилки и совершать на нихъ гимнастическiя упражненiя, сохраняя равновѣсiе и ежеминутно помышляя о томъ, какъ-бы не сломать себѣ ногу, не завязнуть между двухъ проломленныхъ досокъ.

Приходилось неизбѣжно сталкиваться съ каждымъ прохожимъ и останавливаться, обоюдно изыскивая возможность разойтись по-добру-по-здорову.

При большемъ нетерпѣнiи и спѣшкѣ, изображавшихся какъ въ выраженiи лица Александра, такъ и въ его движеньяхъ, онъ-бы жестоко проклиналъ и изрытую тѣсную улицу, и эти опасныя мучительныя деревянныя настилки, и эти безконечные обозы, управляемые во всю глотку оравшими мужиками, и прохожихъ, стремившихся зря, кто какъ могъ, не придерживаясь правой руки. Но Александръ зналъ, что вѣдь иначе быть не можетъ, что улица какъ улица и какъ-же ей быть иною?! А потому онъ смирялъ свое нетерпѣнiе и осмотрительно дѣйствовалъ ногами и руками, прокладывая себѣ дорогу.

Наконецъ онъ выбрался изъ узкой улицы, очутился на площади и пошелъ къ Кремлю.

Онъ спѣшилъ во дворецъ царскiй, къ Ѳедору Ми-

хайловичу Ртищеву, который въ это время, какъ онъ зналъ, непремѣнно долженъ былъ тамъ находиться.

Александръ уже не въ первый разъ совершалъ этотъ путь, а потому и не страшился трудности проникновенія во дворецъ царскій.

Постороннему человѣку попасть туда почти не было возможности. Царскіе сторожа никого-бы не пропустили; но Александръ уже не былъ постороннимъ человѣкомъ. Хотя онъ и не занималъ никакой при дворцѣ должности, но его тамъ знали какъ одного изъ самыхъ близкихъ людей къ Ѳедору Михайловичу Ртищеву, частенько приходившаго къ царскому постельничему. Почти всѣ дворцовые ходы и выходы были вѣдомы юношѣ. Онъ отвѣчалъ на каждый окликъ именемъ Ртищева, и это имя прокладывало ему дорогу.

Вонъ онъ уже достигъ причудливаго, широко раскинувшагося зданія дворца. Онъ поспѣшилъ къ одному изъ многихъ крылечекъ, ведшихъ въ разныя части царскихъ покоевъ.

Ѳедоръ Михайловичъ, какъ и былъ увѣренъ Александръ, находился во дворцѣ. Александръ прошелъ съ десятокъ узенькихъ, но свѣтлыхъ корридорчиковъ, полъ которыхъ былъ густо посыпанъ краснымъ пескомъ, и наконецъ очутился въ знакомой ему палатѣ, составлявшей дворцовое помѣщеніе Ртищева.

Палата эта была не велика; но вовсе не походила на такого рода жилье русскихъ людей того времени. Она носила на себѣ совсѣмъ чуждый московскимъ нравамъ характеръ и если-бы въ правомъ углу

не кіотъ съ образами, въ богатыхъ ризахъ и съ горѣвшей передъ ними лампадкой, — палату эту можно было-бы почесть какимъ-нибудь уголкомъ иноземнаго замка, обитаемымъ «ученымъ нѣмцемъ».

По стѣнамъ стояли высокіе шкапы, наполненные книгами, а въ промежуткахъ между ними висѣли ландкарты. У оконъ стоялъ большой столъ, тоже заваленный книгами, бумагами, чертежами, толстыми исписанными тетрадями.

Передъ столомъ, въ неуклюжемъ огромномъ креслѣ съ высочайшей спинкой, сидѣлъ Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, съ большимъ карандашемъ въ рукѣ. Онъ былъ углубленъ въ чтеніе лежавшей передъ нимъ тяжелой книги и то и дѣло отмѣчалъ карандашемъ на ея страницахъ.

Время положило свою печать и на Ртищева. Онъ уже не былъ теперь тѣмъ стройнымъ и моложавымъ человѣкомъ, какимъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ первый разъ увидѣлъ Александръ. Ртищевъ раздался въ ширину, какъ-то даже нѣсколько сгорбился, волосы его порѣдѣли и уже серебрились койгдѣ сѣдиною. На лбу легло нѣсколько морщинъ.

Но лицо его, теряя послѣдніе слѣды молодости, еще больше выигрывало въ привлекательности. Въ немъ все больше и больше свѣтился ясный разумъ. Выраженіе спокойнаго величія и открытой привѣтливости не могли не поражать каждаго, кто видѣлъ лицо это.

XIII.

При входѣ Александра, Ртищевъ дружески кивнулъ ему головою и привѣтливо улыбнулся.

— Алексаша, съ чѣмъ пожаловалъ?—проговорилъ онъ.—Али съ нашими старцами въ Андреевскомъ что̀ случилось? Что такое? говори... Я вотъ ныньче никакъ не могу съѣздить въ Андреевское: завтра чѣмъ свѣтъ дѣло есть, царское добро считать буду. Тутъ у насъ шалить начинаютъ—воровство завелось, такъ это дѣло надо привести въ ясность и счетъ всему вѣрный сдѣлать...

Онъ нахмурилъ брови; но черезъ мгновенiе лицо его прояснилось. Онъ указалъ Александру на лежавшую передъ нимъ книгу и продолжалъ:

— А вотъ я переводъ вашъ проглядывалъ, твой да Бродникова, сравнилъ съ латинскимъ подлинникомъ... вѣрно перевели, спасибо, дѣтки! Ужь и го-

сударю успѣлъ вами похвастаться, и онъ доволенъ... Такъ чтожъ у тебя такое, съ чѣмъ ты? Садись вотъ тутъ, сними книги, положи на столъ, да и садись...

Александръ освободилъ себѣ стулъ, пододвинулъ его къ Ртищеву, присѣлъ и, не безъ сильнаго волненія, началъ:

— Не старцы меня прислали, Ѳедоръ Михайловичъ, не по книжному нашему я дѣлу, а по своему дѣлу... ужь ты не взыщи, что я тебя утруждаю, мѣшаю тебѣ. Выслушай меня, за совѣтомъ пришелъ, за помощью... какъ къ отцу родному.

Ртищевъ пристально взглянулъ на молодого человѣка, подмѣтилъ въ его лицѣ что-то новое, ему еще незнакомое, и участливо сказалъ:

— Говори, слушаю, разберемъ, разсудимъ твое дѣло.

Александръ, сначала смущаясь, запинаясь, а затѣмъ разгорячаясь все больше и больше, передалъ Ртищеву свой разговоръ съ отцомъ относительно ученья.

Ртищевъ слушалъ внимательно.

— Это бѣда еще не велика!—наконецъ произнесъ онъ,—коли мы тебя въ еретичество совратили, то родитель твой уже слишкомъ поздно спохватился. Теперь ты еретикъ не меньше нашего и можетъ и меня кой-чему научишь—голова у тебя свѣжая, времени у тебя больше, чѣмъ у меня...

Онъ вдругъ задумался.

— А видишь-ли, отчасти родитель твой и правъ, я понимаю, что онъ въ сердцахъ на меня за то, что

до сихъ поръ тебя я не пристроилъ, все въ ученикахъ держу. Можетъ и впрямь я замѣшкался. А тебѣ я скажу вотъ что: еще въ позапрошломъ году хотѣлъ было я опредѣлить тебя на службу царскую, совсѣмъ было собрался, да разсудилъ и жаль стало, того жаль стало, что со службой лишишься ты времени, золотого, свободнаго, нужнаго для ученья. Вотъ какъ я со службой, много-ли у меня минутъ остается почитать да поработать надъ полезными книгами. Такъ я и рѣшилъ—еще годъ-другой оставить тебя на свободѣ... Но теперь ты произошелъ всю премудрость, какую старцы наши тебѣ преподать могутъ; сами они того мнѣнія. Насколько можно съ нашими средствами, ты теперь приготовленъ къ жизни и я еще на этихъ дняхъ о тебѣ подумалъ, да кое-что и придумалъ... не знаю только, какъ моя выдумка покажется твоему родителю, а тебѣ она должна, кажись, по душѣ прійтись.

— Что такое, Ѳедоръ Михайловичъ?

Ртищевъ загадочно улыбнулся.

— Анъ нѣтъ, постой, погоди, теперь еще рано, не скажу... сулить понапрасну я не люблю. Посулю, анъ вдругъ и не смогу устроить! какими глазами я тогда на тебя смотрѣть буду?! Постой, подожди недѣльку-другую, все выяснится, все образуется... Вѣдь ты мнѣ довѣряешь, ты знаешь, Алексаша, что я для тебя худого не придумаю?

— Знаю, знаю, Ѳедоръ Михайловичъ, и нечего мнѣ говорить тебѣ, какъ я тебя почитаю. Да не въ

томъ дѣло. Я тебѣ съ полъ горя моего повѣдалъ, а главнаго еще не сказалъ.

— Еще что?!

— А то, что меня батюшка волей-неволей, а женить хочетъ.

Тутъ Александръ разсказалъ Ртищеву все, что могъ сказать относительно брака съ нелюбимой имъ и некрасивой дѣвушкой, да еще и дочерью такого человѣка, какъ Матюшкинъ.

Ртищевъ покачалъ головою и сдвинулъ свои густыя брови.

— Н-да!—проговорилъ онъ,—это дѣло потруднѣе, къ такому дѣлу какъ подступиться! родительская власть... родительское желанье... и выборъ...

Онъ остановился; какая-то тѣнь скользнула по лицу его и исчезла. Онъ опустилъ глаза.

— Я въ дѣла семьи, въ такія дѣла не могу вмѣшаться... Родительскій выборъ... Такъ предковъ нашихъ, дѣдовъ и отцовъ женили, такъ и насъ женили... почитай всегда такъ бываетъ, и какъ стороннему человѣку тутъ вмѣшаться!!

— Не вмѣшиваться прошу тебя, Ѳедоръ Михайловичъ, совѣтъ мнѣ добрый подать, вникнуть своимъ разумомъ въ это дѣло!

— Что-же мой разумъ тутъ скажетъ?! — повелъ плечомъ Ртищевъ,—ты самъ не малолѣтокъ, самъ за себя долженъ умѣть постоять. Только я тебя на непослушаніе поднимать не стану, напротивъ того, говорю тебѣ: послушайся отца да матери.

Но Александръ хорошо уже изучилъ Ѳедора Ми-

хайловича и теперь ясно видѣлъ, что онъ говоритъ какъ-то странно, не отъ души.

— Нѣтъ, нехорошо ты говоришь, Ѳедоръ Михайловичъ! — воскликнулъ онъ.

— Какъ нехорошо?

Ртищевъ улыбнулся.

— А такъ: слушаться и покорствовать, гдѣ можно послушаться и попокорствовать, я всегда готовъ, но въ такомъ дѣлѣ—нѣтъ, я не сдамся, этого я не допущу, хоть погибнуть придется, а на себя петлю не надѣну своими руками! Пусть отецъ дѣлаетъ что хочетъ — не женюсь я...

И твердая рѣшимость прозвучала въ его голосѣ.

Ртищевъ еще пристальнѣе глядѣлъ на него.

— А въ такомъ разѣ, что-же и толковать,—сказалъ онъ, — коли твердо ты рѣшился, такъ и будь спокоенъ; но не дѣлай дуростей. За совѣтомъ ты ко мнѣ пришелъ и совѣтъ я тебѣ подамъ: не иди ты противъ отца, не раздражай его, попробуй къ нему приласкаться, что хочешь говори, что хочешь выдумывай, а только протяни время. Пусть онъ подумаетъ, что ты согласенъ, что ты примирился съ его выборомъ, лишь-бы не сейчасъ, лишь-бы онъ согласился весь ходъ по этому дѣлу, то-есть по сватовству твоему, отложить на мѣсяцъ—другой времени. А въ мѣсяцъ—другой мало-ли-что́ статься можетъ!.. Эхъ, Алексаша, въ грѣхъ ты меня вводишь, вотъ я тебя обманывать отца наущаю...

— Ну да пусть на мнѣ сей грѣхъ и взыщется,— помолчавъ прибавилъ онъ, ласково глядя на юношу.—

Я за твою судьбу готовъ быть въ отвѣтѣ и передъ своей совѣстью, и передъ Господомъ Богомъ...

Еще съ полчаса пробесѣдовали они о томъ же, и Александръ вышелъ изъ Кремля съ облегченнымъ сердцемъ. Онъ хорошо понялъ, что Өедоръ Михайловичъ, дѣйствительно, для него готовитъ что-то рѣшительное и важное, что совѣтъ его не итти прямо противъ отца, а хитрить и проволакивать время имѣетъ прямое отношеніе къ тому, что готовитъ для него Өедоръ Михайловичъ.

«Да чтó это такое, чтó можетъ быть? И, вѣдь, вотъ человѣкъ! коли упрется — ничего-то изъ него, слова не вытянешь. А ужь предо мною ему таиться грѣшно, онъ для меня все-равно что отецъ... больше отца, прости Господи, куда больше! и вся душа моя передъ нимъ открыта...»

Не замѣтилъ Александръ, какъ, размышляя подобнымъ образомъ, онъ солгалъ передъ самимъ собою. Вся душа открыта! — а отчего-же не сказалъ онъ Ртищеву, говоря про невѣсту, что есть другая, любимая, желанная? Отчего онъ не проговорился передъ нимъ, какъ проговорился передъ матерью? Между тѣмъ, вѣдь, тамъ не слѣдовало, а тутъ, можетъ быть, даже и слѣдовало проговориться!..

Что-же его остановило? Онъ самъ не зналъ чтó.

IV.

Когда Александръ вернулся домой, онъ узналъ, что мать сидитъ запершись въ своей спальнѣ съ какой-то прибывшей съ далекаго богомолья старушкой. Отца нѣтъ. Гдѣ онъ? Навѣрно засидѣлся у Матюшкина. Быть можетъ они тамъ окончательно рѣшаютъ судьбу его.

«Ну, и пусть рѣшаютъ! — съ сердцемъ подумалъ онъ, — не поддамся, въ капканъ не полѣзу, вѣдь и мнѣ тоже жить хочется... да еще какъ хочется-то!..»

Отъ опасности-ли, передъ нимъ внезапно возставшей, отъ начинавшейся борьбы, отъ этого-ли чудеснаго майскаго вечера, — только Александръ, болѣе чѣмъ когда-либо, чувствовалъ жажду жизни, наслажденія, счастья. Онъ находился въ томъ возбужденномъ состояніи, когда невѣдомо что́ творится съ человѣкомъ, когда манитъ какая-то ширь, даль, высь,

когда тѣсно въ тѣлѣ — и хотѣлось-бы крыльевъ да безконечнаго простора...

Митрошка, бойкій парень, приставленный къ Александру и его однолѣтокъ, спросилъ молодого хозяина—не желаетъ-ли онъ ужинать. Но Александру не хотѣлось ѣсть, онъ выпилъ ковшъ холоднаго, душистаго квасу и вышелъ въ садъ.

Садъ при домѣ Залѣсскихъ былъ густой, хорошій и обширный. И теперь, именно въ эти первые дни наступившаго лѣта, въ немъ былъ сущій рай, по выраженію Антониды Гелактіоновны. Весь этотъ садъ казался бѣлымъ, лиловымъ, розовымъ. Сирень, груши, яблони стояли въ цвѣту. Давно уже москвичи не видали такой силы цвѣта, какъ въ этомъ году... Уже почти съ часъ времени какъ закатилось солнце. Золотистый свѣтъ, струившійся съ вечерняго неба, обливалъ всѣ предметы, мало-по-малу заволакивая ихъ своей прозрачной дымкой.

Тишина въ саду стояла невозмутимая.

Александръ направился по узкой дорожкѣ межъ густо разросшейся зелени и душистыхъ вѣтокъ. Онъ обошелъ весь садъ, пробрался въ самую глубину его. Здѣсь уже не было дорожекъ, здѣсь кусты образовывали почти непроницаемую чащу. Но у Александра была знакомая лазейка между этими кустами. Согнувшись, онъ проникъ въ эту лазейку и, осторожно отстраняя вѣтки, пробирался все дальше и дальше. Вотъ и заборъ, дощатый, высокій заборъ, мѣстами уже сильно покосившійся.

Подгнившій заборъ этотъ отдѣляетъ садъ Залѣс-

скихъ отъ другого, такого-же, сосѣдскаго сада. Крапива разрослась у забора, сухіе прошлогодніе листья лежатъ въ кучахъ. И каждая такая куча сухихъ листьевъ, каждый листъ лопуха—все здѣсь знакомо Александру. Не въ первый разъ уже забирается онъ сюда, къ этому забору. Вотъ и мѣстечко примятое, насиженное, среди лопуховъ и крапивы.

Александръ прилегъ на траву, у самаго забора, осторожно вынулъ изъ него небольшой кусокъ доски, заглянулъ въ сосѣдскій садъ. Ему видны такіе-же кусты, такіе-же лопухи и крапива. Отверстіе настолько велико, чтобы видѣть все это, даже руку можно просунуть,—но не больше. А заборъ высокій, сажени въ полторы вышиною, если не больше, и весь онъ утыканъ частыми гвоздями.

Прислушался Александръ — тихо въ сосѣдскомъ саду, ни единая вѣтка не шолохнется. Онъ прислонился головой къ забору и ждалъ. Сколько прошло времени—онъ не зналъ того. Можетъ всего минутъ пять, десять, только эти минуты показались ему часомъ, двумя часами. Онъ тихонько свистнулъ, опять прислушался—тихо попрежнему.

Наконецъ чуткое ухо его разслышало гдѣ-то неподалеку неясный шорохъ. Горячая краска мгновенно залила щеки Александра. Глаза его загорѣлись. Онъ слушалъ всѣмъ существомъ своимъ. Шорохъ ближе, явственнѣе. Онъ глядитъ не мигая въ щель забора—и вотъ видитъ — раздвигаются вѣтки. Еще мигъ—и, отдѣленная отъ него высокой деревянной преградой, утыканной гвоздями, но близкая, всего

на шагъ, въ сумеркахъ обрисовывается женская фигура.

Онъ снова свистнулъ. И въ отвѣтъ на этотъ свистъ раздалось легкое покашливанье.

— Настя!—прошепталъ онъ.

И до его слуха донесся замирающій сладкій шопотъ:

— Алексаша!

Она наклонилась и прильнула къ забору.

— Ахъ, какъ я долго ждалъ тебя,—проговорилъ Александръ,—все сердце изныло... думалъ ужь: обманешь, не придешь, какъ третьяго дня обѣщала.

— Да и я тоже думала — не приду: у матушки весь день ныньче гости, да и у меня подруги... оторваться никакъ нельзя было. И теперь вотъ убѣжала на самую малую минутку, только чтобы не обмануть тебя, только чтобы сказать тебѣ, мой ненаглядный: здравствуй и прощай, покойной ночи, добраго сна, обо мнѣ думай... во снѣ меня увидишь. А я тебя вотъ уже вторую недѣлю съ чего-то каждую ночь, какъ есть каждую ночь вижу...

Александръ просунулъ руку. Теперь ужь онъ не могъ видѣть Настю, но рука его встрѣтилась съ ея рукою—и огонь пробѣжалъ по его жиламъ отъ этого милаго прикосновенія. Онъ крѣпко захватилъ маленькую, горячую ручку.

— Ой, что-й-то ты, Алексаша, какъ стиснулъ пальцы—больно мнѣ, пусти... грѣшимъ мы съ тобою, право, и каждый-то разъ я дрожью дрожу, долго-ли до грѣха, застанутъ насъ, увидятъ, что̀ тогда будетъ?!

— А ты не бойся, не дрожи, не думай о разныхъ страхахъ... Любишь ты меня, Настя?

— Самъ знаешь,—отвѣтилъ тихій голосъ.

Онъ Богъ знаетъ что́ далъ-бы, чтобъ взглянуть на нее. Но здѣсь, среди этихъ кустовъ, совсѣмъ почти темно, да и потомъ — чтобы взглянуть — вѣдь надо выпустить ея руку. Но онъ предпочелъ не разставаться со своей добычей. И скоро, самъ не замѣчая того, забылъ онъ даже, что между ними непроницаемый заборъ; ему казалось ужь, что онъ ее видитъ, милую, дорогую, желанную... а ея прикосновеніе наполняло его блаженствомъ.

— Ну, пусти-же, пусти, вѣдь говорю: прибѣжала на малую минутку... Можетъ тамъ меня уже и хватились... Бѣда будетъ! Себѣ не вѣрю — откуда взялась такая смѣлость!.. Ахъ, ужь и погибель же ты моя, Алексаша!..

— Какъ погибель?! Отчего погибель?..—шепталъ онъ.—Сама не знаешь, что́ говоришь. Настя, голубка, послушай, ну чего ты вырываешься, мнѣ надо поговорить съ тобою...

Онъ все крѣпче сжималъ ея руку, не выпуская ее. Она вырывалась.

— Да что-же это ты въ самомъ дѣлѣ словно въ желѣзныхъ тискахъ держишь,—взволнованно произнесла она. — Говорю, пусти. Дай Богъ только вернуться, чтобы не замѣтили. Не время теперь, говорить... въ другой разъ...

— Когда въ другой разъ—завтра?

— Ну хоть завтра...

— Въ это-же время?

— Ну, да, да, только пусти, Христа ради. Ахъ, бѣда мнѣ!..

— Обѣщаешь навѣрно, не обманешь?!

— Да когда-же я тебя обманывала? Что хочешь ты, то со мною и дѣлаешь... Я всякій стыдъ дѣвичій позабыла... Вѣдь если-бы матушка узнала, что я къ забору бѣгаю, да съ тобою такія рѣчи веду, да что ты меня за руку держишь — что́-бы это такое было?!.. А батюшка! да онъ убьетъ меня!.. пусти!.. пусти!!..

Она хотѣла выдернуть руку; но уже было поздно. Порывистымъ движеніемъ онъ потянулъ ее къ себѣ и вотъ эта нѣжная, полная, бѣлая дѣвичья рука— по самый локоть по сю сторону забора, въ его распоряженіи, — и онъ покрываетъ ее жаркими поцѣлуями.

Настя испугалась не на шутку. Вѣдь если ктонибудь теперь войдетъ сюда—и она пропала, совсѣмъ пропала!

— Что-же ты, погибели моей хочешь?!—разслышалъ Александръ ея взволнованный голосъ, въ которомъ звучали уже слезы.

Онъ отпустилъ руку.

— Такъ завтра, завтра?—шепталъ онъ.

— Никогда! прощай!

Кусты зашуршали и она скрылась.

А онъ долго еще оставался неподвижный, будто прикованный къ мѣсту, весь полный еще ея присутствіемъ, ея прикосновеніемъ.

Наконецъ онъ поднялся, выбрался изъ кустовъ, вздохнулъ полной грудью и тряхнулъ головою.

Ничего онъ теперь не боялся, ничто его не смущало и передъ нимъ звучалъ милый голосъ:

«Завтра!.. никогда!»

Никогда—значитъ—завтра!..

6

XV

Сосѣдній съ Залѣсскимъ «дворъ» принадлежалъ Алексѣю Прохоровичу Чемоданову. Сначала Никита Матвѣевичъ ничего не имѣлъ противъ этого сосѣдства, напротивъ того—даже былъ радъ ему. Сосѣди полюбовно размежевались безъ малѣйшихъ препирательствъ и затѣмъ стали оказывать другъ другу всякое почтеніе. Оба они были почти однихъ лѣтъ и занимали почти одинаковое служебное положеніе, только Чемодановъ въ служебномъ дѣлѣ уже не былъ новичкомъ и не спалъ въ приказѣ. Его считали человѣкомъ съ головою и не безъ хитрости. У него не было сильной руки, при дворѣ не было могущественныхъ родственниковъ. Но онъ самъ съумѣлъ мало-по-малу найти и укрѣпить полезныя связи и теперь мечталъ о воеводствѣ. Никому онъ не повѣрялъ своихъ меч-

таній, ни съ кѣмъ не совѣтовался, но зная всѣ ходы и выходы мало-по-малу приближался къ достиженію своей завѣтной цѣли. Назначеніе его на воеводство, хотя-бы и на самое видное, никого-бы ужь не удивило. Но между кандидатами находились два, три человѣка поважнѣе его именемъ, родствомъ и связями.

Онъ зналъ, что борьба съ этими людьми напрасна, а потому молчаливо уступалъ имъ дорогу, желая только одного, чтобы они прошли скорѣе и очистили ему мѣсто.

Чемодановъ былъ лично извѣстенъ царю, былъ вхожъ къ Морозову и даже къ Ртищеву. Человѣкъ иной вѣдь разъ на языкъ не воздерженъ — и пересмѣшники о немъ отзывались такъ:

«Чемодановъ, хотя звѣздъ съ неба и не хватаетъ, но говоритъ красно и съ чувствомъ, и видъ у него важный, какъ есть воеводскій. Что-же, видъ—великое дѣло; бываетъ такъ, человѣкъ и уменъ, и ловокъ, и хитеръ, да вида у него никакого нѣтъ, ну и не пригоденъ къ иному дѣлу».

И точно, у Алексѣя Прохоровича видъ былъ до такой степени важный, что вся напускная важность Залѣсскаго при немъ совсѣмъ пропадала. Да и важности-то своей Никита Матвѣевичъ научился отъ сосѣда...

Не только сосѣди дружили, но, по примѣру ихъ, сосѣдки тоже. Антонида Гелактіоновна съ Анной Семеновной Чемодановой нерѣдко навѣщали другъ-дружку.

Антонида Гелактіоновна отправлялась въ сосѣдскіе хоромы въ сопрожденіи Алексаши, а Анна Семеновна приводила съ собой свою маленькую дочку Настю, прехорошенькую румяную и здоровую дѣвочку, которая, подобно Алексашѣ, осталась единственной въ живыхъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей.

Алексашѣ шелъ шестнадцатый годъ, Настѣ десятый. Маленькая шустрая дѣвочка всегда радовалась встрѣчѣ съ красивымъ большимъ мальчикомъ.

Онъ такой добрый, забавляетъ ее, смѣется съ нею.

Глядя на этихъ дѣтей, Антонида Гелактіоновна иной разъ съ улыбкой говаривала сосѣдкѣ:

— А вотъ моему Алексашѣ и невѣста готова: что ты на это скажешь, матушка Анна Семеновна?

Анна Семеновна тоже улыбалась и отвѣчала:

— А что-же... и впрямь, родимая, чего-же лучше!

Дѣло, дѣйствительно, казалось совсѣмъ подходящимъ и возможнымъ. Пройдетъ еще годъ, другой, придется разлучить Алексашу съ Настей. Онъ совсѣмъ выростетъ, да и она подростать станетъ. Ему не мѣсто будетъ съ бабами, а ей непристойно станетъ такъ бѣгать на свободѣ какъ теперь, пока она еще малютка. Замкнется она въ теремѣ, въ четырехъ стѣнахъ; въ рѣдкихъ случаяхъ, показываясь на людяхъ, будетъ закутана фатою. И такъ, незрима мужскому глазу, развѣтетъ своей красою дѣвичьей. Ну, а затѣмъ... Залѣсскіе зашлютъ сватовъ...

Такъ могло-бы кончиться дѣло, но случилось иначе.

XVI.

Между сосѣдями, дружившими сначала, вдругъ пробѣжала черная кошка—и смѣшно сказать, но и нельзя правды утаить—причина всему заключалась въ черной курицѣ. Курица эта принадлежала Чемодановымъ и повадилась черезъ плохенькій заборчикъ, отдѣлявшій въ то время сосѣдскій садъ, перелетать къ Залѣсскимъ. На бѣду, Никита Матвѣевичъ въ глубинѣ сада огородъ устроилъ и, такъ какъ въ свободное и теплое время любилъ заниматься этимъ дѣломъ, ежедневно хаживалъ глядѣть хорошо-ли подрастаютъ его овощи... Какъ ни придетъ, а черная курица тутъ какъ тутъ: роетъ землю, вырываетъ коренья, учиняетъ превеликую обиду хозяйскому сердцу. Прогналъ Никита Матвѣевичъ черную курицу разъ, другой и третій, а она все возвращается и съ каждымъ ра-

зомъ все больше и больше вреда его овощамъ наноситъ. Не стерпѣлъ онъ, разгорѣлась въ немъ душа; завидѣлъ онъ черезъ заборъ сосѣда, величественно прогуливавшагося по своему саду, и не своимъ голосомъ закричалъ ему:

— Алексѣй Прохорычъ, а Алексѣй Прохорычъ!

Тотъ подошелъ къ забору все съ тѣмъ-же величественнымъ видомъ.

— Здравствуй, Микита Матвѣичъ, какъ Богъ носитъ? давно не видались,—важно проговорилъ онъ.

Но Залѣсскій былъ внѣ себя.

— Да чтó тутъ здравствуй, а вотъ какъ это ты твою курицу ко мнѣ пускаешь...

— Какую курицу?—изумленно освѣдомился Чемодановъ.

— Какую! Извѣстно, какую, черную, будто не видишь... Что-же это ты мнѣ, сосѣдушка, въ досаду, на смѣхъ?!.—кричалъ Залѣсскій.

Чемодановъ вспыхнулъ, но все еще продолжалъ сохранять важный, степенный видъ.

— Да чего ты кричишь?—проговорилъ онъ,—тебѣ на меня кричать не приходится; коли хочешь говорить, говори толкомъ, а то болтаетъ человѣкъ невѣсть чтó. Какая тамъ тебѣ еще далась курица?

— Да вотъ вѣдь ты видишь—она мнѣ весь мой огородъ изрыла, кажинный день залѣзаетъ и роетъ, а ты тутъ вотъ ходишь, видишь...

Чемодановъ пожалъ плечами.

— А хоть-бы и видѣлъ!—роется курица въ землѣ, что-же тутъ диковиннаго? не Богъ знаетъ чудо какое.

— Да твоя это курица?—захлебывался Залѣсскій.

— Можетъ и моя, птичницу спросить надо—равнодушнымъ и насмѣшливымъ тономъ проговорилъ Чемодановъ и зѣвнулъ во весь ротъ.

Никита Матвѣевичъ свѣта не взвидѣлъ. Если-бы сосѣдъ волновался такъ-же какъ онъ, онъ-бы съ нимъ поспорилъ немного да и затихъ-бы. Но эта важность и спокойствіе и, наконецъ, эти насмѣшки его совсѣмъ взорвали. Ему сразу показалось, что Чемодановъ и курицу эту нарочно пріучилъ досаждать ему, что вообще онъ всячески старается показать передъ нимъ, Залѣсскимъ, свое превосходство. А тутъ еще вдругъ Чемодановъ послѣ зѣвка протянулъ:

— Ну что мнѣ съ тобою съ такимъ нонѣ разговаривать, пойди-ка ты, Микита Матвѣевичъ, да проспись.

— Какъ проспись?! Да что я — пьяный, что-ли!? Да какъ ты смѣешь мнѣ говорить такое, зазнался больно; это ты пойди да проспись, авось сномъ съ тебя глупая спѣсь твоя соскóчитъ!..

Чемодановъ поглядѣлъ, поглядѣлъ на разсвирѣпѣвшаго сосѣда, а потомъ взялъ да и плюнулъ.

— Совсѣмъ ты глупый человѣкъ, какъ я вижу,— сказалъ онъ, и опять-таки, спокойно и величественно, еще разъ плюнулъ, повернулся, да и ушелъ.

Никита Матвѣевичъ нѣсколько мгновеній стоялъ молча и не могъ притти въ себя отъ такой обиды. Бѣшенство его, какъ съ нимъ часто бывало, внезапно утихало и поднялась теперь въ немъ холодная злость. Черная курица продолжала рыться въ ого-

родѣ. Онъ подкрался къ ней, изловчился, схватилъ ее — и тутъ-же собственноручно свернулъ ей шею. Затѣмъ пришелъ въ домъ, призвалъ холопа и велѣлъ ему сейчасъ-же снести эту мертвую курицу Чемоданову и сказать ему, что всякую другую курицу или какого-бы то ни было звѣря сосѣдскаго, котораго онъ застанетъ у себя въ саду, онъ такъ-же умерщвлять будетъ.

Съ этого дня между сосѣдями началась вражда не на животъ, а на смерть.

Залѣсскій и Чемодановъ, гдѣ только могли и чѣмъ только могли, каждый по своему характеру стали изводить другъ-друга.

Конечно, прекратились всякія добрыя отношенія и между ихъ женами. Враждовать стали и холопья сосѣдскіе и скоро два сосѣдскихъ двора превратились въ два враждебныхъ лагеря.

Вражда эта не подѣйствовала только на Алексашу и на Настю. Они попрежнему питали другъ къ другу влеченье и нерѣдко сходились у забора. Но вотъ пришла зима, встрѣчи эти прекратились сами собою. Настю рѣдко выпускали изъ дому, садъ занесло снѣгомъ. Весною они свидѣлись снова у тогоже забора. Настя очень обрадовалась Алексашѣ, но сообщила ему, что отецъ ея строго-на-строго ей запретилъ бѣгать въ эту сторону сада, а тѣмъ паче подбѣгать къ забору, что онъ шибко ругается. Это не помѣшало ей, однако, время отъ времени ослушиваться строгаго родителя.

Но вотъ, къ концу лѣта, самъ Чемодановъ накрылъ какъ-то свою дочку въ мирной и веселой бесѣдѣ съ «Залѣсскимъ парнишкой». Алексаша очень развязно поклонился Алексѣю Прохоровичу, но тотъ ему на поклонъ не отвѣтилъ, молча подошелъ къ Настѣ, взялъ ее за ухо и потащилъ за собою. Бѣдная дѣвочка залилась громкимъ плачемъ.

Съ этого дня Алексаша ее не видалъ больше. Мало того, черезъ нѣсколько дней въ домѣ Залѣсскихъ разнеслась новость: сосѣдъ на мѣсто прежняго низенькаго заборчика сооружаетъ новый. Прошло двѣ, три недѣли—и владѣнья враговъ раздѣлились высочайшимъ заборомъ, утыканнымъ гвоздями. А осенью Чемодановъ добился своего: онъ былъ назначенъ на воеводство въ Переяславль и переѣхалъ туда съ семьею.

— Ну и слава Богу,—говорилъ Залѣсскій,—нетолько въ Переяславль, а хоть-бы въ тартарары провалился, лишь-бы духу его здѣсь не было!

Но это онъ такъ говорилъ, а на душѣ у него было совсѣмъ иное. Первымъ дѣломъ онъ завидовалъ возвышенію Чемоданова, а затѣмъ, съ этимъ отъѣздомъ, онъ терялъ изрядное развлеченье: безъ этой вражды, безъ придумыванья время отъ времени чѣмъ-бы насолить сосѣду—онъ скучалъ. Опустѣлъ дворъ Чемодановыхъ, въ домѣ остались стражами человѣкъ съ пятнадцать прислуги.

Такъ прошелъ годъ, другой, и третій, и четвертый. Чемодановъ все воеводствовалъ въ Переяслав-

лѣ. Къ великой досадѣ Никиты Матвѣевича, онъ тамъ ни въ чемъ не провинился, не сдурилъ, ничѣмъ не навлекъ на себя немилости. Напротивъ, Никита Матвѣевичъ зналъ, что царь и сильные люди имъ весьма даже довольны.

XVII.

Въ теченіи этихъ лѣтъ Александръ, конечно, и думать забылъ о своей маленькой подругѣ Настѣ. Онъ совсѣмъ ушелъ въ ученье, въ интересы своего Андреевскаго, такъ ушелъ, что иной разъ даже и не замѣчалъ что́ дѣлается вокругъ него въ родительскомъ домѣ.

Въ весеннюю и лѣтнюю пору, когда онъ гулялъ по саду, ему и въ голову не приходила мысль о Чемодановыхъ и о Настѣ. Но высокій заборъ, воздвигнутый сосѣдомъ, служилъ ему службу. У этого забора, въ гущинѣ кустовъ, даже и въ самое знойное время было всегда прохладно. Сюда Александръ натащитъ, бывало, сѣна, да и лежитъ себѣ часъ, другой и третій въ полуденную пору за чтеніемъ взятой въ монастырѣ книги, за урокомъ, заданнымъ учеными монахами.

Тутъ хорошо такъ и тихо, никто и ничто не нарушаетъ уединенія. Тишина и у нихъ въ саду, а въ сосѣдскомъ саду и еще того тише. Заросъ онъ совсѣмъ въ эту сторону, къ забору, даже и сторожа чемодановскіе никогда не заглядываютъ.

Надъ головою и неба не видно—такъ сплелись и переплелись вѣтки. Куда ни взглянешь — всюду зеленые листья и только мѣстами просачивается сквозь нихъ золотой солнечный свѣтъ и скользитъ то тамъ, то здѣсь, будто брызжетъ золотомъ.

Иной разъ гдѣ-то высоко, высоко жужжатъ пчелы — и опять все тихо, и только церковный благовѣстъ, разливаясь въ тихомъ лѣтнемъ воздухѣ, нарушаетъ тишину эту, наводя на душу не то грустное, не то сладкое чувство.

Много, много часовъ въ эти годы провелъ здѣсь Александръ у забора на своемъ сѣнѣ, много всякихъ думъ здѣсь онъ нашелъ и оставилъ.

Бывало, мысли наплываютъ со всѣхъ сторонъ, обгоняютъ одна другую,—на колѣняхъ книга, въ рукѣ карманный ножикъ и, самъ того почти не замѣчая, вырѣзаетъ Александръ этимъ ножикомъ на заборѣ свое имя, вырѣзаетъ его и такъ и этакъ, а потомъ, коли не понравится, совсѣмъ срѣжетъ и высверлитъ онъ вырѣзанныя буквы. И некому попенять ему, что какъ-же это онъ заборъ, да еще и чужой, портитъ...

Кончилось въ пять лѣтъ тѣмъ, что продолбилъ таки Александръ доску, а когда оказалась она продолбленной да засквозила—самъ онъ себѣ подивился:

зачѣмъ такую глупость сдѣлалъ. Рѣшилъ онъ даже позвать плотника и велѣть ему задѣлать дыру. Но рѣшеніе это какъ-то все забывалось, а затѣмъ, мало-по-малу, явилась привычка, время отъ времени, лежа на сѣнѣ, заглядывать въ это отверстіе. Глядѣть-то тамъ, конечно, нечего: за заборомъ такіе-же кусты, такіе-же листья... Но все-же, иной разъ, и это—развлеченіе...

Такъ проломленная доска въ заборѣ и осталась. Александръ уже совсѣмъ выросъ, непохожъ на прежняго, отъ былой жизни ничего не осталось. Да и не вспоминаетъ онъ никогда свои дѣтскіе и отроческіе годы полный живыми, новыми интересами.

— А слышалъ ты, Алексаша, — какъ-то сказала ему мать, — вѣдь сосѣди-то наши опять на Москву пріѣзжаютъ...

— Нѣтъ, не слыхалъ!—равнодушно отвѣтилъ онъ.

— Какъ-же, какъ-же, золотой мой, ужь и обозы пришли изъ Переяславля, людишекъ ихнихъ много наѣхало, черезъ недѣлю, говорятъ, и сами будутъ... Эхъ, начнутся у насъ опять всякія враждованья!.. Отецъ-то какъ узналъ, осерчалъ совсѣмъ... И-и, не приведи Господи... какъ хватитъ по столу кулакомъ! «Возвращается, говоритъ, мой ворогъ лютый. Ну, не сдобровать ему,—такъ, либо этакъ, а вымещу я старую обиду»... Вотъ оно что̀, Алексашенька!

— А дочка-то ихъ, Настя, уже заневѣстилась,—прибавила Антонида Гелактіоновна инымъ тономъ,—который ей теперь годъ-то, дай Богъ памяти... шест-

надцать, либо семнадцать, полагать надо. Помнишь ты, чай, Настю, Алексаша?

— Помню, помню, — опять-таки совсѣмъ равнодушно отвѣтилъ Александръ.

Какое ему дѣло до Чемодановыхъ, до Насти? Своего дѣла всякаго у него много. Вотъ только чего это отецъ старую вражду поднимать хочетъ, совсѣмъ это не хорошо. Ну, да отца не передѣлаешь, какимъ онъ есть, такимъ и останется.

И Александръ позабылъ думать о Чемодановыхъ и ихъ прiѣздѣ.

Вѣсть, сообщенная Антонидѣ Гелактiоновнѣ, оказалась вѣрной. Чемодановъ уже давно соскучился въ Переяславлѣ, его тянуло снова на Москву, свычаи и обычаи которой онъ сильно любилъ, такъ какъ здѣсь ему было больше простору.

Въ первое время своего воеводства онъ находилъ, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ; но теперь ему уже хотѣлось быть если не первымъ, то изъ первыхъ въ городѣ. Захотѣлось ему получить большое и видное положенiе на Москвѣ. Воеводская его служба царскому величеству была извѣстна и онъ разъ даже получилъ царскую грамоту самаго милостиваго содержанiя.

Время отъ времени онъ напоминалъ о себѣ и обращался къ благопрiятелямъ, прося ихъ приглядѣть ему въ Москвѣ изрядное мѣстечко, какого онъ заслуживаетъ своимъ радѣнiемъ.

«А въ Переяславлѣ на воеводствѣ мнѣ не сидится, — писалъ онъ — все тихо, слава Богу; что надо

было привести въ порядокъ, то я привелъ и нынѣ чувствую большую склонность къ царскому посольскому дѣлу».

Благопріятели въ отвѣтъ ему отписывали о томъ, о другомъ, о третьемъ, и о посольскихъ дѣлахъ между прочимъ, но тѣмъ это и ограничивалось. И вотъ рѣшился Чемодановъ на рискъ, рѣшился самъ отказаться отъ воеводства, пріѣхать снова въ Москву и, уже не полагаясь на друзей, которые только на обѣщанія падки, самолично хлопотать за себя передъ сильными людьми и царемъ. Какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ мечталъ о воеводствѣ, такъ мечталъ теперь о посольскомъ дѣлѣ. Оно такъ согласовалось съ его важностью. Онъ уже ясно представлялъ себѣ какъ будетъ посланъ съ царской грамотой, всякими подарками и тайнымъ государевымъ наказомъ къ полякамъ либо къ шведамъ, либо къ самому турецкому султану. Какъ онъ будетъ стоять за государевы интересы, съ какимъ торжествомъ, послѣ удачнаго окончанія посольства будетъ возвращаться на Москву и какъ царь его будетъ за это жаловать.

Такъ и вернулся Алексѣй Прохоровичъ съ женою и дочерью, поселился въ своемъ домѣ, повидался со всѣми нужными людьми, представлялся и царю, былъ имъ благосклонно принятъ, доложилъ ему красно и обстоятельно о состояніи Переяславскаго воеводства и затѣмъ билъ челомъ за его службишку дать ему работу въ посольскомъ приказѣ, ибо къ этой работѣ влечетъ его сердце.

Просьба его была уважена и онъ уже надѣялся,

что, по тревожному времени, требовавшему постоянныхъ сношеній съ сосѣдними государствами, его немедленно-же выберутъ въ послы. Но покуда такого назначенія не состоялось.

Старые враги, Чемодановъ и Залѣсскій, не разъ уже встрѣчались другъ съ другомъ и каждый разъ повертывались другъ къ другу спиною. Вражда, совсѣмъ уснувшая во время разлуки и въ томъ и въ другомъ, теперь снова разгорѣлась и оба они придумывали чѣмъ-бы насолить другъ другу. Но пока такого случая не представлялось. Владѣнія ихъ соприкасались только въ одномъ мѣстѣ, именно тамъ, гдѣ былъ воздвигнутъ теперь высокій заборъ и куда никто кромѣ Александра не заглядывалъ. Дворы ихъ выходили на двѣ различныя улицы.

XVIII.

Чемодановъ пріѣхалъ въ концѣ лѣта. Александръ, не думая и не помышляя о сосѣдяхъ, продолжалъ въ хорошую погоду забираться на свое любимое мѣстечко на сѣно и проводить тамъ цѣлые часы за чтеніемъ. Хотя и пріѣхали сосѣди, но тишина и уединеніе у забора не нарушались ничѣмъ. Садъ у Чемодановыхъ былъ огромный; быть можетъ тамъ, ближе къ дому, его теперь и расчистили, но въ эту сторону все-же никто не заглядывалъ. Сколько разъ ни прикладывалъ Александръ глазъ къ прорѣзанной имъ доскѣ, онъ ничего новаго не видѣлъ по ту сторону.

Но вотъ, однажды, это было уже къ концу августа, лежа по обычаю на сѣнѣ, ухомъ почти у самаго отверстія, разслышалъ Александръ за заборомъ какой-то шорохъ. Онъ повернулъ голову и сталъ гля-

Bayerische
Staatsbibliothek
München

дѣть. Шорохъ приближается, есть кто-то тамъ, за ближними кустами, кто-то раздвигаетъ вѣтки — и вдругъ, въ двухъ шагахъ отъ себя, по ту сторону забора, онъ видитъ стройную фигуру дѣвушки. Онъ глядитъ не шелохнувшись, затаивъ дыханіе... Юное розовое личико съ большими черными глазами все дышащее свѣжестью и здоровьемъ, пышныя складки кисейной рубашки вздымаются на высокой груди, голубой шелковый сарафанъ охватываетъ гибкій и стройный станъ, длинная, темная, перевитая лентой коса спускается до колѣнъ. Дѣвушка оглядывается. Чтó выражается въ лицѣ ея—сразу разобрать трудно: любопытство, сожалѣніе о чемъ-то... Богъ ее вѣдаетъ!..

Вотъ она склонилась, опустилась на колѣни на траву и теперь уже видно ясно, что по лицу ея скользнуло тайное неудовольствіе, грусть, досада. Да, она недовольна, чѣмъ-то очень недовольна, такъ недовольна, что того и гляди заплачетъ.

Это неожиданное и милое видѣніе совсѣмъ очаровало Александра, онъ сразу все вспомнилъ, узналъ въ этой склонившейся въ двухъ шагахъ отъ него прелестной дѣвушкѣ свою маленькую подругу и, не помня себя, неудержимо воскликнулъ:

— Настя!

Она такъ вздрогнула, что даже схватилась рукой за сердце, даже нѣжная краска сбѣжала со щекъ ея. Она не шевелилась, чутко прислушиваясь.

— Настя!—еще разъ крикнулъ Александръ.

Она опять вздрогнула и въ лицѣ ея, быстро,

быстро смѣняя другъ-друга, промелькнули всевозможныя ощущенія. Тутъ былъ и ужасъ, и страхъ, и изумленіе, и стыдъ, и радость. Она глядѣла передъ собою и уже не могла теперь не замѣтить откуда идетъ этотъ голосъ. Она уже увидѣла отверстіе въ заборѣ... да и какъ это не замѣтила его сразу?! Что-же ей дѣлать? Бѣжать, скрыться,—это была первая мысль, когда мысли явились. Это было первое движенье, когда она получила способность двигаться. Но она не убѣжала, не скрылась.

— Кто-же это зоветъ меня?—проговорила она замирающимъ голосомъ.

— Я.

Александръ уже справился съ собою. Онъ уже былъ такимъ, какимъ знали его и товарищи, и учителя-монахи, и Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, то-есть смѣлымъ, бойкимъ, находчивымъ.

— Я зову, я...—заговорилъ онъ.—Не бойся, Настя, загляни вотъ сюда...—и онъ просунулъ черезъ отверстіе свою руку. — Загляни, тебя отъ того не убудетъ, тогда увидишь меня, а увидишь—можетъ и узнаешь.

Настя закрыла лицо руками, сердце ея такъ и колотилось, готово было выскочить. Бѣжать, скрыться... Она дѣйствительно приподнялась, но двинулась не назадъ, а впередъ, къ самому забору, и вотъ опять склонилась—и заглянула въ отверстіе.

И она увидѣла стройнаго красиваго юношу съ курчавыми волосами, съ мягкой русой бородкой.

И она узнала его, да и кто-же это могъ быть

другой? Это онъ, тотъ самый Алексаша, котораго она такъ любила будучи ребенкомъ, съ которымъ повидаться бѣгала сюда, когда не было тутъ еще этого высокаго забора, Алексаша, изъ-за кого такъ больно досталось ея уху отъ отца пять лѣтъ тому наназадъ. Это онъ, тотъ самый Алексаша, котораго она, по пріѣздѣ въ Переяславль, совсѣмъ было забыла, о комъ не думала цѣлыхъ три года, да потомъ вдругъ невѣдомо съ чего, года два тому назадъ, о комъ снова стала думать и думала все чаще и чаще, все больше и больше, о комъ мечтала, кого представляла себѣ, кого ждала, изъ-за кого съ такой радостью встрѣтила вѣсть о переѣздѣ въ Москву, по комъ, можетъ сама того не сознавая, томилась все это послѣднее время. Это онъ, о комъ думать и мечтать, опять-таки почти безсознательно, пришла сюда, на старое мѣсто ихъ свиданій, гдѣ съ тоскою и досадой увидѣла высокій заборъ, черезъ который ничего не видно, ничего не слышно...

Вотъ онъ какой!.. и онъ узналъ ее, и онъ глядитъ такъ ласково, такъ... она сама не знаетъ ка̀къ глядитъ онъ, только ей жутко и сладко отъ этого взгляда.

— Алексаша!—шепчутъ ея губы.

XIX.

«Никогда—значитъ: завтра»—такъ объяснилъ себѣ Александръ слова Насти и, конечно, это объясненіе было самымъ вѣрнымъ, единственнымъ ихъ объясненіемъ.

Прибѣжавъ домой, весь конецъ этого вечера, всю ночь и все утро Настя только и думала о томъ, что какъ это нынче неслышно да вяло, словно нитка въ веретенѣ подъ пальцами лѣнивой пряхи, — тянется время. Тревоженъ былъ сонъ Насти, и то и дѣло просыпалась она, приподымалась съ высокой перины и заглядывала въ слюдяное оконце, — что это такъ долго не свѣтаетъ!..

Рѣшила она раннимъ рано, какъ только мать займется по хозяйству, убѣжать въ садъ, туда, къ забору, и ждать — придетъ онъ либо нѣтъ... Но хотя-бы и пришелъ, а вѣдь она-то будетъ у забора раньше его и... хорошенько ему попеняетъ.

«Зовешь, молъ, молишь, я тутъ, а тебя вотъ и нѣту!..»

«Милый!» — этимъ словомъ заканчивала Настя каждую свою думу.

Но какъ ни велико было ея нетерпѣніе и страстное желаніе скорѣе быть тамъ, у забора, и поджидать его, она все-же таки подъ утро крѣпко заснула. Такъ заснула, что и не видѣла какъ взошло солнце.

Только солнце-то на этотъ разъ — глянуло было въ слюдяное оконце, да и скрылось, будто жаль ему стало своимъ яснымъ, горячимъ свѣтомъ тревожить утренній сонъ влюбленной дѣвушки. Скрылось оно и заволоклось все невѣдомо откуда собравшимися тучами. Подулъ надъ Москвою свѣжій вѣтеръ, тучи росли, охватили полнеба, стали надвигаться дальше и дальше и, черезъ часъ какой-нибудь, все окуталось сѣрой дымкой и зачастилъ ненастливый, безшумный дождикъ.

Прошелъ еще часъ, и другой, и третій. Наконецъ Настя проснулась, открыла глаза,—видитъ: не темно, да и свѣту мало. Неужь-то все еще не разсвѣтаетъ? Что это, будто шумитъ что-то? Она прислушалась. По жолобу съ крыши, у самаго окошка ея теремка, стекаетъ вода. Такъ и есть—дождикъ!

Настя даже громко ахнула.

А можетъ нѣтъ, можетъ это только такъ, почудилось?

Она легкимъ прыжкомъ очутилась на полу, подбѣжала къ окошку, подняла къ верху его раму и— сердце ея тоскливо заныло. На нее пахнуло холо-

домъ и сыростью. Она увидѣла сѣрое безпросвѣтное небо, совсѣмъ мокрые кусты и деревья сада. Вода такъ и бѣжала съ крыши; косой частый дождикъ вмигъ смочилъ ей руки. Она невольно выпустила оконную раму, и та съ шумомъ опустилась...

Настя долго стояла передъ окномъ неподвижно, и глубокая печаль изобразилась на прелестномъ лицѣ ея, сохранявшимъ въ себѣ еще много дѣтскаго. Глядя на нее, можно было подумать, что нежданное, ужасное несчастье обрушилось надъ нею.

Она безнадежно махнула рукой, взобралась на неуспѣвшую еще остыть перину, подобрала подъ себя свои маленькія похолодѣвшія ножки и горько, въ три ручья, заплакала.

Скоро ей и этого показалось мало: захотѣлось порыдать, да хорошенько, погромче, въ голосъ... Только боязно: того и жди мать войдетъ, не то мамушка, допрашивать будутъ, приставать, совсѣмъ замучаютъ,—еще тошнѣе станетъ.

Но все-же Настя нашла выходъ. Она зарылась головою въ подушки, натянула на себя со всѣхъ сторонъ свое стеганое, теплое одѣяло—и, устроившись такимъ образомъ, дала волю рыданіямъ. Нарыдалась она порядкомъ и на сердцѣ у нея отъ того немного полегчало.

Тогда она выглянула изъ подушекъ и начала не спѣша одѣваться, гадая о томъ—перестанетъ къ вечеру дождикъ либо нѣтъ. Авось перестанетъ. Теперь вѣдь не осень, земля жадная—разомъ выпьетъ всю воду, впитаетъ въ себя всю сырость — и въ садъ можно будетъ вытти послѣ заката...

На этомъ Настя и успокоилась.

Надежды ея, однако, не оправдались. Дождь шелъ весь день и весь вечеръ неперестаавая, да и на слѣдующее утро было не лучше. Долгое ненастье остановилось надъ Москвою и, казалось, конца ему не будетъ. Московскія улицы превратились въ настоящія болота, а у «Покрова на грязи», гдѣ и въ іюльскую засуху никогда не высыхали огромныя лужи и гдѣ, поэтому, весь день раздавалось несмолкаемое гусиное и утиное гоготанье, а по вечерамъ даже квакали старожилы-лягушки, — теперь образовалось разливное море. Не только уже пройти, но и проѣхать не было никакой возможности—развѣ что въ лодкѣ. Сущее наказанье!..

Сплошныя лужи стояли и въ чемодановскомъ саду и ужь, конечно, Настѣ нельзя было не только убѣжать въ глубь сада, но и выйти на крылечко. Да и чтó-бы она стала дѣлать теперь въ саду, у забора? Развѣ онъ выйдетъ, развѣ можетъ онъ вообразить, что она въ такое ненастье выберется изъ дому?! Настѣ оставалось одно утѣшеніе — сидѣть по часамъ у своего оконца и, когда дождь временно затихалъ, подымать кверху раму и глядѣть — не расчищается-ли гдѣ на небѣ, и наблюдать какъ внизу, на дворѣ, часть котораго видна изъ оконца, дворовые ребятишки, подобравъ до груди рубашенки, съ визгомъ и смѣхомъ купаются въ лужахъ.

Настя совсѣмъ изнывала, — и ея влюбленность, страстная, мучительная жажда свиданія съ Александромъ—все росли да росли.

XX.

Александру, въ эти ненастные дни, было не лучше. Само-собою—онъ не зарывался головой въ подушки, не плакалъ, не рыдалъ—но онъ былъ золъ на весь міръ Божій. Въ первые два вечера, не смотря на дождь и слякоть, онъ все-же часа по два, а можетъ и больше, проводилъ у сосѣдскаго забора, не чувствуя какъ дождевыя струи заливаются съ вѣтокъ ему за воротъ кафтана, какъ насквозь промокаютъ сапоги. Онъ навѣрное зналъ, что Настя ве выйдетъ и не можетъ выйти,—а все-же не трогался съ мѣста, неотрываясь глядѣлъ, черезъ проломленную доску, на огромные мокрые листья лопуховъ сосѣдскаго сада.

Въ Андреевскій онъ не отправлялся, — да туда теперь и проѣзду-то не было. У себя, въ своей горницѣ, пробовалъ онъ работать—только что-то мало

толку выходило изъ его работы. Смотритъ въ книгу, либо переводитъ латинскую грамоту—и ничего не понимаетъ, поглупѣлъ совсѣмъ.

А тутъ еще и такое сотворилось: на пятый день ненастья, въ послѣобѣденную пору, сидѣлъ у себя Александръ за книгой—и вдругъ услышалъ какъ къ крыльцу будто кто подъѣхалъ. Глянулъ онъ въ оконце—и видитъ: огромнѣйшая колымага, шестерикомъ, вся въ грязи. Остановилась та колымага у самаго крыльца и вылѣзаетъ изъ нея самъ Иванъ Михайловичъ Матюшкинъ. Александръ свѣту не взвидѣлъ. Этого еще недоставало!..

Въ первую минуту хотѣлъ было онъ просто уйти изъ дому, чтобъ не видѣть Матюшкина, да рѣшилъ, что только хуже отъ этого будетъ—съ отцомъ потомъ и не справишься. Нѣтъ, надо послушаться совѣта Ртищева, быть осмотрительнымъ и на грозу не напрашиваться...

Совсѣмъ запыхавшись и въ тревогѣ вошла къ сыну Антонида Гелактіонова.

— Санюшка, золотой ты мой,—зашептала она перепуганнымъ шепотомъ,—подь скорѣе къ отцу... зоветъ... Иванъ Михайлычъ наѣхалъ...

— Такъ вѣдь онъ не ко мнѣ, а къ батюшкѣ... и прежде наѣзжалъ, а меня не звали, — желая знать не скажетъ-ли мать чего новаго, проговорилъ Александръ.

— То было одно время, а нынѣ—другое,—еще испуганнѣе шепнула Антонида Гелактіоновна,—свадьбу-то они хотятъ поскорѣе сладить, обо всемъ ужь

промежь себя перетолковали, теперь только дотолковываютъ... Вишь ты... Иванъ-то Михайлычъ и на непогоду не посмотрѣлъ, самъ пріѣхалъ, великое почтеніе оказываетъ... отецъ-то и радъ — почтеніе любитъ... Иди ты скорѣе, Санюшка, не гнѣви отца... и... упаси тебя Боже... не убей ты меня... покорись отцу... не губи себя и меня...

Она вся задрожала—и вдругъ повалилась сыну въ ноги.

Онъ совсѣмъ растерялся, кинулся подымать ее; но она выпустила его только когда онъ обѣщался ей быть почтительнымъ съ отцомъ и Матюшкинымъ и ни въ чемъ имъ не перечить.

Онъ сошелъ внизъ. Въ пріемномъ покоѣ, томъ самомъ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ Ртищева, на лавкѣ подъ образами сидѣлъ Матюшкинъ. Александръ уже давно зналъ эту фигуру и давно, можетъ по предчувствію, питалъ къ ней почти отвращеніе. Матюшкинъ былъ еще не старъ, сухощавъ, держался прямо, видъ имѣлъ важный и на первый взглядъ его можно было найти даже красивымъ человѣкомъ. Черты его лица были правильны, волосы густы и въ кудряхъ, борода длинная, съ просѣдью...

Но Боже мой, что́ сдѣлала жизнь изъ этого лица! Очертаній его она, конечно, не тронула, только наложила на нихъ печать всего, что пережилъ, передумалъ, перечувствовалъ и совершилъ человѣкъ... Не надо обладать какими-либо тайными знаніями, надо только наблюдать и умѣть разбираться въ своихъ наблюденіяхъ, чтобы безошибочно, по лицамъ людей,

узнавать ихъ жизнь и свойства ихъ характеровъ. Стóитъ вспомнить и прослѣдить во времени знакомыя лица. Человѣкъ, рожденный некрасивымъ, годъ за годомъ подходя къ зрѣлому возрасту, дѣлается все пріятнѣе и пріятнѣе и, наконецъ, превращается въ прекраснаго старца. Онъ сознательно и доблестно боролся съ жизнью, онъ очистилъ и возвысилъ свою душу—и вся эта внутренняя работа отразилась въ лицѣ его. Другой человѣкъ родился красавцемъ и въ юномъ своемъ возрастѣ привлекалъ всѣ взгляды; достигнувъ среднихъ лѣтъ, онъ «подурнѣлъ до неузнаваемости», а подъ вечеръ своей жизни оказывается отвратительнымъ старикомъ. Такая перемѣна въ немъ не отъ лѣтъ, не отъ морщинъ, а только оттого, что онъ принизилъ, исказилъ свою душу. Не отъ насъ зависитъ красота нашихъ тѣлесныхъ очертаній; но только отъ насъ, и ни отъ кого и ни отъ чего больше, зависитъ, втеченіе жизни, сдѣлать свое лицо, все-равно —красивое-ли, дурное-ли,—привлекательнымъ или отталкивающимъ. И если слова наши и улыбки обманываютъ людей, не умѣющихъ или не желающихъ вглядываться, — никогда лицо наше не обманетъ серьезнаго наблюдателя.

Такъ и лицо Матюшкина, стоило въ него вглядѣться, производило отталкивающее впечатлѣніе. Отъ человѣка съ такимъ выраженіемъ и взглядомъ нельзя было ждать ничего добраго, искренняго, благороднаго. Эта была хитрая, безсердечная, жадная и алчная лисица, находившая теперь для себя выгоднымъ представляться добродушной и ласковой.

— А вотъ и нашъ молодецъ!—съ дѣланной веселостью воскликнулъ Матюшкинъ при входѣ Александра, который почтительно ему поклонился.—Здорово, братецъ, здорово! радъ я тебя видѣть... съ родителемъ твоимъ большую дружбу веду, а тебя рѣдко вижу... Что никогда ко мнѣ не навѣдаешься?

Александръ опустилъ глаза и отвѣтилъ:

— Безпокоить тебя боюсь, Иванъ Михайловичъ, чтó я такое, чтобы такого занятого и важнаго человѣка утруждать собою... а коли прикажешь, я съ превеликимъ удовольствіемъ у тебя буду—и благодарствую за твою милость и ласку...

Проговоривъ это, Александръ невольно вспыхнулъ и подумалъ:

«Что-жь это я!.. эка низость какая... да и не пересолилъ-ли?..»

Но онъ не пересолилъ. Никита Матвѣевичъ, не ждавшій отъ сына такого разумнаго и почтительнаго отвѣта, а даже не на шутку боявшійся «Лексашкиной дурости и предерзости»—въ удовольствіи сталъ поглаживать себѣ бороду. Матюшкинъ одобрительно кивнулъ головой и движеніемъ руки пригласилъ Александра помѣститься на лавкѣ рядомъ съ собою.

— Та-а-къ!—протянулъ онъ.—Это хорошо, что ты къ старшимъ почтителенъ, только и между старшими знать надо — отъ кого тебѣ можетъ польза быть, а отъ кого вредъ одинъ... Вотъ мы съ родителемъ о тебѣ толковали... Хочешь ты моего совѣта послушать али нѣтъ?

— За великую для себя честь и милость почту, Иванъ Михайловичъ,—опять краснѣя и опуская глаза сказалъ Александръ...

— Ну, такъ слушай. Попалъ ты, вишь, въ руки Ртищеву, по оплошности Микиты Матвѣевича...

— И николи я себѣ ту оплошность не прощу... на льстивыя, обманныя слова понадѣялся,—ввернулъ Никита Матвѣевичъ.

— Что сдѣлано, то сдѣлано, — продолжалъ Матюшкинъ,—а теперь ты самъ долженъ видѣть, не малолѣтокъ вѣдь, что тебѣ надыть отъ Ртищева отойти и у другихъ людей, не менѣе сильныхъ да болѣе благорасположенныхъ, поискать своего счастья.. Къ дѣлу тебѣ пора пристроиться и вотъ я твоему родителю обѣщаюсь промыслить о тебѣ и мѣстечко дать, съ котораго ходъ-бы тебѣ былъ хорошій... Выученъ ты всякимъ наукамъ, только науки эти врядъ-ли пригодны, а коли разумъ въ тебѣ есть, да коли ты человѣкъ понимающій благодѣянія и незабывающій ихъ—я тебя такъ устрою... ну, словомъ, какъ сына родного... Чувствуешь?

Александръ хотѣлъ говорить — и не могъ: ужь больно это ему противно стало.

Никита Матвѣевичъ затревожился.

— Чего-жь это ты молчишь? — багровѣя, строгимъ голосомъ произнесъ онъ глядя на сына.—Слышалъ, чай... Али на тебя столбнякъ нашелъ?!

— И то столбнякъ .. словъ не нахожу... не знаю... какъ благодарить... — съ трудомъ выговорилъ Александръ.

— То-то-же! — сказалъ, успокоиваясь, Никита Матвѣевичъ.

— И не ищи словъ, отблагодарить успѣешь,— усмѣхнулся Матюшкинъ,—я не Ртищевъ, за посулы благодарности не требую... Такъ знай: я тебя на сихъ дняхъ жду къ себѣ, обдумаю я кое-что, переговорю съ кѣмъ надо...

— Ступай себѣ!—важно и внушительно объявилъ Никита Матвѣевичъ.

Александръ съ превеликою радостью откланялся Матюшкину и вышелъ.

Съ полчаса еще, коли не больше, просидѣлъ Иванъ Михайловичъ въ бесѣдѣ съ Залѣсскимъ. Пропустили они оба по нѣскольку чарочекъ старой заморской романеи.

Когда колымага именитаго гостя отъѣхала—Никита Матвѣевичъ захлопалъ въ ладоши и на весь домъ кликнулъ сына. Антонида Гелактіоновна услышала этотъ зычный голосъ, да какъ шла черезъ комнату, такъ, со страху, и присѣла на полъ. Александръ подбодрилъ себя, успокоилъ и сошелъ къ отцу.

— Что приказать изволишь, батюшка?

— А вотъ чтó, сынокъ: у насъ нынѣ четвертокъ, а въ воскресенье, послѣ обѣдни, ѣдемъ мы съ тобою къ Ивану Михайловичу. Все облажено. Готовься къ вѣнцу... времени терять нечего.

Александръ молчалъ.

— Чего ты молчишь? — раздраженно крикнулъ отецъ.—Дурость-то твою изъ головы вышибло?

— Вышибло... — растерянно проговорилъ Александръ.

— Какъ ты говоришь?

— Вышибло, говорю... Я противъ твоей воли итти не могу... Объ одномъ прошу: не торопи ты меня, батюшка, дай оглядѣться...

-- Сколько-жь это тебѣ времени оглядываться и чего оглядываться-то?.. Эхъ, Лексашка, говорю: не дури и не перечь мнѣ...

— Ну, хоть мѣсяцъ дай сроку, батюшка...

— Пустое!... да что ты, дѣвка что-ли, чтобъ ломаться!.. Другой въ ноги-бы поклонился... вѣдь Матюшкинъ... онъ что̀ обѣщаетъ-то!.. какъ только обвѣнчаютъ васъ, такъ онъ царю о тебѣ челомъ бить будетъ...

— Я въ твоей волѣ,—блѣднѣя выговорилъ Александръ.

XXI.

Ночью съ четверга на пятницу наконецъ прояснило. Свѣжій вѣтеръ стихъ и еще на зарѣ повѣяло вешнимъ тепломъ. Солнце взошло весело и, при первыхъ же лучахъ его, остатки вчерашнихъ тучъ растаяли на небосклонѣ. Часа черезъ три солнце поднялось ужь высоко въ безоблачномъ небѣ, душистый запахъ пышно распустившихся вѣтокъ сирени и черемухи стоялъ въ тепломъ, недвижномъ, будто замороженномъ воздухѣ. Земля, пресыщенная и упоенная, быстро просыхала.

Когда Александръ вышелъ утромъ на крыльцо и глянулъ кругомъ себя — онъ невольно широко перекрестился и громко вымолвилъ: «Слава Тебѣ Господи!» Это улыбавшееся ему теплое лѣтнее утро призывало его къ спѣшному и рѣшительному дѣйствію

и, своимъ безмятежнымъ свѣтомъ, будто сулило ему удачу.

Вѣдь и то — времени терять было нечего, надо было немедля добыть Ѳедора Михайловича Ртищева, повѣдать ему вчерашнее, убѣдить его въ родительскомъ упрямствѣ и просить скорой помощи. Ртищевъ самъ увидитъ, что если эта помощь не придетъ до воскресенья, то, по всему судя, неминучая бѣда ждетъ Александра...

Но прежде чѣмъ итти искать Ртищева во дворцѣ либо въ Андреевскомъ, Александръ, первымъ дѣломъ, поспѣшилъ въ садъ. Сердце громко говорило ему, что Настя тамъ, среди заповѣдныхъ лопуховъ, что она ждетъ его.

И сердце его не обмануло. Когда онъ осторожно, безшумно вынулъ все еще влажный отъ дождя кусокъ доски и заглянулъ въ отверстіе — первое что̀ онъ увидѣлъ, были глаза Насти. Она глядѣла прямо на него, но дѣлала видъ, что его не замѣчаетъ.

— Настя! — шепнулъ онъ, — я здѣсь...

Она и теперь еще хотѣла притвориться будто не слышитъ его, но не смогла этого. Густая краска сразу залила хорошенькое, полное весенней свѣжести и тепла дѣвичье личико. Рука Александра поймала ея руку. Но такъ они не могли говорить, то есть должны были говорить слишкомъ громко, а потому руки ихъ разомкнулись и оба они припали лицами къ отверзтію въ заборѣ.

— Я уйду, строгимъ шопотомъ говорила Настя, — да и тебѣ видно недосугъ... Ждала я, ждала...

— Прости... вѣдь сыро было... ну могъ-ли я помыслить, что ты въ этакую рань придешь...—страстно отвѣчалъ онъ, ужасаясь, что потерялъ столько дорогого, блаженнаго времени и, вмѣстѣ съ этимъ, радуясь, что она «ждала, ждала его!»

Однако, такъ говорить — глазами и носомъ къ сырой и шершавой, пахнувшей грибами и плесенью доскѣ—было куда неловко и обидно. Вдругъ никогда до этой минуты неприходившая мысль пришла въ голову.

— Батюшки! ну что-жь это я за дурень! — воскликнулъ Александръ, да такъ громко и съ такою злобой на себя, что Настя перепугалась.

— Что такое? что сталось — тревожно спрашивала она.

— Да какъ же не дурень! — все съ бóльшимъ и бóльшимъ негодованіемъ на себя продолжалъ онъ.— Развѣ такъ можно намъ быть... когда этотъ проклятый заборъ между нами?

Настя не понимала.

— А то какъ-же?—въ недоумѣніи прошептала она.

— А такъ вотъ, что я давно долженъ былъ прорубить двѣ доски и устроить, чтобы можно было вынимать ихъ, а потомъ опять вкладывать... И легко это, ничего нѣтъ труднаго тутъ, только время надо, чтобы сдѣлать безъ шуму, съ опаской... ночью надо было сдѣлать... Ну, не дурень я?..

— И-и, чтó съ тобою, какъ тебѣ такое и на мысль взбрело! — даже руками замахала Настя,—да

ежели ты доски выломаешь, я къ забору—ни ногой... Только ты меня и видѣлъ...

Но ужь новая мысль появилась въ головѣ Александра.

— Ладно!—сказалъ онъ, вставая на ноги и глядя на заборъ, до самаго его верху, утыканному кольями. На аршинъ съ небольшимъ выше отъ отверстія онъ увидѣлъ въ доскѣ плохо соструганный толстый сучекъ, настолько плохо соструганный что онъ могъ служить мгновенной точкой опоры. Еще выше къ забору протянулась крѣпкая вѣтка березы и почти совсѣмъ прилегла на заборъ. Съ той стороны, въ чемодановскомъ саду, то-же большіе кусты и деревья,—авось и тамъ есть за что зацѣпиться...

Все это Александръ увидѣлъ и сообразилъ настолько быстро, насколько требовательно и сильно было въ немъ неудержимое желаніе увидѣть и обнять Настю. Незадумываясь больше, онъ подпрыгнулъ, вложилъ ногу въ отверстіе рискуя, что носокъ его сапога можетъ очутиться почти въ соприкосновеніи съ личикомъ Насти, ухватился за сучекъ въ заборѣ и потомъ, изловчившись, дотянулся до вѣтки березы. Главная трудность была побѣждена. Оставались колья; но черезъ мигъ два изъ нихъ, по счастью уже нѣсколько подгнившіе, были сворочены сильной рукой. Прежде чѣмъ Настя могла сообразить что́ это такое происходитъ, она, съ истиннымъ ужасомъ, увидѣла высоко надъ собою, на верхушкѣ забора, Александра.

Она хотѣла крикнуть — и не могла, совсѣмъ застыла на мѣстѣ съ прижатыми на груди руками и, широко раскрывъ глаза, глядѣла не мигая.

Между тѣмъ Александръ сразу убѣдился, что въ чемодановскомъ саду древесныя вѣтки будто нарочно такъ расположились, чтобъ дать ему возможность безъ всякихъ затрудненій спуститься на землю. Казалось — эти умныя вѣтки громко, чуть что не на языкѣ человѣческомъ, приглашаютъ его скорѣе довѣриться имъ и достигнуть страстно желаемой цѣли. Онъ не заставилъ просить себя и Настя только успѣла слабо вскрикнуть, очутясь въ его крѣпкихъ объятіяхъ.

Она не защищалась, не думала о бѣгствѣ. То, что случилось, было для нея такою невозможностью и такъ ее поразило, что показалось сномъ. Она потеряла всякую способность соображать, у нея кружилась голова, мутилось въ глазахъ—и она только отвѣчала безсознательными поцѣлуями на его поцѣлуи. Сколько времени они цѣловались и обнимались—сказать трудно: и слишкомъ долго, и слишкомъ мало. Но на землѣ всему, даже и весеннимъ поцѣлуямъ, бываетъ конецъ, а потому Александръ и Настя все-таки перестали цѣловаться. Когда они перестали цѣловаться, то нѣсколько пришли въ себя и Настя поняла, что она не во снѣ. Она закрыла лицо руками и заплакала. Только, опять-таки, трудно сказать—отъ чего она больше плакала: отъ дѣвичьяго-ли стыда, или отъ того, что такъ скоро кончились эти сладкіе поцѣлуи и нельзя, страшно снова

къ нимъ вернуться. Она отчаянно, сквозь слезы, нѣсколько разъ повторила:

— Ахти мнѣ... что́ я надѣлала!.. стыдъ какой!.. Бога ради уходи... не губи ты меня!..

Но вдругъ ея слезы и причитанья остановились, она взглянула на Александра, крѣпко охватила его шею руками и вся такъ къ нему и прильнула...

Въ это время въ двухъ шагахъ отъ нихъ зашуршали кѣмъ-то раздвигаемыя вѣтки и въ рамкѣ изъ зелени показалось бородатое лицо Алексѣя Прохоровича Чемоданова.

XXII.

Вотъ и обмануло радостное утро, сулившее удачу!.. Какъ-же это случилась такая напасть?—да очень просто. И Алексѣй Прохоровичъ, несмотря на свои зрѣлые годы, важность и серьезный складъ мыслей, все-же не былъ настолько черствъ душою, чтобы оставаться равнодушнымъ къ красотамъ природы. Долгое ненастье изрядно ему надоѣло и ясное, душистое утро заставило его выйти въ садъ прогуляться. Отъ жены онъ узналъ, что Настя еще раньше его гулять побѣжала.

Походивъ нѣсколько минутъ передъ домомъ, оглядѣвъ все хозяйскимъ окомъ, Алексѣй Прохоровичъ пошелъ вдоль дорожки, обсаженной липами. Въ концѣ этой дорожки была лужайка и здѣсь, среди кустовъ сирени, стояла скамья, привычное мѣсто отдохновенiй и честолюбивыхъ думъ и мечтанiй Чемо-

данова. Скамья эта была теперь на солнышкѣ, а солнышко не пекло еще, а только пріятно грѣло.

Вотъ и помѣстился на скамью свою любимую Алексѣй Прохоровичъ, растегнулъ кафтанъ, поглядѣлъ на безоблачное небо, прислушался къ птичьему щебетанью, сталъ вдыхать своей широкой, могучей грудью душистый воздухъ. Хорошо ему стало, даже ни о чемъ не думалось, ничего не желалось...

Только вдругъ вспомнилъ онъ о дочери и, естественно, остановился на мысли — куда же это она дѣлась? Домой пройти такъ, чтобъ онъ ее не примѣтилъ — она не могла; нигдѣ ее не видно и не слышно. Взглянулъ онъ передъ собою на густую, свѣжую траву лужайки, еще не совсѣмъ просохшую— и увидѣлъ, что трава примята по направленію къ деревьямъ и кустамъ, за которыми скрытъ высокій заборъ, отдѣляющій его владѣнія отъ владѣній ненавистнаго сосѣда.

Слѣдъ на травѣ свѣжій... Чей онъ? конечно Насти... Такъ гдѣ же она? зачѣмъ туда пошла и что́ тамъ дѣлаетъ?.. Вѣдь тамъ чащоба, все заросло— только одёжу она себѣ попортитъ да оборветъ о репейники...

Онъ поднялся со скамьи и пошелъ по слѣду. Слѣдъ привелъ его къ самой гущинѣ кустовъ, черезъ которые надо было ужь не безъ труда пробираться.

Алексѣй Прохоровичъ остановился, хотѣлъ было крикнуть: «Настя!», да не успѣлъ еще раскрыть рта какъ услышалъ неподалёку нѣчто весьма странное;

кто-то какъ-бы обломалъ вѣтку что-ли—явственно слышно было какъ хрустнуло разъ и другой дерево.

Чемодановъ даже позабылъ въ это мгновеніе о дочери. Въ немъ проснулось чувство бережливаго хозяина. У него въ саду что-то ломаютъ, портятъ. Онъ прислушался. Неподалёку зашумѣли вѣтви... потомъ будто упало что... потомъ—молчаніе...

Онъ стоялъ и слушалъ, долго стоялъ и слушалъ— все тихо. Однако что-жь это такое?... Онъ вспомнилъ про Настю и вдругъ въ немъ шевельнулось какое-то неясное, смущающее подозрѣніе. Онъ не далъ ему въ себѣ упрочиться, подавилъ его, но все же, нагибаясь и тяжело дыша, сталъ осторожно пробираться сквозь кусты. На каждомъ шагу онъ останавливался и прислушивался... и вотъ близко отъ себя, совсѣмъ близко онъ разслышалъ явственный звукъ поцѣлуя.

Алексѣй Прохоровичъ кинулся впередъ, раздвинулъ кусты—и увидѣлъ свою дочь, обнимающую и цѣлующую невѣдомо какого молодого человѣка...

Алексѣй Прохоровичъ свѣту не взвидѣлъ. Изъ груди его вырвался какой-то почти нечеловѣческій крикъ и въ первую минуту онъ только этимъ крикомъ и заявилъ о своемъ присутствіи.

Молодые люди очнулись. Настя отчаянно завизжала и со всѣхъ ногъ кинулась въ кусты отъ отца. Александръ уже ухватился за дерево, чтобы скорѣе взобраться на заборъ, но крѣпкая рука опамятовавшагося Чемоданова схватила его за шиворотъ и

тряхнула такъ, что разомъ отлетѣло нѣсколько застежекъ отъ кафтана.

— Убью! —прорычалъ Алексѣй Прохоровичъ, стараясь подмять подъ себя своего невѣдомаго злодѣя. Но Александръ не потерялся. Онъ былъ ловокъ и силенъ, онъ извернулся и такъ оттолкнулъ отъ себя грузнаго Чемоданова, что тотъ не удержался на ногахъ. Воспользовавшись этимъ, молодой человѣкъ вскарабкался на дерево и, въ нѣсколько ловкихъ движенiй, цѣпляясь какъ бѣлка, достигъ верхушки забора. Чемодановъ поднялся на ноги и, задыхаясь отъ обиды и бѣшенства, крикнулъ:

— Трусъ подлый! воръ!

Александръ, уже готовый спуститься съ забора въ свой садъ и находившiйся въ полной безопасности, остановился, держась за колья наверху забора. Слова Чемоданова обдали его будто кипяткомъ и въ то-же время на него нахлынуло спокойствiе и рѣшимость.

— Нѣтъ, Алексѣй Прохоровичъ, я не трусъ и не воръ, — сказалъ онъ, — а что безъ вины сильно виноватъ я передъ тобою — это вѣрно, и какъ бы ты ни бранилъ и ни поносилъ меня — я вынесу, долженъ вынести...

— Да кто ты, кто ты, анаѳема?—завопилъ Чемодановъ.

— Я Александръ Залѣсскiй.

Чемодановъ побагровѣлъ, задрожалъ, разинулъ ротъ—и не могъ произнести слова. На него глядѣть было страшно.

Между тѣмъ Александръ продолжалъ:

— Зналъ я тебя, Алексѣй Прохоровичъ, въ дѣтствѣ моемъ и почиталъ отъ всего сердца... съ дочкой твоей, вѣдомо тебѣ, росъ я вмѣстѣ... назначили вы насъ другъ другу... Что ты съ родителемъ моимъ свару завели и вражду—въ томъ ни я, ни Настя неповинны. Любы мы другъ другу и хотимъ быть передъ Богомъ и передъ людьми мужемъ и женою. Въ томъ нѣтъ грѣха... Прости меня, Алексѣй Прохоровичъ, и будь ко мнѣ милостивъ, а я тебѣ, Богомъ клянусь, по гробъ жизни вѣренъ и почтителенъ пребуду.

— Пащёнокъ, ты еще издѣваешься надо мною!—прохрипѣлъ Чемодановъ.—Слѣзай сейчасъ сюда... я убью тебя, негоднаго, какъ собаку, за поруганіе моей чести!

— Надъ твоей честью никакого поруганія я не сдѣлалъ, а что цѣловалъ невѣсту мою, Настю, отъ этого не отпираюсь, убивать себя не дамъ, а ежели ты погубить вздумаешь единственную дочь свою, то отвѣтишь Богу.

Съ этими словами Александръ скрылся по ту сторону забора.

Чемодановъ долгое время не могъ опомниться и стоялъ неподвижно среди огромныхъ примятыхъ лопуховъ. На слова Александра онъ не обратилъ вниманія, да и врядъ-ли ихъ слышалъ. Онъ зналъ только одно, что надъ нимъ надругался сынъ его ненавистнаго врага, о которомъ и вспомнить-то ему было тошно. Еслибъ, въ первую минуту нахлынувшаго

гнѣва, Александръ не съумѣлъ отъ него вырваться и влѣзть на заборъ, куда грузному и неповоротливому Алексѣю Прохоровичу нечего было и думать за нимъ гнаться—онъ, можетъ быть, и дѣйствительно убилъ-бы его. Но первая минута гнѣва прошла— и воевода уже начиналъ овладѣвать собою.

Человѣкъ онъ былъ характера спокойнаго, разсудительнаго, не терялся и всякую бѣду, всякое затрудненіе умѣлъ обсудить со всѣхъ сторонъ. Не даромъ вѣдь чувствоваъ онъ склонность къ посольскому дѣлу...

Когда волненіе крови утихло и въ голову перестало стучать, Алексѣй Прохоровичъ выбрался изъ кустовъ, дошелъ до своей скамьи подъ сиренями, грузно опустился на нее, свѣсилъ бороду на грудь— и принялся обдумывать свое положеніе.

Какъ быть? выдать Настю за Алексашку Залѣсскаго? Но воевода сразу и безповоротно рѣшилъ, что «такой пакости не бывать». Да, не бывать, а между тѣмъ какъ-же избыть все это и что́ дѣлать съ Настей? Свою единственную, хорошенькую Настю онъ любилъ крѣпко, даже гораздо крѣпче, чѣмъ ему казалось. Изводить ее и губить—онъ объ этомъ не могъ и помыслить, и у него оставалась одна надежда, что еще ничего не потеряно, что Настя не такъ виновата, какъ ему показалось сразу. Можетъ тотъ негодяй подстерегъ ее, соскочилъ съ забора нежданно-негаданно, испугалъ ее...

Но вѣдь онъ помнилъ, что увидѣлъ какъ Настя сама обнимала и цѣловала негодяя! Забыть объ этомъ

онъ не могъ, не могъ заставить себя не помнить этого... И какъ ни поворачивалъ онъ, какъ ни искалъ выхода—ничего ни выходило...

«По враждѣ Залѣсскіе приворожили дѣвку!—вдругъ рѣшилъ онъ.—«Да, это Микиткиныхъ рукъ дѣло, онъ заодно съ сыномъ тутъ орудовалъ!.. по враждѣ, по злобѣ лютой чести меня лишить, опозорить дочь мою единственную задумалъ!.. вотъ оно что̀ и не можетъ быть иного... Такъ вѣдь за колдовство, за приворотъ, за порчу... казнь!.. Казнить ихъ, злодѣевъ!.. Итти къ царю, все повѣдать ему, бить челомъ... онъ не попуститъ—онъ прикажетъ судить ихъ и казнить!».

Алексѣй Прохоровичъ останавился на этой мысли и еслибъ сейчасъ онъ увидѣлъ царя, то и билъ-бы ему челомъ, и требовалъ-бы казни Залѣсскихъ. Но прошло двѣ-три минуты—и онъ сообразилъ, что если даже и добьется пытки и казни враговъ, то вмѣстѣ съ этимъ вынесетъ свой позоръ на улицу. Залѣсскихъ-то погубитъ либо нѣтъ—вонъ вѣдь за нихъ есть кому заступиться!—а самому съ Настей ужь не жить. Послѣ такого дѣла, послѣ огласки да позору—одно останется: все бросить, уѣхать съ женой и дочерью въ дальнюю вотчину и зачахнуть тамъ, хоронясь отъ людского ока. Но противъ такого конца возмущалась вся душа Алексѣя Прохоровича: не къ тому онъ направилъ жизнь свою.

Дѣло оказывалось превыше разума человѣческаго и мудрѣйшія головы посольскаго приказа не могли-бы разобрать его.

XXIII.

Положенiе Александра хоть и было тоже весьма тяжко, но все-же у него сразу являлась надежда, представлялся выходъ. Есть у кого попросить совѣта и защиты, есть на кого опереться. Онъ кинулся къ Ртищеву. Къ своему счастью, онъ захватилъ его во дворцѣ царскомъ.

По мѣрѣ того какъ онъ безъ утайки разсказывалъ Ѳедору Михайловичу свои бѣды и напасти,—тотъ все больше чему-то радовался и даже руки себѣ потиралъ отъ удовольствiя.

Когда Александръ кончилъ свой разсказъ—Ртищевъ вдругъ засмѣялся тѣмъ звонкимъ, веселымъ смѣхомъ, который въ немъ всегда такъ нравился юношѣ. Но на этотъ разъ такой смѣхъ былъ обиденъ.

— Θедоръ Михайлычъ, что-жь это ты? неужто я только смѣха достоинъ?—блѣднѣя проговорилъ Александръ.

— Вовсе не ты смѣха достоинъ, а постой малость—самъ смѣяться будешь, успокоиваясь отвѣдилъ Ртищевъ и продолжалъ:

— Слушай. Я вѣдь твоего дѣла не забылъ и какъ ты ушелъ тогда отъ меня, я тотчасъ-же приступилъ къ дѣйствiю... Вѣдомо-ли тебѣ, что на Москву прислано отъ дука венецейскаго посольство?

— Вѣдомо, самъ ты мнѣ о томъ, Θедоръ Михайлычъ, сказывалъ.

— А знаешь-ли, по какимъ дѣламъ то посольство изъ славнаго морского града Венецiи къ намъ прибыло?

— Того не знаю.

— Видишь ты, венецiане народъ сильный и богатый, республика ихъ владѣетъ большой силою, а всежь-таки турки не даютъ тѣмъ венецiанамъ покою. Значитъ—у нихъ съ нами врагъ общiй. Вотъ и прислалъ дукъ посольство къ царю нашему батюшкѣ, заслыша о преславныхъ побѣдахъ оружiя царскаго въ областяхъ польскихъ. Молитъ о помощи, проситъ его царское величество, чтобы приказать изволилъ донскимъ казакамъ грянуть на турокъ и тѣмъ самымъ отвлечь ихъ отъ Венецiи, дать ей малость вздохнуть да собраться съ силами. И другая есть у дука просьба—бьетъ онъ челомъ, дабы позволилъ царь венецiанамъ вольную торговлю въ Архангельскѣ.

Александръ начиналъ томиться,—онъ не могъ сообразить, куда это клонитъ Ртищевъ и какое можетъ быть отношенiе между посольствомъ венецiанскаго дука и труднымъ положенiемъ его, Александра.

Между тѣмъ Ртищевъ продолжалъ:

— Все это ладно—и казаковъ донскихъ на турокъ напустить можно, и венецiанамъ вольную торговлю въ Архангельскѣ дозволить не Богъ вѣсть чего стоитъ... Да вотъ въ чемъ бѣда: больно туго намъ самимъ теперь приходится—одну войну, польскую, къ концу приводимъ, а другая ужь надвигаетса... шведъ на насъ зубами щёлкаетъ... Казна царская пришла въ истощенiе, а на военныя потребы много казны требуется... И былъ у царя совѣтъ, и я былъ на томъ совѣтѣ; рѣшено: всякую подмогу оказать дуку венецейскому; но съ тѣмъ лишь, чтобы и онъ помогъ намъ казною, благо казны у Венецiи много. Сего для надумалъ государь послать въ Венецiю посольство, чтобы то посольство дуку все какъ есть втолковало, денегъ у него попросило и привезло ихъ на военныя наши нужды въ достаточномъ количествѣ...

Александръ все еще не понималъ; но у него ужь съ чего-то похолодѣло сердце.

— Стали толковать о томъ, кого-бы послать въ Венецiю, чтобы въ грязь лицомъ не ударить,—между тѣмъ говорилъ Ртищевъ,—и выбрали человѣка важнаго, обстоятельнаго, такого, что сумѣетъ на своемъ поставить и русской честью не поступится, не осрамится... На подмогу сему послу, для дѣлъ тонкихъ

и всякихъ хитростей, ловкаго дьяка назначили... Ну, о подаркахъ духу, о людяхъ посольскихъ, о всякой провизіи дорожной, о расходахъ и прочемъ—все обсудили. Тогда я и говорю государю: такъ, молъ, и такъ, хоша оно, конечно, переводчика тамъ легко достать для разговоровъ съ дукомъ и иными властями, а все-же тотъ переводчикъ Богъ его знаетъ каковъ еще окажется... можетъ перепутаетъ что́, не такъ передастъ... Своего-бы переводчика, хорошо знакомаго съ латинской грамотой и разговоромъ, имѣть при посольствѣ надо... «Откуда-жь взять такого?» говоритъ государь. А я ему: да изъ Андреевскаго, молъ...

— Батюшка, Өедоръ Михайлычъ, такъ неужто это ты меня?!—блѣднѣя воскликнулъ Александръ.

Ртищевъ усмѣхнулся.

— Тебя. И государь уже рѣшилъ... и завтра я тебя веду къ государю...

— Изъ Москвы... теперь—растерянно повторялъ Александръ.

Ртищевъ подернулъ плечомъ, что́ у него было знакомъ неудовольствія.

— Чтожь, оставаться здѣсь и жениться на Матюшкиной—лучше?.. Тряхни-ка, братецъ, разумомъ, да поразмысли... Жениться тебѣ рано—ничего еще ты не видѣлъ... годъ времени и ты подождешь, и невѣста подождетъ... Годикъ въ разлукѣ—вамъ обоимъ на пользу великую будетъ. Эхъ, Александръ, радоваться ты долженъ, да благодарить меня—вотъ что. Подумай только, чего-чего ты въ этотъ годъ

не наглядишься, чего-чего не узнаешь! Завидую я тебѣ...

— Да и я-бы завидовалъ, — произнесъ Александръ,—и я-бы радовался и руки тебѣ цѣловалъ... до встрѣчи съ Настей.

— И это я, братецъ, понимаю, только говорю опять: потерпи малость. Завтра я тебя къ царю сведу и уповаю, что ты меня не посрамишь передъ царскимъ величествомъ. Дѣла-же всѣ твои устрою, ручаюсь тебѣ въ томъ. Никита Матвѣевичъ и Матюшкинъ о женитьбѣ твоей и не заикнутся... Настя будетъ ждать тебя, а когда ты, съ Божьею помощью, изъ путешествія вернешься,—попирую я у тебя на свадьбѣ... Да что-жь ты меня не спросишь—кто посломъ-то назначенъ, къ кому ты подъ начало попадешь?

— Кто?

— Посломъ его царскаго величества въ Венецію назначается бывшій переяславскій воевода Алексѣй Прохоровичъ Чемодановъ.

Александръ вскочилъ съ мѣста.

— Что-жь это такое?—въ ужасѣ крикнулъ онъ,— да вѣдь это моя погибель?

— Кабы это была твоя погибель—я не сталъ-бы смѣяться,—весело сказалъ Ртищевъ,—а я вотъ безъ смѣху подумать не могу о томъ, какъ оно пречудесно вышло. Что ты — баба али человѣкъ со смысломъ? Въ годъ времени ты съ твоимъ будущимъ тестемъ изволь-ка подружиться хорошенько. А что

онъ тебя забижать на первыхъ порахъ не посмѣетъ— въ томъ, опять-таки, я тебѣ порукой...

Ртищевъ замолчалъ. Молчалъ и Александръ. Самыя противорѣчивыя мысли и чувства боролись въ немъ. И вотъ онъ вдругъ, сразу взглянулъ совсѣмъ иначе на свое дѣло...

Настя... разлука... годъ цѣлый... да вѣдь много-ли—годъ?.. А впереди—ширь какая, даль какая чудная, заманчивая! Всѣ мечты, давно манившія, осуществляются... Увидѣть міръ Божій, чужія земли, чужіе народы, чудеса заморскія, все что такимъ дивнымъ представлялось при первомъ словѣ, при первомъ намекѣ, встрѣченномъ въ книгѣ... Все увидѣть, узнать, испытать... Путешествіе... на кораблѣ... опасности, бури, приключенія... Боже, какъ хорошо, какъ чудно!

Юныя силы закипали въ Александрѣ, просили, требовали борьбы, простору — и борьба и просторъ шли навстрѣчу.

Александръ преобразился. Глаза засіяли, румянецъ залилъ щеки. Онъ кинулся къ Ртищеву, обнималъ его, цѣловалъ ему руки.

— Ну, то-то же, то-то же!.. понялъ! — говорилъ, совсѣмъ растроганный, Ѳедоръ Михайловичъ.

XXIV.

Благочестивѣйшій, «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ достигъ уже въ тѣ годы полнаго разцвѣта своихъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ. Возрастомъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, онъ, и по обстоятельствамъ своей жизни, и по своимъ врожденнымъ свойствамъ, рано отлился въ тотъ опредѣленный, цѣльный, крайне интересный и привлекательный для безпристрастнаго изслѣдователя образъ, который сохранилъ до конца жизни.

Наименованія благочестивѣйшаго и тишайшаго представляютъ самую вѣрную его характеристику. Глубокое благочестіе и «тихость», то-есть спокойствіе, чуждое, однако, безжизненности и вялости—было основой его природы. Обладая прекрасными способностями, яснымъ умомъ и справедливымъ серд-

цемъ, онъ обошелъ всѣ подводные камни, воздвигнутые судьбою на его пути.

Послѣ царя Михаила Өедоровича онъ остался юношей во главѣ обширнаго, неустроеннаго государства, требовавшаго громадныхъ силъ для своего устроенія. Конечно, со стороны ближнихъ людей было сдѣлано все, чтобы обезличить юнаго властелина, превратить его въ удобное и мягкое какъ воскъ орудіе къ достиженію самыхъ разнородныхъ цѣлей, неимѣющихъ ничего общаго съ истиннымъ благомъ государства. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что въ первые годы борьба была слишкомъ неравна и неопытный юноша не разъ подчинялся дурному вліянію приближенныхъ, а главное—вліянію великаго честолюбца, боярина Морозова.

Но все-же ни Морозову, ни кому другому не удалось обезличить царя и воспитать его для себя, а не для Россіи. Юноша неутомимо работалъ, вглядывался, вслушивался, интересовался всѣмъ и рѣшалъ всѣ вопросы прежде всего «про себя», съ двумя вѣрными совѣтниками—со своимъ разумомъ и со своимъ сердцемъ. Незамѣтно, но неустанно, а потому быстро, во всѣхъ существенныхъ вопросахъ онъ освобождался изъ-подъ чуждыхъ вліяній.

Онъ былъ проникнутъ глубокимъ сознаніемъ своего великаго призванія. Онъ съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ себя самодержавнымъ, слѣдовательно отвѣтственнымъ передъ Богомъ, царемъ—и всею душою, въ искренней, теплой молитвѣ, прибѣгалъ подъ защиту и руководительство Божественнаго Промысла. Его

истинное самодержавіе выражалось не въ грозѣ и страхѣ, а въ спокойномъ благоволеніи, за которымъ чувствовалась именно твердая «ко всякому благу воля». Его во многихъ отношеніяхъ знаменательное и важное для судебъ Россіи царствованіе носитъ на себѣ явную печать его тихаго и вдумчиваго, спокойно-царственнаго образа.

Онъ не былъ способенъ на такую борьбу, громъ и блескъ которой доносятся до небесъ и проникаютъ въ глубину моря. Онъ не могъ, въ могучемъ и вдохновенномъ порывѣ, ломать громадное зданіе и перестраивать его заново. Но онъ былъ именно тотъ человѣкъ, который въ силахъ расчистить путь для побѣднаго шествія исполина рушителя-строителя, подготовить матерьялъ для его гигантской работы. Въ этой подготовкѣ матерьяла, въ этой расчисткѣ пути для великаго преобразователя заключалась миссія царя Алексѣя Михайловича—и онъ выполнилъ ее блистательно.

Какъ сознательно, такъ и безсознательно, по требованіямъ своей духовной природы, царь стремился ко всяческому согласію и благообразію. Ежедневно сталкиваясь, тѣмъ или инымъ путемъ, съ самыми разнообразными проявленіями современной ему русской жизни, онъ не могъ не видѣть и не чувствовать, что въ этой жизни далеко не все—согласіе и благообразіе.

Такой человѣкъ какъ онъ, полный сознаніемъ своего призванія, конечно, долженъ былъ любить родину всей душой и неусыпно думать о судьбѣ ея.

Откуда-же добыть идеалъ красоты, осуществленіе завѣтныхъ согласія и благообразія, къ которымъ онъ стремился? Онъ зналъ, что не найдетъ этого на востокѣ, на томъ востокѣ, который такъ дорого обошелся Россіи. Онъ имѣлъ самое высокое, непровѣренное личнымъ знакомствомъ, представленіе о западѣ, узнавалъ постоянно о самыхъ лучшихъ сторонахъ западнаго просвѣщенія и жизни. Поэтому естественно, что всякое благо, необходимое для Россіи, ему представлялось идущимъ съ запада. Ему постоянно въ тихихъ мечтахъ, грезилось то, что̀ великій сынъ его и преемникъ разглядѣлъ на-яву своимъ орлинымъ взглядомъ, что онъ поднялъ на могучія рамена свои и перенесъ на родную почву, предоставивъ потомкамъ, въ потѣ лица, разобрать эту громадную, завѣщанную имъ ношу.

Царь Алексѣй Михайловичъ не упускалъ никакого случая, дававшаго ему возможность сближенія съ западной Европой. Поэтому мысль о посольствѣ въ Венецію весьма его заинтересовала. Вечеромъ, оставшись наединѣ съ Ртищевымъ, онъ снова вернулся къ этому предмету, что́ было на руку Ѳедору Михайловичу. При этомъ постельничій примѣтилъ, что царь какъ-то особенно благодушенъ и веселъ. Онъ воспользовался этимъ и подробно разсказалъ о злоключеніяхъ своего ученика и любимца, Александра Залѣсскаго.

Царь очень заинтересовался судьбой молодого человѣка, отъ души посмѣялся, подивился стеченію обстоятельствъ и сказалъ:

— Оно и забавно, да и поученія достойно... Дѣло житейское, но и въ такомъ дѣлѣ видѣнъ перстъ Божій. Насадить, на мѣсто вражды и зла, родство и любовь—дѣло благое, и я такое дѣло возьму на себя съ радостью... А и занятно-же, право! Только будемъ мы съ тобою, Өедоръ Михайлычъ, держать все сіе промежь себя втайнѣ. Ты—ни гу-гу, и я то-же. Привези завтра ко мнѣ пораньше своего разумника, погляжу я на него... Только, чтобъ объ этомъ досужіе языки попусту не болтали, проведи ты его не черезъ постельное крыльцо, а чернымъ ходомъ...

— Въ точности исполню, государь, приказъ твоего величества... порадовалъ ты мое сердце милостью къ моему парнишкѣ,—тихо произнесъ Ртищевъ, откланиваясь царю.

— А ты видно крѣпко его любишь, Михайлычъ?

— Крѣпко, государь!.. парень-то больно хорошъ, не парень, а золото... честью послужитъ... жду я отъ него не мало пользы...

— Ну, и слава Богу,—сказалъ ласковый царь, прощаясь со своимъ преданнымъ и любимымъ слугою-другомъ.

XXV.

Раннія обѣдни отошли. Солнце начинаетъ припекать. По улицамъ просыхаютъ лужи, оставшіяся послѣ недавняго ненастья; но пыли еще нѣтъ. И весь городъ, залитый солнечнымъ свѣтомъ, разукрашенный свѣжей зеленью, наполненный веселымъ воробьинымъ щебетаніемъ, имѣетъ праздничный видъ

Грузная колымага катится по направленію къ царскому дворцу. Кучеръ кричитъ на прохожихъ, поспѣшно бросающихся въ сторону отъ этого безпощаднаго окрика. Еще нѣсколько минутъ—и колымага остановилась, не доѣзжая до дворца.

Тутъ уже вытянулись въ линію и другія колымаги. Съѣздъ не малый. Ближе ко дворцу пріѣзжихъ не пускаютъ и, какова-бы ни была погода, надо вылѣзать изъ экипажа и до крыльца итти пѣшкомъ.

Изъ остановившейся колымаги вышелъ толстый человѣкъ величественнаго вида, одѣтый въ богатый парадный кафтанъ, очевидно сшитый давно, но не часто надѣвавшійся и теперь значительно узкій для раздавшейся въ ширь важной фигуры. Пріѣхавшій, выйдя изъ колымаги, оглядѣлся, снялъ высокую свою шапку, помолился на церкви, и, медленно расправляя засидѣвшіяся въ непривычномъ положеніи ноги, пошелъ къ царскому крыльцу.

Глядя на этого медленно и важно шедшаго человѣка, трудно было рѣшить—съ радостью или съ неудовольствіемъ идетъ онъ во дворецъ. Важность въ немъ великая, осанка горделивая, замѣчается и довольство; а въ то-же время на лицѣ не то смущенье, не то большая забота изображается. Оно и немудрено, такъ какъ этотъ важный человѣкъ, облеченный въ парадный богатый кафтанъ, никто иной, какъ Алексѣй Прохоровичъ Чемодановъ.

Наканунѣ къ вечеру онъ получилъ приказаніе явиться утромъ, послѣ ранней обѣдни, во дворецъ. Ему нежданно и негаданно объявлена была большая царская милость—исполнилось давнишнее его желаніе, мечта долгихъ лѣтъ превратилась въ дѣйствительность. Царь назначаетъ его посломъ къ дуку венеціанскому.

Въ первую минуту, узнавъ объ этомъ, онъ не вспомнилъ себя отъ радости. Такое оказанное ему отличіе и довѣріе царское сразу вышибло изъ его головы всю бѣду, стрясшуюся надъ нимъ утромъ. Забылъ онъ и про свою Настю, и про враговъ Залѣсскихъ, забылъ про все.

«Ишь ты... въ Венецію... къ дуку... шутка!—повторялъ онъ громко.—Оно конечно, лучше-бы къ шведу либо къ ляху. Ближе, безопаснѣе, знакомѣе. А то ишь ты — за море къ итальянцамъ... Шутка!! Еще какъ доѣдешь...»

Онъ задумывался и соображалъ:

«Да вѣдь это что-же такое!.. вѣдь это значитъ— по морю, вокругъ свѣта, на кораблѣ! Господи, страсти какія! Вѣдь переводчикъ-то въ посольскомъ приказѣ чтó разсказывалъ про пути морскіе—бури, кораблекрушенія. Десять разъ Богу душу отдашь раньше чѣмъ доѣдешь...»

Первая радость проходила и уступала мѣсто невольному страху. Являлась мысль и о женѣ, и о Настѣ, о домѣ. Что-то начинало сосать сердце...

Но вдругъ надо всѣми этими ощущеніями поднималась мысль: «велико царское довѣріе, знать Чемодановъ уменъ, знать у него голова на мѣстѣ!.. Видно никого умнѣе не нашли! Да и гдѣ-же найти-то... Слава Тебѣ, Господи, — и о насъ вспомнили!..»

И опять что-то шевелилось въ сердцѣ; но ужь не тоскливое.

«Царь батюшка выбралъ, большое дѣло, первостепенной важности, поручаетъ, довѣряетъ... на разумъ и вѣрность воеводы Чемоданова надѣется— такъ ужь чего-же тутъ, къ чему думать о пути дальнемъ, о трудностяхъ и напастяхъ!.. Большое отличіе, большая милость!..»

Тревожную ночь провелъ Алексѣй Прохоровичъ все думая о предстоящемъ ему дѣлѣ, о предстоя-

щемъ ему пути. А когда засыпалъ, мерещилось ему ни съ чѣмъ несообразныя, все такія пріятныя вещи.

Только вотъ какъ поѣхалъ онъ во дворецъ, вдругъ назойливо стало припоминаться вчерашнее. И началось-то припоминанье съ такой мысли, что «вотъ, молъ, злодѣй Залѣсскій — на-ка, вкуси! вотъ въ какой чести мы, а ты, что?!»

Но вслѣдъ за этимъ представилось: «а обида? а Настя?.. Уѣдетъ онъ — и что-же тогда будетъ? А развѣ можетъ онъ эти дѣла такъ оставить. Нѣтъ, надо воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться царской милостью и, осторожно улучивъ минуту, бить челомъ. Пусть царь разсудитъ».

Онъ остановился на мысли просить у царя милости: немного времени бесѣды съ глазу-на-глазъ о своей обидѣ.

Обо всемъ этомъ думалъ Алексѣй Прохоровичъ подходя къ «крыльцу постельному», гдѣ подъ навѣсомъ, въ прохладѣ, собралось уже не мало болѣе или менѣе чиновнаго люда, имѣвшаго обычай и право толкаться здѣсь съ дѣломъ и безъ дѣла, съ утра до ночи.

Алексѣю Прохоровичу это «постельное крыльцо» давно было знакомо, какъ свои пять пальцевъ на рукѣ. Не мало часовъ своей жизни провелъ онъ здѣсь, вмѣстѣ съ разными дворянами, стольниками, стряпчими и дьяками, подобно ему стремившимися заручиться если ужь не царской милостью, то, по меньшей мѣрѣ, милостью какого-нибудь близкаго царю человѣка.

Подобно всѣмъ прочимъ, здѣсь онъ терзался затаенной завистью къ тѣмъ людямъ, которые имѣли право входа въ «верхъ», въ покои государевы. Здѣсь онъ послѣ многихъ неизбѣжныхъ поклоновъ, подслуживаній и всякихъ хитростей добылъ для себя переяславское воеводство, давшее ему возможность кой-когда и въ «верхъ» заглядывать.

Теперь онъ уже шелъ прямо въ «верхъ», гордо поднявъ голову и благосклонно кланяясь направо и налѣво съ пріятнымъ сознаніемъ, что и ему теперь завидуютъ, точно также какъ и онъ другимъ въ свое время завидывалъ.

Попавъ въ «верхъ» онъ на нѣсколько мгновеній остановился. Онъ былъ здѣсь все-же весьма рѣдкимъ гостемъ и боялся, какъ-бы ему не заблудиться въ царскихъ покояхъ, не подать вида, что онъ не знаетъ куда итти. Но «передняя», то-есть именно та палата, къ которой стремились мечты и мысли всѣхъ находившихся на постельномъ крыльцѣ, была недалеко, до нея надо было пройти всего три, четыре небольшихъ покоя.

Алексѣй Прохоровичъ пользовался дорогимъ убранствомъ этихъ покоевъ: краснымъ тесомъ тонкой столярной рѣзьбы, которымъ были обшиты потолки и стѣны, дорогимъ сукномъ, атласомъ и парчею, персидскими коврами, затѣйливыми изъ за-моря вывезенными столами и всякою невидалью.

«Велико царское богатство, и красны царскія палаты, — подумалъ Алексѣй Прохоровичъ,—тамъ за-

моремъ у этого самаго дука венеціанскаго, чай, поплоше будетъ...»

Но на этой мысли ему не пришлось остановиться, такъ какъ онъ входилъ въ переднюю и очутился среди сильныхъ людей, царскихъ приближенныхъ. Онъ мгновенно преобразился, спряталъ куда-то весь свой горделивый видъ и важность и началъ отвѣшивать на всѣ стороны низкіе поклоны. Ему отвѣчали довольно ласково, но все же сразу было видно, что здѣсь онъ не свой человѣкъ, что на него смотрятъ сверху внизъ.

XXVI.

Вдругъ среди собравшихся произошло какое-то общее движеніе. Двери, ведшія изъ передней въ «комнату», то-есть, туда, гдѣ царь обыкновенно работалъ и куда доступъ былъ только самымъ близкимъ людямъ, отворились и на порогѣ показался царь.

Такъ какъ день былъ не праздничный и не было никакого особеннаго параднаго пріема, то царь вышелъ за-просто, въ домашнемъ кафтанѣ изъ тонкаго сукна, обрисовывавшемъ его еще довольно стройную, но уже начинавшую сильно полнѣть фигуру. Спокойное и красивое молодое лицо царя выражало то внутреннее благодушіе, которое ему почти всегда было присуще.

Вся толпа царедворцевъ и съ нею вмѣстѣ и Алексѣй Прохоровичъ какъ одинъ человѣкъ склонились

ниже чѣмъ въ поясъ. И царь отвѣтилъ всѣмъ ласковымъ поклономъ, а потомъ мѣрной походкой подошелъ къ красному углу, поднялся на возвышеніе, обтянутое яркимъ сукномъ, и сѣлъ на большое парчевое кресло, предварительно устремивъ взглядъ на образа и набожно перекрестившись. Закрестились вслѣдъ за царемъ и всѣ собравшіеся.

Царь вышелъ изъ комнаты не одинъ;—за нимъ въ передней появился бояринъ Морозовъ, въ послѣднее время, вслѣдствіе разныхъ непріятностей и не разъ высказывавшагося къ нему народнаго нерасположенія, изрядно постарѣвшій, но все еще полный силъ и сознанія своего значенія. Рядомъ съ нимъ былъ Ртищевъ.

Морозовъ быстро, привычнымъ взглядомъ оглядѣлъ всѣхъ и остановилъ свои черные, многимъ казавшіеся мрачными и страшными глаза на Чемодановѣ.

Алексѣй Прохоровичъ почувствовалъ, какъ внезапно кровь кинулась ему въ голову и залила щеки. Морозовъ подошелъ къ нему и съ видимымъ благоволеніемъ шепнулъ:

— Подходи, друже,—его царское величество тебя спрашивать изволитъ.

Алексѣй Прохоровичъ покраснѣлъ еще больше и какъ-то неловко, будто ноги у него были спутаны, двинулся впередъ къ царскому креслу. Не доходя нѣсколько шаговъ, онъ снова поклонился въ поясъ и поднялъ глаза на царя.

— Здравствуй, Алексѣй Прохорычъ, — громко и ласково сказалъ царь.

У Чемоданова даже мурашки по спинѣ побѣжали. До сихъ поръ царь еще никогда не называлъ его по имени и отчеству.

Между тѣмъ царь продолжалъ:

— Я приказалъ позвать тебя по дѣлу немалой важности. Служба твоя мнѣ хорошо вѣдома и я былъ всегда доволенъ ею. Теперь я хочу поручить тебѣ новую службу. Ты знаешь какую?

— Знаю, государь,—нетвердымъ голосомъ хрипло произнесъ Чемодановъ.—Велика милость твоего царскаго величества...

Онъ запнулся, къ глазамъ его подступили слезы. Онъ неудержимо устремился впередъ и грузно упалъ на колѣни. Царь наклонился, протягивая руку, которую Чемодановъ покрылъ поцѣлуями.

— Встань, Алексѣй Прохорычъ, — сказалъ царь,— мнѣ пріятно видѣть, что ты отъ службы не отказываешься и должнымъ образомъ постигаешь и цѣнишь оказанное нами тебѣ довѣріе. Да, дѣло тебѣ предстоитъ немаловажное, путь большой и отвѣтъ немалый. Все сіе обсудить надо будетъ хорошенько въ посольскомъ приказѣ, тамъ тебѣ, по нашимъ мыслямъ, точный и во всемъ подробный наказъ напишутъ... и я съ тобой еще разсуждать буду.

Царь кивнулъ головою и взглянулъ на Ртищева. Алексѣй Прохоровичъ отвѣсилъ глубокій поклонъ и съ бодрымъ духомъ, весь радостный и будто окрыленный, чувствуя себя внезапно выросшимъ, по мень-

шей мѣрѣ головы на двѣ, сталъ пятиться отъ царскаго кресла. И пятился онъ до тѣхъ поръ, пока не наступилъ кому-то на ногу. Тогда онъ пришелъ въ себя, подобрался и, осторожно ступая. прошелъ подальше. Къ нему подошелъ Ртищевъ.

— Ты обожди, Алексѣй Прохорычъ,—сказалъ онъ ему,—вотъ какъ его величество пройдетъ въ «комнату», такъ я еще проведу тебя къ нему.

— Слушаю, батюшка Ѳедоръ Михайлычъ, слушаю!—съ поклонами и захлебываясь отъ радостнаго волненія, отвѣтилъ Чемодановъ.

И все уплыло куда-то, и все забылось, оставалось только одно ощущеніе выросшихъ крыльевъ и прибавившагося на двѣ головы росту. И такъ было велико и пріятно это ощущеніе, что Чемодановъ всецѣло отдался ему, ничего не видя, ничего не слыша.

Къ царскому креслу приближался то тотъ, то другой. Царь что-то говорилъ и ему что-то говорили. Но Алексѣй Прохоровичъ не слышалъ ни одного слова.

Вотъ царь поднялся съ кресла, простился со всѣми и ушелъ въ «комнату». Вотъ Ртищевъ ведетъ и его туда-же, за эти завѣтныя двери. Въ третій разъ втеченіе своей жизни входилъ сюда Чемодановъ. Въ комнатѣ, кромѣ царя, никого. Царь сидитъ передъ большимъ письменнымъ столомъ, покрытымъ тонкимъ алымъ сукномъ съ широкой золотой бахрамой. На столѣ разставлены разныя диковинныя вещи иностранной работы, нѣсколько книгъ, чернильница, перья, бумаги.

— А вѣдь одному тебѣ въ такомъ дѣлѣ не справиться,—сказалъ царь, когда дверь заперлась и Чемодановъ вмѣстѣ съ Ртищевымъ приблизился къ столу.

— Это точно, государь, — самъ вѣдаешь — дѣло мудреное. Въ помощь мнѣ надо разумнаго человѣка, въ писаніи искуснаго,—бодро отвѣчалъ Чемодановъ.

— Да, надо тебѣ въ помощники дьяка изъ посольскаго приказа. Кого-же-бы ты думалъ? Кто тебѣ по нраву?

Чемодановъ задумался и, привычнымъ въ такомъ случаѣ движеніемъ, почесалъ у себя въ затылкѣ, высоко приподнявъ брови.

— Кого приказать изволитъ твое царское величество,—произнесъ онъ,—а я-бы... Я такъ полагаю, что самымъ подходящимъ къ такому дѣлу человѣкомъ будетъ дьякъ Постниковъ.

Царь улыбнулся.

— Ну вотъ, въ одно слово!—сказалъ онъ, обращаясь къ Ртищеву.—Радуюсь, что ты назвалъ Постникова, ибо и мы о немъ подумали. Такъ, значитъ, тому и быть. Посольство будетъ изрядное. Я тебя кой-какъ не пущу. Ты выбери всякихъ нужныхъ людей и представь списокъ, во всемъ этомъ я на тебя полагаюсь. Только вотъ еще одно... думали мы на счетъ переводчика...

Царь при этомъ едва замѣтно подмигнулъ Ртищеву и едва замѣтно улыбнулся.

— Вѣдь ты, Алексѣй Прохорычъ, я чаю, латинской грамоты не разумѣешь?

Чемодановъ невольно даже рукой отмахнулся.

— Гдѣ мнѣ, государь батюшка, твое царское величество!.. въ своей грамотѣ твердъ, а бусурманскихъ языковъ не разумѣю.

— Ну, тото-же, такъ вотъ и надо хорошаго переводчика, чтобы въ просакъ не попасться, человѣка русскаго, православнаго христіанина.

— Хорошо-бы это, да гдѣ-же такого сыщешь?

— А вотъ мы и сыскали съ Ѳедоромъ Михайлычемъ, сыскали тебѣ на подмогу парня изряднаго, почтенныхъ родителей сына, обученнаго не только латинской, но и греческой грамотѣ и всякимъ другимъ наукамъ. Такой человѣкъ тебѣ на великую пользу будетъ.

— Коли есть такой,—весело сказалъ Чемодановъ,—такъ чего-же лучше. Кто-же это? кто таковъ будетъ?

— А это вотъ тебѣ скажетъ и покажетъ Ѳедоръ Михайлычъ, только ты смотри—не вздумай отнѣкиваться!

— Государь, могу-ли я такое помыслить! Твой выборъ для меня святъ.

— Тото-же, смотри, — ласково сказалъ Алексѣй Михаиловичъ.—Это мой выборъ, я за того человѣка стою и тебѣ его поручаю, отдаю тебѣ его на попеченіе. Оказывай ему всякую ласку. А коли съ нимъ что́ случится по твоей оплошности, ты мнѣ за него отвѣтишь.

— Беречь буду какъ сына родного, государь, неизволь быть въ сомнѣніи, какъ сына беречь буду.

— Такъ вотъ, смотри и помни это свое слово!—

серьезно и внушительно сказалъ царь.—Да слушай еще, Алексѣй Прохорычъ: поѣдешь ты надолго, вѣдь не меньше какъ въ годъ это дѣло обернуть можно. Вотъ я и подумалъ о семьѣ твоей... Будь покоенъ: ты мнѣ отвѣтишь за переводчика, а я тебѣ отвѣчаю за жену твою да дочку... Знай-же, дочка твоя, съ согласія супруги нашей, государыни, взята будетъ въ теремъ, и государыня и царевны сберегутъ ее до твоего возвращенія...

— Батюшка! милостивецъ! благодѣтель ты нашъ!— въ голосъ завопилъ Чемодановъ, падая на колѣни и ловя царскую руку.—Господь да благословитъ тебя за такія твои милости, за доброту твою несказанную... и тебя, и великую царицу, нашу матушку!..

— Полно, полно!—говорилъ царь, потрепавъ по плечу Чемоданова.—Долгъ платежемъ красенъ... А теперь ступай съ Ѳедоромъ Михайлычемъ, онъ тебѣ твоего переводчика покажетъ... Такъ смотри-же: я тебѣ за дочь твою отвѣчаю, а ты мнѣ за него...

— Какъ сына родного любить буду, какъ сына!— повторялъ растроганный Чемодановъ и съ этими словами вышелъ изъ «комнаты» въ сопровожденіи Ртищева.

XXVII.

Александръ уже не разъ видалъ царя, а зналъ о немъ много изъ разсказовъ Θедора Михайловича, который нерѣдко въ послѣдніе годы, улучивъ свободную минуту, бесѣдовалъ со своимъ любимымъ ученикомъ. Конечно, эти разговоры имѣли воспитательное значеніе—Ртищевъ подготовлялъ въ Александрѣ продолжателя своей дѣятельности и внушалъ ему свои взгляды на все и на всѣхъ.

Молодого царя Ртищевъ любилъ и какъ царя, и какъ близкаго человѣка, цѣнилъ и зналъ его быть можетъ лучше, чѣмъ кто-либо. Свое искреннее почитаніе и горячую любовь къ Алексѣю Михайловичу онъ, естественно, передалъ и Александру, молодая и чуткая душа котораго была открыта всѣмъ добрымъ чувствамъ.

Такимъ образомъ Александръ видѣлъ въ царѣ воплощеніе всѣхъ совершенствъ человѣческихъ и готовъ былъ за него въ огонь и въ воду не только по долгу, но и по сердечному влеченію.

Когда дома приходилось ему слышать враждебные толки отца съ попомъ Саввою и другими благопріятелями о «новшествахъ», когда отецъ и его гости, хоть не прямо, но достаточно понятнымъ образомъ обвиняли царя въ потаканіи «дѣлу антихристову»,—Александръ едва удерживалъ свое негодованіе. Только невольный страхъ отцовскаго гнѣва и врожденное благоразуміе, громко говорившее, что слѣдуетъ молчать, ибо никакими доводами ничего не добьешься, а только бѣдъ надѣлаешь—заставляли его удаляться отъ безполезнаго спора и бѣжать подальше изъ дому...

Теперь исключительныя обстоятельства и срастная любовь къ Настѣ не дали ему возможности какъ слѣдуетъ порадоваться тому, что, наконецъ, онъ войдетъ въ общеніе съ любимымъ царемъ, что царь его зоветъ къ себѣ. Въ другое время при такомъ извѣстіи онъ почувствовалъ-бы себя на верху блаженства.

Но даже и теперь, даже и съ тяжкой мыслью о неизбѣжности скорой и долгой разлуки съ Настей, Александръ, отправляясь рано утромъ во дворецъ по наказу Ртищева, забылъ на время всѣ свои бѣды и трудности своего положенія, и думалъ только о царѣ.

Ртищевъ, какъ приказалъ Алексѣй Михайловичъ, провелъ своего любимца «чернымъ ходомъ» и никто

изъ ближнихъ людей не зналъ, что царь, выйдя изъ спальни передъ ранней обѣдней, съ четверть часа, а то и больше, провелъ въ бесѣдѣ съ молодымъ ученикомъ «андреевскихъ» монаховъ.

Въ первую минуту, подведенный Ртищевымъ къ царю и допущенный къ царской рукѣ, Александръ смутился и растерялся. Но это его смущеніе прошло очень скоро. И самъ онъ былъ не изъ робкихъ, умѣлъ владѣть собою,—да и царь оказался ужь очень ласковъ и простъ въ обращеніи, такъ простъ, что слезы умиленія выступили на глаза Александра.

Царь сказалъ ему, что уже не разъ слыхалъ отъ Ѳедора Михайловича объ его большихъ успѣхахъ въ наукахъ и что онъ весьма радуется такимъ его успѣхамъ. Сказалъ онъ ему о томъ, какое великое благо ученье и знанье, какъ счастливо то царство, гдѣ много знающихъ и опытныхъ людей. Въ русскомъ царствѣ такихъ людей еще не очень много, а потому непрестанная царская забота о томъ, какъ-бы такихъ людей стало какъ можно больше.

— Вотъ ты обученъ теперь многому,—говорилъ царь, — по лѣтамъ своимъ ты обладаешь большими знаніями, но все-таки ихъ недостаточно—вѣкъ живи, вѣкъ учись. Узнавать новое никогда не поздно. Посему радуйся теперь прежде всего и забывай обо всемъ остальномъ, прежде всего радуйся, что назначили мы тебя быть при посольствѣ нашемъ въ далекое венецейское государство. Воспользуйся этимъ и, когда поѣдешь, не теряй доро́гой времени, смотри все, обо всемъ узнавай и что будешь видѣть, что

узнаешь, — то записывай, чтобы сіе было и тебѣ и другимъ на пользу.

Александръ благодарилъ царя какъ умѣлъ. Царь благосклонно его слушалъ и вдругъ, добродушно усмѣхнувшись, поглядѣлъ на Ртищева,

— Что же это, Өедоръ Михайлычъ, — сказалъ онъ,—паренекъ-то хотя и говоритъ складно, а по лицу его какъ-будто такъ выходитъ, что уѣзжать ему все-же не хочется? Ужь не зазноба-ли у него?

Усмѣхнулся и Өедоръ Михайловичъ.

— Про то его самого изволь спросить, государь.

— Ну, ужь чего спрашивать,—еще ласковѣе сказалъ царь, томить не стану тебя, допытывать—все знаю, все Өедоръ Михайлычъ про тебя мнѣ повѣдалъ. Ну и скажу прямо: хотя ты и озорникъ, а все же на первый разъ можно тебя помиловать, ибо ты уже на возрастѣ и о честной брачной жизни помышлять тебѣ не грѣхъ. Зазнобила сердце твое красная дѣвица,— то не Богъ вѣсть чудо какое. А вотъ, что ты украдкою, вопреки всѣмъ обычаямъ и не помышляя объ ея чести дѣвичьей, съ нею тихомолкомъ видѣлся— то не похвально.

— Государь!—прошепталъ весь вспыхивая Александръ,—твоему царскому величеству вѣдомо...

— Все вѣдомо,—перебилъ его царь,—знаю все, что ты себѣ въ оправданіе сказать можешь. Кабы не такъ дѣло было, я не сталъ-бы извинять твое озорничество. Ну, слушай, я тебѣ во всемъ помогу и въ должное время, когда ты, съ Божьей помощью, вернешься на Москву, самъ буду твоимъ сватомъ.

Родителей вашихъ, такъ либо иначе, помирю и согласіе ихъ добуду. Невѣсту твою безъ тебя мы сохранять будемъ.

— Государь!—воскликнулъ было исполненный благодарнымъ чувствомъ Александръ.

Но царь движеніемъ руки остановилъ его.

— Постой, погоди,—все это для тебя не даромъ будетъ сдѣлано. Первымъ дѣломъ обѣщай ты мнѣ до отъѣзда своего не видѣть своей зазнобы. Тяжело тебѣ будетъ, да что же дѣлать — такъ надо. И самъ не пытайся увидѣться съ нею, и никого не засылай. Все будетъ безъ тебя сдѣлано, все будетъ ей сказано, сердце ея успокоятъ. А коли ты крѣпко любъ ей, такъ она будетъ ждать тебя съ терпѣніемъ и молиться Господу, чтобы сохранилъ тебя на пути твоемъ. Такъ-то. Это первое дѣло. А второе: обѣщай ты мнѣ, какъ уѣдешь, никакихъ дуростей не затѣвать, къ тестю своему будущему быть почтительнымъ и при томъ не зѣвать, — примѣчать все достойное примѣчанія. Когда вернешься, мы съ тебя отчетъ возьмемъ. Что-же, обѣщаешь?

Конечно Александръ обѣщалъ царю все; обѣщалъ «какъ передъ Истиннымъ».

Заблаговѣстили къ обѣднѣ и царь отпустилъ его. Θедоръ Михайловичъ приказалъ ему сходить къ ранней обѣднѣ, а по окончаніи службы пройти къ нему въ рабочую комнату и тамъ ждать.

И вотъ онъ ждетъ, а Θедора Михайловича все нѣтъ. Взялъ онъ книгу читать, да скучно что-то. Минуты тянутся одна за другою медленно. Вдругъ

въ сосѣднемъ покоѣ отворилась дверь. Ктó вошелъ,—со своего мѣста Александръ не видитъ. Конечно это Өедоръ Михайлычъ, только онъ не одинъ.

— Обожди малую минутку, Алексѣй Прохорычъ, онъ здѣсь, я къ тебѣ его сейчасъ выведу,—говоритъ Ртищевъ.

Александра какъ-бы жаромъ обдало, а потомъ мурашки по спинѣ побѣжали. Понялъ онъ—кто тутъ, въ сосѣднемъ покоѣ.

А Өедоръ Михайловичъ уже у двери, поманилъ его рукою, самъ подмигиваетъ: поди, молъ, сюда.

Александръ тряхнулъ головою, набрался храбрости—и вышелъ.

XXVIII.

Обласканный царемъ, Чемодановъ въ то-же время и значительно успокоился относительно дочери. Онъ видѣлъ въ томъ обстоятельствѣ, что царица беретъ Настю къ себѣ въ теремъ — начало большихъ царскихъ милостей.

На себя онъ достаточно надѣялся и ему ясно теперь представлялось, въ эти первыя минуты нежданнаго торжества, что вотъ онъ блистательно исполнитъ царское порученіе, дѣло первостепенной важности—и, вернувшись, пойдетъ въ гору, да такъ пойдетъ, что никому того и во снѣ не снилось.

Съ такими мыслями и въ такомъ настроеніи онъ неособенно интересовался вопросомъ—кого это ему даютъ въ спутники и переводчики. Онъ даже сразу и не сообразилъ, что тутъ нѣчто особенное, что мо-

лодой переводчикъ, такъ или иначе, а долженъ быть близокъ царю, если тотъ о немъ ужь что-то слишкомъ заботится и настоятельно ему его поручаетъ. Увѣряя царя, что будетъ любить этого молодца какъ сына, Чемодановъ, конечно, не вдумывался въ свои слова; онъ говорилъ только то, что надо было сказать. Какъ-же-бы иначе могъ онъ отвѣтить на слова царскія?

Онъ пошелъ за Θедоромъ Михайловичемъ Ртищевымъ и, по мѣрѣ того какъ подходилъ къ дворцовому помѣщенію царскаго постельничаго, сознаніе пришедшаго счастья и царской милости все увеличивалось въ немъ. Но онъ все-же спросилъ Ртищева:

— Что это ты со мною въ прятки-то играешь, Θедоръ Михайлычъ,—назови малаго-то?!

— Чего тамъ называть,—отвѣтилъ Ртищевъ,—ты его и такъ знаешь...

Въ это время онъ отпиралъ двери въ свои покои и Чемодановъ не успѣлъ даже остановиться на мысли—кого это онъ сейчасъ увидитъ, какъ Александръ уже былъ передъ нимъ.

Новый посолъ его царскаго величества сразу даже не повѣрилъ глазамъ своимъ, ему показалось, что это только такъ, чудится, — и онъ попятился. Но Ртищевъ тотчасъ-же и вывелъ его изъ послѣдняго сомнѣнія.

— Вотъ, прошу любить да жаловать по наказу царскому, и быть ему въ долгомъ пути въ отца мѣсто,—сказалъ Ртищевъ.—Вѣдь говорилъ я тебѣ, что со старымъ знакомцемъ поѣдешь... твоего сосѣда

почтеннаго, Никиты Матвѣевича Залѣсскаго сынокъ это,—Александръ Никитичъ... Али не узналъ, али вы и впрямь давно не видались?

Александръ отвѣсилъ почтительный поклонъ Чемоданову и съ достаточнымъ спокойствіемъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

Чемодановъ побагровѣлъ, кулаки его сами собою сжались и, не будь тутъ Ртищева, онъ-бы не удержался и кинулся на Александра. Но Ртищевъ стоялъ между ними. Да и неожиданность была велика.

— Что-же это?--совсѣмъ растерянно произнесъ Чемедановъ,—такъ это онъ, онъ со мной поѣдетъ?

И вдругъ все посольское благоразуміе, все хладнокровіе и разсудительность куда-то пропали. Алексѣй Прохоровичъ изъ себя не вышелъ, ругаться не сталъ, но, мрачно и рѣшительно обращаясь къ Ртищеву, сказалъ:

— Нѣтъ, я съ нимъ не токмо въ Венецію не поѣду, а и въ одномъ покоѣ ни минуты оставаться не желаю.

— Что такъ?—съ хорошо съиграннымъ изумленіемъ воскликнулъ Ртищевъ, — мнѣ не въ домекъ, Алексѣй Прохорычъ, что это ты такое говоришь... какъ такъ не поѣдешь? По какой причинѣ?

— А такъ вотъ—не поѣду, да и все тутъ. И коли его царское величество мнѣ другого переводчика не назначитъ, то я и совсѣмъ отъ посольскаго дѣла отказываюсь.

Александръ стоялъ молча, въ почтительной позѣ

и продолжалъ спокойно глядѣть прямо въ глаза Чемоданову.

Ртищевъ покачалъ головою.

— Диво! — сказалъ онъ, — и хорошо что это ты у меня говоришь и никто твоихъ рѣчей кромѣ меня не слышитъ, а не то тебѣ худо было-бы... Это ты оставь... что сдѣлано, того не передѣлаешь и противъ государевой воли не пойдешь. Назначено тебѣ быть посломъ — и будешь. Назначено Александру Залѣсскому съ тобою ѣхать — и поѣдетъ. А ты лучше припомни, что̀ государь тебѣ говорилъ и припомни также то, что ты обѣщалъ ему. Твои вѣдь это слова: любить, молъ, буду какъ сына. Такъ что-же это ты... царя обмануть хочешь?

Алексѣй Прохоровичъ начиналъ мало-по-малу соображать и съ каждымъ мгновеніемъ все яснѣе и яснѣе видѣлъ, что попалъ въ положеніе безвыходное. Оно конечно, силкомъ въ Венецію не поволокутъ. Оно конечно, можно отговориться болѣзнью, какимъ ни на есть неизлѣчимымъ недугомъ и уѣхать навсегда изъ Москвы въ дальнюю вотчину. Въ первую минуту, когда сердце ужь больно кипитъ, такая мысль и можетъ притти въ голову, но черезъ минуту она уходитъ, а черезъ двѣ — отъ нея и ничего не остается.

«И такъ этотъ лиходѣй, этотъ Алексашка, присталъ теперь на долгое время, что банный листъ! Ну ужь и постой же ты, вражье отродье! — дай только сроку, я-же тебя проучу, жизни не радъ будешь» — подумалъ Чемодановъ, метнувъ злобный взглядъ на Александра.

Но Ртищевъ будто прочелъ мысль его.

— Вражда—дѣло плохое,—сказалъ онъ,—и государь нашъ, самъ ты про то вѣдать долженъ, вражды не любитъ и потакать ей не станетъ. Такъ ты, Алексѣй Прохорычъ, послушай моего добраго совѣта: откинь свою вражду. Ну, повздорили вы Богъ вѣсть сколько времени тому съ Никитой Матвѣичемъ, а вотъ черезъ сынка и помиритесь. Словъ твоихъ опрометчивыхъ ни я, ни Александръ никому не передадимъ, такъ ты ужь сердце свое уйми. А главное—помни: государь Александра тебѣ поручилъ. Что онъ тебѣ сказалъ: «Я тебѣ твою дочь сохраню, а ты мнѣ переводчика... Я тебѣ за нее отвѣчу, а ты мнѣ за него». Такъ ты это первымъ дѣломъ помни.

Чемодановъ въ отвѣтъ только крякнулъ и замолкъ. Совсѣмъ онъ себя чувствовалъ побитымъ.

Между тѣмъ Александръ снова поклонился и подошелъ къ нему.

— Не сердитуй, Алексѣй Прохорычъ,—сказалъ онъ почтительно, но повидимому безъ всякаго страха.—Я тебѣ всякое почтеніе оказывать буду и уповаю, что и по Христовой заповѣди, и по наказу царскому ты меня обижать не станешь. Ни ты меня не звалъ, ни я къ тебѣ въ переводчики не напрашивался—государю такъ было угодно. И оба мы, каждый въ своемъ дѣлѣ, исполнимъ его волю...

Чемодановъ хотѣлъ сказать что-то, да такъ ничего и не сказалъ, только отвернулся отъ Александра.

— Ничего, ты не приходи въ смущеніе,—обра-

тился къ молодому человѣку Ртищевъ,—ступай себѣ, а мы еще потолкуемъ. Въ слѣдующій разъ авось Алексѣя Прохорычъ будетъ къ тебѣ ласковѣе.

Александръ поклонился и вышелъ.

Ртищевъ усадилъ Чемоданова и весьма серьезно потолковалъ съ нимъ. Слѣдствіемъ этой бесѣды было то, что посолъ волей-неволей примирился съ обстоятельствами. Онъ ужь на этотъ разъ сознательно далъ Ртищеву обѣщаніе не чинить никакого зла молодому переводчику, такъ какъ очень хорошо понялъ, что всякое зло, учиненное имъ Александру, вернется обратно и навсегда испортитъ его дѣла, навсегда лишитъ его царскихъ милостей.

Когда онъ ушелъ отъ Ртищева, Θедоръ Михайловичъ, оставшись одинъ, подумалъ:

«Ну, слава Богу, кажись дѣло на ладъ пошло. А вдругъ онъ, Чемодановъ-то, тамъ, за морями, моего парнишку какъ ни на есть погубитъ... будто ненарокомъ, такъ, чтобы не быть въ отвѣтѣ?!.. Нѣтъ, къ чему такое думать!.. Чемодановъ не злодѣй, не безбожникъ. Это такъ, сразу только, кипитъ въ немъ... обойдется... Да и Александръ не таковскій, съумѣетъ сего лютаго медвѣдя ручнымъ сдѣлать... А теперь надо къ другому медвѣдю, къ старому Никитѣ... тотъ ужь не на Александра, а на меня съ кулаками полѣзетъ... Потѣха!..»

XXIX.

Никита Матвѣевичъ Залѣсскій былъ не мало удивленъ, когда въ субботу послѣ всенощной, во время позднее и необычное для церемонныхъ посѣщеній, къ нему пріѣхалъ Ртищевъ. Еще недавно, несмотря на все свое недовольство царскимъ постельничимъ и всю свою къ нему злобу, постоянно разжигаемую попомъ Саввою, Никита Матвѣевичъ все-же принялъ-бы его съ великимъ почетомъ и нижайшими поклонами, какъ весьма сильнаго при дворѣ человѣка.

Но теперь, когда онъ шелъ встрѣчать Ртищева, во всѣхъ его движеніяхъ сказывалось достоинство, а спина какъ-бы даже совсѣмъ потеряла способность гнуться. И чего ему, въ самомъ дѣлѣ, унижаться передъ этимъ человѣкомъ, который обманулъ его и только чуть было въ конецъ не испортилъ ему сы-

нишку? Добра отъ этого «аггела антихристова» ждать уже нечего, а зла никакого теперь онъ не сдѣлаетъ, Матюшкина не перетянетъ. Матюшкинъ крѣпокъ... и завтра сговоръ! Значитъ—можно голову держать повыше и важность свою въ карманъ не прятать.

— Добро пожаловать, гость рѣдкій!—не безъ нѣкоторой даже, хоть и весьма тонкой, усмѣшки привѣтствовалъ Никита Матвѣевичъ Ртищева.—Давненько въ мою избу не заглядывалъ, да вотъ и заглянулъ-то на̀ ночь глядючи!

— Ужь не взыщи, Никита Матвѣевичъ—отвѣтилъ Ртищевъ,—за службой царскою и всякими работами времени у меня мало, самъ знаю, что часъ поздній, только я тебя не стану долго задерживать... о сынѣ твоемъ перетолковать намъ надо.

При этихъ словахъ Залѣсскій не воздержался отъ явной уже усмѣшки.

— О сынѣ?!—сказалъ онъ,—что̀ ужь намъ съ тобою толковать о немъ, батюшка Өедоръ Михайлычъ, кажись давненько о немъ промежь насъ все было сказано... вотъ я и ждалъ, долго ждалъ, когда это ты вспомнишь, что̀ обѣщалъ мнѣ, уговаривая отдать его въ науку къ монахамъ-то... Ждалъ я, да такъ и не дождался, а посему, видя, что тебѣ, за великими твоими занятіями, недосугъ его пристроить да въ люди вывести,—я самъ о томъ позаботился...

Ртищевъ едва замѣтно улыбнулся.

— Я на твои попреки обижаться не стану, Никита Матвѣичъ,—перебилъ онъ его,—можетъ я ихъ и заслуживаю... только, видишь-ли, я не забывалъ объ

Александрѣ, а все ждалъ случая, чтобы подошло дѣло настоящее, хотѣлъ такъ его пристроить, чтобы потомъ ни онъ самъ, ни ты на меня не пеняли-бы. Теперь вотъ дѣло и подошло...

Но Залѣсскій не далъ ему договорить.

— Премного благодарствую!—воскликнулъ онъ,— да знаешь чай, батюшка Өедоръ Михайлычъ, пословицу: дорого яичко къ Христову дню!.. Теперь ты не утруждай себя... за моего сынишку есть кому слово замолвить... и, первымъ дѣломъ, да будетъ тебѣ вѣдомо: женю я его, малый ужь на возрастѣ, не все-же съ монахами ему за указкой сидѣть... женю я его на дочкѣ Ивана Михайлыча Матюшкина, и завтра сговоръ...

— Вотъ какъ!—сказалъ Ртищевъ,—что-жь, это дѣло доброе... только повременить тебѣ и со свадьбою, и со сговоромъ годикъ придется...

Никита Матвѣевичъ вспыхнулъ.

— А кто-же можетъ мнѣ въ такомъ дѣлѣ воспрепятствовать?—едва сдерживая подступившую къ сердцу злобу прохрипѣлъ онъ.

— Кто?... да царь,—спокойно отвѣтилъ Ртищевъ.

— Ца-арь!—протянулъ Никита Матвѣевичъ,—ну, этимъ ты меня, милостивецъ, не испугаешь. Царь въ такое дѣло вступаться не станетъ...

— Да ты не торопись, — остановилъ его Ртищевъ,—развѣ я пугать тебя хочу... да что́ я—ворогъ твой что-ли?.. дай досказать... Пріѣхалъ я къ тебѣ, какъ ты говоришь вотъ, «на ночь глядючи» не самъ собою, а по приказу государеву. Вишь ты дѣло-то

какое: къ дуку венецейскому, въ страну италіанскую, собирается наше посольство и отправится то посольство въ самомъ скоромъ времени...

— Да мнѣ-то, батюшка, чтó до того? никакихъ тальянскихъ странъ я не знаю, что за птица такая—дукъ—не вѣдаю...

— Ты не вѣдаешь, такъ Александръ за то вѣдаетъ—не даромъ у монаховъ учился,—и назначилъ государь Александру съ тѣмъ посольствомъ въ должности, по письменной и разговорной части, ѣхать, а мнѣ приказать изволилъ не медля извѣстить тебя о таковой его царской къ твоему сыну милости.

Будто громъ грянулъ надъ Никитой Матвѣевичемъ.

— Не пущу, не пущу сына на погибель, къ басурманамъ!—заоралъ онъ не своимъ голосомъ.—Пустое! не пущу!

— Царя ты не можешь ослушаться... Александръ уже назначенъ и царское слово—твердо.

— Такъ вотъ ты какъ!—продолжалъ кричать внѣ себя Никита Матвѣевичъ,—да неужьто ты Бога не боишься!.. совѣсти въ тебѣ нѣту, ну чтó я тебѣ сдѣлалъ?.. за что губишь парнишку!.. Отступись... не губи!.. что хошь бери... ничего не пожалѣю... только Александра оставь въ покоѣ!..

— Однако ты ужь, кажись, заговариваешься!—сказалъ Ртищевъ,—что ты на меня кричишь, да еще и въ своемъ домѣ. Я къ тебѣ пришелъ государевымъ именемъ объявить о царской милости, а ты такъ-то меня принимаешь?..

Но Никита Матвѣевичъ ужь ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ выбѣжалъ въ двери и по всему дому раздавались теперь его бѣшеные крики.

Ртищевъ пождалъ минуту-другую и, видя что хозяинъ не возвращается, обернулся къ красному углу, перекрестился на образа и вышелъ въ сѣни

Такъ и уѣхалъ онъ, не простясь съ Залѣсскимъ...

Александру неудалось скрыться отъ отцовскаго натиска; но онъ покривилъ душою, представился, что и самъ огорченъ случившимся, что вовсе не желаетъ ѣхать въ невѣдомыя страны, но что, конечно, теперь, когда уже все кончено, нельзя и помыслить противиться царской волѣ. Нѣсколько придя въ себя и самъ Никита Матвѣевичъ долженъ былъ согласиться съ сыномъ, что это такъ. Ему оставалось тѣшить свою злобу всячески браня Ртищева...

— Да съ кѣмъ же это ты къ басурманамъ ѣхать долженъ? кто будетъ у васъ на̀большій? —наконецъ стихая спросилъ онъ.

Не отвѣтить было нельзя, къ тому же Александръ рѣшилъ, что лучше сразу покончить со всѣмъ этимъ, а потому онъ мрачно выговорилъ:

— Посломъ, сказывали, приказано быть воеводѣ Чемоданову.

— Оплели! погубили! зарѣзали!!—заревѣлъ Никита Матвѣевичъ и, не смотря на то, что ужь совсѣмъ надвигалась ночь, отправился къ Матюшкину за помощью и совѣтомъ.

Антонида Гелактіоновна лежала у себя въ спальнѣ на перинахъ и въ голосъ вопила, окруженная пе-

рецуганными служанками. Она поняла немногое; но знала, что Санюшку царь высылаетъ къ бусурманамъ на погибель, что Санюшку будутъ рвать нехристи на части и кидать его тѣло бѣлое черному воронью...

— Ахти мнѣ, голубушки!—вопила она,—съѣстъ моего ненагляднаго дукъ поганый, изгрызетъ всего... На то ли я тебя, сыночекъ мой, родила на свѣтъ Божій, на то ли я тебя холила да лелѣяла... Дитятко ты мое безталанное!..

ЦАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Часть вторая.

I.

Январь мѣсяцъ, — значитъ — зима. Да, зима, но какая! — ея не видно, не слышно. Она не даетъ о себѣ знать ни снѣгомъ, ни морозомъ, ни вьюгой. Не въ силахъ она побѣдить могучаго, живительнаго солнечнаго свѣта, не въ силахъ побѣдить могучаго живительнаго дыханія моря...

Тамъ, не Богъ знаетъ какъ далеко, среди горъ, на твердой землѣ, ея присутствіе все-же ощутительно, тамъ бушуютъ холодные вѣтры, хотя и на короткій часъ, а все-же бѣлѣется кой-гдѣ снѣгъ, лѣса стоятъ съ осыпавшеюся листвою...

Но здѣсь, — въ заколдованномъ затишьѣ, среди лагунъ Адріатики, въ очарованной Венеціи, этой фантастической грёзѣ, осуществленной человѣчествомъ, въ этомъ единственномъ чудномъ городѣ, подобнаго

которому никогда не было, нѣтъ и не будетъ, — не видно, не слышно зимы, и уже вѣетъ быстро несущейся съ юга весною.

Чудное время стоитъ въ Венеціи. Днемъ совсѣмъ тепло, солнце уже изрядно грѣетъ, ночи тихія, холодноватыя, всѣ будто насквозь пропитанныя луннымъ и звѣзднымъ сіяніемъ. Странный, удивительный городъ! Ни земли въ немъ, ни деревьевъ, ни грохота экипажей. Въ легкой утренней дымкѣ, въ яркомъ блескѣ полуденнаго солнца, въ лунномъ сіяніи или сгущающемся ночномъ мракѣ безконечными вереницами рисуются и уносятся вдаль величественные дворцы, мраморныя ступени которыхъ купаются въ мутной водѣ каналовъ. Вмѣсто каменной мостовой улицъ — вода, всюду вода, — и по ней безшумно, взадъ и впередъ, мчатся разукрашенныя гондолы, обгоняя другъ друга, ежеминутно встрѣчаясь, но никогда не сталкиваясь. Привычно и ловко управляются гондольеры съ однимъ длиннымъ весломъ, направляющимъ и размѣряющимъ иной разъ изумительно быстрыя движенія этихъ странныхъ экипажей.

Но это все-же не та Венеція, которую мы видѣли и знаемъ въ наши дни, не Венеція — поэтическій мавзолей великолѣпныхъ и пестрыхъ воспоминаній... Она жива, она въ полномъ блескѣ своей красоты и славы. Ея изумительная тишина не мѣшаетъ движенію со всѣхъ сторонъ приливающей къ ней жизни. Она изукрашена всей роскошью, всѣмъ блескомъ запада и востока. Она центръ, куда отовсюду стремятся люди, — одни для того, чтобы нажиться, дру-

гіе для того, чтобы окунуться въ веселомъ водовороть день и ночь несмолкаемыхъ удовольствій царицы моря.

И жизнь ея такъ привольна, всякихъ веселостей такъ много, что никого не страшитъ даже мрачный и грозный призракъ ея инквизиціи, никто не помышляетъ о томъ, что ежедневно мутная вода ея каналовъ несетъ въ море, быть можетъ, десятки труповъ...

Нарядные мужчины и женщины, весело бесѣдующіе на мягкихъ парчевыхъ подушкахъ въ изукрашенныхъ каюткахъ гондолъ, не помышляютъ о трупахъ, плывущихъ подъ ними. Вѣдь ихъ не видно, этихъ труповъ! А все, что видно — блеститъ такой своеобразной, изящной, неслыханной красотою...

Солнце уже склоняется къ горизонту и послѣдніе лучи его золотятъ высокія крыши дворцовъ и далекій куполъ церкви Св. Маріи делла Салюте. Съ моря подулъ очень свѣжій вѣтеръ, ночь будетъ холодная. Мало-по-малу движеніе гондолъ по каналамъ стихаетъ. То у того, то у другого палаццо останавливаются гондолы, одна богаче другой. Разряженные кавалеры, быстрымъ и ловкимъ движеніемъ, соскакиваютъ на мраморныя, влажныя ступени и также быстро и ловко высаживаютъ дамъ. Прогулки оканчиваются. Въ роскошныхъ палатахъ, покрытыхъ пушистыми восточными коврами, увѣшанныхъ чудными картинами, уставленныхъ драгоцѣнной художественной мебелью начинается вечернее «far niente» *).

*) Ничего недѣланіе.

Вотъ большая богатая гондола плыветъ по каналу Гранде. Это одна изъ самыхъ роскошныхъ гондолъ въ Венеціи. Ее знаютъ всѣ. Немного лѣтъ тому назадъ ее купилъ и изукрасилъ молодой счастливый венеціанецъ знатной фамиліи, Джіованни Каппелло. Онъ то и дѣло выѣзжалъ въ ней изъ стариннаго палаццо въ сопровожденіи своей молодой жены Анжіолетты, красотою которой такъ гордился.

Да и было чѣмъ гордиться. Вся Венеція знала синьору Анжіолетту Каппелло. О красотѣ ея говорили даже тогда, когда она была еще молоденькой дѣвушкой и, подобно всѣмъ благороднымъ венеціанскимъ дѣвицамъ того времени, почти не выходила изъ родительскаго дома, а если и выходила, то въ скромномъ черномъ платьѣ, съ лицомъ, прикрытымъ вуалью. Но красота не такая вещь, которую легко можно скрыть гдѣ-бы-то ни было, а тѣмъ болѣе въ Венеціи. Благородная венеціанская молодежь употребляла всѣ мѣры, чтобы получить руку красавицы Анжіолетты Ровериго.

Выборъ отца остановился на храбромъ воинѣ, уже отличившимся въ войнѣ республики съ турками, Джіованни Каппелло, которому пророчили самую блестящую будущность. Юная Анжіолетта не спорила съ отцомъ. Его выборъ былъ и ей по нраву.

Свадьба Джіованни съ Анжіолеттой была самой блестящей свадьбой въ томъ году. Она сопровождалась цѣлымъ рядомъ веселыхъ пиршествъ, и о ней долго говорили въ Венеціи.

Три года супруги жили счастливо, среди всякихъ

веселостей, жили такъ счастливо, будто все еще продолжался ихъ медовый мѣсяцъ, такъ счастливо, что Джіованни пересталъ совсѣмъ существовать для другихъ женщинъ, кромѣ своей Анжіолетты, да и она ни на кого не глядѣла. Съ нея довольно было поражать Венецію красотой, возбуждать всеобщій восторгъ, разговоры, зависть. Роза распустилась, вышла изъ закрывавшей ее почки и первое время только сіяла красотою, только благоухала—и сама прежде всѣхъ наслаждалась своимъ блескомъ и своимъ благоуханіемъ.

Джіованни и Анжіолетта пока совсѣмъ не были похожи на венеціанскихъ супруговъ. Обыкновенно медовый мѣсяцъ въ Венеціи былъ именно только мѣсяцемъ. Бракъ прежде всего являлся благоразумной сдѣлкой, обдуманной старшими родственниками, представителями благородныхъ фамилій. Посредствомъ такой сдѣлки, соединявшей между собою венеціанскую аристократію, поправлялись денежныя дѣла и устраивались прочныя связи. Если къ выгодной сдѣлкѣ примѣшивалось чувство, то это ужь было излишней роскошью,—и такая роскошь скоро прiѣдалась.

Молодой мужъ, просидѣвъ первое время около жены, начиналъ скучать. Его снова тянула та жизнь, къ которой онъ привыкъ съ ранней юности. И вотъ незамѣтно, но очень скоро онъ начиналъ все чаще и чаще и все на большее и большее время исчезать изъ дому. Проходилъ мѣсяцъ, другой — и его опять видѣли вездѣ. Видѣли его также и въ обществѣ красивыхъ женщинъ, извѣстныхъ своимъ умомъ, таланта-

ми и свободой обращенія. Онъ засиживался въ знаменитыхъ кофейняхъ на площади святого Марка, чуть не до утра... Проходило еще немного времени — и жена начинала видать его дома только какъ гостя.

Конечно, не одна юная венеціанка, такъ быстро и незаслуженно покинутая мужемъ, къ которому она со дня свадьбы все сильнѣе и сильнѣе привязывалась, должна была пережить тяжкое время. Вѣроятно не одно юное сердце терзалось и мучилось. Но являлись опытныя родственницы, пріятельницы — и всѣ онѣ въ одинъ голосъ говорили, что бѣды никакой нѣтъ, что иначе на свѣтѣ не бываетъ, что всегда мужья поступаютъ такимъ образомъ и тревожиться этимъ нечего. А скучать не слѣдуетъ, не слѣдуетъ сидѣть одной, или только въ обществѣ женщинъ. Надо веселиться. Молодость и красота даны на то, чтобы самой ими радоваться и другихъ радовать. Надо скорѣй найти чичисбея.

Чичисбеизмъ былъ однимъ изъ самыхъ своеобразныхъ явленій старой Италіи и получилъ въ Венеціи особенное развитіе. Чичисбей—это было нѣчто среднее между слугой и другомъ. Его обязанность состояла въ томъ, чтобы всячески прислуживать дамѣ, быть постоянно при ней и въ то-же время не возбуждать ревности мужа. Это былъ въ большинствѣ случаевъ молодой человѣкъ—красивый, ловкій, образованный, обладавшій иногда болѣе или менѣе значительными талантами, но по рожденію не принадлежавшій къ высшему обществу. Мужъ дамы не счи-

талъ его себѣ равнымъ, а потому и не ревновалъ его.

Чичисбей являлся съ ранняго утра въ палаццо своей дамы. Онъ присутствовалъ при ея утреннемъ туалетѣ и даже помогалъ ей наряжаться, пилъ съ нею шоколадъ, сопровождалъ ее въ церковь, на прогулку, въ театръ. По желанію дамы, онъ устраивалъ для нея всякія удовольствія, былъ распорядителемъ пиршествъ, былъ домашнимъ секретаремъ, кассиромъ, управляющимъ, ходатаемъ по дѣламъ,—однимъ словомъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ синьорѣ.

Его положеніе, созданное нравами, было узаконено общественнымъ мнѣніемъ. Пригласить даму на обѣдъ или на какой-нибудь праздникъ и не пригласить вмѣстѣ съ нею ея чичисбея,—значило нанести благородной венеціанкѣ явное оскорбленіе. Доходило иной разъ до того, что въ брачномъ контрактѣ заранѣе обозначалось, кого именно выходившая замужъ венеціанка должна избрать себѣ въ чичисбеи.

Наконецъ, нерѣдко случалось тоже, что богатая и знатная синьора не удовольствовалась однимъ чичисбеемъ и ее всюду сопровождало нѣсколько молодыхъ людей, одинаково пользовавшихся ея довѣріемъ и расположеніемъ. Отправляясь въ церковь въ сопровожденіи своей свиты, синьора опиралась правой рукой на руку одного чичисбея, лѣвой рукой на руку другого, третій несъ ея вѣеръ, четвертый ея мантилью и т. д. Между чичисбеями весьма часто встрѣчались молодые аббаты и многія дамы предпочитали ихъ свѣтскимъ молодымъ людямъ...

II.

Такъ всегда бываетъ!.. иначе быть не можетъ! Всѣ такъ дѣлаютъ!..—это магическія слова въ жизни человѣческой, и особенно въ жизни женской. Это слова, разрѣшающія всякія сомнѣнія, успокоивающія смущенную совѣсть, заставляющія примириться со всѣмъ, даже съ несчастьемъ, даже съ вопіющей низостью, даже съ глубокимъ нравственнымъ позоромъ... «Такъ принято!.. такъ дѣлается...»—и человѣческое общество безсознательно превращается въ стадо, въ толпу, среди которой подавляется всякая индивидуальность...

Такое явленіе неизбѣжно, естественно, это — исполненіе одного изъ законовъ гармоніи, безъ которой невозможно существованіе жизни. Это—исполненіе судьбы, фатума. Но какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ сложномъ существѣ — человѣчествѣ,

рядомъ съ судьбою, заключается еще и свободная воля, безъ проявленія которой и человѣкъ, и человѣчество остановились-бы въ неподвижности стадной гармоніи. Свободная воля человѣка, а слѣдовательно и человѣчества, двигаетъ жизнь по пути вѣчныхъ измѣненій, вѣчнаго развитія, производитъ благодѣтельныя, но тяжкія муки рожденія новой жизни...

Велика и трудна работа носителей свободной воли, направленной къ созиданію новой гармоничной формы жизни. Эта работа полита кровью сердца, насыщена страданіями духа и тѣла. Эта работа—святая жертва Богу, и вѣчная слава тѣмъ, кто сѣялъ доброе сѣмя и кто палъ за дѣло гармоническаго развитія жизни...

Да проститъ мнѣ читатель это невольное и, быть можетъ, скучное отступленіе. Я хотѣлъ только сказать, что благородная молодая венеціанка прежняго времени, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не проявляла свою свободную волю, не вдумывалась въ свое положеніе, а поступала такъ, какъ поступали «всѣ». Мужъ ея жилъ «какъ было принято», и она жила «какъ было принято», то-есть останавливала свой выборъ на какомъ-нибудь чичисбеѣ. Да и это все я сказалъ только къ тому, чтобы показать, что молодые супруги Каппелло, въ первые три года своего брака, являлись исключеніемъ. Синьоръ Джіованни предпочиталъ общество жены всякому другому; синьора Анжіолетта, ко всеобщему изумленію, не имѣла еще чичисбея.

Сколько времени продолжалась-бы такая исклю-

чительная ихъ жизнь—неизвѣстно; но «вдругъ», какъ весьма часто это бываетъ въ жизни, все измѣнилось.

Война Венеціи съ Турціей изъ-за Кандіи то затихала, то возгоралась снова. Были перемирія; но мира не было. Между тѣмъ продолжительная, опасная борьба истощала силы республики,—необходимо было, наконецъ, успокоиться, разобраться въ дѣлахъ, пополнить дефициты. Поэтому извѣстіе, что и въ Константинополѣ народъ не желаетъ больше воевать и все громче и громче выражаетъ свое неудовольствіе, было встрѣчено венеціанцами съ большой радостью. Одновременно съ этимъ извѣстіемъ французскій посланникъ сталъ увѣрять, намекая на полученныя его дворомъ свѣдѣнія, что Порта сама не заговоритъ о мирѣ, но на предложенія республики отзовется съ полной охотой.

Тогда венеціанскій сенатъ рѣшился отправить въ Константинополь уполномоченнаго съ тѣмъ, чтобы узнать на какихъ условіяхъ диванъ согласится подписать мирный договоръ. Выборъ сената палъ на Джіованни Каппелло. Отъ такого почетнаго назначенія, сразу открывавшаго быстрый путь къ важнѣйшимъ государственнымъ должностямъ, нельзя было отказываться. Да Каппелло и не думалъ объ этомъ. Онъ простился съ красавицей женою и, не промедливъ дня, отправился въ Константинополь.

Онъ не сомнѣвался, что возложенное на него порученіе будетъ имъ исполнено и боялся только одного, какъ-бы Порта, въ виду своихъ побѣдъ, не потребовала съ республики слишкомъ много денегъ.

Но едва его допустили къ великому визирю, какъ тотъ рѣзко спросилъ его: «Гдѣ-же ключи Кандіи?... надѣюсь—вы намъ привезли ихъ». Каппелло, неожидавшій ничего подобнаго, растерялся и только пробормоталъ, что онъ присланъ договориться о мирѣ. Великій визирь захохоталъ и хохоталъ долго, глядя прямо въ глаза несчастному Каппелло, а потомъ приказалъ связать его, отвезти въ Адріанополь и засадить тамъ въ тюрьму.

Приказаніе великаго визиря было исполнено; но въ Адріанопольской тюрьмѣ турки нашли, что нечего возиться съ венеціанцемъ — и придушили его. Когда извѣстіе объ этомъ возмутительномъ поступкѣ достигло Венеціи, то отставленный было храбрый и дѣятельный адмиралъ Монсениго былъ опять назначенъ главнокомандующимъ флота республики—и отчаянная война возгорѣлась съ новою силой.

Анжіолетта Каппелло облеклась въ глубокій трауръ. Въ первое время она была безутѣшна и даже разсказывали, что покушалась на самоубійство. Она вела жизнь затворницы, появлялась только въ церкви, сопровождаемая старой теткой, ни на кого не глядѣла, всѣхъ избѣгала. Двери палаццо Каппелло стояли на запорѣ и, кромѣ ближайшихъ родныхъ, туда никого не впускали.

Но прошелъ годъ, начался второй — и, мало-помалу, прекрасная вдова стала появляться въ обществѣ. Вся Венеція рѣшила, что она, со времени вдовства, еще похорошѣла. Веселость ея нрава вер-

нулась. О ея умѣ, остроуміи, ея музыкальномъ талантѣ ходили самые преувеличенные разсказы.

Она была молода, знатна, богата, свободна, при этомъ бездѣтна—и представлялась во всѣхъ отношеніяхъ самой завидной невѣстой. Лучшіе женихи города готовы были предложить ей руку и въ палаццо Каппелло теперь собиралось самое изысканное общество. Прелестная хозяйка, живая, порывистая, впечатлительная, очевидно уже не часто вспоминала о своемъ погибшемъ мужѣ. Она встрѣчала всѣхъ своихъ претендентовъ ласково и весело, задавала роскошные обѣды и праздники; выслушивала любезности и признанія; но на всѣ мольбы и требованія рѣшительнаго отвѣта не говорила ни «да», ни «нѣтъ»—и только улыбалась.

Она еще не сдѣлала выбора, еще всматривалась и будто кого-то ждала...

Однако, это не помѣшало ей, по обычаю и по невозможности самой управлять своими дѣлами, найти себѣ чичисбея. Это былъ нѣкто Нино, пользовавшійся репутаціей ловкаго человѣка и хорошаго музыканта. Синьора Анжіолетта, однако, скоро рѣшила, что въ ея положеніи, для того чтобы не давать ни малѣйшей пищи какимъ-либо толкамъ, лучше имѣть двухъ чичисбеевъ, чѣмъ одного, а потому Нино пришлось подѣлиться своими обязанностями съ молодымъ аббатомъ Панчетти.

III.

Итакъ, знакомая всей Венеціи, богатая изукрашенная гондола неслышно скользила по темной, холодной водѣ канала Гранде. Спереди и сзади убранной парчею каюты, будто бронзовыя изваянія, стояли два гандольера. И сами они и даже руки ихъ казались неподвижными, а между тѣмъ длинныя весла привычно и ловко дѣлали свое дѣло. Нѣсколько мѣрныхъ движеній — и гондола, слегка дрогнувъ, остановилась у широкихъ, омываемыхъ мутной водою ступеней палаццо Каппелло.

Изъ-за обшитой широкой золотой бахромой драпировки каюты показались—сначала кавалеръ, а потомъ дама. Кавалеръ граціознымъ, привычнымъ движеніемъ помогъ своей дамѣ подняться по ступенямъ и вслѣдъ за нею скрылся въ палаццо.

Молчаливые, красиво одѣтые слуги отворяли передъ ними двери. Они прошли цѣлый рядъ огромныхъ и пышныхъ комнатъ, нѣсколько мрачныхъ, особенно теперь, при блѣдномъ свѣтѣ наступавшаго вечера, и остановились въ комнатѣ меньшаго размѣра и гораздо болѣе уютной чѣмъ другія.

Здѣсь, въ этой комнатѣ, уже былъ вечеръ, спущенныя драпировки оконъ не пропускали свѣта. Двѣ большія, стоявшія на высокихъ подставкахъ по угламъ лампы были зажжены и озаряли высокій, великолѣпно разрисованный потолокъ и стѣны, увѣшанныя произведеніями кисти лучшихъ итальянскихъ мастеровъ, а такъ-же блестящими венеціанскими зеркалами.

Молодая женщина, которая конечно могла быть только владѣлицей палаццо, Анжіолеттой Каппелло, сбросила свой бархатный, темно-гранатоваго цвѣта, обшитый дорогимъ мѣхомъ плащъ и появилась теперь во всемъ блескѣ дѣйствительно замѣчательной красоты.

Она вовсе не принадлежала къ тому такъ-называемому итальянскому типу, подъ которымъ непремѣнно подразумѣвается смуглая, черноволосая женщина съ огненными глазами, скорѣе худощавая, чѣмъ полная, небольшого роста, съ темнымъ пушкомъ надъ верхней губою. Нѣтъ, синьора Анжіолетта была истая венеціанка, чистой аристократической крови, безъ всякой южной примѣси, — высокая, въ мѣру полная, съ удивительнымъ оваломъ плечъ и тонкой таліей.

Она была именно такой женщиной, какія самовластно жили въ воображеніи Тиціана. У нея были длинные, шелковистые, совсѣмъ бѣлокурые волосы, тонкая, бѣлая кожа, правильныя и нѣжныя черты лица и большіе каріе глаза, днемъ казавшіеся совсѣмъ свѣтлыми, а вечеромъ совсѣмъ темными.

Это была женщина, о которой не могло существовать двухъ разныхъ мнѣній. Она была создана и жила для того чтобы нравиться всѣмъ, и молодымъ и старымъ, даже женщинамъ, хотя бы онѣ сами себѣ и не признавались въ этомъ.

Сразу, глядя на нее, становилось понятнымъ, что она не могла долго тосковать по погибшемъ мужѣ, долго не могла проводить жизнь въ скукѣ и уединеніи. Эта была сіяющая красота, рожденная для жизни, для радостей и для удовольствій. Въ ея лицѣ можно было подмѣтить и нѣкоторую мечтательность и положительную склонность къ капризамъ: но въ то-же время ничего злаго. Капризъ идетъ къ хорошенькой женщинѣ и ничему не мѣшаетъ. А въ сущности у синьоры Анжіолетты навѣрное былъ ровный и хорошій характеръ.

Скинувъ свой плащъ, она граціозно опустилась на низенькую кушетку и вытянула свои красивыя, выглянувшія изъ подъ платья ноги.

— Нино,—обратилась она къ своему спутнику, поправлявшему драпировку у окна,—подойдите сюда.

Чичисбей немедленно приблизился къ своей повелительницѣ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти или шести, маленькій, черненькій,

хорошенькій какъ куколка, съ лицомъ пріятнымъ, но незначительнымъ, не глупымъ, но и не умнымъ.

— Что прикажете, синьора,—произнесъ онъ звучнымъ голосомъ, который показывалъ, что у него, вѣроятно, очень недурный теноръ.

— Нино, я вами недовольна,—сказала синьора Анжіолетта,—по меньшей мѣрѣ полчаса мы просидѣли съ вами вдвоемъ въ гондолѣ,—и за все это время вы мнѣ не сказали ничего интереснаго. А между тѣмъ сегодня... сегодня съ самаго утра мнѣ что-то скучно. Мнѣ все надоѣло и всѣ надоѣли: я хочу чего-нибудь интереснаго, чего-нибудь новаго!..

— Увы,—съ комическимъ вздохомъ опуская свою курчавую голову произнесъ Нино, — сегодня нѣтъ ничего новаго, ничего интереснаго и не откуда взять: все, что я знаю, – и вы знаете, синьора.

Въ это время высокая тяжелая дверь скрипнула и пропустила человѣка въ одеждѣ аббата.

— Панчетти!—воскликнула синьора Анжіолетта,—какъ вы кстати, я ужь хотѣла послать Нино за вами. Но если у васъ нѣтъ ничего новаго и интереснаго, то лучше уходите.

Но аббатъ не ушелъ, онъ приблизился къ синьорѣ, придвинулъ кресло и съ достаточной фамильярностью сѣлъ на него, рядомъ съ синьорой. Его тоже еще совсѣмъ молодое, нѣсколько сухое, гладко выбритое лицо съ крупнымъ носомъ и выразительными глазами улыбалось.

— Не знаю, синьора, какъ покажется вамъ моя

новость, заинтересуетъ-ли она васъ. Но только я видѣлъ съ часъ тому назадъ нѣчто необычайное.

— Что-же такое вы видѣли, аббатъ?

— Я видѣлъ посольство, пріѣхавшее изъ Московіи! — и онъ разсмѣялся. — Ахъ если-бы вы знали, синьора, какіе это смѣшные люди, въ какихъ удивительныхъ костюмахъ!..

— Что-же они говорятъ?

Аббатъ пожалъ плечами.

— Ну, знаете, чтó они такое говорятъ — этого никто разобрать не можетъ, потому что языкъ у нихъ птичій... Но впрочемъ, къ моему большому изумленію, между ними есть молодой человѣкъ, тоже московитъ, который прекрасно изъясняется по латыни, да не только по-латыни — онъ ужь кой-что и по итальянски успѣлъ затвердить.

— И вы съ нимъ говорили?

— Да, говорилъ. Ну, конечно, онъ человѣкъ дикій, но все-же менѣе дикій, чѣмъ я думалъ.

— А Московія... какая-же это страна? — спросила синьора Анджіолетта. — Я о ней почти ничего не знаю... знаю, что она страна дикая, что она далеко отъ насъ, такъ далеко, что дальше и быть нельзя... и больше ничего не знаю!

Аббатъ усмѣхнулся.

— Я знаю только одно, — сказалъ онъ, — что если-бы мнѣ сулили золотыя горы, если-бы мнѣ за это обѣщали сдѣлать меня кардиналомъ, я все-же въ Московію не поѣхалъ-бы! Знаете-ли вы, синьора, что

тамъ въ теченіи двухъ, а не то трехъ мѣсяцевъ, совсѣмъ не видно солнца...

— Не можетъ быть?

— Увѣряю васъ, что такъ. Но этого мало. Бóльшую половину года тамъ идетъ снѣгъ, идетъ безъ остановки, день и ночь, такъ что образуются цѣлыя горы — и ничего не видно, одна только снѣжная равнина. Не только дома, но и самыя высочайшія деревья покрыты снѣгомъ. Московиты, если-бы даже и свѣтило надъ ними солнце, не могутъ его видѣть. Они прорываютъ въ снѣгу корридоры и только этимъ способомъ сообщаются между собою. Бóльшую часть года они живутъ подъ снѣгомъ, какъ гномы подъ землею.

— Какой ужасъ! — воскликнула синьора Анжіолетта,—только вѣрно-ли это, можетъ быть это неправда?

— Нѣтъ, все это правда,—спокойно и увѣренно сказалъ аббатъ.—И представьте, иной разъ, когда московитъ выйдетъ изъ своего жилища, чтобы навѣстить сосѣда и идетъ по своему снѣжному корридору, вдругъ ему навстрѣчу бѣлый медвѣдь. Ну—и ни сосѣдъ его не увидитъ, ни жена съ дѣтьми его не дождутся. Бѣлый медвѣдь съѣстъ его безъ остатка... А холодъ бываетъ такой, что хотя московиты и надѣваютъ на себя зимою по нѣскольку звѣриныхъ шкуръ, но все-же замерзаютъ. И прежде всего отъ холода у нихъ глаза лопаются.

— Не правда!—перебила синьора Анжіолетта.

— Santa Maria!—воскликнулъ аббатъ,—съ какой-же стати я лгать буду?!

— Да подумайте только, развѣ люди могутъ такъ жить? Какой-же народъ можетъ существовать подъ снѣгомъ, если всѣ замерзаютъ, если глаза у всѣхъ лопаются, и если бѣлые медвѣди всѣхъ ѣдятъ?!

— Они и погибаютъ въ огромномъ количествѣ,— все тѣмъ-же увѣреннымъ тономъ объяснилъ аббатъ.— Но такъ какъ у ихъ женщинъ каждый годъ непремѣнно родятся дѣти и весьма часто разомъ по два и по три, то народонаселеніе не уменьшается.

— Аббатъ, вы начинаете говорить вздоръ... И что-жь, все это вамъ вашъ молодой московитъ разсказалъ?

— Нѣтъ, я съ нимъ не говорилъ объ этомъ!

— О чемъ-же вы, въ такомъ случаѣ, говорили?

— Я спрашивалъ его, какъ ему у насъ нравится. Мнѣ любопытно было видѣть его восхищеніе нашей прекрасной Италіей... послѣ снѣжныхъ корридоровъ и бѣлыхъ медвѣдей.

— Что-же онъ?

— Онъ пьянъ отъ восторга.

— Нѣтъ, мнѣ его восторгъ не интересенъ,—внезапно оживляясь сказала синьора Анжіолетта,—мнѣ гораздо интереснѣе было-бы послушать его разсказы о Московіи и уличить васъ во лжи, аббатъ. Послушайте, Нино, на завтра я даю вамъ порученье: извольте какъ можно раньше отправиться туда, гдѣ остановилось московитское посольство; извольте во что-бы

то ни стало познакомиться съ молодымъ московитомъ и пригласить его ко мнѣ.

— Какъ-же я это сдѣлаю? А если онъ не пойдетъ? Вѣдь онъ дикій человѣкъ!

— Какъ хотите, но завтра, завтра до вечера, вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ я должна видѣть молодого московита. Такова моя воля, таково вамъ мое приказаніе. А теперь: bona notte,—закончила она.

— Синьора, какая-же ночь—вечеръ только начинается!

— Да, но я съ утра нехорошо себя чувствую... мнѣ скучно. Единственное интересное, что вы мнѣ могли сказать, аббатъ, вы уже сказали. Нино сегодня никуда не годенъ, а потому вы оба мнѣ не нужны...

Съ этими словами синьора Анжіолетта поднялась съ кушетки, протянула свою бѣлую, украшенную драгоцѣнными кольцами руку для поцѣлуя аббату и Нино, благосклонно имъ улыбнулась—и вышла изъ комнаты.

IV.

Оставшись вдвоемъ, Нино и Панчетти нѣсколько мгновенiй молча глядѣли другъ на друга съ насмѣшливой улыбкой. Въ присутствiи синьоры никакъ нельзя было опредѣлить ихъ взаимныя отношенiя: нельзя было сказать—друзья они или враги. Все ихъ вниманiе сосредоточивалось на синьорѣ, а другъ-друга они будто совсѣмъ даже не замѣчали.

Но теперь, оставшись одни, они сразу-же, въ улыбкѣ, въ выраженiи глазъ, а главное, въ чемъ-то непередаваемомъ, но тѣмъ не менѣе ясномъ, высказали сущность своихъ отношенiй: они не только не были дружны, но положительно ненавидѣли другъ-друга и если-бы обстоятельства не заставляли ихъ сдерживаться и сохранять приличiя, то навѣрное между ними давно-бы ужъ произошли самыя отчаянныя столкновенiя и схватки.

Враждебность ихъ отношенiй была понятна: оба они служили въ качествѣ чичисбеевъ одной общей повелительницѣ, а повелительница эта была самой интересной и хорошенькой женщиной Венецiи. Ихъ привлекли къ ней, главнымъ образомъ, не матерiальныя выгоды, не возможность вести на ея счетъ жизнь, полную всякихъ удовольствiй, а сама она. Оба они были страстно влюблены въ нее и внѣшняя къ ней близость, созданная ихъ положенiемъ, возможность всегда быть при ней, видѣть ее въ самой интимной обстановкѣ, — только способствовали, конечно, развитiю ихъ чувства.

Между тѣмъ синьора Анжiолетта держала себя какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ именно какъ повелительница. Она не допускала ни малѣйшей тѣни фамильярности, а когда однажды Нино, не будучи въ силахъ дольше владѣть собою, въ очень поэтическихъ и краснорѣчивыхъ выраженiяхъ вздумалъ открыть передъ нею состоянiе своего сердца,—она такъ на него посмотрѣла, что онъ вдругъ почувствовалъ себя очень жалкимъ, ничтожнымъ и приниженнымъ.

— Нино,—сказала она,—когда я увидѣла, что не могу одна справиться съ моими дѣлами, то пригласила васъ, потому что мнѣ говорили о вашихъ способностяхъ и о вашемъ умѣ... Еще нѣсколько фразъ, подобныхъ тѣмъ, какiя вы сейчасъ себѣ позволили— и я должна буду разстаться съ вами, такъ какъ въ человѣкѣ, съ которымъ постоянно видаюсь, я прежде всего цѣню умъ.

Со всякой другою женщиной Нино нашелся-бы что отвѣтить и отстоялъ-бы себя. Но тутъ онъ сразу-же будто лишился дара слова. Онъ хотѣлъ отказаться отъ своихъ обязанностей и уйти навсегда; но не могъ этого: онъ былъ будто прикованъ къ палаццо Каппелло, синьора Анжіолетта будто околдовала его.

Между тѣмъ это объясненіе имѣло слѣдствіемъ то, что не далѣе какъ черезъ недѣлю Нино долженъ былъ раздѣлить свои обязанности и свою близость къ синьорѣ съ аббатомъ Панчетти. Это былъ для него нежданный и жестокій ударъ.

Если-бы даже молодой аббатъ остался равнодушнымъ къ чарамъ красавицы, Нино все-же сталъ-бы ревновать его. Но Панчетти раздѣлилъ участь всѣхъ мужчинъ, знавшихъ синьору Анжіолетту. Онъ съ перваго-же дня, не смотря на всю свою сдержанность, началъ глядѣть на нее влюбленными глазами

Вступивъ въ исполненіе обязанностей офиціально признаннаго чичисбея, Панчетти сдѣлалъ все, чтобы удалить Нино и остаться хозяиномъ положенія. Съ утра и до вечера онъ наглядно доказывалъ синьорѣ, что Нино, хоть и недурной музыкантъ, но, во всякомъ случаѣ, ниже своей репутаціи. Онъ вышучивалъ Нино всячески, смѣялся надъ нимъ, злилъ его, заставлялъ выходить изъ себя и становиться, дѣйствительно, смѣшнымъ и глупымъ.

Однако всѣ его усилія пропали даромъ. Синьора повидимому нашла именно то, чего ей было надо. Она была теперь застрахована отъ клеветы, насколько

вообще можно быть отъ нея застрахованнымъ. Нино и Панчетти оказывались идеальными инквизиторами и шпіонами другъ-друга и каждый разрывался на части, чтобы лучше другого услужить синьорѣ и получить ея благодарность. Къ тому-же ихъ вражда, ихъ борьба, вѣчныя ухищренія подставить другъ-другу ногу, тончайшія стратегическія хитрости, пускаемыя ими въ ходъ,—все это было для красавицы игрою, забавой, представленіемъ, все это разгоняло ея скуку, помогало забывать иной разъ одиночество сердца, ожидавшаго или какого-нибудь фантастическаго каприза, или серьезнаго чувства. Однимъ словомъ, она была очень довольна своими двумя чичисбеями и низачто не удалила бы отъ себя ни того, ни другого.

Наконецъ и они поняли, что не свернуть имъ другъ другу шеи и примирились со своимъ положеніемъ, находя, какъ это часто бываетъ, не только жизнь, но даже и радости, даже и своего рода счастіе среди того ада, который клокоталъ у нихъ въ сердцѣ...

И вотъ они, по удаленіи синьоры, молча и насмѣшливо глядятъ другъ-на-друга. Наконецъ Панчетти прервалъ молчаніе:

— Come sta di salute, signore?.. какъ поживаете?— сказалъ онъ, складывая свои тонкія губы въ любезную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ядовитую усмѣшку,—вы-бы, amico caro, посовѣтывались все-же съ докторами...

— Что вы этимъ хотите сказать, signor abbate?— раздувая ноздри, но очень тихо перебилъ его Нино.

— Вотъ уже нѣсколько дней какъ видъ вашъ меня смущаетъ,—продолжалъ тономъ участія аббатъ,—лицо у васъ блѣдное, глаза безъ выраженія... и синьора жалуется, что съ вами ей скучно... Это плохіе признаки...

— Однако синьора тоже не говоритъ, что съ вами ей весело!—воскликнулъ Нино.

— М-м...—протянулъ аббатъ,—я ни на что и не претендую... я не свѣтскій человѣкъ, не артистъ... не считаю себя Нарциссомъ... не гляжусь по часамъ въ зеркало...

— Я никогда не сомнѣвался, signor abbate, что у васъ хорошій вкусъ и что вы любите лицезрѣніе лишь прекраснаго... однако, оставимъ взаимныя любезности, къ которымъ мы оба, кажется, уже давно привыкли... Скажите пожалуйста, что̀ вамъ за охота была толковать синьорѣ о какихъ-то московитскихъ медвѣдяхъ?.. Вотъ теперь и добывай ей сѣвернаго медвѣдя... можетъ быть намъ-же на́ голову...

При этихъ словахъ Нино, аббатъ почесалъ свой длинный носъ, какъ онъ всегда дѣлалъ, когда оказывался чѣмъ-нибудь внезапно смущеннымъ.

— Могъ-ли я ожидать отъ нея такой фантазіи!—произнесъ онъ,—впрочемъ... я полагаю у синьоры такой развитой вкусъ,—нѣсколько минутъ разговора съ дикаремъ могутъ быть интересными—и только.

— Да, конечно, но скажите: этотъ дикарь... каковъ онъ?

Аббатъ окинулъ блестящимъ взглядомъ миніатюрную фигурку Нино и отвѣчалъ:

— Онъ высокъ, строенъ, сложенъ какъ атлетъ, у него голубые глаза и прекрасные бѣлокурые волосы...

Нино невольно вспыхнулъ. Не далѣе какъ наканунѣ, и въ присутствіи Панчетти, синьора Анжіолетта сказала, что мужчина долженъ быть высокъ и силенъ, и что самые красивые глаза—голубые.

— Однако... вѣдь онъ—дикарь,—нерѣшительнымъ тономъ произнесъ Нино, — нельзя-же его приводить сюда... синьора навѣрное сама пойметъ это... она пошутила...

Аббатъ злобно усмѣхнулся.

— Нѣтъ, синьора не пошутила,—сказалъ онъ,— она приказала вамъ, мой дорогой другъ, завтра непремѣнно представить ей здѣсь молодого московита—и вы должны это исполнить.

— А если это невозможно?

— Если это невозможно для васъ, то желаніе синьоры будетъ исполнено мною... Какъ видите — положеніе безвыходное... и вамъ остается — повиноваться.

Нино невольно вздохнулъ.

— Въ такомъ случаѣ скажите мнѣ, гдѣ я долженъ искать этого медвѣдя?

— Московитское посольство остановилось въ палаццо Конери... и такъ какъ я уже тамъ былъ и меня тамъ уже знаютъ, то я провожу васъ и всячески облегчу вамъ исполненіе тяжкаго порученія, даннаго вамъ синьорой.

— Мнѣ остается только благодарить васъ, si-

gnor abbate!—съ дрожью въ голосѣ произнесъ Нино, театрально поклонившись.

— Не за что! — отвѣтилъ Панчетти, тоже кланяясь,—я кажется доказалъ, что всегда готовъ служить вамъ... чѣмъ только могу!..

V.

Солнце поднялось надъ моремъ, подернуло золотомъ воду каналовъ, заискрилось на стѣнахъ дворцовъ, на куполахъ церквей. Венеція, превращавшая ночь въ день, пировавшая до поздняго часу, только еще начинала просыпаться. Въ обширной комнатѣ съ нѣсколько потускнѣвшей отъ времени, но все-же внушительной и богатой обстановкой, у огромнаго окна, изъ котораго открывался чудесный видъ сказочнаго, будто тонувшаго въ тихой, неподвижной водѣ, города,— стоялъ Александръ Залѣсскій.

Онъ уже съ часъ какъ проснулся, нарядился въ высокіе желтой тонкой кожи сапоги, яркія шаровары, шелковую, всю расшитую хитрыми узорами рубаху, въ бархатный кафтанъ, украшенный позументами и отороченный собольимъ мѣхомъ — и ждалъ,

когда его позовутъ послы, то-есть Чемодановъ съ Посниковымъ.

Вотъ уже мѣсяцевъ семь какъ онъ покинулъ Москву — времени будто и немного, а между тѣмъ ему кажется, что цѣлая вѣчность легла между сегодняшнимъ днемъ и прежней его, московской жизнью. Да и по внѣшнему виду сильно измѣнился онъ за это недолгое время: похудѣлъ, возмужалъ, въ лицѣ появилось какое-то новое выраженіе, въ глазахъ стало свѣтиться больше глубины, вдумчивости. Еслибы Настя его теперь увидѣла, такъ непремѣнно-бы всплеснула руками и воскликнула: «Ахъ, ужь и похорошѣлъ-же ты, Алексаша!..»

Только Насти нѣтъ и... и Алексаша въ эту минуту вовсе о ней не думаетъ.

Алексаша во всѣ глаза глядитъ черезъ окно и невольно шепчетъ:

«Вотъ она, Венеція, вотъ она!.. много чудесъ разныхъ видѣлъ, всего навидался... а ужь этого... это — ровно сказка... ровно сонъ какой...»

Да, много всякихъ диковинокъ пришлось ему увидѣть за эти послѣдніе мѣсяцы! Онъ былъ готовъ ко всякимъ чудесамъ, ко всякимъ необычайностямъ; дѣйствительность, какъ это всегда бываетъ, оказалась совсѣмъ иною, нисколько не похожею на то, что́ ожидалось; но все-же эта дѣйствительность была такова, что не забудешь ее до скончанія жизни. И представляется она теперь словно бредъ какой...

Какъ ни торопилось, по приказу царскому, посольство, а все-же нѣсколько недѣль потребовалось

на сборы. За все это время Никита Матвѣевичъ, убѣдившійся, что царское слово крѣпко и что ни Матюшкинъ, ни Милославскій ничего не могутъ подѣлать, присмирѣлъ и былъ мраченъ. Въ первые дни, еще не овладѣвъ собою, онъ сталъ было громко жаловаться направо и налѣво, что вотъ, молъ, силкомъ у него отнимаютъ сына и посылаютъ въ басурманское царство, если даже и не на смерть, то ужь, во всякомъ случаѣ, на вѣрную погибель души.

При этомъ онъ довольно явственно и не стѣсняясь въ выраженіяхъ прохаживался на счетъ новшествъ и даже «дѣла антихристовы» не были имъ забыты. Наконецъ его рѣчи, отъ избытка возмущеннаго чувства, пріобрѣли такую силу и выразительность, что тѣ, къ кому онъ съ ними обращался, стали отходить отъ него и замѣчать ему, что имъ «такихъ срамныхъ словъ слушать не подобаетъ и чтобы онъ о своей шкурѣ помыслилъ».

И пришлось поневолѣ стихнуть—только въ укромной бесѣдѣ съ попомъ Саввою, за припертыми дверями, и отводилъ себѣ душу Никита Матвѣевичъ. На сына онъ негодовалъ, и жаль-то ему его было, и самъ онъ не могъ-бы рѣшить—чего въ немъ было больше: негодованія или жалости. Антонида Гелактіоновна такъ снаряжала Алексашу въ путь, будто хоронила.

При такихъ условіяхъ оставаться по долгу дома Александру было куда не сладко и онъ почти всѣ дни, ссылаясь на «службу», проводилъ въ Андреевскомъ. У монаховъ оказалось нѣсколько итальян-

скихъ книгъ и онъ, съ помощью своихъ познаній въ латинскомъ языкѣ, старался, насколько возможно, познакомиться и съ итальянскимъ. Эта трудная работа брала много времени, заставляла въ себя углубляться и тѣмъ самымъ служила Александру большую службу.

Работая такимъ образомъ, съ присущими ему упорствомъ и прилежаніемъ, онъ забывался, овладѣвалъ своими мыслями и не дозволялъ имъ безплодно мчать его къ Настѣ, которую онъ до времени не смѣлъ видѣть, о которой не смѣлъ думать. Онъ зналъ отъ Ртищева, что Настя уже во дворцѣ, у царицы, что добрая царица, которой «все» извѣстно, сама переговорила съ Настей, успокоила ее, и что Настя, избавленная отъ всякихъ непріятностей и бѣдъ, будетъ ждать его возвращенія. Онъ понималъ, что судьба его, воплотившаяся въ лицѣ царя, царицы и Ртищева, къ нему весьма милостива и, побѣждая тоску сердца, былъ бодръ и смѣло смотрѣлъ впередъ. Чемоданова до отъѣзда онъ видѣлъ всего два раза: но оба раза Алексѣй Прохоровичъ дѣлалъ видъ, будто совсѣмъ его и не замѣчаетъ.

Наконецъ сборы были приведены къ благополучному окончанію. Свита пословъ состояла изъ 33 человѣкъ. Различныхъ вещей было взято столько, что пришлось нагрузить ими десятки подводъ. Такъ какъ главнѣйшая, и даже почти единственная цѣль посольства заключалась въ томъ, чтобы взять у дука венецейскаго какъ можно больше денегъ, то казны посламъ было выдано немного. Взамѣнъ казны имъ

были даны такія вещи, которыя они могли-бы продавать въ чужихъ земляхъ,—такъ съ ними было отпущено 100 пудовъ ревеню и весьма большее количество соболиныхъ и горностаевыхъ мѣховъ.

— Ну, а ежели нѣмцы али латиняне ни ревеню, ни мѣховъ у насъ покупать не будутъ, а денегъ съ насъ за харчи и всякое иждивеніе требовать станутъ?—заявилъ Чемодановъ въ посольскомъ приказѣ.

— А ты такъ сдѣлай, чтобъ они васъ даромъ продовольствовали, да еще и подарки тебѣ дѣлали—на то ты и посолъ его царскаго величества!—отвѣтили ему.

— Ладно! — сказалъ Чемодановъ, и совершенно успокоился.

Передъ самымъ отъѣздомъ была прочитана ему съ дьякомъ Посниковымъ, въ царскомъ присутствіи, подробная инструкція и, вмѣстѣ съ нею, выдано письмо царя къ дуку венецейскому. Царь наказалъ посламъ всячески охранять честь русскую и милостиво простился съ ними. Послѣ литургіи и напутственнаго молебствія тронулись въ путь.

У Александра долго звенѣли въ ушахъ причитанія матери, которая больше часу душила его въ объятіяхъ и отпускать не хотѣла, пока мужъ наконецъ не крикнулъ на нее по своему. Сердце больно сжималось и слезы стояли въ глазахъ. Но вотъ скрылась за лѣсами Москва златоглавая — и будто приливъ новой жизни нахлынулъ на Александра. Все кончено, назадъ нельзя—значитъ надо впередъ!

На первомъ же роздыхѣ Александръ подсѣлъ къ

Чемоданову и попытался заговорить съ нимъ. Тотъ повелъ на него однимъ глазомъ, долго не произносилъ ни слова, и наконецъ сказалъ:

— Слушай ты: навязали мнѣ тебя за грѣхи мои... Послано мнѣ видно отъ Господа Бога такое вотъ испытанiе, что долженъ я тебя видѣть и не бить великимъ боемъ, какъ ты того заслуживаешь... Ну, я и выдержу... зла тебѣ не сдѣлаю... Только одно— не подходи ты ко мнѣ, не смѣй ты говорить со мною... потому—я человѣкъ... не ровенъ часъ, не выдержу и невзначай тебѣ зубы вышибу... Не подходи ты ко мнѣ, не вводи въ грѣхъ!

— Воля твоя, Алексѣй Прохорычъ, — отвѣтилъ Александръ, — я что-жь, я подожду пока ты самъ позовешь меня...

— Жди!--прорычалъ Чемодановъ.

На томъ у нихъ пока весь разговоръ и кончился. Зато съ Посниковымъ Александръ очень скоро и хорошо сошелся. Посниковъ былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, худощавый, невидный, съ лицомъ некрасивымъ, но прiятнымъ и умнымъ. Характеромъ онъ оказался ровенъ и уживчивъ. Ртищевъ нашелъ нужнымъ посвятить его въ дѣла Александра и отъ имени царя поручилъ ему всячески охранять молодого человѣка. Посникову Александръ сразу понравился и онъ находилъ не малую для себя пользу и удовольствiе въ бесѣдахъ съ ученикомъ андреевскихъ монаховъ...

Посольство благополучно и безъ задержекъ доѣхало до Архангельска, гдѣ, при посредствѣ гол-

ландскихъ капитановъ, было нанято два корабля, такъ какъ на одинъ корабль нечего было и думать сложить весь грузъ. Съ наймомъ и нагрузкой кораблей провозились до сентября. Рѣшено было ѣхать прямо изъ Архангельска до итальянскаго города Ливорно, ѣхать на тѣхъ-же корабляхъ, нигдѣ не останавливаясь, «кругомъ», такъ чтобы во все время пути всѣ земли были «по лѣвую руку».

VI.

Двинулись. Чемодановъ до самаго отъѣзда выдержалъ—ни слова не говорилъ съ Александромъ, не глядѣлъ на него. Когда-же что-либо было ему нужно отъ молодого переводчика, онъ обращался къ нему черезъ посредство Посникова.

Чемодановъ всячески обдумывалъ, нельзя-ли какъ-нибудь такъ устроить, чтобы Александръ ѣхалъ не на одномъ съ нимъ кораблѣ, а на меньшемъ и худшемъ, гдѣ помѣщалась бóльшая половина груза и часть прислуги. Онъ совѣщался объ этомъ съ Посниковымъ и доказывалъ ему, что нельзя оставить на кораблѣ прислугу безъ присмотра и что кому-же поручить этотъ присмотръ какъ не Залѣсскому.

— Ужь коли намъ навязали этого молокососа, то пусть хоть дѣло дѣлаетъ,—закончилъ онъ.

Однако Посниковъ никакъ не могъ съ нимъ согласиться. Онъ качалъ головою и доказывалъ:

— Никакъ тому быть нельзя, Алексѣй Прохорычъ;—первымъ дѣломъ о харчахъ ты не подумалъ... Что-жь, онъ тамъ съ людишками нашими одну пищу ѣсть что-ли станетъ?.. али для него одного на томъ кораблѣ кухню заводить?—накладно это... Да опять вѣдь и то должно помнить, что по наказу царскому быть намъ во все время пути вмѣстѣ съ Александромъ Залѣсскимъ и почитать намъ его не яко толмача простого, а яко молодшаго нашего посольскаго товарища...

На такія убѣдительныя рѣчи Чемоданову отвѣчать было нечего и поневолѣ пришлось примириться съ необходимостью быть на пути на одномъ кораблѣ съ Александромъ, имѣть его постоянно передъ глазами и вести неустанную борьбу съ непокидающимъ желаніемъ «бить его великимъ боемъ».

Александръ очень хорошо проникалъ въ мысли и чувства Чемоданова, но такая упорная ненависть Настинаго отца его теперь совсѣмъ ужь не страшила. «Перемелется—мука будетъ»,—думалъ онъ, и тоже самое говаривалъ ему Посниковъ.

Главное-же—некогда было много и думать-то объ Алексѣѣ Прохоровичѣ: переживались такія новыя, сильныя впечатлѣнія. Шутка сказать: Александръ на кораблѣ голландскомъ, среди моря бурливаго и темнаго. Гребни волнъ ходятъ вокругъ корабля, разбиваются бѣлою пѣною, нагоняютъ волны одна на другую, качаютъ корабль будто малую скорлупу орѣ-

ховую. И куда ни глянешь—всюду эти набѣгающіе другъ на друга гребни волнъ, земли не видно, она въ первую-же ночь совсѣмъ скрылась. Корабль бѣжитъ, паруса надуты вѣтромъ,—а все чудится будто стоишь на одномъ мѣстѣ, какъ разъ на самой что ни на есть серединѣ моря...

Чудно́ это и жутко. Корабль хорошій, будто домъ устроенъ. Съ палубы лѣсенка внизъ, а внизу палата просторная, съ круглыми оконцами стеклянными Въ палатѣ посерединѣ столъ—ножки его въ полъ вдѣланы, кругомъ стола скамьи, а по стѣнамъ нары. Все такъ хитро приноровлено. Возлѣ столовой и спальной палаты—другая,—то кухня, а ниже еще, къ самому дну корабля спуститься, — такъ тамъ и погребъ.

Размѣстились всѣ они какъ у себя дома—ладно и уютно. И въ первые дни, то поднимаясь на палубу, то сходя внизъ, Александръ чувствовалъ себя очень хорошо. Морской воздухъ освѣжалъ его, будто вливая ему въ грудь новую силу и бодрость.

Но вотъ, на вторыя сутки, вѣтеръ сталъ крѣпнуть, море волновалось сильнѣе и корабль начинало изрядно покачивать. Спервоначала это даже нравилось Александру...

Сойдя внизъ онъ съ изумленіемъ увидѣлъ какъ Чемодановъ сидитъ весь блѣдный, держится за грудь и стонетъ. Въ невольномъ порывѣ кинулся онъ къ нему.

— Алексѣй Прохорычъ, что такое? Что съ тобою?..

Но тотъ только руками замахалъ на него, про-

должая стонать и, мало-по-малу, начиная даже причитанія: «Ахти намъ!.. Матерь Пресвятая Богородица! худо... не въ моготу, ахти намъ!..»

Александръ поспѣшилъ на палубу къ Посникову и сообщилъ ему о томъ, что съ Алексѣемъ Прохорычемъ творится что то неладное. Тогда они спустились опять уже вмѣстѣ. Чемодановъ, какъ увидѣлъ Посникова, застоналъ еще сильнѣе.

— Иванъ Иванычъ, – крикнулъ онъ ему,—да что-жь это за напасть, что такое!!.. Съ души воротитъ!. Ой, батюшки, не втерпёжъ!

И только что онъ произнесъ это, какъ вдругъ все будто закружилось передъ глазами Александра. Онъ ухватился рукою за стѣну, чувствуя, что и у него «съ души воротитъ».

Черезъ полчаса буря разыгралась еще сильнѣе, корабль заколыхался во всѣ стороны и среди завыванія вѣтра, скрипа мачтъ, со всѣхъ сторонъ раздавались человѣческіе стоны.

Пуще всѣхъ вопилъ Алексѣй Прохоровичъ. Напрасно капитанъ голландецъ и матросы всѣхъ уговаривали и объясняли, что это пустое, буря не Богъ вѣсть какая, она стихнетъ и всѣ снова будутъ здоровы. Морская болѣзнь была для москвичей полной неожиданностью и всѣ они полагали, что пришелъ ихъ часъ смертный.

Однако Александръ оказался не очень чувствительнымъ къ этой болѣзни. Онъ забрался на постель, закутался одѣяломъ и лежалъ неподвижно. Ему представлялось какое-то далекое воспоминаніе изъ вре-

менъ ранняго дѣтства. Ему чудилось, будто онъ лежитъ въ люлькѣ и будто люльку эту качаетъ мать, напѣвая какую-то знакомую пѣсенку. Онъ почти слышалъ голосъ матери, почти различалъ слова пѣсенки и, подбирая ихъ, вспоминая,—незамѣтно заснулъ.

Такъ онъ проспалъ нѣсколько часовъ и, когда проснулся, ночь уже прошла. Солнце свѣтило надъ кораблемъ и волненіе почти утихло. Первое, что онъ передъ собой увидѣлъ, было лицо Алексѣя Прохоровича, измятое, съ взъерошенной бородою, но уже совсѣмъ не такое блѣдное, какъ наканунѣ. Ихъ взгляды встрѣтились.

— Слава тебѣ, Господи, отошло... полегчало!—радостно выговорилъ Чемодановъ.—А ты это чтó-жь? всю ночь спалъ себѣ какъ сурокъ, тебѣ и горя мало...

Но тутъ онъ вдругъ сообразилъ, съ кѣмъ это говоритъ—и мрачно отвернулся въ сторону...

Корабль плылъ дальше. Дни проходили за днями. Кое-когда на встрѣчу попадались другіе корабли. Корабельщики, при такихъ встрѣчахъ, здоровались другъ съ другомъ по своему: трубили въ трубу, кричали непонятныя слова въ рупоръ. Иной разъ на далекомъ сѣромъ горизонтѣ, гдѣ небо сходилось съ водою, да такъ, что Александръ никакъ разобрать не могъ—гдѣ кончается небо и начинается море, показывалось что-то. Это была земля, берегъ. Берегъ будто бѣжалъ на нихъ — и вотъ уже можно было различать высокіе шпицы церквей, темныя зданія... Александръ разспрашивалъ капитана (онъ ужь начи-

налъ кое-что смыслить по-голландски и запасъ его знаній увеличивался съ каждымъ днемъ) — что̀ это за земля, какой это городъ, какой народъ здѣсь живетъ... и такъ далѣе. Капитанъ очень охотно удовлетворялъ его любознательности и Александръ все записывалъ на бумагу вмѣстѣ со своими собственными замѣчаніями.

Всякій разъ какъ между посольскими людьми объявлялось, что «земля видна»,—Чемодановъ выходилъ на палубу, смотрѣлъ на землю, слѣдилъ за движеніемъ корабля и, видя, что земля отъ нихъ «по лѣвую руку»—успокоивался.

Но вотъ случилось такъ, что показавшаяся земля пришлась по правую руку. Какъ ни прикидывалъ Чемодановъ — по правую руку земля, да и полно! Посникова призвалъ, показываетъ. И тотъ смутился. Къ капитану. Ты, молъ, подрядился везти прямо кругомъ и самъ говорилъ, что всѣ земли по лѣвую руку будутъ. Да такъ оно и по картѣ выходитъ. А теперь это что-жь такое?—земля вѣдь это, и по правую руку... Такъ куда-жь это ты насъ везешь, голландецъ ты этакій?!

Голландецъ долго не могъ въ толкъ взять—чего отъ него требуютъ, а когда понялъ, то еще дольше никакъ не могъ втолковать посламъ, что это не земля, а маленькій островъ, котораго на ихъ картѣ совсѣмъ даже и не показано. Чемодановъ и Посниковъ, утихнувъ наконецъ, все-же долго оставались съ подозрѣніемъ и то и дѣло толковали промежъ себя: «А что́ коли голландецъ ихъ надуваетъ и Богъ вѣсть куда завезти хочетъ?!»

Осень надвинулась поздняя. Раза два-три снѣжокъ попархивалъ, по тутъ-же таялъ. По ночамъ не разъ вѣтеръ бушевать принимался и корабль качало побольше и подольше, чѣмъ въ первый разъ. Крѣпились москвичи, и хоть въ концѣ концовъ всѣ, одинъ за другимъ, начинали страдать морскою болѣзнью, но все-же не теряли бодрости, зная теперь, что дѣло не къ смерти.

— Ну ужь и морской путь! — говорилъ послѣ сильной качки Чемодановъ Посникову,—оно конечно, въ теплое да тихое время — куда хорошо, а въ холодъ этакой да бури... кабы зналъ я про всѣ такія муки—не поѣхалъ-бы, видитъ Богъ не поѣхалъ-бы!

— Это ты истинно говоришь, Алексѣй Прохорычъ,—отвѣтилъ Посниковъ;—бѣда!.. только теперь что-жь объ этомъ! — корабли подряжены вплоть до Ливурна... Богъ милостивъ — доберемся... Ну, а оттуда, изъ Венеціи, какъ дѣло свое справимъ, сухимъ путемъ поѣдемъ.

— Да нешто сухимъ-то путемъ можно?—оживляясь воскликнулъ Чемодановъ.

— Для чего нельзя?—можно.

— А коли война съ полякомъ? со шведомъ?

— Тогда въ обходъ.

— Какъ-же это такъ въ обходъ? — нѣтъ, Иванъ Иванычъ, коли война — никакъ сухимъ путемъ не пробраться... дорогъ такихъ нѣту... какъ разъ во вражескія руки угодишь.

— Анъ нѣтъ, не угодишь. Залѣсскій-то намедни

мнѣ какъ есть все подробно на бумагѣ начертилъ какъ на ладони видно...

— А нешто онъ знаетъ?

— Онъ, батюшка Алексѣй Прохорычъ, все знаетъ, не даромъ въ Андреевскомъ у монаховъ обучался... парень у-у какой! голова—парень!

— Гдѣ-жь эта бумага-то, что онъ чертилъ?

— У него, Алексѣй Прохорычъ,—прикажешь—я его кликну, онъ тебѣ все и объяснитъ.

Но Чемодановъ на это замахалъ руками.

— Не хочу я его объясненій... видѣть его не могу!.. да и вретъ онъ... ничего путемъ не знаетъ... гдѣ ему знать!

Онъ замолчалъ, но потомъ прибавилъ совсѣмъ уже инымъ тономъ:

— А ты вотъ чтó, Иванъ Иванычъ, ты у него ту бумагу возьми... только, чуръ, не для меня, а для себя возьми... а ужó, какъ онъ спать завалится, ты мнѣ и покажи... разберемъ...

— Вретъ онъ... Ничего толкомъ не знаетъ... какъ дашь бумагу—я тебѣ и докажу, что вретъ!—закончилъ Алексѣй Прохоровичъ, будто съ большимъ пренебреженіемъ,—и даже отплюнулся.

VII.

Посниковъ передалъ Александру свой разговоръ съ Алексѣемъ Прохоровичемъ и взялъ у него чертежи.

— Пусть онъ докажетъ тебѣ, что я ничего не знаю,—сказалъ Александръ съ веселой улыбкой, только-бы намъ благополучно добраться до Ливурны, а ужь тамъ, хочетъ не хочетъ, придется ему преложить гнѣвъ на милость... безъ меня не обойдется.

— Вѣстимо такъ, отвѣчалъ Посниковъ,—да вѣдь и человѣкъ-то онъ не злой, только нравенъ да упрямъ больно — изъ одного упрямства теперь тебѣ спину показываетъ...

Но Александру не пришлось дожидаться пріѣзда въ «Ливурну». У береговъ Ирландіи поднялась такая буря, что голландцы, сначала, по обыкновенію,

успокоивавшіе своихъ пассажировъ, вдругъ объявили о настоящей, большой опасности. Среди ночного мрака море представляло клокочущую бездну, разверзавшуюся каждую минуту и каждую минуту готовую поглотить корабли. Волны со всѣхъ сторонъ вздымались какъ стѣны и, обрушиваясь на палубу, стекали внутрь потоками, разрушая всѣ препятствія. Корабль метало какъ щепку.

Думать теперь о томъ, что «съ души воротитъ» никому не приходило и въ голову. Вся посольская прислуга, вмѣстѣ съ матросами, была на ногахъ. То и дѣло выкачивали воду, задѣлывали наглухо окна, многія стекла которыхъ разбились. Волненіе моря усиливалось, казалось, съ каждой минутой.

Капитанъ, опытный старый мореходъ, весь блѣдный, говорилъ, что такой бури онъ еще никогда не испыталъ и что врядъ-ли корабли, хоть и почти новые и очень крѣпко слаженные, ее вынесутъ. При этомъ берегъ далеко и приблизиться къ нему нѣтъ никакой возможности. На помощь извнѣ разсчитывать нечего.

Ко всѣмъ бѣдамъ, среди ночи, оказалась течь и въ трюмѣ воды набралось выше аршина. Течь коекакъ задѣлали парусомъ и стали усиленно выкачивать воду ведрами и котлами.

Ждали утра въ надеждѣ, что оно принесетъ спасеніе; но утро оказалось еще хуже ночи. Проходили часы, а буря не унималась, а волны все съ новой и новой силой перекидывались черезъ бортъ и заливали палубу. Вода въ трюмѣ не прибывала, благо-

даря непрерывному выкачиванію, но и не убывала. Къ вечеру второго дня всѣ изнемогли отъ усталости. На всѣхъ лицахъ изображалось полное отчаянье. Вотъ уже нѣсколько посольскихъ «людишекъ», въ полномъ изнеможеніи, прекратили работу и никакими мѣрами невозможно было заставить ихъ выйти изъ одолѣвшей ихъ апатіи. Они легли тамъ, гдѣ стояли, прямо въ воду, и, казалось, ничего не видѣли, не понимали.

Александръ, бодрившійся до послѣдняго времени и, рукъ не покладая, работавшій не хуже матросовъ, увидѣлъ, наконецъ, что больше не можетъ. Онъ весь будто окаменѣлъ, руки не слушались, не поднимались. Посниковъ, нѣсколько часовъ отдыхавшій, смѣнилъ его, а онъ, шатаясь и падая на каждомъ шагу, кое-какъ добрался по мокрому полу до столовой и въ изнеможеніи опустился на скамью, которая только потому оказалась на мѣстѣ, что ножки ея были крѣпко на-крѣпко придѣланы къ полу.

Сквозь блѣдный полусумракъ, лившійся изъ единственнаго оставшагося въ каютѣ неразбитымъ оконца, рисовалась картина полнаго разрушенія. Вся столовая была исковеркана, даже большой столъ почти выворочень изъ пола. Со всѣхъ сторонъ снесли сюда разные ящики и всякую поклажу, и эти ящики и узлы, при каждомъ сильномъ сотрясеніи и наклонѣ корабля, сдвигались съ мѣста, ударялись другъ о друга и, будто живые, двигались по мокрому полу.

Плескъ огромныхъ волнъ, грузно падавшихъ и разбивавшихся надъ головою, на палубѣ, свистъ и

завываніе вѣтра, скрипъ и визвъ снастей и смутный гулъ людскихъ голосовъ — все это сливалось въ немолчный ужасный шумъ, раздражающій и отвратительный.

Крѣпко держась за лавку и упираясь ногами въ какой-то ящикъ, чтобы не упасть, Александръ опустилъ голову на грудь, закрылъ глаза и на нѣсколько мгновеній совсѣмъ забылся. Но отъ сильнаго толчка, отъ котораго страшно застоналъ, затрещалъ и завизжалъ всѣми своими снастями корабль, забытье прошло, мысли прояснились, явилось сознаніе дѣйствительности.

Полное отчаяніе охватило душу Александра. Онъ ужь не вѣрилъ теперь въ возможность спасенія. Онъ зналъ теперь, что приходитъ смерть, ужасная, неминучая, съ которой нельзя бороться, отъ которой некуда бѣжать. Смерть! еще часъ тому назадъ эта мысль не приходила ему въ голову, несмотря на отчаянное положеніе корабля, несмотря на то, что онъ отлично понималъ всю опасность. Но онъ не разсуждалъ, онъ дѣлалъ что надо, работалъ пока хватало силъ. Теперь-же онъ почувствовалъ, всѣмъ существомъ своимъ, что смерть близко, что она подходитъ все ближе и ближе съ каждой секундой...

Смерть! умереть... да развѣ возможно это? жизнь представлялась до сихъ поръ какой-то безконечностью, все было впереди, и все манило. И вдругъ— впереди ничего... и все ужь осталось позади!.. Въ одинъ мигъ вся жизнь, все прошлое воскресло и стало какъ живое передъ Александромъ. Въ одинъ мигъ

онъ будто на яву увидѣлъ всѣхъ близкихъ, онъ услышалъ голоса ихъ... Вотъ это говоритъ отецъ, а это мать, а это Ѳедоръ Михайлычъ... а это Настя!..

— Смерть пришла!—слышитъ онъ, сквозь гулъ и трескъ, у самаго своего уха чей-то грустный голосъ. Но кто говоритъ это?.. это не отецъ, не мать, не Ртищевъ и не Настя...

Чья-то рука тяжело легла на плечо его. Онъ открылъ глаза и въ полумракѣ разглядѣлъ лицо Чемоданова со спутанными волосами и всклокоченной бородою.

— Смерть пришла! — повторилъ Чемодановъ, — видно такъ Богу угодно!..

Голосъ его дрогнулъ; но вдругъ окрѣпъ и онъ продолжалъ даже почти спокойно:

— Страшно оно и тяжко, да противъ Бога не пойдешь... Его святая воля! Да и то опять—сколько ни живи, а умирать все-же придется... такъ не все-ли равно гдѣ Господь пошлетъ по́ душу... Такъ-то... вотъ что́ я скажу тебѣ, Лексаша: много ты виновенъ предо мною, и ты, и отецъ твой, да коли привелось намъ помирать вмѣстѣ... гдѣ ужь тутъ враждовать... грѣхъ это, особливо передъ смертью... простилъ я тебя... прости и ты меня, Христа ради!..

Александръ вдругъ забылъ все — онъ слышалъ только эти послѣднія слова Чемоданова. Онъ приподнялся, кинулся къ нему на шею—и почувствовалъ, что и старикъ его обнимаетъ.

— Алексѣй Прохорычъ, — сквозь подступавшія рыданія, прерывающимся голосомъ шепталъ онъ,—

Господь съ тобою... нешто я что́... за что̀ мнѣ прощать тебя... въ сердцѣ своемъ я всегда почиталъ тебя и почитаю... что̀ у васъ тамъ съ батюшкой—не мое то дѣло...

— Алексѣй Прохорычъ... да неужто—смерть?— отчаянно закончилъ онъ, и сердце у него остановилось въ ожиданіи отвѣта.

— Смерть, Алексаша!—спокойно и увѣренно проговорилъ Чемодановъ.

— Боже мой... да за что-же? — невольно вырвалось изъ груди Александра.

— Судьбы Божіи неисповѣдимы... Жаль мнѣ тебя... молодъ ты... ну, да что́ объ этомъ... Молиться давай, Лексаша... И у тебя, чай, грѣхи найдутся... а у меня, стараго... охъ... грѣшенъ я, грѣшенъ!.. Господи, помилуй!..

Онъ, все не выпуская Александра, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ—и Александръ почувствовалъ, что еще не все погибло, что Богъ близко, что Онъ услышитъ... И онъ всей душой, всѣмъ существомъ своимъ сталъ молиться.

VIII.

Медленно, будто все еще раздумывая и не зная на чтò рѣшиться, смерть стала отступать. Вѣтеръ внезапно измѣнилъ направленіе. Расплескавшееся море еще бурлило, волны еще вздымались; но въ этомъ волненіи уже чувствовалась какъ бы усталость. Опытный капитанъ первый пришелъ въ себя, ободрился. И лицо у него сдѣлалось совсѣмъ другое, и распоряжался онъ не тѣмъ голосомъ.

Его видъ сразу-же подѣйствовалъ на экипажъ и на пассажировъ. Люди, совсѣмъ обезсиленные и впадавшіе въ полную апатію, почувствовали какъ-бы приливъ новыхъ, невѣдомо откуда взявшихся силъ— и принялись за работу.

Теперь море быстро стихало. Важныхъ поврежденій на корабляхъ, по счастію, не оказалось, воду

почти всю выкачали и благополучно достигли гавани, чтобъ сдѣлать необходимыя починки, запастись водою, хлѣбомъ, соленымъ мясомъ и снова пуститься въ дальнѣйшій путь.

Такъ какъ приходилось все-же стоять съ недѣлю, то капитанъ совѣтовалъ сойти на берегъ, но Чемодановъ и слышать о томъ не хотѣлъ.

— Ѣдемъ мы до Ливурны прямо—и съ кораблей никуда не тронемся,—объявилъ онъ.

Все готово. Поплыли. Несмотря на то, что ноябрь подвигался уже къ половинѣ, москвичи съ изумленіемъ замѣчали, что становится все теплѣе и теплѣе, а какъ начали приближаться къ Португаліи, то совсѣмъ сдѣлалась весенняя погода. Небо голубое, безоблачное, вѣтерокъ теплый, ласкающій, солнце такъ славно грѣетъ.

Вышелъ послѣ обѣда Алексѣй Прохоровичъ на палубу, поставилъ спину подъ солнышко — и чувствуетъ, что хорошо ему, легко на душѣ, во всемъ тѣлѣ пріятная теплота, бодрость, будто десятокъ лѣтъ съ плечъ свалился.

А тутъ и Александръ вышелъ на палубу. Глянулъ на него Алексѣй Прохоровичъ весело.

— Подь-ка сюда, Лексаша!—крикнулъ онъ.

Александръ не заставилъ себя ждать. Теперь, послѣ смертной опасности, соединившей и примирившей ихъ, отношенія ихъ измѣнились. Чемодановъ ужь не чувствовалъ потребности бить Александра великимъ боемъ. Разъ простилъ, разъ примирился— такъ и баста. Къ тому-же молодой Залѣсскій ему

съ каждымъ днемъ начиналъ все больше и больше нравиться, его будто что-то невольно влекло къ нему. Но все-же, несмотря на это, Алексѣй Прохоровичъ все-же сдерживался, старался глядѣть на «парнишку» строго и хотя чувствовалъ въ бесѣдахъ съ нимъ большое удовольствіе, но все-же напускалъ на себя, обращаясь къ нему, большую важность.

Однако, теперь, подъ вліяніемъ плотнаго обѣда, нѣсколькихъ чарокъ добраго вина, а главное подъ вліяніемъ этого теплаго солнца и живительнаго морского воздуха, онъ забылъ свою важность и строгость и, самъ того не замѣчая, назвалъ Залѣсскаго,— какъ и въ тотъ страшный часъ, когда смерть казалась неизбѣжной,—Лексашей.

— Что-же это, братецъ, такое?—весело и смѣясь глазами сказалъ онъ,—куда-жь это мы зиму-то дѣвали? гдѣ ее прогуляли? а?

Александръ радостно улыбнулся.

— Да ужъ это какъ твоей милости будетъ угодно, Алексѣй Прохорычъ, хоть ты тутъ что хошь — а зимы въ этомъ году не видать, зима на Москвѣ осталась...

— Такъ неужто такъ-таки никакой зимы и не будетъ?

— Не будетъ.

— Врешь!

— Съ чего же я врать стану... Не на сѣверъ, а на югъ ѣдемъ...

— Чудны дѣла Твои, Господи!..

И Чемодановъ задумался.

— А о чемъ это ты съ капитаномъ-то болталъ?— вдругъ спросилъ онъ.

Александръ, при этомъ вопросѣ, сдѣлался серьезенъ.

— Да слухи ходятъ плохіе...

— Какіе слухи?

— А вотъ капитанъ говоритъ, что тѣ шкипера корабельные, которыхъ мы вчера встрѣтили, увѣряютъ, будто за Гибральтаромъ много пиратовъ...

— Пиратовъ... Это что-жь такое?

— А такъ морскіе разбойники прозываются, Алексѣй Прохорычъ.

— Что ты?! шутишь!.. какіе тамъ еще морскіе разбойники... — проговорилъ Чемодановъ, чувствуя, что все его радостное настроеніе портится. Все было такъ чудесно, думалось—всѣ опасности миновали... и вдругъ—морскіе разбойники.

Между тѣмъ Александръ продолжалъ:

— Собираются, вишь ты, эти пираты цѣлыми шайками, снаряжаютъ корабли, запасаются оружіемъ всякимъ и плаваютъ, торговые корабли выглядывая. Какъ завидятъ корабль—сейчасъ кличъ другъ дружкѣ даютъ, гонятся за тѣмъ кораблемъ, обстрѣливаютъ его; поймаютъ—людей всѣхъ перерѣжутъ, товаръ заберутъ, а корабль—ко дну... Много, говоритъ капитанъ, торговыхъ кораблей съ богатыми грузами пропадаютъ безъ вѣсти отъ этихъ пиратовъ.

— А вѣдь коли все это такъ — дѣло-то дрянь выходитъ!—съ безпокойствомъ воскликнулъ Чемодановъ. —Что-жь голландецъ-то говоритъ?.. вѣдь, коли

за Гибральтарой разбойники насъ поджидаютъ, то, по крайности, должны мы на случай нападенія приготовиться, мортиры выкатить, зарядить ихъ...

— Объ этомъ мы съ капитаномъ и говорили, Алексѣй Прохорычъ, — сегодня-же начнемъ готовиться на случай нападенія...

Оба корабля были скоро приведены въ боевой видъ, ежедневно ожидали нападенія пиратовъ, каждую точку, появлявшуюся на горизонтѣ, принимали за разбойничій корабль.

Прошло нѣсколько дней и вотъ, едва миновавъ Гибральтаръ, дѣйствительно замѣтили что-то подозрительное. Изъ-за скалы, у испанскаго небольшого городка, который, по словамъ капитана, назывался Мотриль, выплыло три какихъ-то корабля и скоро уже нельзя было сомнѣваться въ томъ, что корабли эти разбойничьи и что они начали погоню.

Разбойники настигаютъ Конечно, оно вѣдь еще неизвѣстно чья возьметъ; а все же силы не равны. Все приготовлено къ бою. Почти всѣ на палубѣ и зорко слѣдятъ за приближающимися пиратами. Посникова не видно: онъ внизу и у него зубъ на зубъ не попадаетъ отъ страху. Во время бури у береговъ Ирландіи, когда погибель казалась неминучей, когда смерть въ холодной и соленой морской глубинѣ рисовалась воображенію со всѣми своими ужасами,— Посниковъ не падалъ духомъ, работалъ изо всѣхъ силъ и всячески старался ободрять окружавшихъ его, доведенныхъ до полнаго отчаянья людей. Теперь-же, когда опасность была, во всякомъ случаѣ, не столь

неизбѣжной, когда приходилось бороться не со слѣпой и непобѣдимой стихійной силой, а съ людьми, которыхъ можно было и побѣдить — онъ струсилъ, а еще нѣсколько часовъ тому назадъ подтрунивалъ надъ Чемодановымъ, тревожившимся все это послѣднее время и то и дѣло поднимавшимся на палубу— взглянуть, не видать-ли гдѣ-нибудь пиратовъ.

Съ Чемодановымъ оказалось наоборотъ: едва разбойничьи корабли начали погоню—онъ вдругъ забылъ все свое безпокойство, оживился, созвалъ своихъ людей и самымъ спокойнымъ образомъ отдавалъ имъ приказанія относительно того, какъ надо дѣйствовать въ случаѣ нападенія.

Глядя на него, ободрился и Александръ и даже кончилъ тѣмъ, что просто желалъ нападенія...

Между тѣмъ пираты, подойдя къ кораблямъ на самое близкое разстояніе и разглядѣвъ сдѣланныя приготовленія къ защитѣ, обмѣнялись другъ съ другомъ сигналами и вдругъ повернули назадъ, да съ такою поспѣшностью, будто сами испугались погони.

— Ишь, поганцы!—весело говорилъ Чемодановъ, потирая руки, — ишь, срамники, — улепетываютъ!.. Видно русскаго духа не жалуютъ... То-то же!..

IX.

Остальное путешествіе вплоть до Ливорно было благополучно. Пираты не встрѣчались больше, погода стояла прекрасная, корабли иной разъ плыли въ близкомъ разстояніи отъ берега, который былъ неизмѣнно «по лѣвую руку», и москвичи любовались чудными видами, красивыми городами. Все это было такъ непохоже на свое, русское, знакомое съ дѣтства, что нашимъ пловцамъ казалось, будто они совсѣмъ и не на землѣ даже, а на какой-нибудь неизвѣстной «планидѣ».

Алексѣй Прохорычъ, выходя на палубу, подзывалъ къ себѣ Александра, подталкивалъ его и, указывая на какой-нибудь живописный видъ, говорилъ:

— А?!.. это что-жь, братецъ, такое?.. деревья-то?.. строеніе... гляжу я, гляжу—и вотъ такъ и чудится что оно не на яву... Да и на яву-ли, братецъ?.. Можетъ это такъ только... одинъ отводъ глазамъ... одно дьявольское прельщеніе?

— Какое тамъ дьявольское прельщеніе, Алексѣй Прохорычъ,—отвѣчалъ Александръ,—вонъ голландецъ говоритъ, что еще и не такихъ чудесъ наглядимся въ Италіи... А про Венецію что̀ толкуетъ... послушалъ бы...

— Что-жь голландецъ толкуетъ?

— А вишь ты, будто Венеція-то плавучій городъ, на водѣ построена... улицъ нѣту... а все на водѣ...

— Ну это-то онъ ужь вретъ, морочитъ тебя, а ты, дуракъ, развѣся уши и слушаешь... а того сообразить не можешь: какъ же это чтобъ городъ былъ на водѣ построенъ?! Да и зачѣмъ его на водѣ строить коли земля есть?! Ну самъ разсуди — какъ тому быть!...

— Эка, эка! гляди-ко, это что-жь такое?—и онъ показывалъ пальцемъ на обрисовывающіяся очертанія какого-либо за́мка,—церковь не церковь, дворецъ не дворецъ... сгинь! пропади, дьявольское навожденіе! Да воскреснетъ Богъ...

Онъ крестился, зажмуривалъ глаза и потомъ понемногу открывалъ ихъ снова.

— Ишь ты, не пропадаетъ...

— Да и не пропадетъ, — раздумчиво говорилъ Александръ, жадно вглядываясь въ очертанія за́мка чудной, никогда невиданной постройки, въ далекіе силуэты горъ;—хорошо здѣсь за́ моремъ, и зимы вотъ нѣту... а у насъ теперь что́?!

И онъ чувствовалъ какъ начинаетъ биться и щемить сердце.

— Алексѣй Прохорычъ, вѣдь у насъ теперь.. вѣдь Рождество подходитъ... святки!

— Да, Алексаша... колокола теперь на Москвѣ гудятъ... добрые люди къ празднику готовятся... морозецъ... снѣгу-то, чай, снѣгу!.. бѣлый онъ теперь, чистый... ровно алмазъ искрится на солнцѣ... Эхъ, братецъ, ну чего мы тутъ попусту глазѣемъ... эка невидаль! да пропадай ты пропадомъ, прелесть басурманская! у насъ куда лучше, куда лучше!

— Вѣстимо, у насъ лучше!—изъ глубины сердца повторялъ Александръ вслѣдъ за Чемодановымъ; но глаза все-же невольно глядѣли, и невольно любовались «заморскою прелестью»...

Пріѣздъ русскаго посольства въ Ливорно небылъ, для города неожиданностью. Недавно вернувшійся изъ Москвы дипломатическій агентъ венеціанской республики, Вимина, проѣздомъ черезъ Ливорно сообщилъ властямъ, что вслѣдъ за нимъ должно появиться московское посольство, отправляющееся въ Венецію.

Въ Ливорно уже имѣли кое-какое представленіе о Московіи, такъ какъ между ливорнскими купцами существовали торговыя сношенія съ Архангельскомъ. Россія поставляла тогда въ Италію весьма значительное количество икры и воску, а также собольихъ и иныхъ мѣховъ.

Богатый купецъ Лонгланъ, издавна торговавшій съ Архангельскомъ, убѣдилъ своихъ согражданъ сдѣлать московскому посольству блестящій пріемъ. Едва русскіе корабли показались у ливорнскаго рейда,

какъ со всѣхъ стоявшихъ въ рейдѣ судовъ раздались салюты, выстрѣлы изъ мортиръ. Чемодановъ, нарядившійся въ богатую посольскую одёжу, въ высочайшей своей шапкѣ, важно стоялъ на палубѣ и, заслышавъ выстрѣлы, внезапно оживился. Его сердцу было отрадно это выраженіе почета, которымъ его встрѣчали. Онъ немедленно-же распорядился, чтобы отвѣчали такими же выстрѣлами изъ мортиръ.

— Пороху не жалѣть!—крикнулъ онъ,—царь-батюшка не станетъ мнѣ пенять за порохъ... Коли насъ почитаютъ, то и мы должны почтеніемъ отвѣтствовать... Вѣдь мы не простые гости... мы посольство великаго государя—и всѣ должны видѣть это и чувствовать...

— Иванъ Иванычъ... Лександръ Микитичъ!—кричалъ онъ,—что-жь это вы? въ какомъ платьѣ? сейчасъ, скорѣе—дорогіе кафтаны, шапки! Али забыли кто вы?.. Пусть всѣ видятъ... пусть всѣ чувствуютъ!..

Посниковъ и Александръ внезапно прониклись его словами, его чувство сообщилось и имъ—и черезъ пять минутъ они стояли ужь рядомъ съ посломъ въ кафтанахъ, парча которыхъ сверкала на солнцѣ, и въ высокихъ собольихъ шапкахъ.

— Чуръ, не сходить на берегъ, пока ихнее начальство не пріѣдетъ къ намъ само на поклонъ и не пригласитъ въ свой городъ!—торжественно объявилъ Чемодановъ.

— Ну, а коли они о томъ не догадаются, вѣдь мы не въ Ливурну посланы...—замѣтилъ было Посниковъ.

— Посмотрю я какъ они не окажутъ такого

почтенія посламъ его царскаго величества!—все съ возраставшей важностью сказалъ Алексѣй Прохоровичъ, и по его лицу видно было, что онъ не тронется съ мѣста, пока не явится ливорнское начальство.

Ждать, однако, пришлось не долго. Губернаторъ Ливорно, Антоніо Серристори, послалъ чиновника привѣтствовать пріѣзжихъ.

Нарядный синьоръ, въ сопровожденіи вооруженной стражи, взошелъ на палубу и почтительно раскланялся передъ послами, причемъ Чемодановъ важно кивнулъ головою, а Посниковъ поклонился пониже.

— Александръ, переводи... что́ онъ такое бормочетъ, этотъ куцый, и кто таковъ? — строго поводя глазами произнесъ Алексѣй Прохоровичъ.

Александръ смущенно и нѣсколько робѣя подошелъ къ нарядному синьору и обратился къ нему на латинскомъ языкѣ. Синьоръ сталъ вслушиваться, понялъ, любезно улыбнулся и, мѣшая латинскія и итальянскія фразы, объяснилъ Александру все, что было надо...

— Ну?—нетерпѣливо вопрошалъ Чемодановъ.

— Онъ посланъ здѣшнимъ губернаторомъ поздравить насъ съ пріѣздомъ и проситъ сойти на берегъ... Жить намъ предлагаетъ въ домѣ почтеннаго купца Лонглана... нашъ грузъ, пока его не перевезутъ въ домъ, будетъ охранять стража.

— Ладно! — сказалъ Алексѣй Прохоровичъ,—да спроси ты его — онъ-то кто? что́ за птица?.. ужъ больно что-то невзраченъ...

Александръ спросилъ и перевелъ:

— Онъ говоритъ, что онъ ближній человѣкъ губернатора и что губернаторъ самъ-бы пріѣхалъ, да вотъ ужь съ недѣлю какъ нездоровъ, изъ дому не выходитъ.

— Ну, коли нездоровъ, такъ ты скажи, что въ этомъ Богъ воленъ и что мы его, за болѣзнью, извиняемъ... Скажи, что о купцѣ Лонгланѣ мы слышали и что ежели онъ сумѣетъ принять насъ какъ подобаетъ нашему достоинству, то мы погостить въ его домѣ согласны...

Александръ, конечно смягчая высокомѣрный тонъ посла, передалъ его слова синьору и, выслушавъ все, что тотъ ему отвѣтилъ, обратился къ Алексѣю Прохоровичу:

— Онъ говоритъ, что городъ Ливорно радуется нашему пріѣзду, что городъ готовитъ намъ встрѣчи, пиршества и всякія удовольствія... Онъ надѣется, что послы московскаго царя останутся довольны пріемомъ.

— Вотъ это онъ ладно говоритъ,—покровительственно кивая синьору произнесъ Чемодановъ,—скажи ему, что я имъ доволенъ, пусть продолжаетъ служить намъ и почтительно вести себя... тогда я сдѣлаю ему подарокъ.

Алексѣй Прохоровичъ очень-бы разсердился, еслибъ могъ понять, что Александръ ничего этого не сказалъ синьору, а только поблагодарилъ его отъ имени царскаго посольства.

X.

После нѣсколькихъ мѣсяцевъ морского пути, сопряженнаго съ мученіями и опасностями, городъ Ливорно показался москвичамъ сущимъ раемъ. Въ первые два, три дня они просто не могли очнуться и понять, что вокругъ нихъ не море, а твердая земля. У нихъ кружились съ отвычки головы и нѣтъ-нѣтъ, — да все вокругъ вдругъ такъ и заходитъ ходуномъ, все будто шатается, качается...

Но мало-по-малу эти непріятныя ощущенія прошли и путники стали наслаждаться чувствомъ безопасности, довольства и восхищенія диковинками которыя ихъ теперь окружали. Зимы, не смотря на вторую половину декабря, и въ поминѣ не было. Теплынь стояла будто весною. Въ чудныхъ садахъ росли невиданныя лимонныя и финиковыя деревья и

были тѣ деревья всѣ въ плодахъ, вкусныхъ-превкусныхъ, сочныхъ и сладкихъ.

Домъ почтеннаго купца Лонглана оказался обширнымъ, такимъ, какого на Москвѣ не было и у самаго богатѣйшаго боярина. Убранство оказывалось тоже отмѣннымъ. Покои, отведенные посольству, были свѣтлые и большіе, съ высокими окнами, сквозь которыя какъ есть все было видно, такъ какъ въ окна эти вставлена была не слюда, какъ на Москвѣ, а значительной величины чистыя и чудесныя стёкла.

Посольская свита то и дѣло ахала, рты разѣвала и руками разводила отъ удивленія.

Дивился всему и Чемодановъ, но тѣмъ не менѣе, въ первый-же день по пріѣздѣ, онъ созвалъ всѣхъ своихъ и строго-на-строго приказалъ имъ ничему не удивляться.

— Рты разѣвать не смѣть!—грозя пальцемъ крикнулъ онъ,—что́ бы ни увидѣли—дѣлайте видъ будто и не видите, а коли и видите, то не примѣчаете... Смотрѣть можете и про себя, коли охота, дивитесь сколько хотите... Только чтобы эти нѣмцы, али тамъ тальянцы что-ли вашего удивленія не замѣчали. Вѣдь они, поганцы, надъ вами издѣваться станутъ! Ишь, скажутъ, сѣрые мужики наѣхали, дома-то ничего, видно, изряднаго нѣту, бѣднота, видно, голь перекатная...

— Такъ неужь-то у насъ есть что-нибудь такое... подобное, батюшка Алексѣй Прохорычъ?!—рѣшился сказать кто-то изъ посольской свиты. — Вѣдь это

что-жь такое, вѣдь такого и во снѣ никто изъ насъ никогда не видывалъ!..

— Какъ-же бы это тебѣ во снѣ пригрезилось такое, чего ты на яву не видѣлъ никогда?... Вотъ болванъ, право! — закричалъ Чемодановъ — Мало-ли на свѣтѣ разныхъ диковинъ! Свѣтъ вишь ты какъ великъ—и годъ, и другой плыви, такъ и то еще невѣдомо сколько плыть останется... Ну что-жь? ну нѣтъ у насъ ничего здѣшняго, такъ за то есть у насъ такое, чего здѣсь ни за какія коврижки не сыщешь. Да у насъ, умный ты человѣкъ, неужь-то хуже жить?.. Куда лучше, только по другому... А это только такъ, съ первоначалу, да съ непривычки все больно красиво и чудно́ кажется... Да не въ томъ дѣло. Хорошо оно либо худо, не смѣть удивляться, не смѣть давать себя въ насмѣшку! и ежели я кого изъ васъ замѣчу, что стоитъ ротъ розиня, то больно пороть буду!..—Вотъ и весь мой сказъ, и чтобы мнѣ повторять этого не пришлось. Держите себя вѣжливо да чтобы они, эти людишки здѣшніе, уважали васъ и знали кто́ вы... Вы слуги царскіе, посольскіе—такъ и не забывайте этого!..

Самъ Алексѣй Прохоровичъ не забывалъ своего званія ни на минуту и, вмѣстѣ съ Посниковымъ, только и помышлялъ, только и толковалъ о томъ— какъ поступать надо, чтобы не нарушить этикета, не сдѣлать чего-либо неподходящаго. Александру поручено было всѣхъ здѣшнихъ людей обинякомъ разспрашивать и отъ нихъ вывѣдать относительно «нѣмецкихъ» свычаевъ и обычаевъ.

Въ первое время однако приноровиться къ итальянскому обращенію москвичамъ было трудно, почти даже совсѣмъ невозможно. Ужь черезчуръ велика была разница между московскою и итальянскою жизнью того времени. Когда послы выѣзжали осматривать городскія достопримѣчательности или вообще показывались на улицахъ, вокругъ нихъ всегда собирались толпы народа, разглядывали ихъ безъ всякой церемоніи и, нисколько не стѣсняясь, подсмѣивались надъ ними. У Александра, многое понимавшаго изъ громкихъ замѣчаній, не разъ чесались руки и онъ едва сдерживался, чтобъ не поколотить какого-нибудь нахала.

Все въ русскихъ людяхъ казалось итальянцамъ смѣшнымъ и комичнымъ. По городу сразу-же стали ходить о московскомъ посольствѣ всякіе слухи и разсказы, далеко не всегда вѣрные, съ различными прибавленіями. Говорили, что московиты живутъ очень грязно и спятъ гдѣ ни попало, на полу, не раздѣваясь, что они объѣдаются рыбой, такъ что всѣ пропитаны рыбнымъ запахомъ, что они опиваются водкой. Между тѣмъ одежда на нихъ всегда оказывалась чистой и красивой, и пьяными ихъ никто не видалъ.

XI.

Едва послы оглядѣлись и отдохнули, какъ самъ губернаторъ Ливорно, Серристори, сдѣлалъ имъ визитъ.

Онъ оказался красивымъ человѣкомъ среднихъ лѣтъ, въ дорогой бархатной съ позументами одёжѣ, поверхъ которой была надѣта епанча, а на шеѣ красовалась золотая цѣпь. На головѣ у него была шляпа съ большимъ перомъ. Онъ явился въ сопровожденіи ассистентовъ.

Чемодановъ встрѣтилъ губернатора привѣтливо, но не безъ важности, протянулъ ему руку, а затѣмъ сѣлъ въ кресло и уже потомъ пригласилъ жестомъ сѣсть и гостя.

— Скажи ему,—обратился онъ къ Александру,— что мы радуемся его видѣть въ добромъ здоровьи и что это онъ очень хорошо сдѣлалъ, что къ намъ пожаловалъ. По возвращенію на Москву мы похваль-

но о немъ отзовемся великому государю. Скажи ему, что городъ Ливурно намъ пришелся по нраву и что мы погостимъ здѣсь нѣкоторое время. Да еще скажи, что у насъ съ собою большой запасъ всякихъ товаровъ и мы намѣрены изрядную часть ихъ продать здѣсь, въ Ливурнѣ... такъ вотъ чтобы онъ приказалъ купцамъ здѣшнимъ приходить къ намъ и давать за нашъ товаръ добрыя цѣны.

Александръ передалъ губернатору все это, насколько умѣлъ почтительнѣе и любезнѣе.

Серристори отвѣчалъ, что радъ гостямъ, чтобы они жили въ городѣ сколько имъ будетъ угодно и что купцовъ онъ пришлетъ.

Разспросивъ объ ихъ путешествіи, губернаторъ, движимый нѣкоторымъ любопытствомъ, перешелъ къ вопросамъ о Москвѣ, о царѣ.

Когда Александръ передалъ послу эти вопросы, Алексѣй Прохоровичъ пріосанился.

— Скажи ты ему,—горделиво закидывая назадъ голову и принимая важный видъ, мѣрно началъ онъ,— скажи ты ему, что нашъ государь—самый великій государь во всемъ мірѣ, что богатства его неисчислимы, что страна наша самая великая страна и что всего у насъ въ изобиліи—злата и сѐребра, мѣховъ драгоцѣнныхъ, камней самоцвѣтныхъ и всякаго богачества. Скажи ты ему, что у царя у нашего рати вѣрной видимо-невидимо и что царь-батюшка всякаго врага и супостата съ Божіей помощью побѣждаетъ...

— Скажи ты ему, — возвышая голосъ, сверкая глазами и даже вставая съ кресла продолжалъ Че-

моdановъ, — что нѣтъ еще да и не будетъ въ мірѣ такого народа, который побѣдилъ бы матушку Русь православную, ибо велика ея сила-крѣпость, велико ея терпѣніе!.. Покорила она несмѣтныя полчища татарскія, сбросила съ себя иго поганыхъ, невредимо вышла изо всякихъ смутъ—и во вѣки вѣковъ невредимой останется. Скажи ты ему все это, Лексаша, не пропусти ни единаго слова, пусть все это пойметъ и почувствуетъ, и своимъ разскажетъ!

Вдохновеніе Алексѣя Прохоровича подѣйствовало и на Александра. Онъ самъ исполнился такимъ же вдохновеніемъ. Откуда чтó взялось — передалъ онъ Серристори слова посла царя московскаго и ничего изъ нихъ не выкинулъ, да еще и отъ себя прибавилъ. Красно говорилъ Лексаша.

Иноземецъ слушалъ внимательно—не зная вѣрить или не вѣрить. Но и старый посолъ, и молодой переводчикъ говорили съ такимъ жаромъ, съ такимъ убѣжденіемъ, что ливорнскій губернаторъ невольно имъ повѣрилъ. Къ тому же и до того слыхалъ онъ, что Московія—государство сильное.

Онъ почтительно простился съ Чемодановымъ и съ Посниковымъ, дружественно съ Александромъ—и уѣхалъ.

На слѣдующій день къ Александру явился тотъ синьоръ, который ихъ встрѣтилъ отъ имени губернатора и, поговоривъ о томъ, о семъ, сказалъ Александру, что губернаторъ ждетъ визита пословъ, который они должны ему отдать по правиламъ вѣжливости и не откладывая. Александръ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Алексѣю Прохоровичу.

Но посолъ отвѣтилъ:

— Не знаю я про то, какъ это у нихъ и какая тутъ вѣжливость... Посольскаго визита мы ему возвратить не можемъ, ибо отъ государя не получили на сей предметъ никакихъ полномочій. Самъ знаешь, посланы мы не въ Ливурну, а въ Венецію, а посему визита посольскаго губернатору отдавать намъ не полагается. Ежели-же онъ вечеринку для насъ устроитъ и позоветъ насъ съ почетомъ на ту вечеринку, то мы сдѣлаемъ ему честь, не откажемся. Такъ и передай.

— Только, какъ-же такъ, Алексѣй Прохорычъ?— смущенно возразилъ Александръ, — коли и впрямь вѣжливость того требуетъ. Вѣдь онъ первый былъ. Къ чему-же обижать его...

— А такъ-же вотъ Лександръ Микитичъ, не твоего ума это дѣло... что́ ты мнѣ за указчикъ! самъ знаю. Нешто онъ король али тамъ дукъ?—губернаторъ онъ, воевода—значитъ. Ну, самъ я тоже воеводой-то былъ, а теперь повыше его званіемъ. Одно слово—пойди и передай ему, что я сказываю.

Дѣлать нечего, пришлось Александру всячески хитрить передъ синьоромъ и плести какую-то любезную околесицу, въ концѣ которой все-же, со стороны москвичей, оказывалась крупная невѣжливость.

Однако губернаторъ не сталъ обижаться. Черезъ нѣсколько дней онъ устроилъ у себя въ губернаторскомъ домѣ балъ и пригласилъ на него московское посольство.

XII.

Чемодановъ, а вслѣдъ за нимъ и Посниковъ, въ своей боязни уронить русское посольское достоинство, стали заходить нѣсколько далеко. Получивъ приглашеніе на губернаторскій балъ, они, потолковавъ между собой, рѣшили, что отправятся лишь въ томъ случаѣ, если Серристори вышлетъ за ними парадные экипажи и почетную стражу подъ начальствомъ уже знакомаго имъ «синьора».

Губернаторъ спорить не сталъ и, подъ вліяніемъ полученныхъ имъ отъ пословъ свѣдѣній о могуществѣ Московіи, рѣшилъ исполнить всѣ ихъ причуды. Къ тому-же оказываемый пріѣзжимъ и поднимавшій ихъ значеніе почетъ въ то-же время льстилъ самому губернатору и городу Ливорно: «Вотъ, молъ, какіе важные люди къ намъ пріѣхали»! Наконецъ—это по-

сольство изъ невѣдомой, какой-то почти сказочной страны, эти удивительные парчевые кафтаны и мѣховыя шапки, даже самыя странности московитовъ,— все это было зрѣлищемъ для народа, а южный народъ жадно ищетъ зрѣлищъ.

Когда парадные экипажи подъѣхали къ дому Лонглана и «синьоръ» со стражей вошелъ въ посольскіе покои, то Чемодановъ приказалъ перво на перво угостить гостей,—какъ «синьора», такъ и стражу, — водкой. Слуги внесли московскую водку, налили ее въ большія чарки и Александръ объявилъ итальянцамъ, что, по русскому обычаю, они должны выпить чарку залпомъ до дна. Итальянцы набрались храбрости—и глотнули. Московитскій напитокъ ожогъ ихъ, огнемъ побѣжалъ по всему тѣлу, такъ что они было въ первую минуту перетрусили. Но затѣмъ всѣ нашли, что напитокъ вовсе не такъ ужъ страшенъ, а даже имѣетъ неоспоримыя достоинства—сразу согрѣваетъ и веселитъ сердце.

Послѣ угощенія водкой посламъ принесли самыя богатыя одежды и они торжественно облачились въ нихъ передъ итальянцами. Когда все было готово, московитскіе послы стали молиться, крестились и клали земные поклоны передъ своими, привезенными изъ Московіи, образами.

Наконецъ послы отъѣхали къ губернаторскому дому, сопровождаемые народной толпой, бѣжавшей за экипажами, дивившейся и кричавшей. При этомъ Чемодановъ и Посниковъ важно кивали своими высокими шапками направо и налѣво и одинъ только

Александръ почему-то чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко...

Пріѣхали. Губернаторъ вышелъ въ сѣни навстрѣчу гостямъ и, послѣ церемонныхъ привѣтствій, ввелъ ихъ въ палату, сразу показавшуюся имъ храмомъ— такъ она была обширна, высока, чудно убрана и столько въ ней горѣло свѣчей. Москвичи невольно оробѣли и, окруженные множествомъ разряженныхъ мужчинъ и женщинъ, неловко кланяясь, прошли къ стѣнѣ и усѣлись въ большія кресла, похожія, по формѣ своей, на царскіе троны.

Какъ сѣли, такъ ужь и не трогались съ мѣста. Имъ то и дѣло подносили всякія угощенія и вина. Отъ угощеній и винъ они не отказывались, особливо Алексѣй Прохоровичъ, любившій и могшій, по своему сложенію, хорошенько покушать и выпить.

Подъ вліяніемъ нѣсколькихъ кубковъ вина всякая робость прошла и москвичи съ любопытствомъ глядѣли на то, что вокругъ нихъ творилось. По всей палатѣ шелъ плясъ, да такой, о какомъ на Руси никогда не было и слыхано.

— Ишь ты, ишь ты!—подталкивалъ Чемодановъ Посникова,—ишь, поганцы, ногами-то что̀ выкидываютъ!.. Ша̀башъ, какъ есть ша̀башъ!

— Да, батюшка Алексѣй Прохорычъ, вѣрно твое слово—ша̀башъ и есть... извѣстно—нехристи, басурманы... на такое позорище грѣховно и глядѣть-то!— отвѣчалъ Посниковъ, крестясь и жмуря глаза.

Но поглядѣть все же тянуло.

— А бабы-то, дѣвки-то! — продолжалъ Чемода-

новъ, — сраму-то, сраму! голошеи, голоруки... ишь увиваются, ишь хихикаютъ!.. Гляди, гляди... эта вотъ.. въ бѣломъ атласѣ... глазищами-то что̀ дѣлаетъ!.. у-у, безстыжая!

Посниковъ глянулъ однимъ глазомъ куда ему Алексѣй Прохорычъ указывалъ, отвернулся и, не говоря ни слова, сплюнулъ.

Между тѣмъ лицо у Чемоданова раскраснѣлось, глаза блестѣли, онъ вышелъ изъ своей неподвижности и даже нѣсколько разъ привсталъ съ кресла, чтобы хорошенько разглядѣть то, что его занимало. А занимали его, по глазамъ было видно, именно бусурманскія бабы и дѣвки, хоть и ругалъ онъ ихъ.

— Ишь, шельма, ишь, грѣховодница! — шепталъ онъ, неотрываясь слѣдя за какою-нибудь красавицей.

— Лександръ Микитичъ,—подтолкнулъ онъ Александра,—ты это, братъ, что̀ же, чего уставился... ты бы и глядѣть постыдился на срамницъ этихъ...

— Вмѣстѣ смотримъ, Алексѣй Прохорычъ, — съ улыбкой отвѣчалъ Александръ.

— Вмѣстѣ... вмѣстѣ... — ворчалъ Чемодановъ,— я-то старъ... мнѣ то что̀, а тебѣ... тебѣ должно быть стыдно... Вѣдь вотъ тебѣ небось онѣ по нраву, здѣшнія бабы да дѣвки, а, признайся-ка!

— Не то, что по нраву, а красивы онѣ... это точно что больно красивы.

— Вотъ-то-то оно и есть!

Онъ обратился къ Посникову и шепнулъ ему:

— Иванъ Иванычъ, а вѣдь этакая баба въ соблазнъ ввести можетъ...

— Какъ кого, — презрительно косясь отвѣчалъ Посниковъ.

— А тебя нешто эти чертовки, прости Господи, не соблазняютъ?

Посниковъ, вмѣсто отвѣта, опять сталъ жмурить глаза и сплюнулъ. Человѣкъ онъ былъ богобоязненный и съ юности воздержный, человѣкъ сухой, безстрастный и потому ко всякой грѣховности суровый и безпощадный. Онъ съ негодованіемъ замѣчалъ оживленіе Алексѣя Прохоровича и думалъ про себя:

«Такъ вотъ ты каковъ, воевода!.. я за тобою этого не зналъ еще... ахъ ты, старый грѣховодникъ!»

Вдругъ нѣсколько мужчинъ и красивыхъ, веселыхъ женщинъ, очевидно сговорившись, окружили москвичей и съ любезными улыбками и поклонами стали заговаривать съ ними. Посниковъ продолжалъ сидѣть потупясь, но Чемодановъ поднялся съ кресла, улыбался дамамъ и даже одну изъ нихъ, особенно его смущавшую, взялъ за руку, чему она не воспротивилась. Но самъ онъ очнулся и быстро отдернулъ отъ нея руку.

— Чего имъ надо?—спросилъ онъ Александра,— что̀ эта баба мнѣ говоритъ?

Александръ сказалъ, что эта баба спрашиваетъ, курятъ ли и нюхаютъ ли табакъ на Руси.

Вдругъ Чемодановъ сдѣлался серьезнымъ.

— Дура она баба—и все тутъ!—объявилъ онъ,— то есть ты ей этого не говори, а скажи, что великій государь нашъ набоженъ и потому строго воспре-

тилъ употребленіе табачнаго зелья. До сей поры люди только и не грѣшили что носомъ. Такъ вотъ врагъ рода человѣческаго, дьяволъ, и выдумалъ табакъ, чтобъ люди даже и носомъ грѣшили. Посему православные и не употребляютъ табачнаго зелья.

Александръ перевелъ. Дамы не утерпѣли и засмѣялись.

— Нечего зубы-то скалить, безстыжія озорницы! —внушительно сказалъ Чемодановъ, сѣлъ въ свое кресло и принялъ важный видъ.

XIII.

Александръ вернулся съ губернаторскаго бала пьянымъ не отъ вина, а отъ впечатлѣній всего, имъ видѣннаго. Роскошь и пестрота красокъ этой чуждой жизни заставляли кружиться голову.

«Въ чужихъ краяхъ люди живутъ куда лучше нашего; тамъ наука, тамъ искусство и мастерство всякое... и мы всѣми мѣрами должны стараться, чтобы и у насъ, мало-по-малу, жизнь такъ же красна стала...» — говаривалъ своему любимому воспитаннику Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ.

Тогда горячее воображенie Александра рисовало ему эту «красную» жизнь науки и искусства въ чудныхъ, но все же смутныхъ ȯбразахъ. Теперь онъ видѣлъ въявь все то, о чемъ бесѣдовалъ съ Ртищевымъ, но оно оказалось совсѣмъ не такимъ, какимъ мерещилось не только ему, но и самому Ѳедору Михайловичу. Теперь съ утра и до вечера били въ

глаза именно тѣ стороны этой чужой «красной» жизни, о которыхъ никогда прежде не думалось и не говорилось. Представленіе о наукахъ и искусствахъ совсѣмъ исчезли и не вспоминались — являлось со всѣмъ иное, били въ глаза всякіе соблазны. Чужая жизнь дѣйствительно оказалась «красной», она вся была—богатство, роскошь, яркій блескъ солнца, красота земли и неба и... красота земныхъ созданій.

Александръ, прежде всего, былъ молодъ. Обстановка московской жизни, серьезное воспитаніе подъ руководствомъ такого человѣка какъ Ртищевъ и строгихъ андреевскихъ монаховъ—все это сохранило его чистоту, и когда въ его грезы врывался женскій образъ—этотъ образъ былъ образомъ невѣсты, любимой жены.

Явилась Настя—и молодость заявила всѣ права свои, началась неизбѣжная любовь, неизбѣжная какъ почка цвѣтка весною, какъ спѣющій плодъ во дни уходящаго лѣта, какъ снѣгъ зимою, какъ день и ночь, какъ жизнь и смерть.

Но вѣдь Настя была именно воплощеніемъ грёзы прелестной невѣсты, будущей любимой жены и не могла быть ничѣмъ инымъ. Вообще ничѣмъ инымъ не могла быть никакая женщина, потому что внѣ благословенной Богомъ семьи былъ только грѣхъ и униженіе человѣческаго достоинства. Эти взгляды, эти убѣжденія богобоязненные андревскіе учителя съумѣли крѣпко утвердить въ Александрѣ. Останься онъ въ Москвѣ, женись, послѣ неизбѣжной борьбы, на любимой имъ Настѣ—онъ, вѣроятно, избѣг-

нулъ бы всякаго соблазна, остался бы твердъ въ своихъ мысляхъ и чувствахъ.

Но вотъ онъ перенесенъ въ эту лучезарную чужбину, жизнь которой, не только, по словамъ Ртищева, но даже и строгихъ монаховъ, такъ завидна, прекрасна, такъ желательна для Россіи. И первое—что встрѣчаетъ здѣсь, что бросается въ глаза, овладѣваетъ молодымъ воображеніемъ — женщина. Не невѣста, не жена, не мать, а женщина-соблазнительница, «безстыжая срамница», по выраженію Чемоданова.

Въ Москвѣ ея совсѣмъ не было. Тамъ мелькало только нѣчто скрытое за фатою, безформенно закутанное, робкое и молчаливое, чужое. Здѣсь же она всегда и вездѣ. Фата не скрываетъ ея красиваго лица, тяжелыя, прямыя складки одежды не прячутъ формъ ея тѣла. Она манитъ къ себѣ каждымъ своимъ движеніемъ, ея глаза обѣщаютъ невѣдомое блаженство. Она—не чужая. Кто она? гдѣ ея женихъ, гдѣ мужъ: гдѣ дѣти?—существуютъ они или нѣтъ—все-равно-она не чужая. Она только взглянетъ, только улыбнется—и ужъ протянулась отъ нея какая-то нить, обмоталась вокругъ сердца—и щемитъ его...

Особенно послѣ губернаторскаго бала почувствовалъ Александръ, что вокругъ его сердца обмоталось много такихъ нитей. Смѣлые, обѣтные глаза, ласковыя улыбки, обнаженныя, будто изъ мрамора выточенныя плечи такъ и мелькали передъ нимъ, въ его разгоряченномъ воображеніи...

«Да вѣдь это грѣхъ... это грѣхъ!.. А Настя?!..»— повторялъ онъ себѣ, стараясь отогнать соблазни-

тельные призраки, не думать о нихъ, заняться дѣломъ. Передъ нимъ лежала бумага, въ рукахъ было перо—онъ вносилъ въ дневникъ своего путешествія подробности вчерашняго бала... но вѣдь всѣ впечатлѣнія сводились къ тому, о чемъ нельзя было писать въ дневникѣ, предназначаемомъ для чтенія великаго государя...

Вдругъ въ комнату не вошелъ, а, противъ своего обычая, почти вбѣжалъ Посниковъ.

— Что случилось, Иванъ Иванычъ?—спросилъ Александръ, замѣчая въ лицѣ его всѣ признаки раздраженія и негодованія.

— А то, Александръ Микитичъ, что дѣло наше плохо!—воскликнулъ Посниковъ, кидаясь въ кресло и переводя духъ.—Прибѣжалъ я за тобою... Старика нашего выручать надо... Поручалъ онъ тебѣ вечоръ, какъ на плясѣ-то мы были, узнать, кто такова та пучеглазая дьяволица, что его про табачное зелье спрашивала?

— Да, поручалъ, я узналъ и сказалъ ему, что она жена искуснаго врача, а имя тому врачу Маноли, отъ разныхъ болѣзней онъ помогаетъ, да такъ быстро, что ему за то во всемъ городѣ почетъ большой...

— Ну вотъ! такъ и есть! а гдѣ тотъ врачъ живетъ ты сказывалъ?

— Сказалъ... тутъ недалече отъ дому, направо свернуть.... площадь будетъ, пьяцца д'Арми прозывается, такъ на самой этой площади онъ и живетъ!—простодушно и еще не догадываясь въ чемъ дѣло, отвѣчалъ Александръ.

— Ну, и дернуло-же тебя!—раздраженно крикнулъ Посниковъ,—а теперь вотъ и возись съ нимъ... да и сраму не оберешься... Я весь вечеръ видѣлъ, что онъ грѣху поддается, на безстыжихъ бабъ заглядывается... Это посолъ-то, воевода, въ лѣтахъ и съ сѣдой бородою!.. Какъ вернулись мы, ты-то ушелъ, а я съ нимъ остался, такъ онъ, вѣришь-ли, что ни слово, то про... табашницу эту. Хороша, говоритъ, баба... и глаза у нея тамъ, и руки... Я ему: побойся, молъ, Бога, Алексѣй Прохорычъ, и слушать отъ тебя такихъ рѣчей срамныхъ не стану. А онъ смѣется— и опять за свое!.. Ныньче вхожу я къ нему, а онъ охаетъ. Что съ тобою, Алексѣй Прохорычъ? А онъ руку показываетъ: «поднять, вишь, не могу, отяжелѣла, стрѣляетъ и ломитъ... къ дохтору надо». Мнѣ и не въ домекъ, испужался даже. Что за притча такая. Семъ-ка я, говорю, пошлю за дохтуромъ. «Нѣтъ, говоритъ, посылать не надо, самъ схожу». Хотѣлъ я за тобой, чтобы ты проводилъ его, да врачу разсказалъ про его немочь, а онъ мнѣ: «оставь Залѣсскаго, безъ него справлюсь, да и говорить ему про мою руку нечего, еще подумаетъ, что поколотилъ кто меня, уважать перестанетъ». Одѣлся и пошелъ. А у меня что-то сердце не на мѣстѣ. Я за нимъ. Вышли на площадь, онъ оглядѣлся, да прямо къ крыльцу—и молоткомъ стучитъ. Отперли ему. Женщина какая-то. Вижу—кажетъ онъ ей свою руку, охаетъ и головой качаетъ. Впустили его. Я ждать остался. Жду-пожду—а его все нѣтъ какъ нѣтъ. Вотъ я и прибѣжалъ за тобою. Идемъ скорѣе вы-

ручать его, можетъ тамъ съ нимъ, старымъ грѣховодникомъ, и нивѣсть что́ сдѣлали!..

— Сдѣлать-то съ нимъ — ничего не сдѣлаютъ, а впрочемъ—пойдемъ, Иванъ Иванычъ.

Александръ наскоро собрался и они двинулись на пьяцца д'Арми.

XIV.

Когда они подошли къ дому, гдѣ скрывался Алексѣй Прохоровичъ, Посниковъ вдругъ какъ-то засеменилъ на мѣстѣ.

— А знаешь-ли что, Александръ Микитичъ,—запинаясь проговорилъ онъ, — войди-ка ты одинъ, а я тутъ постерегу и коли что—ты крикни—я и побѣгу за нашими людьми...

Александръ засмѣялся.

— Да вѣдь тутъ не пираты!—не удержавшись сказалъ онъ.

Посниковъ вспыхнулъ.

— Такъ нешто я что... нешто я боюсь чего,—стараясь придать себѣ храбрый видъ и хорохорясь отвѣтилъ онъ.

— Бояться-то нечего... самъ разсуди: какъ это царское посольство обижать тутъ станутъ... за это вѣдь отвѣтъ большой...

Слова эти успокоили Посникова.

— Ну ладно, идемъ что-ли!—проговорилъ онъ и стукнулъ въ дверь привѣшеннымъ къ ней молоткомъ.

Молодая, лукаваго вида служанка отворила дверь и, взглянувъ на прибывшихъ, откровенно засмѣялась.

— Чего ты смѣешься? спросилъ ее Александръ по итальянски.

Она очень удивилась, услыша хоть и не совсѣмъ правильную, но понятную ей фразу; но на вопросъ не отвѣтила.

— Синьора доктора нѣтъ дома, сказала она;—но если и вы тоже хотите ждать его, то пожалуйте.

Она проводила ихъ сначала по узенькой лѣстницѣ, потомъ отперла запертую на ключъ дверь. Они вошли въ эту дверь и услышали, какъ она заперлась за ними опять на ключъ.

Въ комнатѣ, на креслѣ у окна сидѣлъ Алексѣй Прохоровичъ. Увидя ихъ, онъ совсѣмъ растерался.

— А! это вы!—косясь и избѣгая глядѣть на нихъ прошепталъ онъ —Зачѣмъ пожаловали? али меня разыскиваете?.. что-жь я—малый ребенокъ что-ли? иголка я что-ли?..

Но онъ быстро оправился и продолжалъ уже совсѣмъ инымъ тономъ:

— А и то—хорошо что пришли... вотъ я сижу здѣсь, сижу взаперти... дохтура этого дожидаюсь! ну ужь и порядки-же здѣсь!.. на ключъ запираютъ... А мы вотъ вышибемъ-ка двери, да и уйдемъ—чего ждать-то ..

— Нѣтъ, Ал :: сѣй Прохорычъ, дверей вышибать

въ чужомъ домѣ не слѣдъ,—замѣтили разомъ и Посниковъ и Александръ.—Подождемъ дохтура.

Вдругъ Посниковъ уставился на руку Алексѣя Прохоровича и ехидно усмѣхнулся.

— Перстень-то твой гдѣ?—воскликнулъ онъ.

— Какой перстень?—весь багровѣя и совсѣмъ теряясь спросилъ Чемодановъ, въ то-же время безсознательнымъ движенiемъ пряча свою руку.

— Дорогой, большой, съ камнемъ самоцвѣтнымъ?

— Перстень?!.. а я вѣрно дома его оставилъ.

— Какъ-же это дома, если я видѣлъ его у тебя на пальцѣ, когда ты пошелъ сюда.

— Тебѣ это почудилось, Иванъ Иванычъ.

Посниковъ покачалъ головою, а Чемодановъ, еще болѣе багровый, началъ упорно глядѣть въ окно.

Въ это время внизу, у двери, раздался стукъ молотка; но прошло еще нѣсколько минутъ—и никто не являлся. Наконецъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, большого роста, широкоплечiй, сердитаго вида, весь въ черномъ.

— Чего вамъ угодно, синьоры, я—докторъ,—сказалъ онъ мрачнымъ голосомъ и съ довольно пренебрежительнымъ кивкомъ головы.

Александръ по-латини объяснилъ ему кто они, а такъ-же и то, что у посла его царскаго величества болитъ рука.

— Пусть онъ покажетъ руку!—объявилъ докторъ, отперъ шкапъ, взялъ оттуда какой-то ящикъ и принесъ его на столъ къ окну, возлѣ котораго сидѣлъ Чемодановъ. Затѣмъ онъ схватилъ руку Алек-

сѣя Прохоровича, ловко засучилъ ему рукавъ, во мгновеніе ока вынулъ изъ ящика какой-то инструментъ, вродѣ клещей, и такъ захватилъ имъ посольскую руку, что Алексѣй Прохоровичъ выкатилъ глаза и рявкнулъ;

— Что это ты, разбойникъ, со мной дѣлаешь?.. Ой, батюшки... Лександръ Микитичъ, да спроси ты его... да прикажи ты ему отпустить мою руку!..

— Онъ говоритъ,—выслушавъ доктора перевелъ Александръ едва сохраняя въ лицѣ своемъ серьезность,—что рука у тебя, Алексѣй Прохорычъ, повреждена и что ее надо вправить... да и кровь тебѣ пустить не мѣшаетъ.

— Вретъ! вретъ, дьяволъ!—поднимаясь и тщетно силясь высвободить руку изъ клещей закричалъ Чемодановъ.—Скажи, чтобы сейчасъ-же выпустилъ.. не то я его въ ухо!..

— Онъ говоритъ, что не можетъ тебя выпустить... что коли ты пришелъ къ нему—онъ долженъ сдѣлать свое дѣло.

— Вретъ, собака, вретъ... рука-то совсѣмъ здорова!—вдругъ объявилъ Чемодановъ, становясь въ угрожающую позу и дѣйствительно собираясь «дать въ ухо». По Посниковъ и Александръ кинулись къ нему:

— Въ умѣ-ли ты!.. хочешь бѣды нажить, сраму всякаго!..

— Онъ говоритъ,—переводилъ Александръ,—что руку твою выпуститъ и насильно врачевать не ста-

нетъ; но что за напрасное безпокойство повиненъ ты уплатить ему два червонца...

— Какъ!.. два... два червонца?!.. ахъ онъ... пиратъ!.. да я... къ губернатору сейчасъ на него... Нѣтъ, ты скажи ему, чтобъ онъ у своей бабы мой перстень отобралъ, да вернулъ мнѣ его... не то я... къ губернатору!..

Алексѣй Прохоровичъ, проговорившись, осѣкся и замолчалъ.

Александръ улыбнулся.

— Нѣтъ, Алексѣй Прохорычъ, ты ужь лучше выложь ему, дохтуру-то, два червонца, а про перстень и не заикайся... вѣдь перстень дома остался, самъ ты сказывалъ,—объявилъ Посниковъ—и прибавилъ:

— Выложь деньги, да пойдемъ-ка домой скорѣе, а то сраму мы съ тобой не оберемся... Подумай-ка самъ хорошенько!

Но Чемодановъ упирался, особенно когда почувствовалъ свою руку на свободѣ. Онъ былъ разсчетливъ и даже иной разъ скупенекъ, а главное любилъ на своемъ поставить. Заплатить два червонца невѣдомо за что казалось ему, не смотря даже на нѣкоторыя совсѣмъ исключительныя обстоятельства дѣла, невозможнымъ.

— Бога побойся, Иванъ Иванычъ,—вопилъ онъ,—нешто можно швырять такія деньги, да и дѣло совсѣмъ незаконное, разбойное, и губернаторъ строго съ него взыщетъ, особливо по моему высокому званію...

Видя, что слова не дѣйствуютъ, Посниковъ выло-

жилъ на столъ два червонца и почти силой увлекъ Алексѣя Прохоровича изъ комнаты, внизъ по лѣстницѣ и на площадь. Только благополучно добравшись до дому, онъ успокоился и, когда Александръ ушолъ и оставилъ ихъ вдвоемъ, онъ сталъ допрашивать Алексѣя Прохоровича. Но тотъ и безъ всякихъ допросовъ, разозленный до послѣдней степени, уже чувствовалъ непреодолимую потребность высказаться и отвести душу.

— Вотъ негодная баба!—воскликнулъ онъ.—Ну самъ посуди—гдѣ-жь такое видано! Пришелъ я за дѣломъ. Двери мнѣ какой-то бѣсенокъ отперъ. Объяснилъ я, что мнѣ дохтура надо. Бѣсенокъ меня сейчасъ въ горницу... и, замѣсто дохтура, входитъ баба... та самая... вчерашняя, что на плясѣ про табачное зелье спрашивала. На кресло указываетъ, сама вертится, глазами такъ вотъ и жалитъ, «синьоръ!»—говоритъ... Ну я ей то-же—«синьора». Она смѣется—и я смѣюсь... Слово за слово....

— Да какъ-же это «слово-за-слово», какимъ-же это ты способомъ изъяснялся съ нею, коли по ихнему окромя «синьора» ты ничего не смыслишь?—перебилъ Посниковъ.

— А къ чему-жь смыслить то въ такомъ дѣлѣ! не важная какая бесѣда... Вишь ты—мой перстень ей по нраву пришелся—показать проситъ. Я снялъ и подалъ. Посмотрѣла она, посмотрѣла на него, залопотала что-то, потомъ вдругъ поклонилась мнѣ, рукой этакъ сдѣлала, убѣжала и дверь за собой на ключъ заперла... Я и остался, пока ты съ Лек-

сандромъ не пожаловалъ... Ну, самъ посуди—я-то тутъ причемъ!.. вѣдь это что-жь такое? грабежъ, денной грабежъ... ограбили, на чисто обобрали, взаперти держали, всякую насмѣшку и издѣвательство учинили... Не могу-же я сего дѣла такъ оставить!

— Только ужь ты сіе дѣло именно такъ вотъ и оставь, Алексѣй Прохорычъ,—серьезно и внушительно сказалъ Посниковъ,—радуйся, что такъ кончилось: могло бы во сто кратъ хуже быть.... Дернула тебя нелегкая за бабами, да еще и басурманскими...

— Это ты что-же?! —поднялся было Чемодановъ,—да какъ ты смѣешь! Я... за бабами!

— А то какъ-же... съ чего-жь это ты ей «синьору-то» свою сказывалъ, съ чего перстень давалъ... Она, небось, по своему-то, тебѣ: «подари, молъ, мнѣ, перстенекъ!», а ты его сейчасъ съ пальца да ей въ руки... Ну, она, не будь дура, тебѣ поклонъ, да благодарность, да вотъ рукой этакъ... Ушла—и двери на запоръ, что-бы ты не сбѣжалъ; чтобъ и мужу ея съ тебя поживиться. Говорю—еще дешево отдѣлался, а теперь ни гугу, не то они на тебя такое наплетутъ... Впередъ наука!

Алексѣй Прохоровичъ не нашелъ ничего возразить на слова эти. Онъ самъ понялъ, что самое лучшее, дѣйствительно, «ни гу-гу». Совсѣмъ разсерженный и разстроенный ушелъ онъ въ свою комнату и завалился спать. Только сномъ и могъ онъ успокоить себя, избавиться отъ весьма тягостнаго чувства недовольства собою и даже стыда, которое все сильнѣе и сильнѣе его охватывало.

XV.

Это приключенiе, въ результатѣ котораго оказались: погибель дорогого перстня и двухъ червонцевъ, сознанiе своей грѣховности и крайне неловкое положенiе передъ Посниковымъ, а пуще свего передъ Александромъ,—заставило Алексѣя Прохоровича снова вернуть себѣ всю свою степенность и важность. Онъ усердно молился Богу, лежалъ на полу и билъ себя въ грудь, прося Господа простить ему его окаянство и избавить его отъ лукаваго.

«Да, это все онъ, врагъ рода человѣческаго, лукавый смущаетъ!»—разсуждалъ онъ про себя.

Вспоминая синьору, онъ багровѣлъ отъ стыда и отплевывался.

«Чисто дьявольское навожденiе!—шепталъ онъ,—и молодъ былъ — соблюдалъ себя всячески, а тутъ ишь ты... шестой десятокъ къ концу подходитъ...

тьфу ты пропасть... чисто дьявольское наважденіе!..»

«Да нѣтъ, будетъ! довольно!—теперь онъ меня, анаѳема, не поймаетъ!»—рѣшилъ онъ.

Во все время слѣдующей поѣздки по городу Алексѣй Прохоровичъ сидѣлъ въ экипажѣ выпрямившись какъ истуканъ, а когда видѣлъ приближавшуюся женскую фигуру, то отводилъ отъ нея глаза съ пренебрежительной миной.

Но отъ лукаваго оказалось не такъ то легко избавиться. Дня черезъ три Алексѣй Прохоровичъ видно не спохватился во́ время. Проѣзжая по улицѣ съ Посниковымъ и Александромъ, и, завидя женскую фигуру, онъ не отвелъ глазъ, а напротивъ, остановилъ ихъ на молодомъ красивомъ лицѣ итальянки, спѣшно проходившей мимо посольскаго экипажа.

Итальянка на мгновеніе остановилась и заглядѣлась на высокую шапку Алексѣя Прохоровича. Дѣтское любопытство выразилось въ ея чертахъ, а когда отъ шапки она перевела взглядъ на бородатое важное лицо посла и замѣтила, что онъ глядитъ на нее черезчуръ пристально, она не могла ужь, да и не сочла нужнымъ удерживаться — и звонко разсмѣялась.

Этотъ смѣхъ ея такъ пришелся по нраву Алексѣю Прохоровичу, что онъ не сообразилъ, что вѣдь это смѣется-то лукавый, снова заманивающій его въ свои сѣти. Итальянка, между тѣмъ, пройдя нѣсколько шаговъ, вошла въ лавку, гдѣ продавалась невѣдомо какая всякая всячина.

— Стой, стой!.. Лександръ, да скажи ты этому болвану, чтобы онъ остановилъ лошадей!.. — вдругъ закричалъ Алексѣй Прохоровичъ.

— Что такое, что?—спрашивалъ Посниковъ, еще не догадываясь въ чемъ дѣло.

Александръ приказалъ кучеру остановить, лошадей.

— Пождите тутъ малость,—говорилъ Чемодановъ, вылѣзая изъ экипажа,—вотъ мы лавку проѣхали... зайти мнѣ надо... поторговаться...

И, прежде чѣмъ Посниковъ и Александръ успѣли вымолвить слово, посолъ, забывъ всю свою важность, почти бѣгомъ устремился къ лавкѣ и вошелъ въ нее.

— Батюшки, да вѣдь это онъ опять за бабой! Ступай ты, Лександръ Микитичъ, вытащи его, срамника стараго!—всплеснувъ руками завопилъ Посниковъ.

Но Александру не пришлось вытаскивать Алексѣя Прохоровича,—онъ самъ быстро покинулъ лавку, такъ какъ красивая итальянка скрылась за дверью въ глубинѣ помѣщенія и передъ посломъ предсталъ нѣкто съ засученными рукавами и съ такимъ сквернымъ видомъ, что все дьявольское навожденіе сразу разсѣялось.

— Показалось мнѣ—парча тутъ продается... въ лавкѣ то, анъ то вовсе не парча, а морскія улитки и всякая дрянь, какую жрутъ эти нехристи,—объяснилъ Алексѣй Прохоровичъ, влѣзая въ экипажъ.

— Ла-адно!—протянулъ Посниковъ, а потомъ, помолчавъ, прибавилъ:

— Коли ты, батюшка Алексѣй Прохорычъ, въ другой разъ, какъ мы поѣдемъ, вздумаешь у всякихъ лавокъ съ морскими улитками останавливаться, такъ про то скажи заранѣе—я ужь отъ сраму лучше дома оставаться буду...

Чемодановъ только свирѣпо повелъ однимъ глазомъ и снова превратился въ истукана.

Съ этого дня лукавый отступилъ, очевидно признавая себя побѣжденнымъ.

«Московиты» посвящали каждый день нѣсколько часовъ на осмотръ города, его достопримѣчательностей и окрестностей. Возвращаясь домой, Александръ записывалъ въ дневникѣ подробный отчетъ обо всемъ, что они видѣли, читалъ написанное Чемоданову и Посникову, а они дѣлали иной разъ замѣчанія, сообразно съ которыми дневникъ пополнялся и исправлялся. Особенное любопытство московитовъ возбуждалъ осмотръ церквей и въ дневникѣ подробно описывались образа, церковная утварь и тому подобное.

Занимали ихъ также укрѣпленія города и гавань, стоявшіе въ рейдѣ корабли, изъ которыхъ одинъ военный былъ въ 400 футовъ длины и 70 вышины,—такъ по крайней мѣрѣ, послѣ разспросовъ и разговоровъ съ капитаномъ, записалъ въ дневникѣ Александръ. На основаніи того же разговора съ капитаномъ, онъ прибавилъ, что на томъ караблѣ помѣщается 200 пушекъ и 500 матросовъ и что ходитъ корабль на войну съ турецкими разбойниками. Были

также осмотрѣны всѣ рвы, окружавшіе крѣпость, всѣ наведенные на тѣхъ рвахъ цѣпные мосты. Словомъ, ничего не забыли путешественники, все осмотрѣли, о обо всемъ было занесено въ дневникъ.

Наконецъ Алексѣй Прохоровичъ рѣшилъ, что въ городѣ Ливорно не осталось уже больше ничего, достойнаго примѣчанія и что пора ѣхать черезъ Флоренцію въ Венецію. Купцу Лонглану было поручено какъ можно скорѣе продать ревень и другіе привезенные товары. Но самыя дорогія вещи и главнѣйшимъ образомъ мѣха, которыхъ было весьма много, отправлялись вмѣстѣ съ посольствомъ въ Венецію.

Серристори написалъ во Флоренцію великому герцогу Фердинанду о прибытіи посольства и уже получилъ отъ него отвѣтъ, что московскимъ посламъ будетъ оказана самая ласковая и почетная встрѣча.

Передъ отъѣздомъ Чемодановъ съ Посниковымъ тщательно провѣрили всѣ свои счеты и записали расходы. Не смотря на то, что они себѣ ни въ чемъ не отказывали и жили не унижая своего высокаго достоинства, расходы оказались не велики. Чемодановъ потиралъ руки и приговаривалъ:

— Вотъ оно и ладно! на Москвѣ покрайности комаръ носу не подточитъ, не больно-то басурманы съ насъ поживились, чай думали обчистить насъ какъ липку, анъ нѣтъ, не на таковскихъ напали!..

— Такъ-то оно, такъ, — возразилъ ему Александръ,—только вотъ дѣло какое: вы-то съ Иваномъ Иванычемъ по здѣшнему не разумѣете, вамъ

и все равно, а я-то вѣдь слышу, какъ насъ бранятъ за скупость.

— А ты не слушай, мимо ушей пропускай,—весело воскликнулъ Чемодановъ;—всякая брань глупая, а ужь тѣмъ паче басурманская, на вороту не виснетъ!.. въ глаза небось ничего не смѣютъ сказать. Скупость!—ишь ты! такъ не прикажешь-ли имъ, нехристямъ, деньги бросать?.. небось деньги-то не чужія, а царскія...

Уѣхало посольство изъ Ливорно и долго послѣ его отъѣзда шли толки о скупости москвитовъ. Даже до сего времени въ итальянскихъ архивахъ сохраняются документы, гдѣ разсказываютъ, напримѣръ, слѣдующее:

«Недавно послы отправились взять ванну. Такъ какъ ванное помѣщеніе давно не топилось, то надо было много дровъ. Московиты провели въ ванномъ зданіи цѣлый вечеръ. Ихъ развлекали тамъ музыкой, приносили разныхъ благовонныхъ эссенцій и вообще имъ всячески услуживали. За все это русскіе послы заплатили только двѣ маленькія серебряныя монетки»...

«Были московитскіе послы, въ числѣ приглашенныхъ, на вечерѣ, гдѣ играли музыканты. Когда всѣ, по окончаніи музыки, стали давать музыкантамъ деньги, старшій русскій посолъ сказалъ, что у него при себѣ денегъ нѣтъ, а когда ему замѣтили, что этого быть не можетъ, онъ вынулъ два венгерскихъ цехина. Почти силою пришлось ихъ взять у него и

онъ, вслѣдствіе этого, весь вечеръ былъ въ дурномъ расположеніи духа»...

«Весьма часто послы не даютъ денегъ тѣмъ кучерамъ, которые ихъ возятъ, но иногда зовутъ ихъ въ свои комнаты и угощаютъ ихъ тамъ водкой изъ золотого бокала»...

«Капуцинскіе монахи просили русскихъ пословъ дать имъ небольшое количество ревеню. Послы долго обсуждали эту просьбу и дали монахамъ меньше унціи»...

«У Моисея Франка русскіе купили на тридцать цехиновъ разныхъ вещей и приказали купцу прійти за деньгами къ нимъ на домъ. Но когда онъ пришелъ, они отдали ему назадъ всѣ вещи, объявивъ, что у нихъ нѣтъ денегъ. Франкъ сталъ настаивать, чтобы они оставили вещи и выплатили условленную цѣну. Тогда они стали грозить ему, что вытолкаютъ его вонъ изъ дома. Наконецъ, послѣ продолжительнаго спора, Франкъ согласился, вмѣсто денегъ, принять въ уплату ревень, и даже по весьма большой цѣнѣ»...

«Петръ Авахъ покупалъ у нихъ мѣха, но они ему ихъ не показывали до окончанія торга»...

«Когда уѣзжали послы изъ Ливорно, то ничего не заплатили людямъ, имъ прислуживавшимъ. Хозяину своему Лонглану они дали восемь собольихъ шкурокъ весьма худого достоинства. Одна прислужница получила кошачій мѣхъ, который ровно ничего не стоитъ»...

Ни Чемодановъ, ни Посниковъ, ни Александръ,

конечно, не могли подозрѣвать, что каждое ихъ дѣяніе записывается и оставляется на судъ отдаленнаго потомства. Александръ, еслибъ и хотѣлъ, не могъ самъ ничѣмъ распоряжаться; къ тому-же его собственныя средства были крайне недостаточны, такъ какъ отецъ не нашелъ нужнымъ снабдить его казною. Что-же касается Чемоданова и Посникова— они знали одно: на Москвѣ всѣ иностранные послы, а въ томъ числѣ недавній итальянскій посолъ Вимина, всегда пользовались широкимъ гостепріимствомъ. Ихъ всюду возили, кормили, поили, прислуживали имъ на царскій счетъ и ни за что съ нихъ денегъ не спрашивали. Такъ-же точно и въ чужихъ краяхъ должны поступать съ царскими послами. Долгъ платежемъ красенъ. Притомъ-же — чужую землю нечего кормить деньгами, добытыми русскимъ пóтомъ и кровью.

XVI.

Великій герцогъ Фердинандъ выслалъ навстрѣчу посламъ нарядныя кареты, запряженныя мулами. Это очень понравилось Чемоданову. Онъ важно пересѣлъ изъ своего наемнаго экипажа въ великогерцогскую карету и громко крякнулъ отъ удовольствія

— Вотъ это такъ рыдванъ! сейчасъ и видно—настоящій, княжескій... ишь... сидѣнье-то!.. червленаго бархату!.. Истинный онъ князь... Фернантъ... царственнаго рода... Жаль вотъ только, что рыдваны запряжены не добрыми конями, а хоша и разукрашеннымъ сбруей и лентами, но все-же неказистымъ звѣрьёмъ... Ну, что-жь... нечего за сіе взыскивать... коли нѣтъ у людей понятія...

Когда послы подъѣзжали къ городу, ихъ встрѣтилъ Леопольдъ, братъ великаго герцога. Чемодановъ, Постниковъ и Александръ вышли изъ каретъ, низко поклонились Леопольду, и Алексѣй Прохоро-

вичъ приказалъ Александру просить великогерцог. скаго брата сѣсть къ нимъ въ карету. Александръ почтительно передалъ эту просьбу; но Леопольдъ съ любезною улыбкой отвѣтилъ:

— Благодарю, въ каретѣ я не люблю ѣздить... я поѣду верхомъ... прошу синьоровъ занять ихъ мѣста.

Когда Александръ перевелъ это, Чемодановъ сказалъ ему:

— Проси еще! — и самъ при этомъ опять низко поклонился Леопольду.

Однако великогерцогскаго брата уговорить сѣсть въ карету неудалось. Поѣхали безъ него.

— Вотъ какъ насъ здѣсь почитаютъ! — говорилъ Чемодановъ самодовольно поглаживая бороду. — То не губернаторъ, а княжескій братъ, Діапольдъ-то этотъ, царственной крови, и все-жь таки считаетъ себя недостойнымъ сѣсть въ карету пословъ его царскаго величества!

— А можетъ онъ насъ считаетъ недостойными ѣхать съ нимъ въ одной каретѣ! — невольно воскликнулъ Александръ.

— Поди ты! и какъ это такое тебѣ взбрело въ голову... Ясное дѣло... вѣжливость онъ оказалъ, почтеніе, а не обиду намъ сдѣлалъ.

Александръ спорить не сталъ, но остался при своемъ мнѣніи: выраженіе лица Леопольда и его улыбка, когда онъ отвѣчалъ на просьбу пословъ сѣсть въ карету, были довольно краснорѣчивы. Великогерцогскій братъ только встрѣтилъ гостей; но возвра-

тился не съ ними, а ускакалъ впередъ, окруженный своей свитой.

Помѣщеніе для московскихъ пословъ было приготовлено въ знаменитомъ дворцѣ, извѣстномъ подъ названіемъ палаццо Питти. Обширны и красивы были палаты въ Ливорно, особливо въ домѣ губернатора; но къ нимъ москвичи уже привыкли. Здѣсь-же ихъ встрѣтила такая роскошь, о которой до сихъ поръ они не имѣли никакого представленія. Величина и высота комнатъ съ огромными окнами поражала ихъ. Особенно-же великолѣпными и чудными казались имъ громадные ковры, гобелены, висѣвшіе по стѣнамъ. На коврахъ этихъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ и живостью, были вытканы картины, изображающія разныя библейскія сцены. Александръ готовъ былъ по часамъ любоваться этими картинами и разглядывать ихъ, Чемодановъ разспрашивалъ его о томъ, что именно изображено и повторялъ:

— Ишь ты, до чего исхитрились нѣмцы!

Что касается Посникова, то онъ только качалъ головою, а когда Алексѣй Прохоровичъ спросилъ его:

— Ну что, братецъ, скажешь?

— Да что́ скажу,—отвѣчалъ онъ,—не ладно это, страшновато!

— Что такъ?

— Къ чему оно? на какую потребу сіи лики? Образа, иконы въ церквахъ—это дѣло, угодное Богу, святое... а сіе—кощунственно оно какъ-то—да и сотворено невѣдомо какимъ способомъ, можетъ не безъ дьявольской помощи...

— Неужто?

— А ты какъ думалъ?.. помысли-ка — нешто человѣкъ своимъ искусствомъ до такой живости дойти можетъ? Такъ кто-жь ему поможетъ обнаженныя то тѣлеса изобразить, какъ не дьяволъ?!.

Разсужденіе это, несмотря на свою неожиданность, показалось Алексѣю Прохоровичу весьма основательнымъ и убѣдительнымъ, и онъ старался не глядѣть на гобелены, а когда нечаянно взглядывалъ, то сейчасъ-же отводилъ глаза и про себя читалъ молитву.

Чудеса Флоренціи оставили глубокое впечатлѣніе въ умахъ москвичей. У Александра, какъ и въ первые дни пребыванія въ Ливорно, опять кружилась голова отъ чудесъ этихъ.

Назначенный состоять при послахъ маркизъ Корсини всячески развлекалъ ихъ и съ утра до вечера показывалъ имъ достопримѣчательности. Прежде всего повелъ онъ ихъ черезъ мостъ Арно въ Уффичи. Мостъ этотъ состоялъ изъ залъ и галлерей. Тутъ-же были осмотрѣны монетныя мастерскія, оружейная, казначейство, драгоцѣнные камни, удивительная посуда и столы изъ хитрой мозаики. Чемодановъ особенно любовался магнитомъ, поднимавшимъ полтора пуда желѣза. Александръ долго не могъ отойти отъ двухъ большихъ, искусной работы шаровъ, «на коихъ написаны всѣ государства и всѣ планеты и небесныя божества». Шары эти можно было поворачивать во всѣ стороны и назывались они — глобусами.

Даже Посниковъ, ко всему относившійся съ нѣ-

которой подозрительностью и опаской и во всемъ видѣвшей «дьявольскія дѣянія», увлекся, когда въ обширныхъ конюшняхъ красивыя выхоленныя лошади «по командѣ» стали плясать, кланяться и становиться на колѣни.

— Что-жь это за притча!—смѣялся онъ, — вѣдь и впрямь она мнѣ кланяется!.. а ну-ка еще разокъ, еще разокъ! Вотъ такъ, вотъ такъ!

Радовался и Чемодановъ.

— Дома-то разсказывать про сихъ коней будемъ,— говорилъ онъ,—такъ намъ никто и не повѣритъ... Да какъ тутъ и повѣрить-то! Кабы своими глазами не видѣлъ, отцу родному не повѣрилъ-бы...

Великій герцогъ Фердинандъ оказывалъ посламъ всякое вниманіе и ласково бесѣдовалъ съ ними. Они, въ свою очередь, отнеслись къ нему какъ къ настоящей царственной особѣ и когда увидѣли его въ первый разъ, то склонились передъ нимъ до земли и поцѣловали полу его одежды. Въ его присутствіи на придворномъ обѣдѣ они не рѣшились даже ѣсть, если вѣрить итальянскимъ документамъ.

Вслѣдъ за великимъ герцогомъ и все флорентинское общество ласкало гостей съ далекаго сѣвера. Во дворецъ Питти являлись художники и просили разрѣшенія сдѣлать портреты пословъ. Чемодановъ посѣтилъ нѣсколько мастерскихъ лучшихъ художниковъ, выбралъ изъ нихъ такого, искусство котораго больше ему понравилось, и согласился, чтобъ мастеръ снялъ съ него «парсуну». Посниковъ-же на отрѣзъ

отъ этого отказался, боясь, что «нѣмецъ» напуститъ на него какую-нибудь порчу.

Одинъ изъ придворныхъ поэтовъ написалъ сонетъ въ честь Чемоданова и поднесъ ему. Алексѣй Прохоровичъ долго не могъ понять въ чемъ дѣло; но Александръ наконецъ объяснилъ ему, что это большой почетъ, что вирши обыкновенно пишутся въ честь государей, государынь, прославленныхъ военачальниковъ и вообще людей первѣйшей важности. Тогда Чемодановъ принялъ сонетъ, угостилъ поэта водкой и даже подарилъ ему, послѣ нѣкоторыхъ размышленій, изрядную шкурку.

Но тутъ случилась бѣда. Посниковъ вдругъ разобидѣлся, почему и въ его честь не написано сонета. Онъ такъ ворчалъ и такъ приставалъ къ Александру, что тотъ рѣшился передать объ обидѣ «второго посла» маркизу Корсини.

— Пожалуйста успокойте его, — сказалъ маркизъ,—я знаю, что и въ его честь пишется сонетъ, только вѣроятно у поэта не хватаетъ вдохновенія. Но оно явится скоро.

Услышавъ это, Посниковъ успокоился и сталъ ждать нетерпѣливо. На слѣдующій-же день сонетъ былъ ему поднесенъ и даже на гораздо болѣе красивой бумагѣ, чѣмъ Чемоданову. Алексѣй Прохоровичъ, увидя эту бумагу, съ изображеніемъ птицъ и травъ по золотому полю, въ свою очередь почувствовалъ себя обиженнымъ, почти цѣлый день не выходилъ изъ своей комнаты и долго косился на Посникова...

Передъ отъѣздомъ пословъ великій герцогъ призвалъ ихъ къ себѣ и выразилъ имъ желаніе завести торговыя сношенія съ Россіей. Внимательно выслушавъ слова великаго герцога, переведенныя Александромъ, Чемодановъ и Посниковъ низко поклонились.

— Осмѣливаюсь доложить твоей великогерцогской свѣтлости, — началъ Алексѣй Прохоровичъ съ большимъ достоинствомъ, но въ то-же время съ достодолжнымъ почтеніемъ,—осмѣливаюсь доложить... Лексаша, смотри, братъ, не спутай, переводи слово въ слово... что великій государь послалъ насъ во градъ Венецію, съ порученіемъ къ дуку. Во градѣ-же Фиренцѣ мы лишь по пути и никакихъ полномочій на переговоры съ твоей великогерцогской свѣтлостью отъ великаго государя не имѣемъ...

— Такъ что-ли, Иванъ Иванычъ?—покосился онъ въ сторону Посникова.

— Такъ,—отвѣтилъ тотъ,—но теперь я говорить стану... Лександръ Микитичъ, переводи: о желаніи твоей великогерцогской свѣтлости нами будетъ доложено великому государю немедля по возвращеніи нашемъ на Москву и полагать надо, что его царское величество не откажется исполнить твое желаніе, особливо узнавъ отъ насъ о добродѣтеляхъ твоей свѣтлости и о ласковомъ пріемѣ, тобою намъ оказанномъ.

Послѣ этого Чемодановъ и Посниковъ, а за ними и Александръ, низко поклонились великому герцогу — и онъ отпустилъ ихъ. Тогда маркизъ Корсини сказалъ имъ, что великая герцогиня желаетъ

купить у нихъ собольи мѣха. Чемодановъ подумалъ съ минуту и затѣмъ объявилъ:

— Съ великой герцогиней въ торгъ вступать намъ не приходится. Коли она о мѣхахъ заговорила—дѣлать нечего — надо подарить ей, да и подарить-то мѣха хорошіе... Ты что́ скажешь, Иванъ Иванычъ?

— Вѣстимо подарить надо! — отвѣтилъ Посниковъ.

Въ тотъ-же день маркизъ передалъ великой герцогинѣ, въ подарокъ отъ пословъ, нѣсколько великолѣпныхъ собольихъ шкурокъ.

Флоренція вообще осталась гораздо больше довольной своими гостями, чѣмъ Ливорно. Москвичи уже успѣли оглядѣться и, по прирожденной русскому человѣку способности, достаточно приноровились къ итальянскому обхожденію.

Проводы ихъ были торжественны. Великій герцогъ самъ довелъ ихъ до воротъ дворца. Принцъ Леопольдъ со свитою въ шестидесяти-четырехъ экипажахъ провожалъ ихъ изъ города. По улицамъ стояли густыя толпы народа и кланялись отъѣзжавшимъ.

— Знатно провожаютъ!—радостно говорилъ Чемодановъ, раскланиваясь на всѣ стороны. — Добрый народъ, вѣжливый, жаль вотъ, что нѣмцы и басурманы!

XVII.

Эти приключенія, эта пестрая вереница образовъ и свѣжихъ впечатлѣній проносилась передъ Александромъ, когда онъ стоялъ у широкаго окна, пораженный волшебнымъ видомъ дворцовъ и каналовъ, озаренныхъ утреннимъ солнцемъ. Онъ не слышалъ какъ скрипнула дверь, какъ къ нему подошелъ Посниковъ, говоря что-то.

— Да что-жь это? столбнякъ на тебя нашелъ, оглохъ ты что-ли, Лександръ Микитичъ?—наконецъ разслышалъ онъ знакомый голосъ.

Онъ даже вздрогнулъ.

— Поневолѣ столбнякъ найдетъ, Иванъ Иванычъ,—воскликнулъ онъ:—гляди, каковъ городъ-то!.. вотъ, не вѣрили вы мнѣ съ Алексѣемъ Прохорычемъ, что Венеція на водѣ стоитъ — вотъ... гляди!

— Ну что-жь, и гляжу, и диву даюсь — зачѣмъ это нѣмцы ее на водѣ построили... неужто земли мало!.. все не по-божески, все только грѣхъ одинъ, одно дьявольское наущеніе!.. не глядѣли-бы глаза

мои на эту твою Венецію—вотъ оно что!—отвѣтилъ Посниковъ, и потомъ прибавилъ:

— Алексѣй Прохорычъ сказать тебѣ велѣлъ, что съ дороги онъ совсѣмъ размякъ и ныньче весь день съ мѣста не тронется, отлеживаться будетъ... Да и я то-же не двинусь... заняться надо, наказъ, намъ на Москвѣ данный, потвердить... Такъ ты весь день свободенъ, твоего толмачества не потребуется; иди себѣ, смотри свою Венецію, ко всему присмотрись — это намъ на пользу будетъ.

— Ладно! — сказалъ Александръ.

Онъ былъ очень радъ этой свободѣ. Ему хотѣлось скорѣе, сразу увидѣть, разглядѣть, понять всѣ чудеса этого новаго, невѣдомаго міра, который такъ и манилъ его. Онъ не сталъ мѣшкать въ бесѣдѣ съ Посниковымъ, а, захвативъ шапку, устремился къ выходу изъ палаццо. Но въ переднихъ покояхъ его остановилъ молодой человѣкъ въ длинной черной одеждѣ, съ бритымъ блѣднымъ лицомъ, большимъ носомъ и быстрыми глазами. Онъ узналъ въ немъ аббата Панчетти, съ которымъ бесѣдовалъ наканунѣ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Венецію.

Панчетти заговорилъ быстро, мѣшая латинскія фразы съ итальянскими, любезно освѣдомился о здоровьи благороднаго «форестьера», т. е. иностранца, и подвелъ къ нему наряднаго, миніатюрнаго синьора.

— Позвольте вамъ представить моего друга, синьора Нино,—говорилъ онъ;—синьоръ Нино музыкантъ и поэтъ, обладаетъ большой ученостью и высокими качествами ума и сердца.

Молодые люди церемонно и вѣжливо поклонились другъ другу. Александръ изумился миніатюрности и женственности хорошенькаго Нино, а тотъ, складывая губы въ любезную улыбку, сразу почувствовалъ непримиримую вражду къ «московитскому медвѣдю».

Онъ питалъ надежду, что Панчетти только дразнитъ его, говоря о красотѣ и достоинствахъ этого форестьера, онъ почти увѣрилъ себя, что увидитъ неуклюжаго увальня, дикаго человѣка, неловкаго и смѣшного. Но вотъ передъ нимъ высокій и стройный малый, съ открытымъ красивымъ лицомъ, съ ясными голубыми глазами, въ богатомъ необыкновенномъ костюмѣ, оригинальность и яркость котораго еще болѣе выдѣляетъ мужественную красоту его.

Онъ именно таковъ, какимъ ревнивое воображеніе рисовало бѣдному Нино опаснаго соперника. Онъ именно оригиналенъ, а синьора Анжіолетта въ послѣднее время только и грезитъ объ оригинальности.

Одна надежда — навѣрное Панчетти все-же преувеличилъ, навѣрное сѣверный варваръ не умѣетъ правильно сказать ни одной фразы...

Но и эта надежда исчезла — молодой московитъ пріятнымъ голосомъ и довольно бѣгло отвѣтилъ на любезныя слова аббата и, обращаясь къ Нино, сказалъ, что очень радъ познакомиться съ ученымъ, музыкантомъ и поэтомъ, потому что почитаетъ науку и любитъ музыку и поэзію.

Нино еще разъ поклонился; но еслибы Александръ разглядѣлъ выраженіе быстраго взгляда, брошеннаго

на него его новымъ знакомцемъ, еслибъ онъ могъ понять, какая ненависть закипѣла въ сердцѣ этого маленькаго, хорошенькаго человѣчка—онъ-бы почувствовалъ себя очень неловко.

Между тѣмъ аббатъ Панчетти говорилъ:

— Я и мой другъ Нино будемъ очень счастливы, если синьоръ пожелаетъ провести нѣсколько часовъ съ нами. Мы съ удовольствіемъ познакомимъ синьора съ Венеціей и покажемъ ему достопримѣчательности нашего знаменитаго города. У ступеней палаццо насъ ждетъ гондола... если синьору угодно — мы сейчасъ же можемъ сдѣлать прогулку по каналамъ...

Александръ такъ весь и засіялъ отъ этого любезнаго предложенія. Одинъ онъ бы не могъ предаться чуднымъ впечатлѣніямъ, онъ постоянно боялся бы заблудиться въ волшебномъ лабиринтѣ и невѣдомо какія приключенія и непріятности ожидали бы его. А теперь, съ этими любезными людьми, ему не предстоитъ ничего, кромѣ удовольствія.

Онъ сталъ кланяться и Панчетти, и Нино, благодарилъ ихъ какъ умѣлъ — и черезъ минуту легкая гондола уже несла его съ ними по тихой водѣ канала. Съ обѣихъ сторонъ мрачные, величественные палаццо смѣняли другъ друга. По временамъ, въ чистомъ и свѣжемъ воздухѣ раздавались, невѣдомо откуда, звуки мелодической пѣсни, страстные аккорды мандолины. Все чаще и чаще рядомъ съ гондолой появлялась другая, такая-же гондола и на Александра съ любопытствомъ глядѣли глаза изъ-подъ черной маски... Вотъ и его спутники надѣли маски.

Александръ долго крѣпился, но, наконецъ, не выдержалъ и спросилъ, что это значитъ, что почти всѣ въ маскахъ. Онъ ужь и въ Ливорно, и во Флоренціи видалъ маски, но тамъ ихъ не носили на улицахъ.

— Ношеніе маски—это одинъ изъ самыхъ хорошихъ нашихъ обычаевъ, — отвѣчалъ Панчетти. — Въ маскѣ очень свободно и безопасно. Съ какой стати показывать свое лицо постороннимъ и любопытнымъ людямъ? Маска спасаетъ иной разъ отъ большихъ непріятностей, отъ клеветы... да и мало-ли отъ чего она спасаетъ!..

Но Александру очень трудно было согласиться съ Панчетти и понять его... Ему даже какъ-то жутко было глядѣть на эти черныя «хари», превращающія человѣка въ какого-то чорта. Онъ готовъ былъ согласиться съ Посниковымъ относительно «грѣха» и «дьявольскаго наущенія».

Однако у него не было времени предаваться этимъ размышленіямъ. Гондола остановилась и онъ, вслѣдъ за своими спутниками, поднялся по каменнымъ ступенямъ. Онъ увидѣлъ передъ собою величественныя, причудливыя зданія, увидѣлъ высокую колонну, на вершинѣ которой былъ изображенъ левъ. Они обошли эту колонну, свернули направо — и очутились передъ громадной площадью, со всѣхъ сторонъ заключенной красивыми каменными строеніями, нижній этажъ которыхъ представлялъ крытые переходы. Александръ замѣтилъ потомъ высочайшіе шесты съ развѣвающимися флагами и за ними чудную цер-

ковь, напоминавшую ему что-то свое, родное, православное.

— Это площадь святого Марка,—сказалъ Панчетти.

— А это, это?—спрашивалъ Александръ, указывая на чудное, родное и святое зданіе.

— Это—соборъ святого Марка.

XVIII.

Было уже около полудня и народу на знаменитой площади собралось великое множество. Когда Александръ, отведя глаза отъ поразившаго его собора, взглянулъ на шумную и пеструю толпу, охватившую его со всѣхъ сторонъ, то даже ахнулъ отъ изумленія. Кого, кого здѣсь не было! Сюда сошлись люди изо всѣхъ странъ—и нѣмцы, и испанцы, и французы, и англичане. Всѣ они отличались другъ отъ друга, хотя костюмы ихъ, парики, шляпы съ перьями и епанчи были похожи.

Но вотъ между ними оказывались люди уже совсѣмъ на нихъ не похожіе, совсѣмъ иного типа и въ иныхъ, по большей части длинныхъ, одеждахъ. То были греки и всякіе азіаты. Наконецъ, къ изумленію своему, Александръ увидѣлъ людей съ лицами черными и блестящими, съ толстыми синими губами и сверкавшими бѣлками глазъ, въ тюрбанахъ, расшитыхъ курткахъ и широчайшихъ шальварахъ.

Между всѣмъ этимъ пришлымъ людомъ, разглядывая его и не стѣсняясь дѣлая свои замѣчанія,

бродили взадъ и впередъ венеціанцы и венеціанки, по большей части въ маскахъ, но иногда и безъ нихъ.

Александръ замѣтилъ нѣсколько прелестныхъ молодыхъ женскихъ лицъ, не совсѣмъ того типа, къ которому онъ уже привыкъ въ Ливорно. Венеціанки съ нѣжнымъ и свѣтлымъ цвѣтомъ лица, часто съ русыми волосами нравились ему гораздо больше ливорнскихъ смуглянокъ, попадавшихъ туда изъ Рима и южной Италіи.

— Сегодня вѣрно праздникъ? — спросилъ онъ Панчетти.

Онъ обращался почти исключительно къ молодому аббату, который былъ съ нимъ очень любезенъ и словоохотливъ, тогда какъ Нино отвѣчалъ на его вопросы односложно и по временамъ какъ-то странно и непріятно глядѣлъ на него.

— Никакого праздника нѣтъ и карнавалъ еще не начался, — отвѣтилъ Панчетти.

— Отчего-же здѣсь такъ много народу?

— Здѣсь всегда такъ, съ утра и до поздней ночи. Вѣдь это нашъ залъ, только подъ открытымъ небомъ...

При этихъ словахъ Александръ оглядѣлся кругомъ и былъ пораженъ сходствомъ огромной площади съ заломъ, потолокъ котораго оказывался голубымъ безоблачнымъ небеснымъ сводомъ. До пріѣзда въ Италію ни о чемъ подобномъ у Александра не было представленія, но съ тѣхъ поръ какъ онъ попалъ въ большіе ливорнскіе покои, какъ онъ увидѣлъ обширную и высокую палату въ губернаторскомъ домѣ, гдѣ больше ста человѣкъ свободно танцовали, — ему все грезились самыя необыкновенныя

вещи. Грезились безконечные мосты, громадные залы, потолки которыхъ терялись въ туманѣ, и все тому подобное. Но волшебный залъ—площадь, среди которой онъ теперь находился, далеко оставилъ за собою всѣ его грёзы и всѣ его представленія...

«Не праздникъ... всегда такъ бываетъ, съ утра и до поздняго вечера...»—невольно повторилъ онъ про себя слова Панчетти.

— Такъ значитъ у здѣшнихъ людей нѣтъ никакого дѣла, они всегда свободны?—наивно спросилъ онъ аббата.

Тотъ скривилъ тонкія губы въ усмѣшку.

— Мы предоставляемъ сидѣть надъ работою тѣмъ, у кого есть на это охота, такіе люди всегда найдутся, если и не по охотѣ, то по необходимости... А все-таки въ Венеціи достаточное количество и такихъ людей, которые могутъ посвящать много часовъ веселью и ничего недѣланью... Однако, синьоръ форестьеръ, вѣдь и московитскіе желудки устроены такъ-же какъ наши, а потому вы вѣроятно проголодались не менѣе, чѣмъ я... не зайти-ли намъ пообѣдать? Вотъ тутъ сейчасъ, подъ этими аркадами, очень хорошая тратторія, гдѣ всегда собирается интересное общество...

До сей минуты Александръ не думалъ объ ѣдѣ, но когда о ней заговорили, то онъ почувствовалъ, что сильно проголодался. Онъ ощупалъ свой карманъ и, убѣдясь, что кошелекъ его съ нѣсколькими золотыми монетами цѣлъ, радостно изъявилъ согласіе зайти пообѣдать вмѣстѣ съ Панчетти и Нино.

До этого дня онъ всегда ѣлъ со своими, въ по-

сольскихъ покояхъ или на званыхъ обѣдахъ, и такимъ образомъ ѣда ему ничего не стоила. Но возвращаться домой было далеко и отъ приглашенія Панчетти онъ нашелъ неловкимъ отказываться. Главное же хотѣлось посмотрѣть—какія-такія венеціанскія тратторіи, о которыхъ въ разговорѣ не разъ упоминалъ Панчетти.

Пройдя подъ аркады, они вошли въ широкую стеклянную дверь и оказались въ обширномъ помѣщеніи, богато убранномъ зеркалами и шелковыми тканями, уставленномъ во всѣхъ направленіяхъ небольшими мраморными столами и мягкими скамьями и стульями.

Въ тратторіи народу было много, за столами сидѣли мужчины и женщины. Прислуга сновала взадъ и впередъ, разнося блюда и разные кувшины съ напитками.

Александръ и его спутники помѣстились къ столу. Пока Панчетти заказывалъ обѣдъ, Александръ оглядывалъ своихъ сосѣдей и, конечно, въ особенности женщинъ. Направо отъ него, черезъ столъ, сидѣла прелестнаго вида разряженная венеціанка, пила изъ бокала какую-то свѣтлую, прозрачную влагу и весело и оживленно разговаривала съ двумя молодыми людьми, находившимися съ нею.

Вотъ она обернулась въ сторону молодого московита, на мгновеніе остановила на немъ взглядъ большихъ выразительныхъ глазъ и будто обожгла его этимъ взглядомъ.

— Вы не знаете кто эта синьора? — спросилъ Александръ у Нино, такъ какъ Панчетти все еэ щ

былъ занятъ бесѣдой съ служителемъ, которому заказывалъ обѣдъ.

— Она вамъ очень нравится?—вдругъ оживляясь и какъ-бы соображая что-то, сказалъ Нино.

— Да, очень красивая синьора. Вы ее знаете?

— Знаю,—отвѣтилъ Нино, — и вся Венеція ее знаетъ. Это синьора Лаура, прелестная женщина. Она знаменита не только своей красотою, но также умомъ и образованіемъ. Она очень добра и въ особенности любитъ иностранцевъ. Она живетъ въ богатомъ палаццо и у нея собирается по вечерамъ очень хорошее и веселое общество...

Проговоривъ это, Нино вдругъ вскочилъ и, прежде чѣмъ Александръ успѣлъ опомниться, уже подбѣжалъ къ столу, за которымъ сидѣла синьора Лаура; и что-то шепталъ ей, указывая на московита.

Еще мгновеніе—Нино вернулся и, сверкая глазами, весело говорилъ:

— Идемъ скорѣй, синьора Лаура желаетъ познакомиться съ вами... я васъ ей представлю...

Александръ смутился, растерялся, покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ. Никакъ онъ не ожидалъ ничего подобнаго.

— Да какъ-же это? . зачѣмъ?.. я не могу...—отчаянно шепталъ онъ Нино.

А тотъ смѣялся.

— Какъ не можете? Молодая, прекрасная синьора глядитъ на васъ, улыбается вамъ, желаетъ съ вами познакомиться, а вы говорите, что не можете!.. Нѣтъ, вы не сдѣлаете такой невѣжливости, пойдемте скорѣй!

Александръ, не помня себя, очутился передъ синьорой. Она ему говорила что-то, но онъ стоялъ молча, глупо улыбаясь и не понимая, что это такое она говоритъ ему. Однако, вѣдь онъ былъ не изъ робкаго десятка, да и самолюбіе заговорило.

Была не была! не оставаться-же дуракомъ на общее посмѣшище!

Онъ пробормоталъ что-то и низко поклонился молодой женщинѣ. Она все улыбалась и протянула ему руку, сверкавшую дорогими кольцами.

— Прелестная синьора такъ любезна,—шепталъ Нино,—а вы что-же?.. цѣлуйте скорѣй ея руку!

Но этого Александръ не могъ. Его губы прикасались только къ рукѣ двухъ женщинъ—матери и Насти. Онъ пожалъ протянутую ему, блиставшую драгоцѣнными камнями руку и, полуобернувшись къ Нино, шопотъ котораго былъ достаточно громокъ, чтобы всѣ его слышали, сказалъ ему:

— Синьора извинитъ меня и не обидится: на моей родинѣ нѣтъ обычая цѣловать руки чужихъ женщинъ.

— Вотъ какъ!—воскликнула синьора Лаура,—такъ значитъ для того, чтобы я добилась такой чести, я должна породниться съ вами!?.. Вы слишкомъ спѣшите, синьоръ.

Кругомъ раздался смѣхъ, но Александръ рѣшительно не понялъ, чему это смѣются. Синьора Лаура сама налила бокалъ вина и протянула его Александру. Тотъ не нашелъ возможнымъ отказаться, всталъ, поклонился и выпилъ. Вино—легкое, душистое, сладковатое показалось ему очень вкуснымъ.

— Нравится вамъ мое вино?—спрашивала синьора Лаура.

— Очень нравится...

— Въ такомъ случаѣ я угощу васъ сегодня вечеромъ еще болѣе вкуснымъ...

— Нѣтъ,—вспомнила она,—сегодня не могу, завтра. Приведете его ко мнѣ завтра, синьоръ Нино.

Въ это время подошелъ слуга, посланный Панчетти, и сказалъ, что обѣдъ поданъ. Александръ опять почтительно поклонился синьорѣ и ея кавалерамъ, причемъ она уже не протянула ему руку, отошелъ къ своему столу и вздохнулъ съ видомъ облегченія.

Онъ чувствовалъ себя во время разговора съ этой женщиной очень неловко, да и сама она, показавшаяся издали такой красавицей, вдругъ какъ-то перестала ему нравиться.

Вблизи она была уже не такъ молода и красива. Она глядѣла слишкомъ смѣло и странно, такъ что взглядъ ея почти сердилъ его, и ему становилось отъ этого взгляда просто совѣстно чего-то.

Черезъ нѣсколько минутъ синьора Лаура и ея кавалеры вышли изъ тратторіи. Проходя мимо Александра, она кивнула ему головою, опять обожгла его взглядомъ и будто обронила:

— До завтра!

— Не правда-ли, прелестная синьора? — спрашивалъ Нино.

— Да... нѣтъ...—замялся Александръ.—Да, конечно, она очень красива...

— Но она не совсѣмъ по вашему вкусу,—вдругъ досказалъ его мысль аббатъ Панчетти. — Она васъ

звала къ себѣ завтра, но сегодня вы увидите другую синьору, совсѣмъ иного рода, красота которой безконечно выше красоты этой Лауры.. Да ихъ и сравнивать нельзя!

— Кто же это?

— Это синьора Анжіолетта Каппелло. Она одна изъ самыхъ знатныхъ и важныхъ дамъ Венеціи... Я говорилъ ей о пріѣздѣ московитскаго посольства и о васъ, любезный синьоръ, и она разрѣшила мнѣ и Нино привести васъ сегодня къ ней.

Александръ опять растерялся.

— Извините, — говорилъ онъ, — мнѣ нельзя... у меня есть дѣло.

— Нѣтъ, не отказывайтесь!—перебилъ его Панчетти, — когда вы увидите синьору Анжіолетту, то будете намъ благодарны. Къ тому же отъ приглашенія знатной дамы молодой человѣкъ не долженъ отказываться. Если вы сдѣлаете это, то очень повредите себѣ и о васъ будутъ дурно думать въ Венеціи. Зачѣмъ вы смущаетесь, — синьора Анжіолетта прекрасно говоритъ по-латини...

Онъ началъ такъ восторженно описывать красоту и высокія достоинства своей патронессы, такъ съумѣлъ затронуть и самолюбіе и любопытство молодого московита, что тотъ наконецъ согласился быть представленнымъ синьорѣ Каппелло.

Между тѣмъ обѣдъ подходилъ къ концу.

— Какъ вамъ нравятся кушанья? — спрашивалъ Панчетти.

Александръ не умѣлъ, да и не находилъ нужнымъ лгать. Онъ отвѣтилъ:

— Одно хорошо, а другое дурно...

Нѣкоторыя кушанья ему даже очень не нравились, такъ какъ они были приготовлены на оливковомъ маслѣ, къ которому онъ не привыкъ. Ему невольно вспомнились пышные пироги и кулебяки Антониды Гелактіоновны, московскія индюшки и гуси, начиненные всякой всячиной и прочія сладости, которыхъ онъ не ѣлъ съ самаго отъѣзда изъ Москвы и которыя представлялись ему теперь еще болѣе вкусными.

За то венеціанскія вина были хороши. То Панчетти, то Нино все подливали ему въ бокалъ и увѣряли, что вино легкое, что его можно пить сколько угодно.

Александръ и пилъ. Но когда послѣ обѣда онъ вышелъ снова на площадь, то почувствовалъ значительную тяжесть въ ногахъ и нѣкоторое головокруженіе. На сердцѣ, однако, было хорошо и весело, какая-то особая, подзадоривающая смѣлость охватывала его и онъ все спрашивалъ Панчетти:

— Когда же мы къ вашей синьорѣ?

— А вотъ погодите, — отвѣчалъ аббатъ, теперь еще рано... когда закатится солнце, когда зажгутся огни въ окнахъ и начнется dolce far niente—тогда и поѣдемъ въ палаццо Каппелло...

Маленькій Нино шелъ молча и изъ-подъ маски глаза его зловѣще блестѣли.

XIX.

При постоянной смѣнѣ внѣшнихъ впечатлѣній, минуты незамѣтно шли за минутами. Зимній день догоралъ, съ моря потянулъ холодноватый вѣтеръ. Легкое опьяненіе, вызванное выпитымъ за обѣдомъ виномъ, проходило и, вмѣстѣ съ нимъ, исчезла и возбужденность.

Александръ уже снова начиналъ чувствовать неловкость и нежеланіе отправляться къ какой-то синьорѣ. Онъ уже поговаривалъ о томъ, что съ самаго утра не былъ дома, что ему пора вернуться, такъ какъ онъ можетъ понадобиться посламъ.

Но тутъ не только Панчетти, а и Нино сталъ его всячески отговаривать. Нино вообще сдѣлался гораздо оживленнѣе, разговорчивѣе, и хитрый Панчетти, наблюдавшій за нимъ, давно уже сообразилъ, что ревнивый музыкантъ навѣрно затѣялъ нѣчто опасное для молодого московита.

— Однако сильно свѣжѣетъ, — говорилъ Нино, кутаясь въ свою эпанчу.

— Неужели вы не чувствуете холода, синьоръ?— обратился онъ къ Александру.

— Холодъ! вы это называете холодомъ... въ январѣ мѣсяцѣ!.. Вотъ у насъ въ Москвѣ теперь такъ холодно, стоятъ лютые морозы, безъ шубы на улицу не выйдешь, а какъ здѣсь—у насъ только весною да ранней осенью бываетъ... Мнѣ жарко въ моемъ тепломъ кафтанѣ.

Ахъ, этотъ кафтанъ! Этотъ кафтанъ былъ такой красивый, богатый, зашитый до низу золотыми позументами и отороченный темнымъ пушистымъ мѣхомъ; онъ такъ шелъ къ высокой мужественной фигурѣ московита, что Нино съ ненавистью во взглядѣ смотрѣлъ на него.

— Да, вамъ хорошо, ну а намъ съ аббатомъ холодно, и если мы теперь не согрѣемся, то въ гондолѣ совсѣмъ продрогнемъ. Надо зайти въ траттрію и выпить бокалъ-другой вина. Тутъ вотъ, въ «Aquila Nero», отличное вино... и не дорого. Не такъ-ли, синьоръ аббатъ?

Аббату было холодно и онъ чувствовалъ, что не худо выпить. «Ну да, ты хочешь напоить московита, чтобы онъ неприлично велъ себя передъ синьорой,— подумалъ онъ,—что-жь—посмотримъ, что изъ этого выйдетъ».

— Да, въ «Aquila Nero» вино хорошее,—сказалъ онъ громко.

И они вошли въ двери, надъ которыми помѣщалась вывѣска съ изображеніемъ большого чернаго орла.

Нино тотчасъ-же исчезъ куда-то и затѣмъ возвратился въ сопровожденіи служителя, несшаго двѣ бутылки и бокалы.

— Уходи, Антоніо, уходи, я самъ разливать буду!—суетливо проговорилъ онъ, завладѣлъ обѣими бутылками и быстро сталъ наливать изъ нихъ въ бокалы.

Панчетти замѣтилъ, что въ два бокала онъ налилъ изъ одной бутылки, а въ третій изъ другой— и этотъ третій бокалъ подалъ московиту.

— Попробуйте, синьоръ, какое вино,—говорилъ суетясь и сверкая глазами Нино,—удивительный напитокъ... Какая густота!—будто масло... а ароматъ?!..

Александръ хлебнулъ. Вкусно!—и въ то-же время будто огонь разлился по его жиламъ.

— Ну что? каково вино?

— Хорошее, только оно кажется очень крѣпко.

— А вы боитесь крѣпкихъ винъ? Развѣ у васъ такая слабая голова? — насмѣшливо спрашивалъ маленькій музыкантъ, отпивая изъ своего бокала.

— Нѣтъ, голова у меня не слаба, — добродушно отвѣтилъ Александръ и осушилъ до дна крѣпкій, благоухавшій напитокъ.

— И еще можно?

— Можно и еще, — съ такимъ-же добродушіемъ сказалъ Александръ, подставляя свой бокалъ.

Нино торопливо налилъ его до краевъ.

Когда они вышли изъ «Aquila Nero», Александръ былъ опять въ такомъ-же возбужденномъ состояніи, какъ и послѣ обѣда. Щеки его покраснѣли, глаза

подернулись влагой. Нино внимательно глядѣлъ на него.

«Посмотримъ, каковъ-то ты будешь передъ синьорой,—злорадно думалъ онъ, — останется-ли она довольна пьянымъ варваромъ съ далекаго дикаго сѣвера?..»

— Теперь можно и въ палаццо Каппелло,—объявилъ Панчетти.

Совсѣмъ уже смерклось, вода канала казалась густой и черной, когда они прыгнули въ гондолу. На темномъ небѣ уже горѣли звѣзды, но луна еще не показывалась. Кругомъ, со всѣхъ сторонъ, мелькали огоньки. Мимо, одна за другою, какъ призраки, скользили темныя гондолы, слышался взмахъ веселъ, да время отъ времени раздавались — то звонкій смѣхъ, то мелодія страстнаго мотива, то отрывистый крикъ гондольера.

Александръ почти упалъ на скамью въ каютѣ гондолы; у него закружилась голова. Но это продолжалось нѣсколько мгновеній. Выпитое вино подѣйствовало на него совсѣмъ иначе, нежели-бы подѣйствовало оно на Нино и Панчетти. Опьяненіе охватило его сразу, но тотчасъ-же и стало проходить, оставалось только вернувшееся веселое настроеніе и стремленіе къ чему-то, жажда чего-то неизвѣстнаго.

Гондола остановилась. Нино быстро пошелъ впередъ, а Панчетти съ Александромъ медленно подвигались по слабо освѣщеннымъ заламъ палаццо. Александръ уже совсѣмъ пришелъ въ себя и съ

изумленіемъ озирался на окружавшее его великолѣпіе.

«Ровно сонъ, ровно сонъ...»—невольно почти громко нѣсколько разъ повторилъ онъ.

Вотъ большія высокія залы смѣнились значительно меньшими, но еще болѣе роскошными покоями, со стѣнъ которыхъ, озаряемыхъ лампами, будто живыя, глядѣли человѣческія лица. Подъ ногами мягкіе восточные ковры причудливыхъ узоровъ.Ароматъ курильницъ стоитъ въ тепломъ воздухѣ.

— Вотъ и синьора,—шепнулъ Панчетти, медленно отворяя дверь.

Александръ увидѣлъ передъ собою такую красавицу, какая ему никогда и во снѣ не снилась, передъ красотой которой совсѣмъ исчезалъ и казался жалкимъ не только образъ смутившей его въ траттоніи синьоры Лауры, но даже и дорогóй, привлекательный образъ Насти.

Анжіолетта Каппелло полулежала на низенькой софѣ, когда аббатъ подвелъ къ ней Александра. Она не перемѣнила положенія, не приподнялась, не протянула ему руку, а только кивнула своей прелестной головой и граціознымъ движеніемъ руки указала на кресло недалеко отъ себя.

Александръ поклонился низко, по московскому обычаю, потомъ тряхнулъ кудрями и неловко сѣлъ въ кресло. Онъ не отрываясь глядѣлъ на прекрасное лицо синьоры и не могъ отъ него оторваться. Теперь ужъ ему совсѣмъ казалось, что все это не на яву, а во снѣ. И сонъ былъ такой волшебный, такой слад-

кій, что не хотѣлось-бы никогда проснуться. Она заговорила — и ея звучный и нѣжный голосъ только прибавилъ очарованія.

— Я вамъ очень благодарна, синьоръ, что вы меня посѣтили,—проговорила Анжіолетта; — аббатъ Панчетти насказалъ мнѣ вчера такихъ необыкновенныхъ вещей о вашей родинѣ, что я непремѣнно хочу слышать отъ васъ правда-ли все это...

Александръ глядѣлъ широко раскрытыми глазами и растерянное выраженіе его лица, сразу-же ей понравившагося, казалось ей такимъ смѣшнымъ, что она, сдерживая улыбку, прибавила:

— Вы вѣдь говорите по-итальянски?

— Un poco, signora...—даже вздрогнувъ отъ необходимости отвѣчать ей, отъ необходимости вытти изъ блаженнаго созерцанія, прошепталъ Александръ.

— Но онъ прекрасно изъясняется по-латини, — сказалъ аббатъ.

— Въ такомъ случаѣ.. будемъ говорить по-латини!—не то что съ ласковой, а съ какой-то ободряющей, притягивающей, едва замѣтной улыбкой воскликнула синьора Анжіолетта.

XX.

— Синьоръ московитъ, какъ ваше имя?

— Меня зовутъ Александръ Залѣсскій.

— Александръ?—удивленно воскликнула она,—но вѣдь это... вѣдь это христіанское имя!

Александръ вспыхнулъ и потомъ поблѣднѣлъ. Все очарованіе исчезло, исчезли и послѣдніе признаки опьяненія. Теперь онъ владѣлъ собою. Невольное восклицаніе красавицы задѣло его за живое, обидѣло и возмутило. Передъ нимъ такъ и встали бесѣды андреевскихъ ученыхъ монаховъ о разности между православной вѣрой и католической.

— Я христіанинъ,—сдержанно отвѣчалъ онъ,—и... даже болѣе христіанинъ, чѣмъ вы, синьора.

Она пристально взглянула на него, но теперь его лицо ужь не показалось ей смѣшнымъ, а понравилось еще больше.

— Вотъ какъ!—медленно сказала она, — почему-же вы считаете себя болѣе христіаниномъ... это любопытно!

— А вотъ почему: я, такъ-же какъ и вы, вѣрую

въ Святую Троицу и хотя между нашей вѣрой и есть разница, но дѣло не въ этой разницѣ, а въ томъ, что вмѣсто Господа нашего Іисуса Христа вы поставили человѣка-папу и дали ему такую власть, какая человѣку дана быть не можетъ...

— Синьоръ, вы говорите о томъ, чего не знаете!—сверкнувъ глазами перебилъ аббатъ.

— Я говорю о томъ, что знаю, — съ достоинствомъ, обращаясь къ нему, сказалъ Александръ; — въ другое время, если угодно, я буду разсуждать съ вами и поведу споръ за истинность православной греко-русской вѣры противъ заблужденій римскаго папства... но теперь говорить объ этомъ не буду, ибо здѣсь не мѣсто для богословскихъ преній... синьорѣ они могутъ показаться скучными...

Ей не захотѣлось углубляться въ значеніе его словъ, можетъ быть даже и потому, что она почувствовала возможность открыть въ нихъ нѣчто для себя обидное. Она съ изумленіемъ вглядывалась въ этого сѣвернаго варвара, который сразу-же заявилъ о своей образованности, пожалуй даже учености.

— Я съ вами согласна,—проговорила она, — мы можемъ найти для разговора менѣе серьозную тему... Во всякомъ случаѣ, я очень довольна, что вы христіанинъ, синьоръ Александръ За... извините—какъ вы сказали?

— Залѣсскій.

— Вотъ это не легко... Залэзки... Зальески...

— Почти такъ!—улыбаясь замѣтилъ Александръ,— и видите—вовсе не такъ ужь трудно...

— Скажите же мнѣ, синьоръ За... Зальески, — правда-ли, что у васъ по цѣлымъ мѣсяцамъ на небо совсѣмъ даже не восходитъ солнце, что вы полгода живете подъ снѣгомъ, что у васъ лопаются глаза отъ холода и что васъ поѣдаютъ бѣлые медвѣди?

— Вы, конечно, шутите, синьора?—въ свою очередь спросилъ Александръ, чувствуя, какъ къ груди его подступаетъ что-то, почти злоба, почти ненависть къ этой прелестной женщинѣ.

— Нисколько не шучу, увѣряю васъ, что аббатъ (она указала на Панчетти) разсказывалъ мнѣ все это о вашей родинѣ.

Злоба и ненависть Александра теперь всецѣло перешли на аббата и онъ радъ былъ мысленно примириться съ синьорой. Она не смѣется надъ нимъ, она сама введена въ заблужденіе и невиновата въ своемъ невѣдѣніи. Это все вотъ этотъ носатый, облизанный папскій прислужникъ!

— Аббатъ разсказалъ вамъ сказку, синьора. Если-же онъ самъ въ нее вѣритъ, то значитъ... значитъ образованіе его недостаточно. Я самъ знаю очень мало; но, собираясь ѣхать въ Венецію, навѣрное зналъ, что вы не живете подъ водою, что у васъ не разстапливается мозгъ отъ жары и что васъ не поѣдаютъ акулы...

— Браво, синьоръ! — весело разсмѣялась Анжіолетта.—Вы даете хорошій урокъ и мнѣ, а главное— аббату Панчетти... Впрочемъ, я заслуживаю снисхожденія; я хоть и ничего не знаю о вашей родинѣ, но все-же не рѣшалась ему вѣрить. И такъ, Московія

не настолько страшна, какъ мнѣ ее описали. Можетъ быть она еще прекраснѣе нашей прекрасной Италіи?

Не то свѣтъ, не то тѣнь, скользнули по лицу Александра и выразительные глаза его, свѣтясь какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, остановились на синьорѣ. Въ сердцѣ у него заныло и потомъ загорѣлось что-то. На него вдругъ будто пахнуло роднымъ воздухомъ.

— Я скажу вамъ истину,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣчалъ онъ. — Ваша страна прекрасна, климатъ у васъ благосклонный, науки и искусства процвѣтаютъ у васъ... много, много здѣсь есть такого, чего у насъ нѣтъ; но не меньше хорошаго и у насъ, только все это совсѣмъ иное...

Онъ все больше и больше одушевлялся. Передъ нимъ рисовались картины родины въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ и, быстро подбирая латинскія слова, онъ горячо передавалъ все, что́ видѣлъ взоромъ воспоминанія.

XXI.

Синьора склонила голову на свою полуобнаженную, будто изъ мрамора выточенную руку, задумчиво глядѣла на красиваго чужестранца и вслушивалась въ звукъ его голоса. Она не замѣчала ошибокъ и неправильностей его латинской рѣчи, ей даже не очень интересно было то, о чемъ онъ разсказывалъ, она не понимала чѣмъ онъ восхищается.

Та жизнь, о которой онъ говорилъ, тѣ картины, которыя онъ рисовалъ—были слишкомъ для нея чужды, а потому и мало занимательны. Но ей нравились—звукъ его голоса, его одушевленіе, его горящіе глаза, его красивая, казавшаяся ей такой оригинальной, новой, необычной фигура.

— А ваши московскія женщины? — вдругъ спросила она,—хороши онѣ? лучше онѣ или хуже итальянокъ?

Милый образъ Насти мелькнулъ предъ Александромъ.

— Онѣ красивы; но мало кто видитъ красоту ихъ,—проговорилъ онъ.

— Какъ? почему?—удивилась синьора Анжіолетта, и когда онъ разсказалъ ей о теремахъ, о почти затворнической жизни русской женщины—она всплеснула руками.

— Santa Maria!—въ искреннемъ ужасѣ воскликнула она.—Какія несчастныя!.. нѣтъ, синьоръ Александръ, не говорите мнѣ больше о вашей странѣ — я не люблю ее!.. Бѣдныя, бѣдныя... да вѣдь это вѣчная тюрьма!.. это хуже смерти!.. Вы совсѣмъ разстроили меня вашимъ ужаснымъ разсказомъ...

— Нино,—прибавила она,—сыграйте что нибудь, спойте, чтобъ разсѣять этотъ ужасъ!

Нино, все время мрачно сидѣвшій въ углу и не проронившій ни звука, теперь сразу вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія. Она все же его вспомнила. Она даетъ ему возможность выказать его искусство. Онъ взялъ мандолину, струны застонали — и полилась мелодія страстной пѣсни.

Нино пѣлъ очень недурно, его небольшой баритонъ былъ хорошо обработанъ и онъ вложилъ много огня въ звуки, вылетавшіе изъ его груди.

Александръ слушалъ съ удовольствіемъ; но, по мѣрѣ того какъ Нино пѣлъ, и ему все сильнѣе и сильнѣе хотѣлось тоже пѣть. Одинъ за другимъ вспоминались и просились наружу съ дѣтства знакомые напѣвы:

— Синьоръ? а вы... вы не поете?—спросила Анжіолетта, когда Нино кончилъ.

— Пою! — вдругъ рѣшительно воскликнулъ Александръ, тряхнувъ кудрями.

Нино позеленѣлъ. Панчетти криво усмѣхнулся. Синьора вся такъ и насторожилась.

Еще нѣсколько мгновеній—и увѣшенныя чудными картинами стѣны гостинной палаццо Каппелло огласились русской пѣсней. Александръ пѣлъ о томъ, какъ красная дѣвица поджидаетъ друга милаго, какъ не спитъ она долгу ноченьку, все глядитъ на путь-дороженьку...

Немного словъ было въ этой пѣснѣ, да и мотивъ ея незамысловатый; но звучала въ ней тоска великая и еще болѣе великая любовь, любовь терпѣливая, малаго просящая, а отдающая все, все безъ остатка.

Александра охватила такая внезапная тоска по далекой родинѣ, въ его душѣ зазвенѣли такія струны, что молодой, звучный его теноръ вложилъ въ пѣсню цѣлый міръ тончайшихъ ощущеній.

Когда замеръ послѣдній звукъ, послѣдняя высокая нота—синьора Анжіолетта во всѣ глаза глядѣла на пѣвца и изъ этихъ прекрасныхъ глазъ тихо скатывалась одна за другою слезы.

— О, какъ это странно!.. какъ это печально... и какъ это хорошо!—наконецъ произнесла она совсѣмъ растерянно.—Но вы очень разстроили меня, синьоръ Александръ... До свиданья... у меня голова сильно заболѣла... надѣюсь—вы вернетесь и вернетесь скоро?

— Вы очень добры, синьора!—проговорилъ Александръ, до глубины души тронутый ея слезами.—Я вернусь, я вернусь непремѣнно.

Она поднялась, ласково кивнула ему и, удаляясь, сказала своимъ чичисбеямъ:

— Синьоры, прикажите подать нашему гостю сорбеты.

Но когда она скрылась за дверью, Александръ отказался отъ всякаго угощенія, объяснивъ, что ему давно ужь пора домой. Панчетти и Нино, оба недовольные и смущенные, не стали его удерживать, проводили до ступеней крыльца и стояли, пока онъ не сѣлъ въ гондолу.

— Ну, что вы скажете?—ядовито почти прошипѣлъ Панчетти, когда гондола отчалила.

— Я убью его!—мрачно произнесъ Нино.

— Вы этого не сдѣлаете—онъ принадлежитъ къ иностранному посольству и вы знаете, какъ пришлось-бы отвѣтить за его смерть.

— Увидимъ!

Нино хотѣлъ еще прибавить что-то, но повернулся и молча сталъ подниматься по ступенямъ.

XXII.

Прошло дня четыре и во все это время Александръ почти не отлучался изъ дому, такъ какъ послы не могли обойтись безъ него ни часу. Приходилъ Нино и уговаривалъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ синьорѣ Лаурѣ, которая очень обижена такимъ къ ней пренебреженіемъ со стороны иностранца. При этомъ Нино краснорѣчиво описывалъ всѣ достоинства синьоры, увѣрялъ, что у нея такъ весело, какъ нигдѣ, и что нельзя быть въ Венеціи и не воспользоваться возможностью такого интереснаго знакомства. Самые важные и богатѣйшіе иностранцы всѣми мѣрами добиваются чести попасть къ знаменитой красавицѣ и эта честь достается съ большимъ трудомъ, а часто даже и всѣ ухищренія пропадаютъ даромъ. Тутъ-же счастье само дается въ руки. Очевидно «синьоръ московитъ» очень понравился,—о немъ спрашиваютъ, его ждутъ, за нимъ присылаютъ. Нельзя-же ему отказываться...

Александръ отвѣчалъ, что онъ и радъ-бы посѣтить эту синьору, но дѣла не позволяютъ,—онъ занятъ съ утра и до вечера.

Нино, очевидно очень заинтересованному въ томъ, чтобы ненавистный московитъ попалъ въ Лаурѣ, пришлось уйти ни съ чѣмъ.

Александру легко было отказаться отъ посѣщенія особы, къ которой теперь ничто не влекло его; но когда явился аббатъ Панчетти и тоже передалъ ему приглашеніе, но уже не отъ Лауры, а отъ Анжіолетты Каппелло — отказъ оказался тяжелымъ и непріятнымъ.

— Передайте синьорѣ,—говорилъ Александръ,— что я очень глубоко сожалѣю... сегодня никакъ не могу освободиться, и завтра, вѣрно, тоже... но только что будетъ у меня свободное время—я сейчасъ-же, сейчасъ сяду въ гондолу—и пріѣду...

— Я передамъ это синьорѣ, — съ полуулыбкой, которая неизвѣстно чтó выражала, отвѣчалъ Панчетти;—но вѣдь синьора часто выѣзжаетъ, застать ее не такъ легко, да она, если и у себя, не всегда васъ принять можетъ.

— Что-же мнѣ дѣлать! Я связанъ обязанностями... я одинъ во всемъ посольствѣ могу изъясняться на латинскомъ и греческомъ языкахъ... вотъ вчера, только что собрался прогуляться — явились греки, наши единовѣрцы... завтра—греческій митрополитъ пріѣдетъ... Никакъ нельзя мнѣ отлучиться...

И бѣдный Александръ, говоря это, не замѣчалъ, какое жалобное выраженіе у него въ лицѣ, не да-

валъ себѣ отчета въ томъ, что въ эти минуты онъ ненавидитъ и свои обязанности, и Чемоданова, и Посникова, и всѣхъ, съ кѣмъ ему приходится разговаривать за пословъ, что ему безумно хочется бросить все, забыть обо всемъ—и бѣжать къ синьорѣ Анжіолеттѣ. Слезинки, выкатившіяся изъ ея чудныхъ глазъ во время его пѣнія, такъ и сверкали передъ нимъ, будто озаренныя солнечнымъ свѣтомъ переливчатые алмазы,—и усиленно бившееся сердце соблазнительно, страстно шептало ему, что алмазы эти дороже всѣхъ сокровищъ и чудесъ волшебной Венеціи.

— Bene, bene!—повторялъ между тѣмъ Панчетти,—я передамъ синьорѣ.

Онъ откланялся и удалился все съ тою-же загадочной полуусмѣшкой на тонкихъ губахъ...

«Однако, что-жь это я?—думалъ Александръ, отгоняя отъ себя смутныя грёзы, влекшія къ невѣдомому блаженству, — будто дурманомъ кто опоилъ меня!.. Нѣтъ, пустое!.. Дѣло надо дѣлать, самое время приспѣло... Вѣдь это служба царская, на пользу землѣ русской...»

Онъ тряхнулъ по привычкѣ своей кудрями — и переливчатые алмазы померкли въ его воспоминаніи.

«Дѣло надо дѣлать... самое время приспѣло!»—такъ думалъ теперь и Алексѣй Прохоровичъ Чемодановъ.—До сихъ поръ была одна забава. И въ Ливорно, и во Флоренціи можно было отдыхать отъ долгаго, труднаго пути, любоваться басурманскими прелестями, наѣдаться заморскими яствами, угощать-

ся винами романейскими... Нынѣ-же одна забота— исполнить наказъ великаго государя, непостыдно отслужить службу царскую, не уронить чести русской и перехитрить «нѣмца».

Венеціанское правительство, серьезно разсчитывая на поддержку со стороны Московскаго государства въ своей борьбѣ съ Турціей, рѣшило принять царское посольство со всякимъ почетомъ. Бывшій въ Москвѣ Альбертъ Вимина получилъ назначеніе состоять посредникомъ въ сношеніяхъ пословъ съ республикой. Чемодановъ и Посниковъ видѣлъ Вимину въ Москвѣ не разъ, и встрѣтились съ нимъ какъ съ знакомцемъ.

Первый вопросъ Чемоданова былъ, конечно:

— Когда можно видѣть дука Молена и вручить ему царскую грамоту?

На это Вимина отвѣчалъ:

— Дукъ Молена правилъ Венеціей десять лѣтъ и болѣе года тому назадъ волею Божіею скончался. Послѣ него было и еще два дука, которыхъ теперь тоже нѣтъ, а правитъ новый дукъ, но имени Вальеро.

Этотъ отвѣтъ такъ поразилъ пословъ, что оба они совсѣмъ растерялись и только молча переглядывались между собою.

— Вотъ тебѣ разъ!—въ смущеніи и почти ужасѣ воскликнулъ, наконецъ, Алексѣй Прохоровичъ,—какъже намъ теперь быть? вѣдь грамота-то царская къ дуку Молену писана и къ нему мы отъ великаго государя порученіе имѣемъ, а про Валеру у насъ слыхомъ — не слыхано и кто таковъ сей Валера — мы

того не знаемъ... Иванъ Иванычъ, какъ ты полагаешь?

Посниковъ почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Да-а!—протянулъ онъ,—вишь ты дѣло-то оно какое!.. однако такъ сказать надо: въ животѣ и смерти Господь воленъ, и ежели дукъ Моленъ преставился, то царской грамоты вручить ему не можемъ. А такъ какъ сія грамота и посольство наше къ дуку венецейскому, и ежели нынѣ Валера въ дукахъ, то мы должны почитать его яко Молена и за сіе въ отвѣтѣ передъ царскимъ величествомъ быть не можемъ.

— Вѣрно твое слово! — по маломъ размышленіи радостно воскликнулъ Алексѣй Прохоровичъ—и успокоился.

Однако спокойствіе его продолжительнымъ не было. На повторенный вопросъ: «когда можно видѣть дука?»—Вимина, черезъ Александра, отвѣчалъ:

— Дукъ нездоровъ и принять царскаго посольства никакъ не можетъ; но это ничего: онъ назначитъ своимъ представителемъ высшаго сановника республики и послы обо всемъ будутъ договариваться съ верховнымъ совѣтомъ и съ представителемъ дука.

— Что̀ онъ вретъ! — весь багровѣя воскликнулъ Чемодановъ,—ты, Лександръ, лучше мнѣ такихъ глупыхъ его рѣчей и не переводи! Какой-такой тамъ представитель? какой совѣтъ? никакого представителя и никакого представленія совѣта мы не знаемъ и знать не хотимъ! Великій государь приказалъ намъ

ѣхать къ дуку и собственноручно вручить ему свою царскую грамоту. Такъ мы и должны сдѣлать. Когда-же дукъ отъ насъ получитъ грамоту и выслушаетъ все, что мы ему сказать имѣемъ—онъ воленъ назначить своихъ сановниковъ вести съ нами дальнѣйшіе переговоры... Вѣдь такъ, Иванъ Иванычъ?

— Такъ, такъ!—рѣшительно подтвердилъ Посниковъ.

— Ну, и переведи ты это, Лександръ, Вiминѣ, и скажи, что иначе не будетъ.

Вимина долго объяснялъ, что Венеція — республика, что власть дожа ограничена, и самовольно, безъ согласія верховнаго совѣта, онъ распоряжаться не можетъ.

— Вретъ! вретъ!—въ одинъ голосъ твердили Чемодановъ и Посниковъ;—кабы такъ было, то на государственныхъ бумагахъ стояла-бы подпись не дука, а того самаго верховнаго совѣта. Анъ на бумагахъ-то чья подпись? дукова небось... Такъ значитъ это подвохъ одинъ.

Вимина увидѣлъ, что всѣ доказательства и объясненія безполезны—и удалился.

XXIII.

«Пока дукъ не назначитъ пріема—будемъ сидѣть и ждать, не тронемся съ мѣста!»—рѣшили послы и дѣйствительно не выходили изъ своихъ покоевъ. Между тѣмъ къ нимъ постоянно кто-нибудь являлся. Первымъ пріѣхалъ секретарь резидента герцога Мантуанскаго, разсыпался въ любезностяхъ и поздравилъ ихъ съ пріѣздомъ.

— Это еще что за птица?—съ явнымъ пренебреженіемъ замѣтилъ Алексѣй Прохоровичъ величественно сидя передъ мантуанцемъ и слушая его любезныя фразы, переводимыя Александромъ.—Не слыхать что-то про такого!.. Велика-ли честь въ его почтеніи—невѣдомо. Скажи: спасибо, молъ!.. да не толкуй ты съ нимъ много—не стóитъ...

Посѣтилъ «московитовъ» также и французскій резидентъ, посѣтилъ самолично. Ему было любопытно взглянуть поближе на сѣверныхъ варваровъ. Любопытство свое онъ удовлетворилъ, возвратясь послалъ въ Парижъ интересное сообщеніе о «москови-

тахъ», въ которомъ правды было много — цѣлая десятая часть; но отвѣтнаго визита пословъ не удостоился.

Пождалъ французъ день, другой, третій — и кинулся къ Виминѣ. Такъ, молъ, и такъ: «московиты» чинятъ французской націи крайнюю обиду, визита не возвращаютъ. Вимина объяснилъ это Александру и просилъ убѣдить пословъ въ невѣжливости ихъ поведенія относительно французскаго резидента. Но послы и слышать ничего не хотѣли: «Дука еще не видали, а къ какому-то вертопраху ѣздить будемъ!»

Только послѣ убѣдительныхъ уговариваній добился Александръ, что его послали во французское посольство освѣдомиться о здоровьи резидента. Французу на этомъ пришлось успокоиться.

Пріѣхалъ Вимина и сообщилъ, что папскій нунцій просилъ его узнать, поѣдутъ ли русскіе послы къ папѣ въ Римъ?

— Скажи ты ему, Лександръ, — важно отвѣтилъ Чемодановъ, — что отъ великаго государя намъ къ римскому папѣ порученія никакого не дано и что въ Римъ намъ ѣхать незачѣмъ, ибо мы русскіе, православные, и папѣ римскому во вѣкъ не поклонимся.

Александръ перевелъ эти слова Алексѣя Прохоровича съ большимъ удовольствіемъ.

— А что же дукъ?—спросилъ Посниковъ,—когда онъ насъ приметъ?

Вимина поморщился. Нелегкой оказывалась его обязанность. Рѣшено было уступить посламъ; но

предварительно требовались свѣдѣнія о цѣли ихъ посольства.

— Дукъ готовъ съ удовольствіемъ дать аудіенцію посламъ московскаго государя,—сказалъ Вимина, — готовъ принять отъ нихъ царское письмо и выслушать все, что они скажутъ; но вѣдь онъ нездоровъ и не встаетъ съ постели. Придется ждать его выздоровленія.

— Будемъ ждать,—спокойно отвѣтили послы и тонъ ихъ ясно показывалъ, что они дождутся.

— Будьте увѣрены,—заговорилъ Вимина, — что дукъ и верховный совѣтъ весьма счастливы видѣть въ Венеціи посольство изъ славной Московіи... но... но въ чемъ же собственно заключается дѣло, по которому вы пріѣхали?

Когда Александръ перевелъ этотъ вопросъ—у Чемоданова даже глаза налились кровью.

— Хорошъ гусь! ишь ты съ чѣмъ подъѣзжаетъ!—воскликнулъ онъ.—Да что онъ, на дураковъ напалъ что-ли?! Скажи ты ему, что пока мы дука не повидаемъ—никто слова отъ насъ не услышитъ.

Послѣ этого отвѣта Вимина сказалъ:

— Я вовсе не желаю быть нескромнымъ и не мнѣ надо знать о цѣли вашего пріѣзда, а верховному совѣту и самому дуку. Такъ всегда дѣлается. Необходимо знать обо всемъ заранѣе, до аудіенціи, для того, чтобы приготовиться къ отвѣту. Дукъ иначе и не принимаетъ иностранныхъ пословъ.

— Батюшки! да тутъ ухо востро держать надо!—

воскликнулъ Посниковъ,—только не остерегись—какъ разъ поведутъ и погубятъ!

— А ты какъ думалъ?—сказалъ Алексѣй Прохоровичъ, — нѣтъ, этотъ-то каковъ! на Москвѣ былъ, русскую хлѣбъ-соль ѣлъ — и первый-же предатель оказывается... Скажи ты ему, Лександръ, что стыдно намъ и глядѣть-то на него. Мы его за человѣка почитали, а онъ силится подвести насъ подъ гнѣвъ государевъ... государеву тайну хочетъ отъ насъ вывѣдать. Такъ пусть носъ свой нѣмецкій утретъ: тайны государевой мы ему не выдадимъ, а коли онъ подосланъ къ намъ этимъ самымъ совѣтомъ, то подобныя дѣянія—одинъ лишь позоръ для венецейскаго государства!

XXIV.

Со всѣми резидентами покончили, Вимину въ своей непреклонности убѣдили, такъ что онъ перестал подъѣзжать съ допросами, ждали аудіенціи у дука и сидѣли въ своихъ покояхъ, никуда носу не показывая, охраняя свое посольское достоинство.

— Вотъ какъ съ дукомъ переговоримъ, да увидимъ, что онъ къ его царскому величеству надлежащее почитаніе чувствуетъ — тогда и покажемся народу венецейскому. А пока чтó—изъ дому выходить не слѣдъ!—говорилъ Чемодановъ.

Посниковъ съ нимъ былъ совершенно согласенъ, но Александръ сталъ возмущаться отъ такого рѣшенія: вѣдь пройдетъ еще дня три-четыре, можетъ и вся недѣля до дуковой аудіенціи—такъ неужто сидѣть? Оно положимъ — и изъ оконъ широкихъ можно на многое любоваться. Весь день подъ окнами взадъ и впередъ снуютъ гондолы, какихъ-какихъ народовъ не проѣдетъ .. Но это все не то....

Александръ объявилъ посламъ, что какъ они тамъ хотятъ, а онъ сидѣть больше не желаетъ, да такъ объявилъ это рѣшительно, что ни Чемодановъ, ни Посниковъ спорить съ нимъ не стали.

Алексѣй Прохоровичъ проворчалъ однако:

— Ишь зудъ у тебя въ ногахъ!.. ну и ступай, а только ежели чтó, ежели какая ни на есть пакость съ тобой случится — на себя пеняй, я-же чтобъ не былъ за тебя въ отвѣтѣ...

— Какой-же отвѣтъ!.. чтó случится со мною — нешто мы у разбойниковъ?!

— Вѣстимо разбойный здѣсь народъ... предатели... въ Фиренцѣ не въ примѣръ лучше.

— Да ты и народу здѣшняго почитай не видалъ еще совсѣмъ, Алексѣй Прохорычъ!

— Вотъ еще — не видалъ! довольно навидался... одинъ Вимина чего стоитъ!

Совсѣмъ не въ духѣ былъ Чемодановъ и, по первымъ неожиданно встрѣченнымъ затрудненіямъ, сильно боялся за исходъ своего посольскаго дѣла.

Александръ пóдъ вечеръ разрядился—и кликнулъ гондолу.

«Была не была!»—подумалъ онъ, нетвердымъ голосомъ приказавъ везти себя въ палаццо Капелло..

Могъ-ли онъ знать, могъ-ли подозрѣвать, что синьора Анжіолетта вотъ уже третій вечеръ ждетъ его въ своей уютной, полной всякихъ дорогихъ вещей и картинъ гостиной. Могъ-ли онъ знать, могъ-ли подозрѣвать, что она велитъ отказывать всѣмъ стремящимся къ ней венеціанскимъ синьорамъ, ска-

зывается нездоровой, а медиковъ къ себѣ не пускаетъ, что она до отчаянія доводитъ и Нино и Панчетти своею раздражительностью.

Оба чичисбея, прежде проводившіе съ нею почти весь день,—теперь почти лишены ея общества. Музыка Нино, та самая музыка, которую она всегда любила, кажется ей теперь унылой и однообразной; его баритона она слышать не можетъ. Саркастическія усмѣшки Панчетти и его злой языкъ—ей невыносимы. Тщетно влюбленные чичисбеи изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобы чѣмъ ни на есть развлечь ее. Она слушаетъ ихъ разсѣянно, а иногда и совсѣмъ даже не слышитъ, что̀ такое они говорятъ ей.

Наконецъ они довели ее, безо всякой вины со своей стороны, до негодованія.

— Удивительно!—воскликнула она,—вы считаете себя серьезными, образованными людьми, а между тѣмъ какую пустую жизнь вы ведете—обидно смотрѣть на васъ!.. Неужели вамъ не надоѣло еще съ утра и до вечера вести вздорные разговоры, перебирать то того, то другого, бранить, язвить, клеветать? Вы вѣрно забыли, что въ палаццо Каппелло одна изъ лучшихъ библіотекъ Венеціи. Ступайте въ библіотеку, читайте, и если найдете въ какой-нибудь книгѣ что-либо очень, очень интересное—пріидите и разскажите мнѣ...

«Неужели это московитъ всему виною?» — спрашивалъ себя Панчетти и рѣшилъ, что пожалуй оно такъ и есть..

Но когда онъ заговорилъ о московитѣ—синьора

только усмѣхнулась — и ровно ничего нельзя было вывести изъ этой ея усмѣшки.

Третій вечеръ, едва смеркалось, чичисбеи совсѣмъ «отпускались» и синьора оставалась одна, на своей любимой софѣ, съ книгою въ рукѣ, съ лицомъ какъ-бы вянущимъ и скучающимъ, съ померкшими глазами.

Она призывала старую Эмилію, которая вынянчила ее и была ей безгранично предана, и поручала ей слѣдить за тѣмъ, чтобы никого не принимали, никого... за исключеніемъ молодого форестьера, поющаго такія странныя, сладкія пѣсни. Старая Эмилія не имѣла обычая разсуждать и вдумываться въ приказанія своей красавицы-синьоры; ея дѣло было—повиноваться,—и она спѣшила исполнять возложенное на нее порученіе.

Настал третій вечеръ напрасныхъ ожиданій и Анжіолетта дошла до высшей степени нетерпѣнія и обиды. Вѣдь она посылала за нимъ, звала его... Вѣдь она никогда никого не звала, ни за кѣмъ не посылала! Какъ смѣетъ онъ, этотъ варваръ, выказывать ей,—ей! такое пренебреженіе! Она хочетъ еще разъ послушать его странное, дикое нѣніе... Пусть еще разъ попоетъ ей, а потомъ уѣзжаетъ навсегда въ холодную страну, гдѣ несчастныхъ женщинъ всю жизнь держатъ въ неволѣ... Santa Maria, какъ скучно, какъ невыносимо скучно!

Да, не будь этой скуки — Анжіолетта быть можетъ и не подумала бы о московитѣ, а пѣніе его показалось бы ей только дикимъ. Но давнишняя

скука, пустота сердца, склонность къ мечтательности и исканіе чего-нибудь необычнаго—все это громко твердило о московитѣ. Къ тому же ея капризъ былъ не сразу исполненъ; ее заставили ждать—и на третій вечеръ, когда старая Эмилія доложила ей, что форестьеръ явился—ея сердце вдругъ сильно забилось, глаза блеснули, на щекахъ вспыхнулъ румянецъ.

Проведенный Эмиліей Александръ въ свою очередь весь такъ и загорѣлся, когда увидѣлъ передъ собою синьору. Въ прошлый разъ она была удивительно хороша; но за эти нѣсколько дней ея красота удвоилась.

Бѣдная Настя была совсѣмъ забыта, какъ будто ее никогда и не существовало на свѣтѣ. Вмѣстѣ съ нею забылась и далекая родина, Москва златоглавая, забылось все—и весь Божій міръ вдругъ съузился и помѣстился безъ остатка въ этой озаренной таинственнымъ свѣтомъ высоко поставленныхъ лампъ, увѣшанной картинами и тяжелыми драпировками гостиной.

Но вотъ и лампы, и картины и все, что было вокругъ—исчезло. Божій міръ сталъ еще меньше, и уменьшался до тѣхъ поръ, пока не заключился во взглядѣ чудныхъ глазъ, хотѣвшемъ казаться равнодушнымъ — и въ то же время громко зовущемъ и обѣщавшемъ всѣ цвѣты земли, всѣ звѣзды неба—и даже много такого, чего никогда не бываетъ ни на землѣ, ни на небѣ.

Тутъ произошло то, что обыкновенно случается

въ подобныхъ обстоятельствахъ. Анжіолетта и Александръ говорили. Онъ объяснялъ ей, что только теперь получилъ возможность уѣхать изъ дому. Она слушала эти объясненія, спрашивала объ его занятіяхъ, задавала ему одинъ за другимъ всякіе пустые вопросы и получала на нихъ обычные, хорошо ей заранѣе извѣстные отвѣты. Но ни онъ, ни она не интересовались этимъ разговоромъ нисколько и вели его совсѣмъ машинально

Между ними неслышно велся глазами и сердцемъ совсѣмъ другой разговоръ. Съ каждой минутой они дѣлали новыя открытія, повѣряли другъ другу тайны.

Все это творилось съ удивительной быстротою — и конечно никто изъ нихъ не могъ бы постичь и объяснить, какимъ это образомъ онъ вдругъ очугился на колѣняхъ передъ нею, какимъ образомъ въ душистой тишинѣ гостиной палаццо Капелло прозвучалъ долгій поцѣлуй...

XXV.

— Что-жь это за наказанье такое! пришелъ Вимина и показываетъ, что принесъ вѣсти важныя...

Такъ говорилъ Посниковъ съ сердитымъ и раздраженнымъ видомъ входя къ Чемоданову, который, послѣ сытнаго и вкуснаго обѣда, распоясанный и растегнутый, съ растрепавшейся бородою и покраснѣвшимъ лицомъ, лежалъ у себя на широкомъ восточномъ диванѣ.

— Въ чемъ же наказанье-то? — сладко и громогласно зѣвнувъ спросилъ Алексѣй Прохоровичъ и лѣниво спустилъ на коверъ одну ногу.

— Что вѣсти важныя принесъ Вимина, — это я разумѣю, а какія такія вѣсти — нештo мы съ тобой разберемъ, когда глупый нѣмецъ самаго простого слова сказать не можетъ, а все по нѣмецкому лопочетъ! — еще раздраженнѣе воскликнулъ Посниковъ, очевидно сгоравшій отъ нетерпѣнія скорѣе узнать вѣсти Вимины.

— А Лександра нештo нѣту?

— Лександръ нашъ, батюшка Алексѣй Прохорычъ, вотъ уже третій день съ ранняго утра и до поздней ночи пропадаетъ!

Чемодановъ спустилъ на коверъ и вторую ногу, даже слѣзъ совсѣмъ съ дивана; но ему очень не хотѣлось выходить изъ своего блаженнаго послѣобѣденнаго состоянія, а потому онъ даже не разсердился на Александра.

— Небось—вернется парнишка, а Вимина и подождать можетъ... Мы вотъ вѣдь ждемъ же столько дней, — снова громко зѣвая, съ полнымъ равнодушіемъ сказалъ онъ.

Посниковъ совсѣмъ разсердился, проворчалъ что-то себѣ пóдъ носъ—и вышелъ изъ комнаты.

По счастью, Александръ скоро вернулся. Онъ прямо прошелъ въ свое помѣщеніе и чрезъ нѣсколько минутъ намѣревался снова выйти изъ дому. Но Посниковъ поймалъ его и накинулся на него съ бранью.

— Бога ты не боишься!.. стыда въ тебѣ нѣтъ! что Ртищевъ за тебя передъ государемъ заступникъ, такъ ты на головѣ ходить начинаешь!.. постой, братъ, погоди... вернемся на Москву, такъ я о твоемъ безпутномъ поведеніи молчать, думаешь, стану? Какъ же! жди!..

Александръ за эти послѣдніе три дня сдѣлался дѣйствительно очень страннымъ, даже лицо у него совсѣмъ стало новое. Онъ слушалъ Посникова; но очевидно не понималъ его.

— Да ты пьянъ что-ли?—тряхнулъ его за плечи Иванъ Ивановичъ.

Александръ съ безсознательнымъ вздохомъ покинулъ тотъ лучезарный, очарованный міръ, гдѣ находился безотлучно всѣмъ своимъ внутреннимъ существомъ, и съ изумленіемъ взглянулъ на Посникова.

— А?.. что?.. что ты говоришь?

— Олухъ ты—вотъ что! Вимина тутъ... сто лѣтъ тебя дожидается!

Александръ даже поблѣднѣлъ при вѣсти о невозможности сейчасъ-же устремиться туда, куда притягивали его невидимыя, но крѣпкія, неразрывныя нити. Однако дѣлать было нечего — онъ пошелъ къ Виминѣ и, вмѣстѣ съ нимъ, предсталъ передъ послами.

— Съ чѣмъ этотъ нехристь опять пожаловалъ?— строго спросилъ Чемодановъ.

— А вотъ говоритъ, что у дука нога болѣть перестала и что завтра пріемъ назначенъ.

Чемодановъ и Посниковъ оживились.

— Наконецъ-то! слава Тебѣ Господи — оба въ одинъ голосъ сказали они.

— Однако пріемъ...—вдругъ становясь озабоченнымъ прибавилъ Чемодановъ. — Каковъ намъ пріемъ будетъ? ты спроси нѣмца, будутъ ли намъ оказаны всякія почести, какія подобаютъ посламъ великаго государя?

Александръ спросилъ и перевелъ, что почести московскому посольству будутъ оказаны такія, какихъ доселѣ не дѣлалось никакимъ посламъ.

— Ладно, коли не надуютъ!—проворчалъ Чемодановъ.

Когда Вимина ушелъ — и Александръ хотѣлъ за нимъ послѣдовать; но Посниковъ такъ въ него и вцѣпился. Пришлось весь вечеръ оставаться дома и приготовляться вмѣстѣ съ послами къ завтрашнему пріему.

На слѣдующее утро—это было 22-го января по русскому стилю,—къ палаццо, занимаемому посольствомъ, подплыло нѣсколько богато разукрашенныхъ гондолъ. Чемодановъ и Посниковъ стояли у окна, глядѣли и съ каждымъ мгновеніемъ лица ихъ прояснялись больше и больше. Изъ первой подплывшей гондолы вышелъ Вимина, хотя и одѣтый куцымъ нѣмцемъ, но очень богато. За нимъ, тоже въ богатыхъ, блестѣвшихъ золотомъ одеждахъ стали выходить невѣдомые люди и было ихъ всего тридцать человѣкъ. Они размѣстились по двумъ сторонамъ ступеней, ведшихъ въ палаццо.

Послы нарядились въ самыя свои парадные кафтаны, опушенные драгоцѣнными соболями, зашитые золотомъ и жемчугомъ, и усердно помолились Богу. Посниковъ торжественно взялъ царскую грамоту, завернутую въ парчевой платъ—и они вышли къ Виминѣ. Черезъ нѣкоторое время со всѣхъ сторонъ собравшійся къ палаццо народъ венецейскій увидѣлъ какъ они, въ своихъ драгоцѣнныхъ и странныхъ нарядахъ, важно сошли со ступеней, сѣли въ гондолу и отъѣхали. При этомъ Посниковъ все время высоко держалъ обѣими руками парчевой платъ съ царской грамотой.

XXVI.

Таже óторопь взяла пословъ, когда они, окруженные блестящей свитой, очутились передъ палаццо дожей. Поразительная и странная красота этого зданія произвела на нихъ сразу какое-то жуткое впечатлѣніе. У Посникова невольно опустились руки съ царской грамотой, а Чемодановъ забылъ всю свою важность и самообладаніе. У него пробѣжали по спинѣ мурашки, будто онъ шелъ не къ дуку, а къ самому царю, въ его кремлевскія палаты.

Представились эти палаты воображенію посла и показались онѣ, въ сравненіи съ дуковымъ жилищемъ, такими малыми, такими невзрачными. Стало вдругъ стыдно и обидно—зачѣмъ у царя такія малыя палаты. Но и стыдъ, и обида исчезли безъ остатка, прогнанные такою мыслью: «не красна изба углами, а красна пирогами, пуще-жь того красна она хозяиномъ... Тутъ, въ этомъ дивѣ заморскомъ, невиданномъ,—живетъ дукъ басурманскій—выберутъ его—

живетъ, не выберутъ – прочь пойдетъ, и вся цѣна ему грошъ будетъ!.. А тамъ-то, въ тѣхъ малыхъ кремлевскихъ палатахъ —кто живетъ?!.. онъ! справедливый и милостивый, великій и могучій, прирожденный, Богомъ на царство поставленный, свой, родной, православный!..»

При мысли этой прошла вся оторопь и дуковы чертоги вдругъ какъ-бы уменьшились, потеряли грозное величіе. Высоко поднялась голова посольская и вся широкая, облеченная въ золототравчатый бархатъ фигура вѣрнаго слуги царскаго получила истинную важность. Мысль и настроеніе Алексѣя Прохоровича будто передались Посникову—и тотъ выпрямился, поднимая передъ собою, какъ святыню, царскую грамоту.

Подошли къ широкой лѣстницѣ, медленно поднялись на нѣсколько ступеней.

— Что-жь это дукъ не идетъ намъ навстрѣчу?— воскликнулъ останавливаясь Чемодановъ.—Нога-то у него выздоровѣла... Лександръ, спроси Вимину, отчего нѣтъ дука?.. Вѣдь было намъ сказано, что примутъ насъ со всяческимъ почетомъ!

На вопросъ Александра, Вимина отвѣчалъ, что этого никогда не дѣлается, что дукъ ни къ кому не выходитъ навстрѣчу.

— Намъ нѣтъ до того дѣла,—заговорилъ Посниковъ, — дукъ можетъ не выходить къ другимъ посламъ, а къ царскому посольству выходитъ даже султанъ турецкій, даже шахъ персидскій!

— Вѣрно, вѣрно!—подтверждалъ Чемодановъ, не

только не подвигаясь впередъ, но даже сойдя назадъ двѣ-три ступени.

Вимина совсѣмъ растерялся и только повторялъ, что этого никакъ нельзя, что этого никогда не бываетъ.

— Глупый ты человѣкъ, совсѣмъ глупый!—обратился къ нему Чемодановъ,—неужто того не понимаешь, что мы не за себя стоимъ и не себѣ хотимъ почестей... Намъ что! — мы сами по себѣ люди не великіе и дукъ твой Валера намъ какъ есть ни на что не нуженъ, изъ почтенія его сапогъ мы себѣ не сошьемъ... Но вѣдь нынѣ мы представляемъ его царское величество, носимъ на себѣ какъ-бы его государевъ образъ и дукъ долженъ на поклонъ выйти къ великому государю!

Но Вимина только повторялъ: «нельзя! никогда не бываетъ!»—и упрашивалъ не дѣлать задержки, итти дальше.

— Дурачье, какъ есть дурачье!.. совсѣмъ темный народъ!—наконецъ презрительно выговорилъ Алексѣй Прохоровичъ—и съ такими величіемъ сталъ подниматься по лѣстницѣ, будто всѣ дожи Венеціи, начиная съ Анафеста и Орсо, составляли его свиту.

Однако посламъ пришлось еще разъ смутиться и растеряться. Вимина ввелъ ихъ въ такой невѣроятно громадный и великолѣпный залъ, что они остановились, не вѣря глазамъ своимъ. Изукрашенный картинами, лѣпною работой и золотомъ потолокъ, уходившій въ удивительную высь, держался какъ-бы волшебствомъ. Въ глубинѣ зала, на возвышеніи, си-

дѣлъ человѣкъ степеннаго вида, но одѣтый безъ всякой роскоши и богатства. Вокругъ него, на бархатныхъ сидѣньяхъ, устроенныхъ передъ длинными столами, помѣщались еще какіе-то люди, то-же въ скромныхъ, темныхъ одеждахъ.

— Это дукъ и члены совѣта,—перевелъ Александръ слова Вимины.

— Что-же они въ простыхъ одеждахъ?—воскликнулъ Чемодановъ, забывая впечатлѣніе зала и свое невольно мелькнувшее-было сомнѣніе относительно того, что «а вдругъ этотъ чудодѣйственною силою держащійся громадный потолокъ возьметъ да и обрушится?»—Было говорено о почетѣ, какой-же тутъ почетъ, коли царское посольство принимаютъ въ темныхъ и простыхъ одеждахъ?!.. Мы вонъ какъ обрядились, да и дуку богатѣйшіе мѣха въ подарокъ несемъ... Скажи, Лександръ, Виминѣ, что обманно поступилъ онъ съ нами и что мы на такія обиды жалобу принесемъ великому государю...

Вимина только кланялся, улыбался и указывалъ на дожа.

Дѣлать ничего—пошли черезъ залъ, стараясь не поскользнуться на гладкомъ полу. Впереди шелъ Чемодановъ, за нимъ Посниковъ съ грамотой, потомъ Александръ и человѣкъ пятнадцать русскихъ посольскихъ людей, несшихъ подарки.

Приблизясь къ дожу, послы низко поклонились, въ то-же время зорко и тревожно слѣдя—какъ отвѣтятъ на ихъ поклонъ. «Дукъ Валера» всталъ со сво-

его мѣста и поклонился,—ничего—хорошо поклонился, такъ что обижаться было нечего.

Тогда Алексѣй Прохоровичъ, сдѣлавъ Александру знакъ, чтобы онъ приблизился, началъ говорить—привѣтствовать дука отъ имени царя Алексѣя Михайловича. Гулко раздавался по всему залу длинный титулъ русскаго государя, произносимый зычнымъ посольскимъ голосомъ. По мѣрѣ того, какъ Александръ переводилъ этотъ титулъ—изумленіе выражалось на лицѣ дожа и членовъ совѣта: они не слыхали никогда такого длиннаго титула, никогда не слыхали наименованій странъ, находящихся во владѣніи русскаго самодержца.

— Великій государь,—говорилъ дальше Алексѣй Прохоровичъ,—вашему княжеству и честнымъ владѣтелямъ (при этомъ онъ указалъ рукою на членовъ совѣта) поклонъ посылаетъ и мнѣ, слугѣ и послу своему, приказалъ сказать вамъ свою царскую милость: дозволяетъ онъ венеціанамъ торговать у Архангельска повольною торговлею съ платою обыкновенныхъ пошлинъ.

Когда Александръ перевелъ это на латынскій языкъ, дожъ сталъ отвѣчать по-итальянски, а переводчикъ его переводилъ по-латини:

— Благодарствуемъ его величество царя московскаго за его къ намъ вниманіе, за его поклонъ и разрѣшеніе венеціанамъ торговать въ Московіи. Со вниманіемъ и почтеніемъ готовы слушать все, что вы должны сообщить намъ отъ имени вашего государя и желаемъ знать цѣль вашего посольства.

Когда Александръ перевелъ это, Алексѣй Прохоровичъ обратился къ Посникову и тихо сказалъ ему:

— Ишь ты чего захотѣлъ! Сразу-то мы ему ничего не скажемъ, къ этому надо подойти съ опаской и осторожностью. Иванъ Иванычъ, передавай скорѣй грамоту... затѣмъ... подарки... и, на первый разъ, будетъ съ него...

Посниковъ выступилъ впередъ и, преклонясь передъ дукомъ, передалъ ему письмо царя Алексѣя Михайловича, объяснивъ, что хотя это письмо и къ дуку Молену, но какъ того дука нѣтъ въ живыхъ, то и онъ, дукъ Валера, прочесть его можетъ.

Дукъ принялъ письмо, распечаталъ его, развернулъ, оглядѣлъ съ любопытствомъ и положилъ на столъ передъ собою.

— Такъ какъ письмо это писано на языкѣ, намъ неизвѣстномъ, то мы не можемъ тотчасъ прочесть его. Разобравъ его, мы своевременно отвѣтъ приготовимъ.

По знаку Чемоданова приблизились посольскіе люди, развернули и разостлали передъ дукомъ богатые мѣха соболиные. У дука при этомъ глаза разбѣжались и, услыша, что это ему отъ царя подарки, онъ поблагодарилъ пословъ съ большимъ жаромъ за мѣха, чѣмъ за разрѣшеніе венеціанамъ торговать въ Московіи.

Затѣмъ послы стали откланиваться, объясняя, что пока дукъ не прочтетъ царской грамоты—говорить имъ больше не полагается. Такъ ни дожъ, ни члены

совѣта и не указали пока цѣль московитскаго посольства.

Когда русскіе, выйдя изъ двора палаццо дожей, подходили къ гондоламъ, они увидѣли огромную толпу народа. На водѣ, вокругъ ихъ разукрашенныхъ гондолъ, собрались другія гондолы. Тысячи глазъ глядѣли на нихъ съ любопытствомъ, но, что всего хуже, много глазъ глядѣло на нихъ изъ подъ масокъ—и это было совсѣмъ ужь невтерпёжъ Чемоданову. Посниковъ-же, увидя маски, началъ безъ церемоніи отплёвываться.

— Вотъ нехристи, вотъ идолы!—повторялъ онъ,—хари черныя надѣли, чертей, прости Господи, изображаютъ! Много всякихъ грѣховъ надивились мы, а такого еще не видали...

Александръ пробывалъ было объяснить посламъ, что это такой обычай и что въ немъ нѣтъ ничего грѣховнаго, но Чемодановъ на него прикрикнулъ:

— Чего добраго и ты напялишь такую харю!.. такъ вотъ тебѣ мое слово: коли я тебя чортомъ увижу—запру и выпускать не стану... вѣдь я за тебя передъ царемъ въ отвѣтѣ... такъ-ли я говорю, Иванъ Иванычъ?

— Такъ, такъ!—кивалъ головой Посниковъ,—да и то за малымъ надо приглядывать... съ пути началъ сбиваться...

Въ это время съ гондолой, въ которой сидѣли послы, поравнялась другая гондола и поплыла рядомъ. Александръ и Чемодановъ выглянули изъ каютки. Вдругъ изъ сосѣдней гондолы раздался звонкій жен-

скій смѣхъ. Красивое лицо венеціанки бросилось въ глаза Алексѣю Прохоровичу.

Каково-же было его изумленіе, когда эта краса вица (это была синьора Лаура) назвала Александра по имени и что-то стала говорить ему, а онъ, нѣсколько смущаясь, отвѣтилъ ей. Потомъ она такъ взглянула на посла, что у него морозъ побѣжалъ по кожѣ и что-то ему, да, ему крикнула. Гондола скользнула мимо.

— Что она мнѣ сказала?—помолчавъ и стараясь сдѣлать суровое лицо, спросилъ Чемодановъ.

— Она зоветъ тебя въ гости, Алексѣй Прохорычъ, — отвѣчалъ Александръ едва замѣтно улыбаясь.

— Врешь ты!.. Вотъ дура... ай да дурища!

Алексѣю Прохоровичу ужасно хотѣлось спросить—кто она такая; но онъ боролся съ собою.

XXVII.

После пріема у дожа послы рѣшили, что теперь нечего ужь сидѣть въ палатахъ, а можно и людей смотрѣть, и себя имъ показывать. Первымъ дѣломъ отправились въ греческую церковь. Греческое духовенство встрѣтило царское посольство съ большою торжественностью. Послѣ амвонной молитвы молодой и краснорѣчивый дьяконъ говорилъ, обращаясь къ посламъ, такую рѣчь:

«Родъ греческій, живущій въ семъ преславномъ градѣ Венеціи, молитъ Вседержителя: дай Господи, чтобы пресвѣтлый, непобѣдимый, сильный, преславный, благочестивый и благовѣрный защитникъ церкви Божіей восточной, рачитель благочестія, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, утѣшитель рода христіанскаго здравъ былъ на многія лѣта. Какъ пресвѣтлое солнце возсталъ онъ на искорененіе тьмы невѣрія, на соблюденіе и соединеніе благочестивой христіанской вѣры, на побѣжденіе

враговъ Божiихъ; какъ второй Константинъ явился для освобожденiя вѣрныхъ христiанъ грековъ изъ рукъ поганыхъ турокъ; молимъ всемогущаго Бога, чтобы всегда отъ его царскаго пресвѣтлаго меча мусульманы въ порабощенiи и побѣжденiи были».

Послѣ обѣдни греки пригласили русскихъ пословъ къ трапезѣ и угостили ихъ на славу. Александръ, хоть и трудно это ему было, сосредоточилъ все свое вниманiе на томъ, чтó греки говорили, обращаясь къ Чемоданову и Посникову—и переводилъ:

«Ѣздимъ мы изъ Венецiи въ Турцiю со всякими товарами часто и съ турками торгуемъ; многiе турки говорили намъ: Богъ далъ московскому государю побѣду надъ поляками и другими государствами, и у насъ въ Турцiи слава о томъ великая. Султанъ и паши, сыскавъ въ своихъ гадательныхъ книгахъ, говорятъ, что пришло время и Цареграду быть за русскимъ государемъ, живутъ съ великимъ опасанiемъ, въ Цареградѣ на долгое время ворота бываютъ засыпаны; боясь русскихъ, турки стали сильно притѣснять насъ, грековъ; но мы надѣемся на милость Божiю и на заступленiе великаго государя, что онъ высвободитъ насъ изъ басурманскихъ рукъ...»

Слушая слова эти, Чемодановъ важно поглаживалъ бороду и возвращаясь домой, удобно развалясь на бархатныхъ подушкахъ въ каюткѣ гондолы, толковалъ Посникову:

— Вотъ это такъ! греческiе люди хоть и не смыслятъ по нашему, да и съ лица черноваты и страшноваты; но чувство въ нихъ настоящее... По-

читаютъ великаго государя... ихъ разные дуки не проведутъ, знаютъ они, что только одинъ царь-батюшка можетъ за нихъ заступиться.

— А все отчего?—отвѣчалъ Посниковъ,—оттого, что вѣру истинную Христову православную исповѣдуютъ... Безпремѣнно о нихъ на Москвѣ ласково намъ говорить надо!

— Вѣстимо такъ!—соглашался Чемодановъ.

До́ма пословъ ожидали иные люди, тоже пострадавшіе отъ турокъ, но имѣвшіе несравненно больше правъ на заступничество великаго государя, чѣмъ греки. Это были свои, русскіе, числомъ болѣе пятидесяти человѣкъ, бѣжавшіе изъ турецкаго плѣна. Измученные, обезсиленные долгими странствованіями и крайней нуждою, они насказали посламъ такихъ ужасовъ о перенесенныхъ ими бѣдствіяхъ, что не только Чемодановъ, человѣкъ сердца хоть и горячаго, но добраго, совсѣмъ разстроился, а даже весьма нечувствительный Посниковъ вышелъ изъ своего равнодушія. Послы забыли свою скупость, о которой итальянцы распускали самыя нелѣпыя басни. Чемодановъ одѣлилъ несчастныхъ соотечественниковъ богатой милостыней, разрѣшилъ имъ забирать изъ посольскихъ запасовъ всякое продовольствіе и обѣщалъ сдѣлать для нихъ все, что будетъ въ его власти.

Не успѣлъ онъ окончить свои распоряженія относительно плѣнниковъ, какъ посольская прислуга объявила, что къ дому причалили лодки, изъ тѣхъ лодокъ вышли мужчины и женщины въ черныхъ харяхъ и почти силою ворвались въ посольскіе покои.

Алексѣй Прохоровичъ сразу даже оторопѣлъ; но затѣмъ вспомнилъ о своемъ посольскомъ званіи—и разсердился.

— Это еще что за притча?—закричалъ онъ.—Лександръ, подь-ка ты къ этимъ нехристямъ и спроси—чего имъ отъ насъ надо, какъ смѣютъ они врываться въ посольскіе покои, да еще и въ богопротивныхъ своихъ харяхъ, въ скоморошьемъ видѣ? И знаешь, ты этакъ, построже спроси ихъ, чтобы они почувствовали, скажи имъ, что за ихъ продерзость они въ большомъ будутъ отвѣтѣ!

Александръ скоро вернулся, хоть и нѣсколько смущенный, но не безъ лукавой улыбки на лицѣ.

— Они, Алексѣй Прохорычъ, говорятъ, что силой не врывались, а просто пріѣхали и вошли.

— Да кто же они такіе?

— Здѣшніе нобили, значитъ благорожденные господа и госпожи. Прибыли они для привѣта царскаго посольства и для знакомства съ тобою.

— Ну, это другое дѣло!—сказалъ Чемодановъ и погладилъ себѣ бороду,—только хари-то зачѣмъ?—нынѣ не святки, пусть снимутъ хари, тогда я къ нимъ выду... Ну а... госпожи, ты говоришь? какія такія госпожи?.. можетъ между ними и та дура, что вчерась, какъ мы отъ дука возвращались, мнѣ изъ лодки кричала?..

Выраженіе лица Александра стало еще лукавѣе.

— Именно, Алексѣй Прохорычъ, она самая тутъ и есть, и желаетъ тебя видѣть...

— Эка дурища, ну чтó съ такой дурищей дѣлать!

Проговоривъ слова эти какимъ-то особеннымъ тономъ, Чемодановъ вынулъ изъ кармана гребошокъ, расчесалъ себѣ бороду, крякнулъ, оправился и важно вышелъ къ гостямъ. Онъ увидѣлъ довольно многочисленное и нарядное общество, только, къ его ужасу, всѣ были въ черныхъ харяхъ.

Но вотъ впередъ выступила, снимая маску, синьора Лаура. Она была такъ ослѣпительна своей красотою и такъ сверкнула на него глазами, что онъ мигомъ забылъ обо всѣхъ «харяхъ»—и только не отрываясь глядѣлъ на нее.

Она подошла улыбаясь и протянула ему руку. Онъ взялъ эту руку въ обѣ свои и не зналъ, что съ нею дѣлать,—однако, тотчасъ-же очевидно сообразилъ и сталъ ее поглаживать, пока синьора не нашла нужнымъ хоть и осторожно, но рѣшительно воспротивиться этому выраженію его почтенія.

— Что-же она такое лопочетъ?—ухмыляясь спрашивалъ онъ Александра.

— Она говоритъ,—отвѣчалъ тотъ едва удерживаясь отъ смѣха,—что ты очень ей по нраву пришелся, что она звала тебя къ себѣ, а ты не пожаловалъ, такъ вотъ она сама пріѣхала и проситъ тебя къ себѣ въ гондолу покататься и потомъ къ ней, ея угощенья отвѣдать... говоритъ—у нея вина хорошія и сорбеты вкусные...

Алексѣй Прохорычъ подумалъ нѣсколько мгновеній. Что-то внутри его какъ-бы шепнуло: «не поддавайся дьявольскому навожденію, не срами себя...

не ѣзди!» Но этотъ голосъ замеръ, всякое благоразуміе исчезло.

— Чтожь... зачѣмъ обижать... я обижать добрыхъ людей не люблю... отчего не прокатиться, коли она честью проситъ... Лександръ, поѣдемъ! — рѣшилъ онъ.

— Меня-то уволь, она не меня зоветъ, а тебя! — взмолился Александръ.

— Вотъ тебѣ на!—крикнулъ Чемодановъ,—какъ же я безъ тебя буду... безъ тебя мнѣ никакъ невозможно.

Пришлось повиноваться.

Черезъ нѣсколько минутъ Посниковъ, бывшій все время у себя и не знавшій о пріѣздѣ гостей, подошелъ къ окну, привлеченный звуками голосовъ и смѣхомъ. Онъ увидѣлъ какъ со ступеней, къ причалившей гондолѣ, сходилъ, рядомъ къ какою-то женщиной и окруженный толпою «черныхъ харь», Алексѣй Прохоровичъ. Хари лопотали по птичьему и непристойно смѣялись.

Посниковъ всплеснулъ руками, плюнулъ и отвелъ душу горячей бранью. Поступокъ Алексѣя Прохоровича такъ возмутилъ его, что не могъ приняться ни за какую работу.

XXVIII.

Не въ очень-то хорошемъ настроенiи духа чувствовалъ себя Александръ, сопровождая Алексѣя Прохоровича и переводя ему слова синьоры Лауры. Прежде всего онъ ясно видѣлъ, что и она, и вся ея компанiя просто смѣются надъ русскими людьми. Онъ уже разслышалъ нѣсколько насмѣшливыхъ замѣчанiй, садясь въ гондолу. Но замѣчанiя эти были сдѣланы замаскированными людьми, помѣстившимися къ тому-же въ другихъ гондолахъ.

Даже то, что казалось ему сначала забавнымъ— мины и ужимки Алексѣя Прохоровича, старавшагося показать, что онъ ничуть не заинтересованъ красивой венецiанкой, а только вынужденъ принимать ея любезности—даже и это перестало забавлять. Онъ вовсе не желалъ, чтобы надъ почтеннымъ посломъ смѣялись чужестранцы, и рѣшилъ, при первой-же возможности, прекратить все это.

Сама синьора Лаура, веселая, любезная и насмѣшливая, то и дѣло пытавшаяся обжечь его своимъ

краснорѣчивымъ взглядомъ, была ему какъ-то особенно невыносима.

Онъ съ ужасомъ помышлялъ, что вотъ уже около трехъ сутокъ не былъ тамъ, въ палаццо Каппелло— и не зналъ когда-то еще освободится... Оставить Алексѣя Прохоровича и скрыться, воспользовавшись первой для того возможностью, онъ однако не рѣшался.

Палаццо, принадлежавшій синьорѣ Лаурѣ, былъ не обширенъ, но отдѣланъ богато и со вкусомъ. Когда веселая компанія увлекала «московитовъ» въ столовую, гдѣ было приготовлено угощеніе, хозяйка отстала въ одной изъ комнатъ, пропустила всѣхъ впередъ и стояла будто чего-то или кого-то ожидая. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мгновеній, къ ней подошелъ, невѣдомо откуда взявшійся, человѣкъ очень небольшого роста и въ маскѣ.

— Это вы, Нино?—спросилъ синьора.

— Это я, прелестная Лаура, — отвѣчалъ онъ: — что-жъ, удалось вамъ похищеніе медвѣдей?

— Какъ видите, оба здѣсь...

— Синьоръ Фоскатти будетъ вамъ очень благодаренъ и считайте такъ, что то, чего вы желали— уже сдѣлано. Завтра утромъ еврею будетъ уплаченъ весь вашъ долгъ и я принесу вамъ ваши росписки. А теперь, скажите мнѣ, сколько времени медвѣди у васъ пробудутъ?

— Это зависитъ отъ васъ.

Нино подумалъ и сказалъ:

— Два часа. Старика напоить не трудно... но тотъ...

— Не безпокойтесь, отъ одного моего стакана у него въ глазахъ двоиться станетъ... вы знаете мой порошокъ: онъ безвреденъ, но дѣйствуетъ отлично, въ самую мѣру...

— И такъ, черезъ два часа! — повторилъ Нино, послалъ воздушный поцѣлуй синьорѣ Лаурѣ и быстро скрылся.

Вино и сорбеты оказались чудесными. Въ головѣ Чемоданова еще не совсѣмъ улегся хмель, оставшійся послѣ обѣда, даннаго посольству греками, и теперь каждый новый стаканъ быстро подбавлялъ этого хмелю. Старикъ совсѣмъ развеселился, всякое смущеніе исчезло, онъ давно позабылъ о томъ, что вокругъ него ненавистныя «хари»—и, когда многіе изъ компаніи сняли маски, онъ даже не могъ и разобрать—у кого чертовская харя, а у кого личина прирожденная.

Незамѣтно прошелъ часъ, и другой ужь приближался къ исходу. Синьора Лаура сама поднесла Александру стаканъ золотистаго вина и заставила его выпить. Послѣ этого стакана, бывшій до того совсѣмъ почти трезвымъ, Александръ вдругъ опьянѣлъ, да такъ, какъ врядъ ли и бывалъ когда въ жизни. Веселье Алексѣя Прохоровича сообщилось и ему, все вокругъ стало измѣняться и становиться совсѣмъ новымъ, пріятнымъ.

Даже синьора Лаура вдругъ сдѣлалась такой привлекательной, милой. Каждое ея слово нравилось, ея улыбка заставляла улыбаться, ея смѣхъ вызывалъ смѣхъ.

Вотъ она положила руку на спинку кресла, на которомъ сидѣлъ Александръ,—и показалось ему, что это совсѣмъ не ея рука, а другая, милая, любимая, которую онъ научился цѣловать. Но чья это рука—онъ не могъ припомнить...

Какое-то имя будто прозвучало надъ нимъ, чей-то образъ будто мелькнулъ передъ его глазами, но это было лишь мгновеніе .. Онъ видѣлъ смѣющееся лицо Лауры, ея бѣлую руку, украшенную дорогими перстнями, съ длинными розовыми ногтями.. Онъ хотѣлъ ужь было склониться къ этой рукѣ, но въ то-же время какъ бы кто въ немъ, въ груди его, въ его сердцѣ крикнулъ: «Что́ ты, что́ ты! Это не она... не она!»

Но вдругъ Лаура вынула платокъ и стала имъ обмахиваться. На Александра пахнуло ароматомъ, знакомымъ, тѣмъ самымъ—и онъ ужь не слушалъ, что «это не она», онъ почувствовалъ ее возлѣ себя... Это она, это ея рука!—онъ порывисто склонился къ синьорѣ Лаурѣ, безумно схватилъ ея руку и покрылъ ее поцѣлуями.

— Браво! синьоръ московитъ! Браво! — смѣялась веселая компанія...

Въ это время изукрашенная гондола Анжіолетты Каппелло скользила по водѣ канала. На парчевыхъ подушкахъ, слѣдя, изъ окошка каюты, лѣнивымъ взоромъ за мимобѣгущими мутными струями, сидѣла сама синьора. Въ этой-же каютѣ помѣщались оба чичисбея. Нино говорилъ повидимому очень равнодушнымъ тономъ; но въ то же время взглядъ его

быстрыхъ глазъ жадно слѣдилъ за выраженіемъ лица синьоры. Нино говорилъ:

— Да, эти московиты совсѣмъ дикій народъ, и въ палаццо дожей всѣ смѣялись надъ такимъ страннымъ посольствомъ... А посмотрѣли-бы вы, синьора, какъ они ѣдятъ...

— Ѣдятъ какъ и всѣ,—небрежно будто уронила Анжіолетта.

— То-то и есть, что не какъ всѣ, потому что когда они одни, между собою, то все ѣдятъ руками, а не понравится кушанье, такъ они вынутъ кусокъ изо рта и опять положатъ его на блюдо. Но такъ какъ теперь они уже знаютъ, что надо ѣсть съ вилки, то берутъ съ блюда кусокъ руками, потомъ втыкаютъ въ него вилку и отправляютъ въ ротъ...

— Не клевещите, Нино,—перебила синьора,—я еще могла-бы вамъ повѣрить, если-бы не знала синьора Александра; но вѣдь я его знаю, да и вы тоже...

Нино такъ весь и насторожился.

— Синьоръ Александръ дѣйствительно исключеніе между ними,—сказалъ онъ,—у него манеры гораздо лучше; но онъ такой-же пьяница, какъ и всѣ они... и нравы его далеко небезукоризненны ..

Анжіолетта, какъ ни владѣла собою, а все-же покраснѣла отъ негодованія.

— Синьоръ Александръ у меня принятъ,—гордо закидывая голову и почти съ ненавистью взглянувъ на Нино произнесла она,—и я запрещаю вамъ лгать... Къ тому-же вы не можете измѣнить моего добраго о немъ мнѣнія.

Нино опустилъ глаза и смиренно выговорилъ:

— Конечно, я не могу измѣнить мнѣнія синьоры, но это легко сдѣлать, если вы позволите мнѣ сказать гондольерамъ, чтобъ они везли насъ къ жилищу музыкантши Лауры...

— Лауры?—едва замѣтно вздрогнувъ прошептала Анжіолетта.

— Точно такъ, синьора, — около двухъ часовъ тому назадъ, случайно проѣзжая, я видѣлъ какъ она съ синьоромъ Александромъ выходила изъ гондолы...

И, не дожидаясь разрѣшенія или, вѣрнѣе, для того чтобы не смущать Анжіолетту необходимостью дать это разрѣшеніе—онъ крикнулъ гондольерамъ, и прибавилъ: «скорѣе!»

Гондола понеслась. Нино вышелъ изъ каюты и глядѣлъ во всѣ глаза.

— Поворачивай за гондолой и держи рядомъ съ нею! - вдругъ крикнулъ онъ, а потомъ снова вошелъ въ каюту. Черезъ двѣ-три минуты молчанія онъ спокойно сказалъ Анжіолеттѣ:

— Синьора, взгляните!

Она взглянула по указанному имъ направленію и увидѣла въ двухъ шагахъ отъ себя, въ каютѣ рядомъ плывшей гондолы, извѣстную всей Венеціи Лауру, а возлѣ нея, прислонившагося къ ея плечу и обнявшаго ея станъ, Александра.

Больше ничего ужь не видѣла Анжіолетта. Она отвернулась, вся блѣдная, и не совсѣмъ естественно засмѣялась.

ЦАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

Часть третья.

I.

Съ каждымъ днемъ венеціанскій карнавалъ становился все веселѣе, шумнѣе, фантастичнѣе. Собственно говоря, онъ начался уже давно, съ ноября мѣсяца, но до этого времени ограничивался, главнымъ образомъ, разрѣшеніемъ всему населенію Венеціи носить маски. Теперь-же, такъ какъ постъ былъ ужъ не за горами, начиналось настоящее бѣшенство народнаго веселья.

Нигдѣ во всемъ мірѣ и никогда не существовало такого количества годовыхъ празднествъ, какъ въ Венеціи; нигдѣ и никогда не оказывалось такъ мало буднихъ дней, какъ въ этомъ удивительномъ городѣ, гдѣ тишина воды и полное отсутствіе грохота экипажей по мостовой какъ-бы вознаграждались несмолкаемымъ гуломъ вѣчно кричащаго, смѣющагося, поющаго, играющаго на всякихъ музыкальныхъ инструментахъ и празднующаго народа...

Безчисленные народные праздники соблюдались свято. Справлялись годовщины то какой-нибудь по-

бѣды, взятія какого-нибудь города, то освобожденія отъ чумы, то государственнаго переворота. Но самымъ торжественнымъ праздникомъ былъ день Вознесенія. Въ этотъ день происходило знаменитое обрученіе дожа съ моремъ и на площади Святого Марка открывалась громадная ярмарка, гдѣ Венеція щеголяла своими разнообразными произведеніями и куда со всего міра свозились всевозможные товары.

Съ ранняго утра звонили во всѣ колокола и стрѣляли изо всѣхъ пушекъ арсенала и крѣпостей Лидо. Домá быстро пустѣли и въ нихъ оставались только тяжко больные, да безсильные старцы, покинутые на произволъ судьбы. Все городское населеніе, начиная съ нобилей и кончая нищими, мужчины, женщины и дѣти,—устремлялись къ площади Святого Марка и къ набережнымъ, а также наполняли изукрашенныя безчисленными флагами гондолы и барки. Эти гондолы и барки окружали «Буцентавра», еще съ вечера выведеннаго изъ арсенала и стоявшаго у подножія колоннъ на Пьяцеттѣ.

Буцентавръ—была гигантскихъ размѣровъ галера, управлявшаяся двумя стами отборныхъ моряковъ флота республики. На галерѣ было устроено нѣсколько обширныхъ помѣщеній, отдѣланныхъ съ поразительною роскошью, и въ одномъ изъ нихъ возвышался тронъ дожа. Буцентавръ украшался множествомъ золоченыхъ скульптурныхъ фигуръ, изображавшихъ «справедливость», «миръ», «море», «землю», сфинксовъ, всевозможныхъ морскихъ чудовищъ. Надо всей палубой раскидывался громадный шатеръ изъ

яркаго бархата, залитаго золотомъ, съ золотой бахрамой и кистями, а надъ комнатой дожа развѣвалось знамя Святого Марка.

Наконецъ раздается полуденный бой часовъ. Черезъ двери Делла Карта, изъ палаццо выходитъ дожъ, въ сопровожденіи иностранныхъ пословъ, папскаго нунція, членовъ синьоріи и многочисленной свиты. Передъ дожемъ, по два въ рядъ, выступаютъ знаменосцы съ красными, голубыми, бѣлыми и фіолетовыми знаменами республики; за ними шесть трубачей оглашаютъ воздухъ пронзительными звуками серебряныхъ инструментовъ. Потомъ слѣдуютъ музыканты—пифферари съ флейтами, въ сопровожденіи двухъ разряженныхъ въ ленты и кружева хорошенькихъ дѣтей. Далѣе—свита пословъ, секретарь дожа, его капелланъ, двое служителей, несущихъ кресло и подушки дожа.

За этими людьми показывается великій капитанъ Венеціи, нѣчто вродѣ начальника полиціи, одѣтый весь въ малиновый бархатъ и съ длинной, волочащейся по землѣ саблей. Вслѣдъ за великимъ капитаномъ—великій канцлеръ, въ сенаторскомъ одѣяніи. Потомъ маленькій «Баллотино», нарядный красивый мальчикъ, обязанность котораго—вынимать изъ урны шары баллотировки при избраніи дожа.

Наконецъ появляется самъ дожъ въ длинной мантіи. На головѣ у него коническая шапка, верхушка которой загнута въ видѣ фригійскаго колпака. Шапка это книзу, вокругъ головы, переходитъ въ корону, изукрашенную драгоцѣнными каменьями огром-

ной стоимости. На ногахъ у дожа золотыя сандаліи. По правую его руку—папскій нунцій, въ своей четырехугольной шапкѣ и сутанѣ, застегнутой сверху до низу. По лѣвую его руку—имперскій, цесарскій посолъ, въ плащѣ съ стоячимъ воротникомъ и въ бархатномъ токѣ. Сзади—прочіе послы, одѣтые по послѣдней модѣ, и многочисленная свита, завершающаяся членами синьоріи и великаго совѣта.

Это блестящее шествіе медленно направляется черезъ Пьяцетту къ «Буцентавру». На палубѣ, въ четырехъ рядахъ креселъ, возсѣдаетъ толпа патриціевъ. Дожъ поднимается по ступенямъ трона, свита размѣщается вокругъ него, адмиралы подаютъ сигналъ—и гигантъ—«Буцентавръ» снимается съ якоря.

Со всѣхъ сторонъ раздаются залпы орудій, музыка играетъ и на галерѣ и на окружающихъ ее баркахъ и гондолахъ, безчисленныя красныя весла морского чудовища ударяютъ въ тактъ по водѣ—и «Буцентавръ» плавно движется среди всеобщаго ликованія, въ сопровожденіи цѣлаго флота самыхъ разнообразныхъ, большихъ и малыхъ, лодокъ. Все это приближается къ острову Св. Елены, возлѣ котораго на «Буцентавръ» поднимается венеціанскій патріархъ и его клиръ, выѣхавшіе навстрѣчу въ золоченой баркѣ.

На палубѣ патріарху подносятъ сосудъ съ водою, которую онъ освящаетъ, а затѣмъ выливаетъ въ море, чтобы утишить его.

Черезъ портъ Св. Николая «Буцентавръ» выходитъ въ открытое море. Тогда дверь, устроенная за

трономъ, отпирается, дожъ появляется на маленькой галлереѣ, висящей надъ самой водою, и бросаетъ въ море золотой перстень, произнося: «Desponsamus te, mare, in signum veri perpetuique dominii»— т. е. «обручаемся съ тобою, море, въ знакъ постояннаго и дѣйствительнаго владычества». Громогласные клики тріумфа и радости служатъ отвѣтомъ на эти слова. Церемонія обрученія дожа съ моремъ окончена...

Въ палаццо дожей весь день идетъ пиръ, на площади Св. Марка вся Венеція производитъ осмотръ открывшейся ярмарки.

Эта ярмарка длилась пятнадцать дней; товары помѣщались въ наскоро выстраиваемыхъ, но чрезвычайно красивыхъ зданіяхъ. Здѣсь были разложены удивительныя ткани, бархатъ, парчи, шелка, кружева,—тайна производства которыхъ теперь утеряна, тончайшей работы золотыя цѣпочки, подобныя шелковинкамъ, знаменитыя зеркала изъ Мурано, блестящія стеклянныя издѣлія, которыхъ нельзя было найти нигдѣ, кромѣ Венеціи, золотые браслеты, мозаики, дорогое оружіе. Здѣсь-же выставлялись также картины и статуи—на этой ярмаркѣ венеціанцы въ первый разъ увидѣли лучшія произведенія Тиціана, Тинторетто и, въ другія времена, знаменитую группу Кановы—«Дедалъ и Икаръ».

Въ свою очередь патриціи и патриціанки превращали площадь Св. Марка въ выставку богатѣйшихъ нарядовъ, фамильныхъ драгоцѣнностей, красоты,

веселости, остроумія и такой легкости нравовъ, какой въ тѣ времена не было еще нигдѣ въ Европѣ.

На многочисленныхъ эстрадахъ давали свои представленія пѣвцы, музыканты, танцовщики, маріонетки, всякіе фокусники. Съ утра и до поздней ночи вся Венеція шумѣла, кричала, смѣялась, наслаждалась зрѣлищами и поѣдала разные frittola и свои любимыя сласти.

Но все-же эти дни торжествъ «della Sansa» были только полукарнаваломъ. Правители венеціанской республики ставили своей задачей какъ можно больше развлекать народъ, для того, чтобы ему некогда было останавливаться на многихъ явленіяхъ ихъ мрачной и подозрительной политики. Почти ежедневно «исчезали» люди въ тайныхъ судилищахъ инквизиціи; но вѣчный шумъ и блескъ, постоянно смѣнявшіяся празднества заставляли забывать объ этихъ исчезавшихъ людяхъ.

II.

Настоящій карнавалъ появлялся въ видѣ несказанно фантастическихъ процессій. То тамъ, то здѣсь, во всѣхъ мѣстахъ города, мелькали, будто призраки, толпы «говорящихъ», а то и «нѣмыхъ» масокъ.

Вотъ адвокатъ въ огромнѣйшемъ парикѣ, весь въ черномъ, со сверткомъ бумагъ подъ мышкой, что-то или кого-то защищаетъ кричащимъ, шутовскимъ голосомъ и выкидываетъ лицомъ, руками и ногами такіе фокусы, что неумолкаемый хохотъ сопутствуетъ ему всюду.

Вотъ французскіе франты, въ удивительныхъ костюмахъ, пристаютъ къ хорошенькой венеціанкѣ и нашептываютъ ей такіе невыносимые комплименты, что она не знаетъ—смѣяться-ли ей или считать себя оскорбленной.

Далѣе—Полишинель выкрикиваетъ что-то на полуптичьемъ неаполитанскомъ жаргонѣ. Арлекинъ, вооруженный деревянной саблей, крутится волчкомъ и вертится колесомъ среди толпы, посылая воздушные

поцѣлуи встрѣчнымъ красавицамъ и отпуская иногда очень тяжеловѣсные удары всѣмъ, кто стѣсняетъ свободу его движеній. Уже больше часу онъ гоняется за своей Коломбиной, съ которой его разлучила толпа контрабандистовъ, появившихся на площади въ сопровожденіи ословъ, собакъ и тюковъ съ запрещенными товарами.

Бѣдный Арлекинъ мечется во всѣ стороны и время отъ времени жалобно выкрикиваетъ милое имя Коломбины. Гдѣ-же она? быть можетъ вотъ тутъ, среди толпы, собравшейся вокругъ добраго доминиканца, который, взгромоздясь на переносную каѳедру, изъ себя выходитъ, призывая всѣхъ къ раскаянью? Или не увлеклась-ли она этими испанскими солдатами, маневрирующими съ кастильянской быстротой и ловкостью? Не повѣрила-ли она широковѣщательнымъ обѣщаніямъ этого «эмпирика», и не покупаетъ ли у него любовный напитокъ—«elissire d'amore»,—или «воду вѣчной юности»?..

Хорошенькая Коломбина склонна ко всему чудесному!—вотъ старый магикъ, въ очкахъ, въ остроконечной шапкѣ, съ длинной, сѣдой какъ лунь бородою. Онъ дѣлаетъ астрологическія предсказанія, открываетъ будущее и говоритъ съ такою серьезностью, съ такимъ спокойствіемъ и убѣжденностью, что ему нельзя не вѣрить. Не пытается-ли Коломбина съ его помощью отдернуть таинственную завѣсу будущаго?

Или она плѣнена кѣмъ-нибудь изъ этихъ рапсодовъ, этихъ импровизаторовъ, вмѣсто лиры акомпанирующихъ себѣ на кричащей скрипкѣ и распѣваю-

щихъ какія-то очень длинныя, очень звучныя пѣсни, до смысла которыхъ добраться нѣтъ никакой возможности?..

Бѣдный Арлекинъ—онъ долго-бы искалъ свою подругу, еслибъ не встрѣтился съ Паяцомъ. Этотъ старый другъ, съ тѣмъ наивно-простодушнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно друзья извѣщаютъ о бѣдѣ, объявилъ ему, что видѣлъ его Коломбину съ прекраснымъ иностранцемъ у входа въ театръ Санъ-Кассіано, гдѣ даютъ новую оперу...

Театръ Санъ-Кассіано былъ, въ половинѣ XVII вѣка, самымъ моднымъ. Здѣсь давали оперы, и представленія эти приводили въ восторгъ какъ жителей Венеціи, такъ и съѣзжавшихся со всѣхъ концовъ Европы иностранцевъ. Каждый вечеръ густая толпа народу кричала и бѣсновалась у входа въ театръ и мѣста брались съ бою. Ложи, за которыя, во дни представленія новыхъ оперъ, приходилось платить большія деньги, были почти всѣ абонированы венеціанской знатью. Иностранецъ, пробравшійся въ Санъ-Кассіано, могъ смѣло говорить, что онъ видѣлъ всю Венецію. Онъ получалъ возможность вдосталь налюбоваться знаменитѣйшими красавицами «царицы моря» и рядомъ съ нимъ, будто по волшебству, всегда оказывался любезный и всезнающій «чичероне», который, въ ожиданіи щедрой награды отъ тароватаго «форестьера»,—разсказывалъ ему интимнѣйшую исторію каждой синьоры и передавалъ такія подробности, какія только и можетъ знать венеціанскій «чичероне»...

Дожъ оказалъ любезность московскому посольству и прислалъ, черезъ Вимину, приглашеніе въ театръ Санъ-Кассіано. Въ распоряженіе пословъ была предоставлена одна изъ лучшихъ ложъ. Но тутъ, главнымъ образомъ, оказывалось не желаніе сдѣлать имъ удовольствіе, а просто рѣшили, что въ разгаръ карнавала, на представленіи новой оперы необычныя фигуры сѣверныхъ варваровъ, въ ихъ оригинальныхъ, богатыхъ одеждахъ, произведутъ впечатлѣніе, развлекутъ «публику». А, какъ уже сказано, правители Венеціи пользовались всякимъ случаемъ, чтобъ развлекать и веселить народъ и постояннымъ разнообразіемъ развлеченій мѣшать ему думать о такихъ вещахъ, о которыхъ лучше всего было вовсе не думать.

— Это что-жь такое? куда насъ зоветъ дукъ? какія еще чудеса показать намъ хочетъ?—спрашивалъ Александра Чемодановъ.

Важный посолъ былъ теперь въ духѣ и даже нисколько не смущаяся тѣмъ обстоятельствомъ, что никакъ не могъ вспомнить, какъ это онъ два дня тому назадъ вернулся отъ синьоры Лауры. Онъ помнилъ только, что ему тамъ было очень весело, что проснулся онъ утромъ у себя, на своей постели, съ тяжелой головою, но все-же съ полнѣйшей нераскаянностью.

— Комедійное, ты говоришь, зрѣлище?—продолжалъ онъ,—это что-жь, какъ у насъ въ Коломенскомъ—медвѣжій бой, львиная потѣха?

— Вимина говоритъ: опера,—уныло отвѣчалъ Але-

ксандръ, томившійся два дня, такъ какъ два раза, послѣ вечера у Лауры, былъ въ палаццо Каппелло— и оба раза не былъ принятъ.

— О-о-пера!—протянулъ Алексѣй Прохоровичъ,— не слыхалъ я что-то о такомъ звѣрѣ и каковъ онъ видомъ—не вѣдаю... Любопытно!

Александръ даже не улыбнулся—такой мракъ былъ у него въ сердцѣ.

— Да то не звѣрь, а такъ самое это дѣйство комедійное прозывается.

— Такъ-бы и говорилъ, братецъ... Что-жь они, нѣмцы, тамъ изображаютъ?

— Всякое, полагать надо: поютъ, играютъ на скрипицахъ и прочихъ инструментахъ, пляшутъ... Вимина говоритъ, что плясуньи въ Венеціи пречудесныя...

— А!.. это хорошо.. посмотримъ... Подь-ка ты, Лександръ Микитичъ, къ Ивану Иванычу и его извѣсти о дуковомъ приглашеніи.

Александръ исполнилъ это; но Посниковъ, выслушавъ въ чемъ дѣло, рѣшительно объявилъ:

— Я позорить себя не стану и въ такое поганое мѣсто не пойду.

— Да вѣдь нельзя этого, Иванъ Иванычъ,—замѣтилъ Александръ, нѣсколько оживляясь,—отъ дукова зову не слѣдъ отказываться, за невѣжливость сочтетъ онъ, коли тебя не будетъ.

— И пусть считаетъ... меня великій государь за дѣломъ сюда послалъ, а не за тѣмъ, чтобъ я по вся-

кимъ мѣстамъ срамнымъ и поганымъ таскался... Къ тому-же и безъ меня есть кому срамиться...

Посниковъ былъ глубоко возмущенъ поступками Алексѣя Прохоровича и не только передъ Александромъ, но и передъ самимъ посломъ не скрывалъ этого.

— Эхъ, братъ Лександръ, жаль мнѣ тебя: совсѣмъ погибаешь отъ дурного примѣра старшихъ!—прибавилъ онъ, покачавъ головою.

Но Александръ оставилъ безъ всякаго вниманія слова его: онъ надѣялся увидѣть въ театрѣ синьору Анжіолетту и рѣшилъ во что-бы то ни стало объясниться съ нею.

III.

Такъ и поставилъ на своемъ Иванъ Ивановичъ Посниковъ—смотрѣть басурманскую потѣху не поѣхалъ. Тщетно Чемодановъ стращалъ его, что отъ такого пренебреженія къ дуковому приглашенію могутъ произойти большія непріятности и вредъ ихъ посольскому дѣлу,—уперся на своемъ Иванъ Ивановичъ и ни съ мѣста.

— Никакого убытку и поврежденія посольскому дѣлу я не чиню,—говорилъ онъ,—а душа у меня своя, не купленая и не продажная, и никакая сила человѣческая не принудитъ меня влечь на погибель сію, Богомъ мнѣ данную, душу, поклоняться дьяволу и его бѣсовскимъ прельщеніямъ.

Алексѣй Прохоровичъ, слыша такія слова, обидѣлся.

— Такъ это по-твоему я свою душу гублю?—спрашивалъ онъ.

— Самъ знаешь!—повидимому очень спокойно, но съ большою ядовитостью отвѣчалъ Посниковъ.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ прямо, не чинясь,—гублю я свою душу?

— А коли прямо говорить приказываешь, такъ я и скажу: вѣстимо губишь. Кабы зналъ я, что ты такой человѣкъ, то вотъ ей-ей-же—не поѣхалъ-бы съ тобою, пусть-бы кого другого изъ думы назначили...

Кровь бросилась Чемоданову въ голову, кулаки у него чесаться стали и невѣдомо—чего въ немъ было больше: злобы и обиды или какого-то раздражающаго и принижающаго чувства, подсказывавшаго ему, что вѣдь въ словахъ-то Посникова есть правда, что дуково приглашеніе и посольское дѣло сами собою, а и помимо нихъ—бѣсъ надъ нимъ потѣшается и побѣду празднуетъ.

— У-у ты! кабы на Москвѣ мы были, я-бы тебѣ показалъ, какъ меня такими словами порочить!—проворчалъ онъ, едва себя сдерживая и порывисто уходя отъ обидчика.

Посниковъ ему во слѣдъ презрительно усмѣхнулся.

— Не любишь! небось правда-то глаза колетъ!—прошептали его тонкія губы.

Виминѣ было сказано, что «младшій посолъ»—подъ такимъ наименованіемъ Посниковъ обозначался въ Италіи,—занемогъ и, къ величайшему своему сожалѣнію, не въ состояніи выѣхать на вечернее представленіе въ театръ Санъ-Кассіано. Чемодановъ-же къ назначенному часу облекся въ парадную одежду и, въ сопровожденіи Александра и еще трехъ человѣкъ изъ своего штата, съ видимымъ удовольствіемъ поѣхалъ въ разукрашенной дуковой гондолѣ наслаж-

даться невиданнымъ зрѣлищемъ, нисколько не подозрѣвая, что самъ онъ окажется интереснымъ зрѣлищемъ для «венеціанскихъ нѣмцевъ».

Обширный и высочайшій театральный залъ, залитый свѣтомъ безчисленныхъ свѣчей и почти до самаго куполообразнаго потолка, въ нѣсколько ярусовъ, наполненный людомъ, помѣщеннымъ въ какія-то клѣтки,—ошеломилъ москвичей. Они сразу не могли сообразить, что и сами находятся въ клѣткѣ. Но Алексѣй Прохоровичъ, по свойству своего характера, очень скоро справился съ собою, помѣстился въ креслѣ на самомъ виду, впереди ложи—и сталъ важно озираться. Онъ сейчасъ-же замѣтилъ, что возбуждаетъ всеобщее любопытство, что на него указываютъ, о немъ говорятъ...

Вдругъ передъ его изумленнымъ взоромъ взвился громадный занавѣсъ и за этимъ занавѣсомъ оказались лѣсъ, горы, а поближе—домъ. Дверь дома отворилась и изъ нея вышло нѣсколько человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Всѣ они, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, остановились и стали ему вѣжливо и почтительно кланяться. Да, онъ не ошибается: они глядятъ прямо на него и кланяются. Кто-жь они? судя по богатой и яркой одеждѣ, должно полагать—люди важные. Алексѣй Прохоровичъ въ свою очередь поднялся съ кресла и отвѣсилъ имъ низкій поклонъ.

Такъ какъ многіе изъ зрителей не успѣли еще отвести глазъ отъ ложи московскаго посольства, то это движеніе посла было замѣчено и произвело все-

общую веселость. Весь театръ, позабывъ сцену, глядѣлъ теперь на Алексѣя Прохоровича, ему хлопали въ ладоши, смѣялись, дѣлали какіе-то непонятные знаки, что-то кричали. Онъ ничего не понималъ; но чувствовалъ что-то неладное и начиналъ ужь обижаться. Александръ, понявшій въ чемъ дѣло, дергалъ его сзади за кафтанъ и шепталъ:

— Да садись-же, Алексѣй Прохорычъ, садись, Бога ради.

По счастью, въ это мгновеніе раздались звуки музыки и бывшіе на сценѣ люди запѣли. Зрители успокоились, стали слушать.

— Эге! да это никакъ потѣшники! чего-жь это я имъ кланяться-то вздумалъ! — самымъ равнодушнымъ тономъ проговорилъ Алексѣй Прохоровичъ и строго поглядѣлъ на свою свиту. Но москвичи, за исключеніемъ Александра, глядѣли, рты разинувъ, на сцену и врядъ-ли понимали неловкость, сдѣланную посломъ.

Александръ сразу забылъ все и жаднымъ взглядомъ оглядывалъ ложи. Сердце его шибко забилось — онъ увидѣлъ, наконецъ, синьору Анжіолетту. Она сидѣла какъ разъ напротивъ, а за нею, въ глубинѣ ложи, виднѣлись Нино и Панчетти...

Она спокойна, въ ней незамѣтно никакого волненія. Минуты бѣгутъ, Александръ изо всѣхъ силъ, неотрываясь, глядитъ на нее и взглядъ его молитъ: «да взгляни-же, взгляни на меня!» Но она не внемлетъ мольбѣ его взгляда... Наконецъ, будто противъ воли, голова ея повернулась въ его сторону и взгля-

ды ихъ встрѣтились на мгновеніе. Ему показалось, что онъ прочелъ въ ея глазахъ гнѣвъ, презрѣніе, почти ненависть и въ то-же время онъ замѣтилъ, черезъ ложу отъ нея, Лауру—разряженную, сіявшую драгоцѣнными украшеніями.

Сердце у него упало, онъ опустилъ глаза и такъ остался до тѣхъ поръ, пока пѣніе прекратилось и сцена опустѣла. Среди зрителей началось движеніе. Многіе вставали со своихъ мѣстъ и выходили изъ зала.

Онъ рѣшился. Быстрый взглядъ, брошенный имъ на ложу Анжіолетты, сказалъ ему, что пора. Себя не помня и не слушая, чтó говорилъ ему Алексѣй Прохоровичъ, онъ вышелъ въ корридоръ и, быстро осматриваясь и соображая, достигъ двери, которая, по его разсчету, была дверью ложи его синьоры. Рѣзкимъ и сильнымъ движеніемъ онъ рванулъ дверь— и очутился лицомъ къ лицу съ Лаурой.

— Добро пожаловать, синьоръ московитъ! —громко сказала она.

Еще мгновеніе—дверь за нимъ захлопнется,—такъ какъ Лаура ловкимъ движеніемъ старается запереть ее. Онъ, передъ всѣмъ театромъ, окажется въ ложѣ музыкантши. Но онъ грубо отстранилъ Лауру и ужъ отворялъ другую дверь. Нино хотѣлъ загородить ему дорогу—онъ отшвырнулъ его и былъ передъ Анжіолеттой.

Она покраснѣла, потомъ поблѣднѣла.

— Я не приглашала васъ въ мою ложу, синь-

оръ!—дрогнувшимъ голосомъ и гнѣвно сверкнувъ глазами прошептала она.

Но онъ не смутился.

— Синьора!—сказалъ онъ,—я долженъ говорить съ вами... умоляю васъ разрѣшить мнѣ это... я не уйду, синьора... Пусть меня убьютъ на этомъ мѣстѣ—я не уйду.

Онъ такъ сказалъ это съ такой рѣшимостью отчаянья, что она увидѣла необходимость согласиться на его просьбу. Этотъ сѣверный варваръ способенъ на все; онъ легко можетъ сдѣлать ее сказкой всего города.

IV.

Она выразительно взглянула на своихъ чичисбеевъ. Нино позеленѣлъ, мелкія черты его красиваго лица исказились. На губахъ Панчетти скользнула едва замѣтная, обычная его саркастическая улыбка. Тѣмъ не менѣе оба они, хорошо зная, что синьорѣ нельзя не повиноваться—вышли изъ ложи.

— У него видъ дикаго звѣря, онъ того и гляди убьетъ ее!—шепнулъ аббатъ музыканту.

— Намъ нельзя уходить,—внѣ себя отъ злобы и отчаянья, отвѣтилъ тотъ,—останемся у двери и если услышимъ что-нибудь подозрительное—вернемся.

Они такъ и сдѣлали, помѣстились часовыми у дверей ложи, и Нино, не обращая вниманія на то, что мимо него взадъ и впередъ ходили люди, приложилъ ухо къ двери и жадно прислушивался.

Между тѣмъ синьора Анжіолетта, оставшись вдвоемъ съ Александромъ, удалилась въ глубину ложи, за тяжелый спущенный занавѣсъ, гдѣ никто не могъ ихъ видѣть.

— Синьоръ, вы поступаете не какъ порядочный человѣкъ, а какъ разбойникъ!—почти задыхаясь отъ волненія, тономъ глубокаго негодованія произнесла она,—вы силою заставляете меня слушать васъ... Не испытывайте долго моего терпѣнія... чего вы отъ меня хотите? говорите скорѣе... иначе—я не побоюсь ничего... я заставлю васъ выйти изъ моей ложи... и вы отвѣтите за свою дерзость...

Александръ вовсе не имѣлъ вида разбойника, онъ былъ очень блѣденъ, хотя глядѣлъ ей прямо въ глаза. Онъ такъ давно,—ему казалось, что безконечно давно,—не видѣлъ этого дорогого, прелестнаго лица, не слышалъ ея голоса.

— Анжіолетта,—сказалъ онъ, вкладывая въ это имя всю нѣжность своего влюбленнаго сердца,—когда человѣкъ тонетъ, развѣ можетъ онъ разбирать за какой предметъ хватается?!. я не могу такъ жить... я тону, и если-бы мнѣ надо было убить кого-нибудь, чтобъ дойти до тебя—я, кажется, не задумался-бы и убилъ...

— Безсовѣстный!—воскликнула синьора,—можно подумать, что онъ меня любитъ, что онъ не обманулъ меня самымъ низкимъ образомъ, что онъ не виноватъ передо мною!

— Я люблю тебя, Анжіолетта, люблю больше жизни, я не обманывалъ тебя и не виноватъ передъ тобою!—твердо и все также прямо глядя ей въ глаза сказалъ онъ.

Она всплеснула руками и почти въ ужасѣ отъ него отстранилась.

— Santa Maria, былъ-ли когда на свѣтѣ такой безсовѣстный лжецъ!.. Да, вѣдь, я сама, сама, вотъ этими глазами видѣла тебя въ гондолѣ этой.. этой отвратительной Лауры... ты былъ у нея, ты ѣхалъ съ нею, ты обнималъ ее!

Даже слезы брызнули изъ прекрасныхъ глазъ Анжіолетты. Никто-бы теперь не узналъ ее—будто это была совсѣмъ не она. Всегда гордая, недоступная, холодная, умѣвшая такъ владѣть собою, насмѣшливая, однимъ словомъ, однимъ взглядомъ уничтожавшая самаго смѣлаго и рѣшительнаго человѣка—она-ли это? Куда-же дѣлась ея сила! она превратилась въ слабую, беззащитную, обиженную женщину, забывшую, подъ вліяніемъ ревности, и свою врожденную гордость и даже чувство собственнаго достоинства.

Она, патриціанка, она—Каппелло, первая красавица Венеціи,—унизительно плачетъ передъ этимъ полудикимъ юношей, котораго двѣ недѣли тому назадъ совсѣмъ не знала, который явился изъ какой-то далекой, холодной, варварской страны и который уѣдетъ, быть можетъ, тоже черезъ двѣ недѣли, уѣдетъ навсегда!

Недоступная синьора, слушавшая съ насмѣшкой и презрѣніемъ пламенныя признанія лучшихъ жениховъ,—превратилась въ жалкаго, безвольнаго ребенка въ рукахъ этого невѣдомаго человѣка... Какими-же чарами поработилъ онъ ее? какимъ elessire d'amore ее опоилъ?

Никогда и никого не любила синьора Анжіолетта,

не любила даже своего храбраго Каппелло, хоть и думала тогда, что любитъ, хоть и оплакивала, долго и горяче, преждевременную смерть его. Сердце красавицы долго молчало, и чѣмъ дольше молчало, тѣмъ страстнѣе, неудержимѣе оно вдругъ заговорило...

Какая любовь наполняетъ теперь ее, гордую и прекрасную синьору? Пришла-ли эта любовь съ тѣмъ· чтобы не уходить больше, не допустить рядомъ съ собою и на свое мѣсто никакого новаго чувства и навсегда озарить всю жизнь своимъ яркимъ, роковымъ свѣтомъ? Или это гроза налетѣвшая, скопленіе стихійнаго электричества, которая, послѣ могучаго удара, разрѣшится и разсѣется, будто никогда и не опаляла молніей, не потрясала громовыми ударами? Или, наконецъ, это капризъ скучающаго воображенія?..

Будущее, очень близкое, быть можетъ, будущее, рѣшитъ эти вопросы, а покуда, какова бы ни была сущность ея чувства, Анжіолетта полна страсти и самыхъ женственныхъ, естественныхъ ея проявленій. Быстрое, неизбѣжное превращеніе совершилось надъ нею, она такова, какою бываетъ всякая женщина, когда любитъ—все равно—воображеніемъ-ли, сердцемъ или душою.

Неизвѣстно, чѣмъ-бы окончилась эта сцена, еслибы Александръ растерялся. Но сѣверный варваръ, несмотря на то, что и въ немъ разряжалось электричество, сверкала молнія и грохоталъ громъ, все-же достаточно владѣлъ собою.

— Ты это видѣла, Анжіолетта?—сказалъ онъ не

опуская глазъ,—значитъ такъ оно и было; но я этого не помню, клянусь тебѣ—не помню... Я не могу постигнуть, какъ это могло случиться; но все, что могу вспомнить, все что знаю—я сейчасъ разскажу тебѣ—и ты суди сама, ты не можешь мнѣ не вѣрить.

Онъ правдиво разсказалъ ей всю исторію злополучнаго посѣщенія палаццо Лауры. Съ первыхъ-же словъ его Анжіолетта стала жадно слушать и только все торопила его. Но онъ не могъ говорить скоро: латинскій языкъ хоть и хорошо ему былъ знакомъ, но все-же непривыченъ.

Онъ еще не успѣхъ окончить разсказа, какъ уже ея руки были въ его рукахъ и она, впиваясь въ него взглядомъ, говорила:

— О, я начинаю понимать!.. да, да, ты не можешь выдумывать... ты не обманываешь меня, мой дорогой Александръ! О, какая гнусная интрига!..

Она склонилась къ нему и прошептала:

— Прости меня за то, что я могла въ тебѣ усумниться... но, подумай самъ, вѣдь я видѣла, я видѣла своими глазами!..

— Еслибъ я тебя такъ увидѣлъ—я не повѣрилъ-бы и глазамъ своимъ!—отвѣчалъ Александръ, счастливый, сіяющій, окрыленный.—А теперь, вѣдь все это прошло, это мнѣ такъ тяжко... не будемъ вспоминать... вѣдь ты ужь не прогонишь меня? ты позволишь мнѣ прійти къ тебѣ?!

Она отвѣтила ему такимъ взглядомъ, что словъ было не надо.

— Но только нѣтъ, я не могу такъ оставить это-

го!—вдругъ вспыхивая воскликнула она, подходя къ двери и отворяя ее.

Она чуть съ ногъ не сшибла Нино, который такъ и прильнулъ къ этой двери, стараясь подслушать, что говорятъ въ ложѣ.

— Что прикажите, синьора? — оправляясь прошепталъ онъ.

— Войдите.

Онъ повиновался.

— Синьоръ,--спокойно и презрительно сказала Анжіолетта,—если когда-нибудь вы осмѣлитесь войти въ палаццо Капелло или гдѣ-бы то ни было подойти ко мнѣ и мнѣ поклониться—я попрошу дожа избавить Венецію отъ вашего присутствія... а вы знаете, обратитъ-ли дожъ вниманіе на слова мои.

Нино широко раскрылъ глаза, побѣлѣлъ и остался неподвижнымъ. Онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

V.

— Нѣтъ, синьора, хоть вы и сердитесь на меня, а подвергаться вашему неудовольствію для меня очень прискорбно, — я все-же повторяю: напрасно вы такъ поспѣшно и оскорбительно изгнали Нино...

Это говорилъ аббатъ Панчетти на слѣдующій вечеръ послѣ спектакля въ театрѣ Санъ-Кассіана.

Анжіолетта полулежала на своемъ обычномъ мѣстѣ въ уютной гостиной палаццо Капелло и, хотя было еще довольно рано, не намѣревалась покидать своего прелестнаго домашняго туалета. Безчисленные звуки карнавала, доносившіеся сквозь спущенныя занавѣси оконъ, не прельщали ее. Въ первый разъ въ жизни карнавалъ казался ей надоѣдливымъ, несноснымъ вздоромъ и она не понимала, какимъ образомъ люди могутъ находить веселье въ этихъ шутовскихъ процессіяхъ, представленіяхъ, крикахъ и шумѣ.

Ея веселье было здѣсь, въ четырехъ стѣнахъ ея гостиной. Оно чуть было не погибло; но вернулось къ ней снова. Онъ, ея милый сѣверный варваръ, про-

водилъ ее вчера изъ спектакля, онъ три счастливыхъ часа провелъ у нея сегодня утромъ и долженъ былъ снова явиться послѣ заката солнца.

Но солнце зашло давно, а его все нѣтъ... Конечно—у него есть обязанности, онъ не всегда свободенъ; но, Боже, какъ это томительно — скучно! Ей невыносимо стало это одиночество, это ожиданіе, такъ невыносимо, что она даже призвала Панчетти.

Но аббатъ не развлекаетъ ее; онъ сидитъ въ почтительной позѣ, загадочно и какъ-то непріятно глядитъ на нее и вотъ — начинаетъ увѣрять, что она дурно сдѣлала, прогнавъ этого ненавистнаго Нино, который чуть было не погубилъ ея счастья. При одной мысли о поступкахъ этого интригана, краска гнѣва залила ея щеки.

— Молчите, аббатъ! — воскликнула она, — человѣкъ, способный на такую интригу и клевету, на такіе безсовѣстные поступки,—не можетъ быть моимъ чичисбеемъ, и съ вашей стороны очень, очень нехорошо за него заступаться.

— Я не заступаюсь за него нисколько, я согласенъ съ вами, что поступки его отвратительны... но я жалѣю синьора московита.

И при этихъ словахъ его взглядъ такъ и пронизалъ Анжіолетту. Она не могла скрыть своего безпокойства, но представила себѣ мощную фигуру «московита», какъ-бы созданную для борьбы съ бѣлыми медвѣдями подъ снѣгами страшнаго и непонятнаго сѣвера, и вспомнивъ крошечнаго, слабенькаго Нино,—она разсмѣялась.

— Вашъ музыкантикъ нисколько не опасенъ... Синьоръ Александръ однимъ пальцемъ его уничтожитъ.

Аббатъ нервно задвигался въ креслѣ.

— О, конечно! — сказалъ онъ, — но слыхали вы когда-нибудь о Луиджи Пекки, синьора?

— Луиджи Пекки?.. да развѣ онъ здѣсь?

— Здѣсь, и я еще на этихъ дняхъ съ нимъ встрѣтился. Онъ съумѣлъ выпутаться изъ всѣхъ непріятностей и опасностей, вернулся въ Венецію и, по прежнему, силенъ какъ слонъ, храбръ какъ левъ, по прежнему, онъ самый страшный «браво» Венеціи, готовый, за нѣсколько золотыхъ монетъ, отправить на тотъ свѣтъ кого угодно.

Анжіолетта хотѣла говорить — и не могла. Она будто застыла на мѣстѣ и быстро, быстро соображала.

«Вотъ Александра нѣтъ, а онъ обѣщалъ быть непремѣнно... Нино дѣйствительно имѣетъ дерзость быть въ нее влюбленнымъ... ненавидитъ Александра всѣмъ своимъ мстительнымъ сердцемъ... Вѣдь это изъ ревности онъ придумалъ адскій планъ, который совсѣмъ было и удался ему... Но его замыслы разрушены, онъ посрамленъ, выгнанъ ею... Можно себѣ представить, какая ненависть, какая жажда мщенія теперь въ немъ бушуютъ!.. Онъ не остановится ни передъ чѣмъ... если страшный «браво», наемный убійца, ловкій и хитрый,—здѣсь, если Нино съ нимъ сговорился... О, Боже!..»

— Панчетти,—прерывающимся голосомъ прошеп-

тала Анжіолетта,—зачѣмъ вы заговорили о Луиджи Пекки?.. развѣ вы знаете что-нибудь?.. или это одни ваши предположенія?..

— Такихъ вещей, пока онѣ не случатся, знать нельзя,—спокойно сказалъ аббатъ;—конечно, Нино не сообщилъ мнѣ о томъ, что онъ нанялъ Луиджи Пекки для того, чтобы подкараулить синьора московита и умертвить его... но...

— Чтó но?.. да говорите-же скорѣе!

— Но...—продолжалъ невозмутимо и медленно аббатъ,—несчастный Нино безуменъ отъ страсти къ вамъ, синьора...

— Да какъ-же онъ смѣетъ! развѣ я подавала ему когда-нибудь поводъ...

Панчетти пожалъ плечами.

— Даже piccola bestia имѣетъ право любоваться солнцемъ и любить его,—сказалъ онъ съ самымъ серьезнымъ видомъ,—такъ и сердцу человѣка, кто-бы онъ ни былъ, нельзя запретить обуявшей его страсти... другое дѣло, если онъ позволитъ себѣ выражать ее... Такъ вотъ видите-ли, синьора, еще послѣ того, какъ синьоръ московитъ былъ здѣсь въ первый разъ, Нино объявилъ мнѣ, что онъ такъ или иначе изведетъ его...

Анжіолетта уже не думала ни о какой сдержанности—она вся превратилась въ ужасъ и волненіе.

— Изведетъ!—воскликнула она,—какъ-же вы мнѣ тогда-же не сказали?!

— По какому-бы праву сталъ я передавать вамъ такія вещи?

— Право!.. по какому праву! Santa Maria... оставьте это... ну да, вы видите, вы знаете... и я не хочу скрываться... я люблю синьора Александра... да, люблю его, слышите-ли вы это! Такъ не томите-же меня... говорите все, что знаете!

Хотя ничего неожиданнаго не было для аббата въ признаніи синьоры, но все же то, что она такъ прямо рѣшилась говорить объ этомъ, его озадачило. «Значитъ это не шутка, не простой капризъ... она такъ полна страстью, что не находитъ даже нужнымъ скрываться... А, впрочемъ... вѣдь московитъ скоро уѣдетъ и, послѣ такого признанія, она невольно станетъ ко мнѣ ближе... бездна между нею и мной съ этой минуты перестаетъ существовать... мостикъ черезъ эту бездну построенъ, готовъ... это хорошо!..»

— Конечно, я скажу вамъ, синьора, все, что знаю,—опуская глаза произнесъ онъ,—я знаю, что вчера, послѣ спектакля, Нино отправился къ Луиджи Пекки, а сегодня, когда синьоръ Александръ выходилъ отсюда и садился въ гондолу, я видѣлъ, какъ одинъ замаскированный человѣкъ указалъ его другому. Нино указалъ его Пекки—я увѣренъ въ этомъ, я сразу же узналъ ихъ обоихъ...

Бѣдная Анжіолетта вся похолодѣла.

— Боже мой, Боже, чтó-же намъ дѣлать?

Она заломила руки, подняла глаза къ нему—и стала до того прелестной, что Панчетти не могъ выдержать и совсѣмъ наклонилъ голову, лишь-бы не видѣть ее.

— Но вы-то, вы! вы такой-же врагъ мнѣ какъ Нино, вы еще хуже его!—задыхаясь говорила синьора, начиная, какъ безумная метаться по гостиной.— Вѣдь еслибъ тогда-же вы мнѣ сказали... я-бы успѣла написать, предупредить... инквизиція во мгновеніе послала-бы сбировъ... они схватили-бы Пекки и Нино... А теперь... теперь, быть можетъ, уже поздно!.. Бѣгите... вотъ... я напишу...

Она кинулась къ столу, трепетными руками искала бумагу, чернильницу, перо.

— Успокойтесь, синьора,—самъ начиная нѣсколько волноваться, говорилъ Панчетти,—это не такъ еще скоро дѣлается. Пекки хоть и очень ловокъ и опытенъ; но все-же ему въ одинъ день невозможно напасть на синьора московита...

— Отчего, отчего невозможно?

— Пекки, какъ и всякій «браво» высшаго сорта, всегда производитъ свое «dar uno sfriso» такимъ образомъ: онъ, подъ верхнее платье, надѣваетъ подушки и крѣпкую сѣтку, и, прежде всего, старается встрѣтиться со своей жертвой и затѣять ссору за бутылкой вина. Если-же это окажется невозможно, онъ выжидаетъ въ удобномъ мѣстѣ и, приготовясь къ защитѣ, загораживаетъ человѣку дорогу. Съ нимъ поневолѣ приходится вступить въ поединокъ... ну, а исходъ такого поединка всегда одинъ и тотъ-же...

— Такъ что-же? развѣ это можетъ меня утѣшить?—стонала Анжіолетта.

— Можетъ, потому что въ одинъ день врядъ-ли

Пекки найдетъ случай встрѣтиться съ синьоромъ Александромъ...

Анжіолетта, наконецъ, нашла перо и принялась писать одному изъ своихъ дальнихъ родственниковъ, члену совѣта Десяти, объясняя ему, что узнала объ опасности, грозящей иностранцу и прямо называя имена Пекки и Нино.

Запечатавъ письмо, она подала его Панчетти.

— Скорѣе, скорѣе пошлите съ этимъ Антоніо— онъ расторопенъ—пусть доставитъ письмо синьору Риччи, пусть найдетъ его гдѣ-бы-то ни было... А вы сами ступайте въ московитское посольство... если онъ тамъ—скажите ему, чтобы онъ не выходилъ изъ дому, пока я не извѣщу его о томъ, что опасность прошла... Если его нѣтъ—ищите, ищите его всюду и не возвращайтесь, не найдя его... Я буду ждать здѣсь... буду ждать... и увижу—дѣйствительно-ли вы мнѣ преданы... или и вы—врагъ мой!..

Панчетти поклонился и молча вышелъ изъ гостиной.

Анжіолетта осталась одна. Она упала на колѣни, залилась слезами и стала молиться. Она всегда считала себя доброй католвчкой; но еслибы могла теперь сознавать что-либо, то поняла-бы, что молится въ первый разъ въ жизни.

VI.

Найти кого-либо дома въ Венеціи въ этотъ день было довольно трудно. Въ палаццо московитскаго посольства, кромѣ прислуги, никого не оказалось. Младшій посолъ, т. е. Посниковъ, хоть и былъ у себя по обыкновенію, но онъ заперся и не впускалъ къ себѣ. Къ томуже Панчетти отъ него все равно ничего бы не могъ добиться, потому что они имѣли возможность объясняться другъ съ другомъ только знаками.

Одинъ изъ штата итальянскихъ служителей, состоявшихъ при посольствѣ по распоряженію венеціанскаго правительства, объяснилъ Панчетти, что тотъ, кого онъ спрашиваетъ, возвратился въ палаццо на короткое время часа черезъ два послѣ полудня, а затѣмъ ушелъ снова, вмѣстѣ съ главнымъ посломъ и небольшою свитой.

— Куда же они отправились?

— Куда? конечно, глядѣть на драку, которая до вечера шла между Кастеллани и Николотти... Я вотъ весь день нынче не трогался съ мѣста по обязан-

ности... ничего тутъ не знаю... не слыхали ли, синьоръ аббатъ, кто на этотъ разъ побѣдилъ? Въ прошломъ году Николотти остались побѣдителями, ну а нынче кто? не слыхали?

— Ничего я не слыхалъ,—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Панчетти, и знакомыми ему закоулками, проходами и дворами, всячески сокращая дорогу, направился пѣшкомъ къ площади Святого Марка, приказавъ гондольеру дожидаться его у Пьяцетты.

Борьба Кастеллани и Николотти, послѣ обрученія дожа съ моремъ, была чуть-ли не самымъ любимымъ зрѣлищемъ въ Венеціи. Издревле на противуположныхъ берегахъ Канала-Гра́нде находились два квартала, изъ которыхъ одинъ носилъ названіе Кастелло, а другой—Санъ-Николо.

Жители перваго назывались Кастеллани, а второго—Николотти. Съ незапамятныхъ временъ они враждовали другъ съ другомъ, ненавидѣли и презирали другъ друга самымъ искреннимъ образомъ, со всею страстностью своей итальянской натуры. Въ предѣлахъ Кастелло слово Николотти означало отчаянныхъ негодяевъ; въ предѣлахъ Санъ-Николо—обозвать кого-нибудь Кастелланомъ—значило объявить ему, что онъ послѣдній изъ мерзавцевъ. Зарѣзать жителя враждебнаго квартала—признавалось лучшимъ подвигомъ.

Эти чувства и понятія всасывались съ молокомъ матери и даже нѣтъ ни одной легенды, по которой-бы какой-нибудь Ромео нашелъ свою Джульетту во враждебномъ кварталѣ.

Но время дѣлаетъ свое дѣло. Прошли вѣка—и вражда между Кастеллани и Николотти истощила весь ядъ свой и затихла. Въ XVII столѣтіи о ней сохранились только кровавыя преданія и обычай ежегодно, въ одинъ изъ самыхъ шумныхъ дней карнавала, поминаетъ ее примѣрнымъ побоищемъ.

Къ этому дню, въ томъ и другомъ кварталѣ выбирались молодцы, отличавшіеся ловкостью, удалью и силой. Они наряжались въ самые разнообразные костюмы, выбирали съ каждой стороны предводителя и сходились на мосту. Задача была—пробить себѣ дорогу на противуположный берегъ канала. Единственнымъ оружіемъ оказывались кулаки и сильные мускулы.

Однако, хоть и примѣрная, безъ ненависти и жажды крови, а все же борьба эта была довольно опасной. На мосту не существовало парапетовъ, и многіе изъ сражавшихся не только падали въ мутную воду канала, но иногда, обезсиленные и избитые, шли прямо ко дну...

Алексѣй Прохоровичъ разохотился на всякія зрѣлища: карнавалъ, несмотря на «хари», все больше и больше занималъ его, оперное представленіе онъ одобрилъ, когда же ему сказали, что будетъ на мосту «потѣшный бой между нѣмцами» онъ пришелъ въ большую даже радость. Съ измальства любилъ онъ кулачные бои на Москвѣ-рѣкѣ, не пропускалъ ни одного, и многочисленная его дворня очень хорошо знала, что послѣ каждаго кулачнаго боя, котораго онъ бывалъ свидѣтелемъ, у него особенно какъ-то

кулаки чешутся. Лучше ему и на глаза не попадаться: за всякую малость такого тумака задастъ, что инда искры изъ глазъ посыпятся.

А тутъ вдругъ случай посмотрѣть нѣмецкій бой, сравнить его съ московскимъ!—все сердце закипѣло у посла и воеводы.

— Ѣдемъ, что-ли, ѣдемъ скорѣе!—торопилъ онъ Александра,—это, братецъ, позанятнѣе твоей оперы будетъ!.. Посмотримъ-ка нѣмецкій бой... хитры они, нѣмцы, на всякія измышленія, ну и коли дѣло до кулаковъ—я такъ полагаю, что противъ нашихъ молодцовъ они въ конецъ осрамятся... А что, не пустить-ли на нихъ Пётру съ Архипкой?! а, какъ ты думаешь?

— Что ты, Богъ съ тобой! мы тутъ гости, смотрѣть можемъ, а вступаться намъ негоже.

— И то правда, а жаль! Пётра съ Архипкой такъ-бы ихъ поучили, такихъ-бы волдырей имъ понадѣлали, что во вѣкъ-бы нѣмцы насъ не забыли!.. Ну, такъ хоть посмотримъ.

Посмотрѣть хотѣлось и Александру. Онъ только что вернулся отъ синьоры Анжіолетты, обѣщалъ быть у нея вечеромъ, но до вечера долго,—бой засвѣтло кончится.

Поѣхали, вышли на берегъ изъ гондолы, протискались сквозь толпу, нашли себѣ мѣсто, съ котораго все хорошо было видно.

Бой ужь завязался на самой срединѣ моста и ни одна изъ партій не подавалась ни на шагъ. Свалка была ужасная. Бойцы схватывались, удары сыпались.

Вотъ одинъ, вотъ другой и третій полетѣли въ воду. Одинъ самъ выплылъ, двоихъ вытащили гондольеры.

Алексѣй Прохоровичъ жадно слѣдилъ за боемъ и громко выражалъ свои впечатлѣнія.

— Ай да молодцы, не ждалъ я отъ нѣмцевъ такой удали!.. ловко жарятъ!.. Эвона, глянь-ка, глянь!— ишь ты, какъ онъ его подъ микитки!.. Такъ, такъ... это по нашему!.. весь красный отъ волненія, съ блестѣвшими глазами, кричалъ Чемодановъ.

Вокругъ него собралась густая толпа и неизвѣстно, кто доставлялъ этой толпѣ больше удовольствія— Кастеллани и Николотти или этотъ бородатый форестьеръ въ удивительной богатой и длинной одеждѣ, съ высокой мѣховой шапкой и говорившій на непонятномъ, странномъ языкѣ.

Наконецъ, къ удовольствію толпы и Алексѣя Прохоровича, Николотти оттѣснили Кастеллановъ и прорвались на берегъ. Солнце уже заходило, Александръ просилъ Чемоданова вернуться домой, но тотъ и слышать ничего не хотѣлъ. Онъ видѣлъ, что не все еще кончено, что толпы народу, вмѣстѣ съ Кастеллани и Николотти, стремятся куда-то,—и рѣшилъ тоже идти и посмотрѣть, что еще будетъ. Онъ почти силой увлекъ за собой Александра и они скоро очутились на залитой огнями иллюминаціи площади Святого Марка.

Александръ разспросилъ и узналъ, что тѣ-же Кастеллани и Николотти сейчасъ будутъ показывать «le forze d'Ercole (работы Геркулеса). Изъ каждой партіи вышло по десяти человѣкъ атлетическаго сложе-

нія. Народъ разступился передъ ними и вотъ, съ необыкновенной ловкостью, эти люди стали вскакивать на плечи другъ къ другу, все выше и выше, такъ что образовалось двѣ живыхъ пирамиды, въ основаніи которыхъ было четыре человѣка, потомъ три, потомъ два и, наконецъ, на верху одинъ.

Алексѣй Прохоровичъ никогда не видалъ ничего подобнаго и въ себя не могъ прійти отъ удивленія. Когда-же обѣ живыя пирамиды двинулись—онъ пришелъ въ настоящій восторгъ.

— Лександръ, глянька, глянь, это что-жь такое!.. нѣтъ, братецъ, чтó скажешь—силища-то, силища у нижнихъ какова!

Онъ хотѣлъ дернуть Александра за рукавъ, оглянулся—Александра не было. Онъ оказался одинъ, среди сдавливавшей его со всѣхъ сторонъ толпы, среди «нѣмцевъ и нѣмокъ, на всѣ лады лопотавшихъ по птичьему». Прошло еще нѣсколько минутъ—Александра и слѣдъ простылъ, будто сквозь землю онъ провалился. Алексѣй Прохоровичъ сталъ чувствовать себя неловко. На грѣхъ свиту свою онъ отправилъ съ итальянцемъ домой еще до окончанія боя на мосту.

VII.

Оборванный и всклокоченный мальчишка лѣтъ двѣнадцати, съ черными какъ уголья и и безпокойно бѣгающими глазами, извиваясь какъ змѣй, пробирался сквозь густую толпу, собравшуюся на площади Святого Марка. Этотъ мальчишка, очевидно, кого-то высматривалъ. Вотъ глаза его сверкнули, онъ весь нервно вздрогнулъ—и сталъ протискиватъся, съ изумительной ловкостью и не обращая на себя ничьего вниманія, въ ту сторону, гдѣ стояли два человѣка въ мѣховыхъ шапкахъ и богатыхъ одеждахъ страннаго покроя. Онъ очутился рядомъ съ однимъ изъ нихъ и, приподнявшись на носки, явственно, но очень тихо шепнулъ ему:

— Синьора Анжіолетта прислала меня... она ждетъ васъ неподалеку... ей очень надо немедля васъ видѣть...

Александръ, всецѣло поглощенный въ это время гимнастическими чудесами, вздрогнулъ отъ неожиданности и обернулся. Кругомъ его были мужчины

и женщины, въ маскахъ и безъ масокъ, и всѣ внимательно глядѣли на представленіе, то и дѣло громко выражая мысли и чувства, возбуждаемыя въ нихъ ловкостью и необыкновенной силой гимнастовъ.

«Съ нами крестная сила!—подумалъ Александръ, даже нѣсколько оторопѣвъ,—что̀ это мнѣ почудилось?!»

Онъ снова сталъ глядѣть на «Forze d'Ercole», но вотъ опять, почти у самаго его уха, прозвучалъ явственно какой-то свистящій шопотъ:

— Синьора Анжіолетта просила не медлить... очень надо... прошу васъ слѣдовать за мною...

И кто-то слегка дернулъ его за рукавъ.

Теперь онъ наконецъ замѣтилъ всклокоченнаго мальчишку, пристально глядѣвшаго на него огненными глазами, загадочно ему улыбавшагося и выразительными знаками подтверждавшаго слова свои.

— Идите, синьоръ, за мною... я вамъ буду расчищать дорогу, я проведу васъ.

Александръ ни на одно мгновеніе не усумнился въ дѣйствительности посольства Анжіолетты и не сталъ разбирать, почему это она прислала какого-то оборвыша, какимъ образомъ ждетъ его гдѣ-то на улицѣ, когда нѣсколько часовъ тому назадъ сказала ему, что будетъ ждать его у себя и весь день никуда не выйдетъ изъ дому. Онъ сознавалъ только, что она близко, что она ждетъ его, что онъ долженъ сейчасъ-же итти къ ней.

Сказать Чемоданову, что онъ оставитъ его одного—нечего было и думать: тотъ силою удерживать

станетъ. Въ толпѣ же легко можно потеряться, толпа можетъ оттереть ихъ другъ отъ друга!—и бѣдный Алексѣй Прохоровичъ былъ безжалостно забытъ и предоставленъ на волю судьбы.

«Не пропадетъ... что съ нимъ станется... сядетъ въ гондолу—и его прямо привезутъ домой»—подумалъ Александръ, рѣшительно пробираясь по стопамъ мальчишки, ловко расчищавшаго дорогу.

Вышли они изъ толпы, миновали залитую огнями площадь и очутились среди темныхъ, сплошныхъ громадъ зданій, въ грязномъ переулочкѣ, всего шага въ два-три шириною. Хотя площадь была очень близко и явственно слышался ея немолчный гулъ, но здѣсь царствовало полное безлюдье. Ночной мракъ кое-гдѣ лишь слабо озарялся тусклымъ фонаремъ, висѣвшимъ на желѣзномъ прутѣ, проведенномъ черезъ переулокъ отъ одной стѣны къ другой.

— Гдѣ-же это? далеко? я ничего не вижу,—говорилъ Александръ, пробираясь почти ощупью.

— Синьоръ, не безпокойтесь,—своимъ страннымъ, свистящимъ шопотомъ отвѣчалъ ему мальчишка,—идите только прямо, за мною, держитесь за меня.

Онъ шелъ, увлекаемый мальчишкой все дальше и дальше, по еще болѣе темнымъ и узкимъ переулкамъ и закоулкамъ. Вотъ и гулъ площади совсѣмъ затихъ; наступила полная и даже жуткая тишина... заплескалась было, подъ маленькимъ темнымъ мостикомъ, вода канала,—но опять закоулокъ, другой, третій...

Вдругъ мальчишка шепнулъ: «Стойте!..» побѣ-

жалъ и скоро замеръ звукъ его шагомъ по гулкимъ камнямъ.

Прошла минута, другая. Александръ стоялъ среди полнѣйшей тишины и мрака, рѣшительно не имѣя никакого понятія—гдѣ онъ. Прошло еще нѣсколько минутъ—и ему стало казаться, что онъ ждетъ ужь очень долго, что мальчишка долженъ былъ-бы давно вернуться. И зачѣмъ онъ убѣжалъ? Если ему было поручено проводить его къ Анжіолеттѣ—онъ и провелъ-бы его туда, гдѣ она. Что-же все это значитъ?..

А время идетъ, кругомъ та-же тишина, тотъ-же мракъ. Прошло всего семь, восемь минутъ; но Александру показалось, что онъ ждетъ здѣсь не меньше получасу, а быть можетъ и гораздо больше. Это ожиданіе въ темномъ, пустынномъ закоулкѣ было такъ невыносимо, что, наконецъ, явилась мысль, которая у человѣка болѣе опытнаго и болѣе знакомаго съ венеціанскими нравами явилась-бы давно:

«Мальчишка подосланъ кѣмъ-нибудь... меня обманули... это ловушка!» рѣшилъ онъ.

Онъ оглядѣлся. За нимъ мракъ, поварачивающіе то направо, то налѣво закоулки и переулки и онъ конечно, не можетъ вспомнить, какимъ образомъ шелъ. Впереди издали мелькаетъ фонарь.

Онъ пошелъ на этотъ свѣтъ, миновалъ фонарь, опять очутился въ полнѣйшей темнотѣ и, наконецъ, пройдя еще шаговъ сто, наткнулся на стѣну. Какъ ни обшаривалъ онъ вокругъ себя холодныя, сырыя стѣны—не могъ замѣтить ни малѣйшаго признака какой-либо двери или вообще отверстія. Съ трехъ

сторонъ возвышались заднія стѣны домовъ. Можетъ быть тамъ, выше, и были окна, но теперь тамъ ничего не свѣтилось и только надъ самой головою ярко горѣли двѣ звѣзды на узенькой, остающейся свободной между тѣсно сошедшимися стѣнами, полоскѣ чернаго неба.

Куда-же дѣвался мальчишка? вѣдь онъ побѣжалъ по этому направленію, вѣдь долженъ-же онъ былъ проскользнуть гдѣ-либо?.. Но это былъ праздный вопросъ и Александру представилось самымъ вѣроятнымъ, что мальчишка... или чертенокъ, заведшій его сюда, просто проложилъ себѣ путь черезъ стѣну.

Александръ, однако, не могъ прошибить стѣну лбомъ, сама она передъ нимъ не открывалась и единственное, что оставалось дѣлать—итти назадъ. Онъ и пошелъ. Миновалъ фонарь, завернулъ, по памяти, направо, и все шолъ, соображая и прислушиваясь.

Вотъ ему и послышался гдѣ-то вблизи плескъ воды. Это, навѣрное, тотъ мостикъ... Такъ и есть... на углу, у самаго мостика, фонарь. Скорѣе!..

Но на мостикѣ Александръ прямо натолкнулся на что-то и, прежде чѣмъ онъ оглянулся отъ неожиданности, строгій и внушительный голосъ произнесъ:

— Синьоръ, по какому праву вы меня такъ грубо и непристойно толкнули?

Александръ различилъ въ полутьмѣ передъ собою закутанную въ плащѣ и съ маской на лицѣ огромную человѣческую фигуру.

— Извините,—сказалъ онъ, — я вовсе не хотѣлъ толкать васъ, я васъ не видѣлъ... здѣсь такъ темно.

— Пустыя отговорки, синьоръ!—съ мрачной важностью сказала фигура,—здѣсь вовсе не такъ темно, чтобы не замѣтить меня... я не насѣкомое... и вы напрасно къ оскорбленію, нанесенному мнѣ вашимъ дерзкимъ толчкомъ, прибавляете еще новое оскорбленіе...

— Увѣряю васъ...—началъ было Александръ, но тотъ не далъ ему договорить.

— Смѣю васъ увѣрить, синьоръ, что еще не родился человѣкъ, который могъ-бы безнаказанно оскоблять меня, да, надѣюсь, онъ и не родится...

Александръ понялъ, не столько мыслью, сколько внезапно охватившимъ его ощущеніемъ, что передъ нимъ убійца, что жизнь его въ опасности, что ему надо защищаться. Въ одинъ мигъ, безъ всякаго соображенія, повинуясь инстинкту, онъ напрягъ всѣ свои силы, кинулся на стоявшаго передъ нимъ человѣка и оглушилъ его ударомъ своего желѣзнаго кулака. Ударъ былъ случайный, но пришелся прямо по виску. Огромная фигура пошатнулась, поскользнулась, упала на сторону, видимо хотѣла подняться; но движеніе было неловко—и тяжелое тѣло грохнулось прямо въ воду канала.

Всплескъ воды отрезвилъ Александра. Онъ со всѣхъ ногъ кинулся впередъ, самъ чуть не соскользнувъ съ мостика, на которомъ не оказалось никакихъ перилъ. Онъ выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ съ твердымъ намѣреніемъ всадить его, безъ всякихъ объясненій, въ каждаго, кто заступитъ ему дорогу,—и началъ плутать по темнымъ закоулкамъ.

Наконецъ, при мерцанiи фонаря, онъ разглядѣлъ какую-то женщину. Она очевидно не имѣла никакихъ ужасныхъ замысловъ и сама перепугалась и закричала при его приближенiи. Онъ перевелъ духъ, успокоилъ ее и она указала ему, какъ выбраться на площадь Святого Марка.

Когда блескъ иллюминацiи и шумъ толпы окружили его — онъ почувствовалъ себя какъ человѣкъ, зарытый заживо въ могилу и изъ нея вырвавшiйся. Блаженство жизни наполнило его всего. Ему хотѣлось пѣть и кричать: «Я живъ! я живъ!»

VIII.

Это неожиданное приключеніе заняло не мало времени. Было уже поздно. Конечно, благоразуміе и даже долгъ требовали отъ Александра, чтобы онъ поспѣшилъ домой и прежде всего удостовѣрился, вернулся ли Алексѣй Прохоровичъ. Но именно боязнь, что онъ еще не вернулся и что придется его розыскивать, заставила его вспрыгнуть въ первую свободную гондолу и приказать вести себя, да еще какъ можно скорѣе, въ палаццо Каппело.

«Вѣдь она давно ужь ждетъ... быть можетъ безпокоится!»—при этой мысли забылся не только Чемодановъ, но забылась и только что отступившая опасность.

Когда Александръ отворилъ дверь маленькой гостиной, онъ увидѣлъ Анжіолетту всю въ слезахъ.

— Кто это?.. это вы, Панчетти?.. ну что!?!—воскликнула она устремляясь къ двери—и остановилась, будто окаменѣвъ, не смѣя вѣрить своимъ глазамъ,

боясь что передъ нею не живой человѣкъ, а призракъ, который вотъ-вотъ сейчасъ испарится, исчезнетъ.

Но призракъ не исчезалъ... онъ протягиваетъ руки, привлекаетъ ее къ себѣ.

— Это ты!.. другъ мой, ты живъ... невредимъ!..

Она пронзительно вскрикнула и обвила его шею руками съ такою силой, что ему стало больно. Она все еще боялась, что не удержитъ его, что онъ исчезнетъ.

— Развѣ ты знала, что я встрѣчусь съ убійцей?.. какъ могла ты знать это?.. развѣ это ты послала за мной мальчика? куда же онъ скрылся и затѣмъ убѣжалъ?

— Я не понимаю... о какомъ мальчикѣ ты говоришь... я никого не посылала... или, можетъ быть, это Панчетти?!. гдѣ былъ ты?

Наконецъ, они мало по малу успокоились и Александръ разсказалъ ей все, что съ нимъ случилось.

— Такъ онъ, этотъ ужасный Пекки, тамъ, на днѣ канала?

— Не знаю, ничего не знаю... можетъ быть онъ выплылъ...

— Надѣюсь, что нѣтъ... ты избавилъ Венецію отъ величайшаго негодяя, отъ самаго страшнаго убійцы... ты герой! да инымъ ты и быть не можешь... О, еслибы ты зналъ, какіе часы я пережила!..

Она стала, съ живостью и краснорѣчіемъ страсти, съ восторгомъ радости, передавать ему всѣ муки,

испытанныя ею съ той минуты, когда она отправила Панчетти его разыскивать. Для него разсказъ этотъ былъ лучшей музыкой, онъ наполнялъ его сердце блаженствомъ и ему хотѣлось бы еще и еще подвергаться всяческимъ опасностямъ, — лишь бы она такъ ждала его, такъ терзалась и мучилась и такъ чудно разсказывала ему про свои страданія...

IX.

Панчетти такъ и не явился. Очевидно, не найдя Александра, онъ не смѣлъ и глазъ показать синьорѣ Каппело. Онъ, конечно, не могъ себѣ представить, что предметъ его заботы и безплодныхъ скитанiй по городу—невредимъ и счастливъ, какъ только способенъ быть счастливымъ юноша въ бреду любовной горячки.

Но если Александръ, среди этого бреда, позабылъ всякую дѣйствительность,—синьора Анжiолетта все же ее не забывала. Она во-время вспомнила, что свиданiе ихъ не можетъ длиться всю ночь. Она приказала подать гондолу и отпустила Александра не иначе, какъ въ сопровожденiи нѣсколькихъ надежныхъ людей, хоть онъ и просилъ ее не принимать этихъ предосторожностей.

— Это надо не для тебя, а для меня, — рѣшительно объявила она,—неужели ты захочешь, чтобъ я снова мучилась? Я и то не буду спокойна, пока не вернутся мои люди и не скажутъ, что ты вошелъ въ домъ свой невредимо...

Пришлось ей повиноваться.

Черезъ полчаса ея люди вернулись и доложили ей о благополучномъ прибытiи домой синьора фо-

рестьера. Она успокоилась и ничто въ ея сердцѣ не шепнуло ей, что синьоръ форестьеръ въ эту самую минуту снова въ гондолѣ, совершенно одинъ съ первымъ попавшимся гондольеромъ и спѣшитъ къ жилищу ненавистной Лауры.

Дѣло въ томъ, что Александръ засталъ въ своемъ посольствѣ большое волненіе. Не смотря на приближавшееся уже утро, никто не спалъ.

— Что такое? что случилось? — спросилъ Александръ, чувствуя себя виноватымъ.

Ему отвѣчали:

— Алексѣй Прохорычъ изволилъ пропасть.

Вдругъ кто-то тряхнулъ его за́-воротъ и прохрипѣлъ:

— Гдѣ посолъ? говори, что́ ты съ нимъ сдѣлалъ? утопилъ его что-ли?

Александръ увидѣлъ совершенно искаженное отъ бѣшенства лицо Ивана Ивановича Посникова. Иванъ Ивановичъ схватилъ его за руку, потащилъ въ пустой покой, крѣпко заперъ за собою дверь и съ кулаками подступилъ къ нему.

— Говори, извергъ, признайся, гдѣ этотъ старый срамникъ? у какихъ чертей, въ какой преисподней ты его оставилъ?

— Да успокойся-же, Иванъ Иванычъ, чего это ты на меня лѣзешь съ кулаками... я тебѣ не холопъ... на случай чего и у меня кулаки приготовлены,— проговорилъ Александръ такимъ тономъ, который мигомъ подѣйствовалъ на Посникова.

Почтенный дьякъ опустилъ руки и даже отско-

чилъ въ сторону; но бѣшенство и негодованіе попрежнему кипѣли въ немъ.

— Да ты пойми только, — шипѣлъ онъ, — вѣдь утро скоро... думалъ я — покрайности вы вмѣстѣ вернетесь... анъ ты одинъ... Что-жь, не можетъ онъ что-ли и на четверенькахъ до дому добраться?.. такъ вѣдь это такое дѣло, что завтра про то весь городъ узнаетъ, мигомъ до дука доведутъ и такого позору будетъ, что въ пору съ моста броситься да и утопиться, прости Господи!.. Гдѣ же онъ? гдѣ?

— Не знаю, — растерянно прошепталъ Александръ, сознавая, что Посниковъ говоритъ правду, что поведеніе посла дѣйствительно можетъ обратить на себя вниманіе и что, во всякомъ случаѣ, царь за такое поведеніе не похвалитъ.

— Какъ не знаешь?!—да—кричалъ Посниковъ,— такъ это значитъ ты его бросилъ, одного, среди нехристей! что жь ты—о двухъ головахъ что-ли?

Александръ и самъ чувствовалъ себя такъ, будто двѣ головы у него выростаютъ и въ тѣхъ головахъ что-то не совсѣмъ ладно.

— Я, Иванъ Иванычъ, я сейчасъ... я знаю гдѣ онъ... я приведу его!..

Съ этими словами Александръ кинулся изъ палаццо, крикнулъ проѣзжавшаго гондольера, прыгнулъ въ гондолу и направился къ синьорѣ Лаурѣ. Гдѣ-же ему было искать теперь Алексѣя Прохоровича, какъ не у нея!,.

Онъ не ошибся. Палаццо музыкантши былъ еще освѣщенъ и слуги у входа удостовѣрили его, что

важный старый форестьеръ здѣсь, что его привезла синьора Лаура часа три тому назадъ, встрѣтивъ его на площади Святого Марка.

Александръ не хотѣлъ входить въ этотъ домъ. По счастію, въ карманѣ у него былъ листокъ бумаги, пенальчикъ съ перомъ и маленькая походная чернильница, съ которыми онъ, по своимъ секретарскимъ письменнымъ обязанностямъ, никогда не разлучался. При свѣтѣ фонаря онъ, какъ могъ крупнѣе и разборчивѣе, написалъ: «Алексѣй Прохорычъ, я здѣсь и жду тебя, выходи—иначе большая бѣда будетъ». Написавъ это, онъ далъ слугѣ монету и просилъ передать записку старому форестьеру.

Слуга согласился и понесъ записку. Алексѣй Прохоровичъ, уставшій, но довольный, сидѣлъ среди веселой, потѣшавшейся надъ нимъ компаніи и нѣжно глядѣлъ на синьору Лауру. Когда слуга подалъ ему записку, онъ сначала не хотѣлъ брать ее, не понимая въ чемъ дѣло. Но потомъ взялъ, прочелъ и мгновенно преобразился. Онъ пытался жестами объяснить Лаурѣ, что долженъ ее покинуть, схватилъ ея руки, прижалъ ее къ своему сердцу и затѣмъ рѣшительно направился къ двери.

Его хотѣли удержать; но Лаура крикнула:

— Оставьте! неужели онъ еще не надоѣлъ вамъ... мнѣ онъ надоѣлъ... да и поздно... спать пора!

Алексѣй Прохоровичъ былъ навеселѣ, но не пьянъ. Онъ очень твердо сошелъ со ступеней и безъ посторонней помощи сѣлъ въ гондолу.—Поплыли.

— Что-жъ это ты, разбойникъ, меня бросилъ на площади!—сердито проговорилъ наконецъ посолъ.

— Я не бросалъ тебя, Алексѣй Прохорычъ,—довольно бойко отвѣтилъ Александръ и въ темнотѣ нельзя было видѣть, какъ онъ покраснѣлъ при этомъ,—толпа оттерла... потомъ искалъ я, искалъ тебя по всей Венеціи...

— Искалъ! видно хорошо искалъ!.. кабы не эта баба, вѣдь я пропалъ-бы совсѣмъ середь нѣмцевъ...

— Эхъ, Алексѣй Прохорычъ, зачѣмъ тебѣ было пропадать—сѣлъ-бы въ гондолу и прямо тебя домой-бы доставили, вѣдь тутъ всякій перевозчикъ теперь насъ знаетъ... у бабы-то видно весело...

— Ну, ну,—строго перебилъ Алексѣй Прохоровичъ,—какое тамъ веселье... чуть силкомъ не поволокли меня къ ней эти ея богомерзкія образины.

— Это царскаго посла-то силкомъ?.. а вотъ у насъ Иванъ Ивановичъ осатанѣлъ совсѣмъ... кричитъ, бранится... дескать нешто подобаетъ послу царскому невѣдомо гдѣ ночи напролетъ прогуливать...

— Ну, ну!—ворчалъ Чемодановъ—и тоже за темнотою нельзя было разглядѣть, какъ сильно краснѣлъ онъ.

«Послу царскому... невѣдомо гдѣ ночи напролетъ прогуливать!»—повторялось въ его мысляхъ. «Вотъ то-то и бѣда, что вѣдомо гдѣ... ему невѣдомо, а мнѣ такъ вѣдомо... Посолъ царскій... шесть десятковъ лѣтъ скоро стукнетъ... Нѣтъ, довольно, будетъ! Скорѣй царское дѣло справить—и въ обратный путь... домой, въ Москву-матушку... А нѣмокъ этихъ, дьяволицъ пучеглазыхъ—провалъ возьми!..»

X.

Вернувшись домой, Алексѣй Прохоровичъ никому не сказалъ слова, а завидя Посникова, который все еще не ложился и поджидалъ его съ очевидно злостнымъ намѣреніемъ,—поспѣшно ушелъ къ себѣ и заперся на ключъ. Онъ тотчасъ-же раздѣлся, противъ своего обычая, безъ помощи слуги и легъ спать.

Разсвѣтъ уже приближался, а потому можно было полагать, что посолъ, спавшій всегда крѣпко, а ужь особливо послѣ пирушки, встанетъ поздно, гораздо позднѣе обыкновеннаго. Поэтому и истомившіеся ожиданіемъ и безсонной ночью посольскіе люди улеглись, надѣясь наверстать потерянное.

Скоро все въ палаццо покоилось мертвымъ сномъ. Взошло солнце, по каналамъ разсѣялся туманъ, накопившійся за ночь. Мало-по-малу начиналось движеніе и замѣтно увеличивалось. Вотъ раздался дальній мѣрный благовѣстъ; ему отозвался другой, на противуположномъ концѣ города. Прошло, однако,

всего не болѣе трехъ часовъ съ тѣхъ поръ, какъ вернулся Алексѣй Прохоровичъ отъ синьоры Лауры.

Вдругъ дверь его опочивальни съ шумомъ растворилась и на порогѣ появился онъ самъ, совсѣмъ одѣтый, въ посольскомъ кафтанѣ и съ шапкой въ рукахъ. Онъ остановился и увидѣлъ почти у себя подъ ногами двухъ слугъ, безмятежно спавшихъ на полу.

— Эй вы, вставать!—крикнулъ онъ и подтолкнулъ одного изъ нихъ ногою.

Но они продолжали храпѣть. Долго пришлось ему ихъ расталкивать, пока, наконецъ, они не поднялись на ноги, протирая кулаками глаза, отчаянно зѣвая и все еще не видя кто передъ ними, и равно ничего не понимая. Въ концѣ концовъ все-же грозный голосъ Алексѣя Прохоровича привелъ ихъ въ чувство.

— Ишь, разоспались!—кричалъ онъ,—живо! поварачивайтесь! бѣгите къ Ивану Иванычу да къ Александру Микитичу, скажите, что я ужь собрался къ обѣднѣ... въ греческой церкви ужь ударили... Ну, живо!

Слуги кинулись будить Посникова и Александра и, въ свою очередь, долго не могли ихъ добудиться. Когда Посниковъ, наконецъ, понялъ въ чемъ дѣло, то сталъ даже трястись со злости.

— Ишь вѣдь, старый грѣховодникъ!.. къ обѣднѣ! словно путевый!—громко бранился онъ, не стѣсняясь присутствіемъ слугъ.

Между тѣмъ Чемодановъ поднялъ на ноги все посольство, кричалъ и волновался, и кончилось тѣмъ,

что черезъ четверть часа всѣ были готовы, гондолы поданы и «московиты» отправились къ обѣднѣ въ греческую церковь.

Несмотря на помятое лицо и замѣтно опухшіе и покраснѣвшіе глаза, кажется никогда еще въ жизни Алексѣй Прохоровичъ не имѣлъ такого важнаго и степеннаго вида. Онъ глядѣлъ на всѣхъ, даже на Александра, даже на Посникова, строго и неприступно. Посниковъ задыхался отъ злобы, совершенно безсильный, такъ какъ обстановка не позволяла ему разразиться негодующими рѣчами.

Алексѣй Прохоровичъ отстоялъ обѣдню, усердно молился, клалъ земные поклоны. По окончаніи службы онъ съ благодарностью принялъ просфору, поднесенную ему священникомъ, благоговѣйно переломилъ ее, съѣлъ малый кусочекъ, остальное сложилъ въ платокъ и торжественно вышелъ изъ церкви.

На возвратномъ пути, такъ какъ уже встрѣчались гондолы съ замаскированными мужчинами и женщинами, Чемодановъ время отъ времени выражалъ свое негодованіе.

— Однако басурманы эти какъ есть погибшій народъ,—говорилъ онъ собственно ни къ кому не обращаясь,—ну погуляй, потѣшься день, другой, недѣлю... отчего-жъ и не погулять коли таковъ обычай... А вѣдь это что-жь такое! вѣдь они, дьяволы, мѣры никакой не знаютъ, вѣдь этому вѣдьминскому шабашу у нихъ конца нѣтъ!..

— Что это ты, батюшка, Алексѣй Прохорычъ, нѣмцевъ нынѣ порицать сталъ... кажись ихъ гульба

и тебѣ по нраву пришлась,—неутерпѣвъ прошипѣлъ Посниковъ, почти съ ненавистью глядя на посла.

Но Чемодановъ только повелъ на него однимъ глазомъ.

— Погуляй день, другой,—повторилъ онъ,—отчего не погулять, не посмотрѣть на разныя занятныя дѣйства, погуляй, да и остановись во́-время, о душѣ подумай, Богу помолись, попостись хорошенько... А это что-жь—грѣхъ большой, незамолимый! Темный здѣсь людъ, совсѣмъ темный... и наставить ихъ на путь, видно, некому...

— Вотъ тебя-бы къ нимъ въ наставники!—шепнулъ Посниковъ, но такъ тихо, что только сидѣвшій рядомъ съ нимъ Александръ разслышалъ этотъ шопотъ.

По возвращеніи домой Алексѣй Прохоровичъ приказалъ сбирать обѣдъ; но за обѣдомъ отъ рыбы и пироговъ съ весьма вкусной рыбьей начинкой отказался, поѣлъ только овощей, закусилъ ломтемъ хлѣба и выпилъ воды, прибавивъ къ ней малость вина легкаго.

«Спохватился, да увидимъ—на долго-ли!»—подумалъ про себя Посниковъ, и тоже не сталъ ѣсть рыбы.

Послѣ обѣда явился Вимина съ предложеніемъ показать посольству нѣкоторыя достопримѣчательности города, которыхъ «московиты» еще не видѣли.

— Спроси его,—приказалъ Чемодановъ Александру,—есть-ли у нихъ, окромя уже показанныхъ намъ, святыни?

— Святынь, говоритъ Вимина, много,—отвѣчалъ Александръ,—есть въ церквахъ нетлѣнныя мощи угодниковъ.

— Спроси—какихъ угодниковъ мощи?

Собравъ всѣ свѣдѣнія и убѣдясь, что святыня венецiйская, по большей части,—истинная святыня, Алексѣй Прохоровичъ, въ сопровожденiи Вимины и своей свиты, отправился по церквамъ, поклонялся мощамъ, интересовался всѣмъ, что видѣлъ, и то и дѣло повторялъ Александру, чтобы онъ не забылъ чего и какъ есть обо всемъ записалъ въ дневникъ путешествiя.

Прощаясь съ Виминой, онъ выразилъ ему свое большое удовольствiе по случаю видѣннаго въ этотъ день и спросилъ, не извѣстно-ли ему, скоро-ли дукъ назначитъ царскимъ посламъ новую аудiенцiю?

Вимина отвѣтилъ:

— Аудiенцiя, насколько мнѣ извѣстно, назначается черезъ два дня и, полагаю, сегодня-же вы получите приглашенiе. Все окончилось-бы очень скоро и къ общему удовольствiю, если бы вы сказали мнѣ, чего именно угодно вашему государю. Зная его желанія, дожъ обсудилъ-бы ихъ въ Совѣтѣ и на аудiенцiи передалъ-бы вамъ уже рѣшительный отвѣтъ. Увѣряю васъ, что такъ всегда дѣлается съ послами всѣхъ государствъ и не только въ Венецiи, но и повсюду.

Когда Александръ перевелъ эти слова, Чемодановъ ударилъ кулакомъ себѣ о колѣно и съ нескрываемымъ раздраженiемъ воскликнулъ:

— Да скажи ты этому пролазу, чтобъ онъ оставилъ свое плутовство и за старое не принимался! Вѣдь ужъ было ему говорено, что насъ не надуешь и что мы такого глупства не сдѣлаемъ: всякому не станемъ объявлять о такихъ предметахъ, вѣдать которые надлежитъ дуку. Такъ вотъ и скажи ему прямо, безъ обиняковъ: ѣшь, молъ, нѣмецъ, пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами!

У Александра не хватило, конечно, искусства перевести Виминѣ этотъ совѣтъ Алексѣя Прохоровича, но онъ все-же съ достаточной ясностью и твердостью объяснилъ ему, что лучше и не задавать посламъ подобныхъ вопросовъ, такъ какъ они все равно никому ничего не скажутъ.

— Однако войдиде въ положенiе дожа и членовъ Совѣта!—начиналъ горячиться Вимина. —Они заранѣе хотятъ знать цѣль вашего посольства единственно для того, чтобы васъ же избавить отъ неловкости въ томъ случаѣ, если республика не можетъ исполнить желанiя вашего государя. Развѣ прiятно будетъ вамъ получить оффицiальный отказъ?

Александръ перевелъ это слово въ слово. Алексѣй Прохоровичъ на минуту задумался и даже глаза выпучилъ, что онъ обыкновенно дѣлалъ, когда бывалъ поставленъ неожиданно втупикъ. Но недоумѣнiе его было непродолжительно.

— Пустое! — воскликнулъ онъ. — Первымъ дѣломъ—отказъ—всегда отказъ, какъ ни поверни его, а вторымъ дѣломъ спроси-ка ты нѣмца, почему-жъ

это онъ въ головѣ держитъ, что дукъ откажетъ великому государю?

— Я ничего не знаю,—отвѣтилъ Вимина,—но предупреждаю васъ, что если вы будете просить денегъ, то это врядъ-ли понравится дожу. Въ такомъ случаѣ ожидайте неблагопріятнаго отвѣта.

Чемодановъ переглянулся съ Посниковымъ и затѣмъ сказалъ Александру:

— Смотри, братъ, не проговорись, и спроси его, откуда это онъ взялъ, что мы будемъ просить денегъ.

— Онъ говоритъ, что это ему самому такъ показалось.

— Ну и ладно, пускай себѣ остается при своемъ, а мы тоже при своемъ останемся.

Опять ни съ чѣмъ пришлось отъѣхать Viминѣ отъ упрямыхъ московитовъ.

XI.

Дѣйствительно черезъ два дня происходила аудіенція у дожа. На этотъ разъ царское посольство уже не испытывало никакого смущенія и величина гигантскаго зала казалась не столь чудесной. Алексѣй Прохоровичъ почтительно, въ поясъ поклонился дожу и членамъ Совѣта. Дожъ обратился къ посламъ и сказалъ, что онъ съ почтеніемъ и радостью прочелъ письмо московскаго государя, царя Алексѣя Михайловича, переведенное для него на языкъ итальянскій, что изъ письма этого онъ узналъ о посольствѣ въ Венецію именитыхъ людей, которыхъ онъ съ удовольствіемъ передъ собой видитъ, и что онъ ожидаетъ услышать отъ нихъ, въ чемъ состоитъ порученіе, данное имъ царемъ къ Венеціанской республикѣ.

Чемодановъ пріосанился и началъ говорить объ отношеніяхъ Русскаго государства къ Польшѣ, о многихъ великихъ побѣдахъ, одержанныхъ русскими войсками, о взятіи многихъ польскихъ городовъ.

Дожъ отвѣчалъ, что все это ему извѣстно, что, кромѣ того, онъ знаетъ, съ какою любовью, почита-

ніемъ и надеждой относятся къ Московіи христіанскіе народы, находящіеся въ предѣлахъ Балканскаго полуострова и страдающіе отъ Турокъ. Поэтому-то онъ и обращается къ могучему царю Московіи въ надеждѣ, что онъ поможетъ Венеціанской республикѣ въ борьбѣ ея съ невѣрными и пошлетъ противъ нихъ полчища казаковъ.

— Великій государь всегда о томъ тщаніе имѣетъ, чтобы православное христіанство изъ басурманскихъ рукъ высвободилось,—отвѣчалъ Алексѣй Прохоровичъ,—только теперь его царскому величеству начать этого дѣла нельзя, потому что онъ пошелъ на непріятеля своего, а какъ, за Божіею помощью, съ непріятелемъ управится, то заключитъ договоръ съ вами, какъ стоять на общаго христіанскаго непріятеля.

На это дожъ сказалъ о своемъ желаніи, чтобы его увѣдомили, когда будетъ окончена польская война.

— Скажи ему, что противъ такого его желанія великій государь ничего имѣть не можетъ и что мы обѣщаемъ увѣдомить его немедленно вслѣдъ за окончаніемъ войны,— приказалъ Чемодановъ Александру.

— Эхъ, пора вѣдь и къ большему дѣлу приступать,—обратился онъ къ Посникову, а жутко!.. ну какъ и впрямь откажетъ?

— Что-жь ты тутъ подѣлаешь!—отвѣтилъ Посниковъ,—съ насъ за тотъ отказъ взыскать не могутъ, мы тутъ непричинны, а за чѣмъ посланы, то дѣло и надо справить.

— Вѣстимо такъ!

Но все-же сразу Алексѣй Прохоровичъ никакъ не

могъ рѣшиться. Онъ навелъ рѣчь о разрывѣ Польши со Швеціей, объ отношеніяхъ Россіи къ Швеціи, о худыхъ дѣйствіяхъ короля Густава и о всѣхъ его великихъ неправдахъ. Наконецъ, онъ собрался съ духомъ и заключилъ такимъ образомъ:

— И, видя таковыя неправды короля шведскаго, его царское величество злому его начинанію терпѣть не станетъ,—такъ вашему княжеству и честнымъ владѣтелямъ (онъ и Посниковъ низко поклонились при этомъ дожу и членамъ Совѣта) къ царскому величеству любовь свою и доброхотство показать, прислать на помощь ратнымъ людямъ въ займы золотыхъ или ефимковъ, сколько можно, и прислать бы поскорѣе.

У Александра голосъ дрожалъ, когда онъ переводилъ слова эти. Онъ ясно видѣлъ на лицѣ дожа неудовольствіе.

— Мы сейчасъ не можемъ дать вамъ никакого отвѣта, — холодно отвѣтилъ дожъ, — все сказанное вами будетъ записано, обсуждено—и тогда вы получите отвѣтъ нашъ...

На этомъ и кончилась аудіенція. Хотя они и не получили еще отказа, но уже по многимъ неуловимымъ признакамъ каждый изъ нихъ чувствовалъ, что ничего хорошаго нельзя предвидѣть.

— Только какъ же это? неужто дукъ осмѣлится огорчить и обидѣть великаго государя отказомъ?— спрашивалъ Алексѣй Прохоровичъ Посникова.

— А мы то нешто не отказали ему? — отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ,—онъ казаковъ на Турокъ проситъ, мы: постой, молъ, подожди, дай войну кончить...

Чемодановъ совсѣмъ повѣсилъ голову.

Черезъ два дня явился Вимина и изъ первыхъ же словъ его оказалось, что Посниковъ правъ: выходило, коли какъ слѣдуетъ раскусить слова эти, что дукъ и его совѣтники не понимаютъ, какимъ образомъ царь проситъ денегъ поскорѣе, а помощь свою въ борьбѣ противъ Турціи откладываетъ.

— За то ли государь вашъ проситъ у республики денегъ, что хочетъ помочь ей въ войнѣ съ турками?— прямо спросилъ наконецъ Вимина.

Алексѣй Прохоровичь такъ весь и вспыхнулъ и, строго глядя на Вимину, проговорилъ въ волненіи:

— Ты говоришь непристойныя слова, простыя! Великій государь нашъ если изволитъ послать рать свою на турка, то пошлетъ для избавленія христіанъ, а не изъ-за денегъ. По чьему указу говоришь ты эти бездѣльныя слова: приказалъ тебѣ это князь или владѣтели?

Александръ, самъ взволнованный и негодующій, перевелъ эти слова нисколько не смягчая ихъ тона. Вимина растерялся и, помолчавъ немного, отвѣтилъ:

— Я это сказалъ отъ себя.

— Ну такъ впередъ ни отъ себя, да и ни отъ кого, такихъ непристойныхъ словъ не говори, не то мы съ тобой вовсе говорить не станемъ да и на порогъ тебя къ себѣ не пустимъ!—произнесъ Алексѣй Прохоровичъ и величественно вышелъ, даже не кивнувъ головой Виминѣ.

XII.

— Говори, говори мнѣ все, ничего не скрывай отъ меня, мой дорогой Александръ!.. Развѣ ты можешь, развѣ смѣешь что-нибудь отъ меня скрыть?!. Какая у тебя непріятность?.. что случилось?.. отчего у тебя сегодня такое печальное лицо, отчего ты такъ поблѣднѣлъ и прекрасные глаза твои будто въ туманѣ?

Ея глаза не были въ туманѣ,—они сіяли какъ два маленькихъ солнца и въ то-же время въ нихъ скрывалась неизвѣданная, таинственная глубина моря. Она не поблѣднѣла,—на щекахъ ея горѣлъ румянецъ страсти. Лицо ея не стало печальнымъ даже не смотря на тревогу, вызванную смутившимъ ее унылымъ видомъ дорогого ей сѣвернаго варвара.

— Александръ! ты молчишь... ты не хочешь быть откровеннымъ со мною!!..

— Чтò же мнѣ сказать тебѣ, сердце мое, Анжіолетта!—воскликнулъ онъ, и въ голосѣ его прозвучала искренная тоска.—Со мной не случилось ничего дурного... все благополучно... Съ тѣхъ поръ какъ,

по твоимъ стараніямъ, сбиры схватили Нино, а этотъ убійца, котораго я сбросилъ съ моста, утонулъ, меня никто не преслѣдуетъ.,. Правда, эти послѣдніе дни мнѣ приходится много работать, писать, но я привыкъ къ этой работѣ и только мысли о тебѣ мѣшаютъ моему труду... Все благополучно...

— Отчего же ты блѣденъ, отчего ты грустенъ?

— Мы были вчера на аудіенціи у дожа... еще одна прощальная аудіенція... еще недѣля, полторы— и мы уѣзжаемъ...

— Куда, куда вы уѣзжаете?

Она глядѣла съ такимъ изумленіемъ, она не понимала.

— Какъ куда?.. домой, въ Москву возвращаемся... я долженъ навсегда покинуть Венецію, навсегда разлучиться съ тобою... И ты хочешь, чтобъ я былъ веселъ?

Она взяла его за руки, склонила къ нему свое прелестное лицо—и вдругъ засмѣялась.

— Какой вздоръ! ты шутишь!.. развѣ ты можешь уѣхать?

— Развѣ я могу остаться?! еслибъ это было возможно,—я не задумался-бы ни на минуту... Я всю ночь не спалъ сегодня, и все думалъ, все думалъ... Слушай: дожъ проситъ, чтобы нашъ царь извѣстилъ его, когда будетъ у насъ окончена война съ Польшей. Когда мы вернемся въ Москву—я буду всѣхъ умолять, я сдѣлаю все, чтобы съ извѣстіемъ объ окончаніи войны послали меня. Мнѣ кажется... я надѣюсь, что это удастся... Кого-же пошлютъ? я

знаю и латинскій, а теперь и вашъ языкъ, путешествіе мнѣ не новость, Венеція знакома, даже самъ дожъ меня теперь знаетъ... Конечно пошлютъ меня, это почти навѣрное... и вотъ, можетъ быть, меньше, чѣмъ черезъ годъ, не больше, чѣмъ черезъ полтора года, я снова увижусь съ тобою!.. Видишь, я солгалъ, говоря, что навсегда разлучаюсь съ тобой... Мы увидимся... Но годъ! цѣлый годъ!

— Кто говоритъ о годѣ? Молчи, не смѣй такъ шутить! не смѣй такъ шутить!—повторяла она, зажимая ему ротъ маленькой, надушеной, сверкавшей бриліантами рукою.—Не годъ, не полгода, не мѣсяцъ, не недѣля! Я не могу прожить безъ тебя и дня, а ты говоришь о какомъ-то годѣ! Ты говоришь объ отъѣздѣ... куда! въ Москву ужасную, на край свѣта, къ бѣлымъ медвѣдямъ! Да вѣдь если ты уѣдешь отсюда—ты сто разъ утонешь, морскіе разбойники тысячу разъ убьютъ тебя... а тамъ, тамъ или медвѣдь тебя растерзаетъ, или какой-нибудь злой «бояръ» оклевещетъ тебя передъ твоимъ царемъ, и тебя посадятъ въ тюрьму, тебя казнятъ! Какъ-же ты вернешься?.. А я, вѣдь я каждый часъ, каждую минуту буду думать, что тебя, можетъ быть, ужь нѣтъ на свѣтѣ!.. Развѣ такъ можно жить? и развѣ я могу такъ прожить не только годъ, но одинъ мѣсяцъ? я зачахну и умру въ двѣ недѣли... Самъ видишь, какія глупыя ты придумалъ шутки! Что я тебѣ сдѣлала злого, что ты со мной такъ шутишь?!..

На ея чудныхъ глазахъ блеснули слезы.

Но что-же могъ онъ сказать ей, чѣмъ могъ ее

успокоить? Хоть онъ и самъ съ каждымъ днемъ становился все болѣе и болѣе безумнымъ отъ страсти къ ней, но все-же твердо зналъ, что возвращеніе его въ Москву вмѣстѣ съ посольствомъ—неизбѣжно. Какъ это будетъ, какъ переживетъ онъ этотъ ужасный, съ такой злобной быстротою надвигающійся день,—онъ не зналъ. Отъ полнаго отчаянья его спасали только мечты о возможности возвращенія, и онъ жилъ этой надеждой со вчерашняго дня. А до вчерашняго дня, до аудіенціи у дожа, онъ жилъ только настоящимъ и даже совсѣмъ не думалъ объ отъѣздѣ, забылъ о немъ и вспомнилъ только, когда Алексѣй Прохоровичъ, садясь въ гондолу на Пьяцеттѣ, воскликнулъ:

«Ну, какъ бы тамъ ни было, ладно либо худо, а теперича скоро и во свояси!»

— Нѣтъ, ты никуда не уѣдешь, ты останешься со мною!—сказала Анжіолетта, внезапно успокоиваясь.

Въ ея голосѣ была твердая рѣшимость, увѣренность.

— Да, ты останешься со мною, — продолжала она,—твои старики уѣдутъ, и всѣ московиты уѣдутъ съ ними, а ты—пропадешь. Тебя будутъ искать и нигдѣ не найдутъ... я хорошо тебя спрячу!.. Поищутъ, поищутъ—и уѣдутъ... Пріѣдутъ въ Москву—и скажутъ царю, что Александръ утонулъ въ Венеціи. Ты умеръ... тебя нѣтъ на свѣтѣ... А здѣсь... здѣсь явится другой Александръ, не московитъ, а итальянецъ или испанецъ... Этой большой, широкой бороды не будетъ...

Она гладила его бороду и показывала, улыбаясь ему и сіяя на него глазами, чтó она сдѣлаетъ съ его бородою.

— Этой странной прически тоже не будетъ,— продолжала она, проводя рукой по его густымъ, остриженнымъ въ кружокъ волосамъ,—вмѣсто этого кафтана, этихъ высокихъ сапогъ ты будешь ходить въ самомъ модномъ платьѣ... и ты такъ измѣнишься, что никто тебя и не узнаетъ... ты самъ себя не узнаешь... Пройдетъ немного времени... мы уѣдемъ... а потомъ... потомъ я вернусь уже съ моимъ милымъ мужемъ... О, я съумѣю устроить это!.. и я, и этотъ палаццо, и все, что у меня есть, всѣ мои богатства— все это будетъ твоимъ... навсегда! Согласенъ?.! вѣдь да? вѣдь ты меня любишь... ты не можешь отказаться! Да? говори!

Онъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Анжіолетта,—сказалъ онъ,—видитъ Богъ, что я готовъ сейчасъ-же отдать за тебя жизнь; но то, что ты говоришь—невозможно... И мнѣ обидно, что ты почитаешь меня способнымъ на это...

— Чтò ты сказалъ?—прошептала она едва внятно и въ свою очередь блѣднѣя.

XIII.

Чувство, влекшее ихъ другъ къ другу, было одинаково. Ихъ захватила стихійная сила страсти и грубо овладѣла ими. Оба они поддались этой силѣ безъ борьбы—и слѣпо повиноваться ея требованіямъ — являлось для нихъ теперь высшимъ счастьемъ, высшимъ смысломъ жизни.

Такимъ образомъ они, казалось, не могли не понимать другъ друга. Такъ оно и было до этой минуты. Послѣ того какъ открылись козни Нино и Анжіолетта вернула Александру все свое довѣріе, между ними не осталось никакихъ недоразумѣній и они стали жить однимъ общимъ порывомъ, уносившимъ ихъ въ тотъ міръ поэтическаго опьяненія, гдѣ высшій эгоизмъ представляется высшей любовью, гдѣ грубая чувственность смѣло обманываетъ своей маскарадной красотою.

Но вотъ Александръ, не смотря на всю страсть, томленіе, на весь ужасъ предстоявшей разлуки, не могъ не только одобрить планъ Анжіолетты, но даже глубоко имъ оскорбился. Она-же, въ свою очередь,

почувствовала себя тяжко оскорбленной тѣмъ, что онъ отвергаетъ ея предложеніе. Она такъ хорошо придумала, она отдаетъ ему всю свою жизнь, все свое богатство, хочетъ смѣло преодолѣть всѣ препятствія, побѣдить противодѣйствіе родственниковъ, съ презрѣніемъ бросить вызовъ общественному мнѣнію—а онъ отказывается! Значитъ онъ ее не любитъ!..

Чувство капризной, избалованной, привыкшей жить только для себя женщины было оскорблено не на шутку. Вмѣстѣ съ этимъ ей искренно казалось, что всѣ жертвы только съ ея стороны. Какихъ жертвъ она отъ него требуетъ--этого она понять не могла, потому что далекая варварская Московія представлялась ей чѣмъ-то такимъ, отъ чего избавиться — счастье, а люди, которыхъ онъ долженъ тамъ навсегда покинуть—почти даже и не людьми.

Еслибъ онъ сразу, какъ она того ожидала, восторженно принялъ-бы ея предложеніе, очень можетъ быть, что она скоро-бы увидѣла такія стороны своего слишкомъ поспѣшно созданнаго плана, которыхъ сразу не разглядѣла; можетъ быть она должна была-бы сознаться, что нѣкоторыя изъ препятствій ей пожалуй и не преодолѣть. Но его отказъ лишилъ ее всякой способности здраво разсуждать. Ей нужно было теперь заставить его согласиться—ничего другого она не знала и знать не хотѣла.

И вотъ она пустила въ ходъ всю свою силу, всю свою прелесть, кокетство, все краснорѣчіе страстной, капризной женщины, рѣшившейся добиться своего, чего-бы это ни стоило.

Бѣдный Александръ, всегда смѣлый и рѣшитель-

ный, совсѣмъ спасовалъ передъ такимъ неожиданнымъ натискомъ, передъ врагомъ, силы котораго заключались въ улыбкахъ и слезахъ, въ гнѣвѣ и поцѣлуяхъ, въ страстной мольбѣ и проклятіяхъ, въ неотразимой прелести.

Исполнить ея желаніе, навсегда остаться съ нею—какое-бы это было счастье! Жить безъ нея—да развѣ это возможно?.. Но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ онъ чувствовалъ, какъ все въ немъ возмущалось и негодовало отъ одной мысли ей повиноваться.

— У меня отецъ и мать—развѣ я могу, развѣ смѣю заставить ихъ оплакивать мою смерть, когда я живъ?.. Такой обманъ—тяжкій грѣхъ и злодѣйство,—говорилъ онъ.

— А развѣ не тяжкій грѣхъ и не злодѣйство оставить меня и уморить съ печали? — спрашивала она, глядя прямо ему въ глаза и обдавая его огнемъ этого взгляда.

И онъ чувствовалъ, что оставить ее и уморить съ печали—самое безчеловѣчное преступленіе.

— У меня тоже вѣдь и отецъ и мать, и я готова, ради тебя, забыть ихъ,—продолжала она,—во всемъ мірѣ для меня ты одинъ, и кромѣ тебя никого нѣтъ и быть не можетъ... вотъ какъ я люблю тебя, и если тебѣ кромѣ меня кого-нибудь надо, значитъ ты не любишь меня, значитъ ты жестоко обманулъ меня!..

— Но какъ назвать меня, какой меня предать казни, если я откажусь отъ родины, для которой долженъ работать, для которой моя жизнь можетъ быть полезной!—почти безсознательно шепталъ онъ, чувствуя какъ что-то будто сосетъ его сердце, чув-

ствуя какой-то невыносимый стыдъ, и все-же не отрываясь, глядя на нее и сжимая ея руки.

— О, безумный! да развѣ Венеція, прекрасная Венеція не лучше твоей Московіи?.. да развѣ я... я, отдающая тебѣ всю мою жизнь, не лучше твоей родины, гдѣ людей ѣдятъ бѣлые медвѣди, гдѣ глаза лопаются отъ холода?!

— Молчи, Анжіолетта! ты не знаешь, чтó говоришь... еслибъ насъ и ѣли бѣлые медвѣди, еслибъ у насъ и лопались глаза отъ холоду, еслибъ Венеція была въ тысячу разъ прекраснѣй... что-жъ изъ этого!.. я говорю о своей родинѣ...

Передъ нимъ, вытѣсняя одно другое, проносились впечатлѣнія дѣтства и юности... Звонили московскіе колокола, слышалась русскае пѣсня, чувствовалась близость матери... Вотъ будто въявь мелькнулъ уголокъ покойчика, гдѣ въ серебряныхъ ризахъ сіяютъ образа, озаряемые тихимъ свѣтомъ лампадокъ... вотъ проскрипѣли полозья быстро несущихся санокъ и пахнуло морознымъ паромъ... вотъ ударило прямо въ лицо сладкимъ духомъ распустившихся вѣтокъ черемухи и сирени...

— Безумный, жестокій!—слышалось ему среди всего этого,—я жертвую для него всѣмъ, я все забываю, для меня существуетъ только онъ...

— Анжіолетта,—перебилъ онъ ее,—не мучь ты меня, ради Бога!

Но она продолжала его мучить. Она въ конецъ его истомила и онъ ушелъ отъ нея съ затуманенной головою, съ отравленнымъ сердцемъ. Эта отрава начинала дѣйствовать все сильнѣе и сильнѣе и то,

что представлялось ему невозможнымъ, безумнымъ, преступнымъ,—мало-по-малу принимало совсѣмъ другой видъ—улыбалось, манило, сулило блаженство и счастье.

Самъ не зная какъ—онъ ужь мечталъ о планѣ Анжіолетты, онъ уже представлялъ себѣ, какъ скроется въ палаццо Каппелло, какъ перемѣнитъ лицо и нарядъ и потомъ... потомъ превратится въ синьора. Ему уже грезились сцены этой будущей блаженной жизни съ Анжіолеттой, среди чудной итальянской природы, которая такъ хороша и теперь, въ зимнее время, а лѣтомъ, долгимъ, безоблачнымъ, непохожимъ на короткое русское лѣто,—должна быть совсѣмъ волшебна...

Въ этихъ мечтахъ онъ провелъ всю ночь, все утро, весь день, а когда вечеромъ пришелъ къ Анжіолеттѣ,—она сразу, едва взглянувъ на него, увидѣла, что побѣдила, что онъ забылъ для нея и отца, и мать, и родину, забылъ все—и останется, чтобы исполнять всякій капризъ ея, всякій бредъ ея скучающаго воображенія!

— Ты ѣдешь? когда ты ѣдешь?—спрашивала она съ торжествующей улыбкой.

Его сердце, его разумъ хотѣли возмутиться—и не могли.

— Что хочешь, то и дѣлай со мною—я никуда отъ тебя не уйду и не уѣду!—прошепталъ онъ, простирая къ ней руки.

XIV.

Между тѣмъ рѣшающій день быстро приближался. Алексѣй Прохоровичъ, переломивъ себя и отказавшись отъ всякихъ соблазновъ, торопилъ Вимину, требуя отвѣта дожа и объявляя, что имъ попусту ждать нечего, что надо спѣшить отъѣздомъ, такъ какъ моремъ они ѣхать не хотятъ, а на сухомъ пути, въ виду войны, могутъ быть всякія задержки на русскихъ границахъ.

— И что это за повадка такая!—толковалъ онъ,—дѣло простое и ясное: либо да, либо нѣтъ, а томить понапрасну добрыхъ людей къ чему-же?..

Наконецъ Вимина пріѣхалъ и сказалъ, что отвѣтъ готовъ и что члены Совѣта вручатъ его послу царя московскаго.

— Какъ такъ члены Совѣта?.. почему-жь не дукъ? Дукъ долженъ великому государю отвѣтъ передать мнѣ изъ рукъ въ руки!—воскликнулъ Чемодановъ.

— Дожъ не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ нездоровъ,—отвѣчалъ Вимина.

Но посолъ и слышать ничего не хотѣлъ.

— Пустое, пустое!—повторилъ онъ,—да и что-жь это дукъ-то у васъ какой лядащій! Съ виду, кажись, ничего себѣ, жидокъ малость—это точно, а все-же бодрость въ немъ есть... Не вертись, нѣмецъ, насъ не проведешь! Ужь какъ тамъ его дуковой княжеской милости угодно, притворство въ немъ, либо и взаправду немощь какая проявилась, а грамоту онъ мнѣ изъ рукъ въ руки передай. Ему я царскую грамоту отдалъ, къ нему посланъ, отъ него и отвѣтъ приму. Отпустить онъ насъ долженъ съ честью и пока мы его не увидимъ и съ нимъ не простимся—уѣхать не можемъ. Скажи ты ему, нѣмецъ, что слово мое твердо и никакого ущерба чести великаго государя я терпѣть не стану.

Пометался, пометался Вимина, поломался, поломался дукъ, а все же пришлось уступить. Какъ сказалъ Алексѣй Прохоровичъ, такъ и ни съ мѣста

— Къ членамъ Совѣта не пойду, отвѣта отъ нихъ не приму, дука мнѣ подать—вотъ и все тутъ.

Принялъ дожъ московитовъ въ торжественной прощальной аудіенціи, и даже въ платье парадное вырядился, а когда передавалъ свою отвѣтную грамоту, то на печать указалъ и объяснилъ:

— Печать золотая—всѣмъ прочимъ государямъ, королямъ и инымъ королевской крови князьямъ грамоты серебряной печатью запечатываю, а его царскому величеству золотую приложилъ въ знакъ особливаго почитанія.

Золотая печать и таковыя дуковыя слова посламъ

пришлись по нраву и они въ отвѣтъ отвѣсили пренизкіе поклоны. Все было-бы хорошо, да дукъ, хоть хитрилъ, хоть и прикидывался всячески, а все же въ выдачѣ казны—золотыхъ и ефимковъ—наотрѣзъ отказалъ.

— Много лѣтъ,—сказалъ онъ,—республика венецейская ведетъ прежестокую войну съ турками и отъ той многолѣтней и тяжкой войны казна ея истощилася, такъ что ссудить денегъ великому государю никоимъ образомъ невозможно.

Помялись послы на мѣстѣ, вздохнули, переглянулись между собою.

— Ну что-жь,—не безъ печали вымолвилъ Алексѣй Прохоровичъ,—такъ и доложимъ великому государю... на нѣтъ—и суда нѣтъ!

Откланялись, поблагодарили за ласковый пріемъ и поѣхали къ себѣ собираться въ путь-дорогу.

— Какъ гора съ плечъ,—говорилъ, отдуваясь, Чемодановъ,—по крайности все какъ слѣдъ окончено и дѣло свое мы справили по совѣсти, честь русскую сохранили, въ грязь лицомъ не ударили!

— Гм!.. гм!..—вдругъ прокряхтѣлъ Посниковъ, да такъ многозначительно, что Алексѣй Прохоровичъ вспыхнулъ и негодующе повелъ на него однимъ глазомъ.

— Ты это что-жь? ты это къ чему кряхтишь-то?

— А такъ вотъ... ни къ чему... першитъ что-то въ горлѣ, батюшка Алексѣй Прохоровичъ,—отвѣтилъ Посниковъ.

А потомъ не удержался и прибавилъ:

— Такъ, такъ... въ грязь лицомъ не ударили... держали себя съ достоинствомъ, какъ подобаетъ нашему посольскому званію, отъ басурманскихъ мерзостей отворачивались, пуще-жь того—за нѣмецкими бабами не бѣгали и тѣмъ себя не срамили...

Чемодановъ похолодѣлъ даже.

— Слушай, Иванъ, — тихо, внушительно произнесъ онъ,—коли ежели ты еще разъ такое слово скажешь, то вотъ провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ, ежели я тебѣ ребра не переломаю!

Посниковъ позеленѣлъ и замолчалъ. Онъ пошелъ къ себѣ съ тѣмъ, чтобы укладываться: но едва успѣлъ онъ разложить вещи и раскрыть сундуки свои, какъ ему доложили, что пришелъ и его спрашиваетъ монахъ здѣшній, стриженый да бритый, а съ нимъ и полякъ Таборовскій, переводчикъ.

Этого переводчика Таборовскаго Посниковъ уже зналъ, такъ какъ онъ во Флоренціи присталъ къ посольству и даже былъ принятъ въ помощь Александру. Но въ Венеціи, на слѣдующій-же день по пріѣздѣ, полякъ что-то не совсѣмъ почтительно сказалъ Алексѣю Прохоровичу, получилъ за это отъ посла подзатыльникъ и, обидясь, скрылся.

— Что еще тамъ имъ надо, еретикамъ поганымъ? — пробурчалъ Посниковъ; но все-же пришедшихъ принялъ. Стриженный да бритый монахъ оказался не иной кто какъ Панчетти.

— Я пришелъ сообщить вамъ дѣло большой для васъ важности,—черезъ поляка переводчика, кое какъ изъяснявшагося по-русски, началъ онъ объяснять

Посникову. — Вѣдь вы завтра собираетесь уѣзжать изъ Венеціи въ Московію?

— Да, собираемся.

— А вашъ молодой товарищъ и переводчикъ, господинъ Александръ, остается здѣсь.

— Ну что за вздоръ!.. какъ можетъ онъ оставаться... онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ нами.

— Его ужь нѣтъ, онъ скрылся и не вернется къ вамъ, онъ скрывается у одной молодой и прекрасной синьоры...

Посниковъ даже подскочилъ на мѣстѣ, разобравъ это.

— Теперь еще рано; но если придетъ ночь — и онъ не вернется,—продолжалъ Панчетти,—если завтра утромъ его не будетъ и вы увидите, что я говорю вамъ правду, то вы найдете его тамъ, куда вотъ этотъ синьоръ проведетъ васъ.

Онъ указалъ на Таборовскаго, который отъ себя уже прибавилъ:

— Да, я проведу васъ; но за хлопоты въ такомъ важномъ дѣлѣ вы мнѣ дадите два червонца.

— Разбойникъ! — воскликнулъ Посниковъ, — два червонца!.. да весь-то ты и двухъ алтынъ не стоишь!..

Полякъ не сталъ обижаться.

— Если дадите два червонца—я проведу, а то и уѣзжайте себѣ съ Богомъ безъ пана Залѣсскаго... На всякій случай я поутру приду...

Онъ поклонился, поклонился за нимъ и Панчетти— и они ушли.

XV.

На слѣдующій день, уже передъ закатомъ солнца, Панчетти громко стучался въ запертую дверь гостиной синьоры Анжіолетты. Наконецъ дверь отворилась, его впустили и онъ увидѣлъ передъ собою синьору, разсерженную и негодующую.

— Вы кажется съума сошли, Панчетти,—не давъ ему произнести ни звука начала она,—по какому праву вы такъ стучитесь?.. Вѣдь я сказала вамъ еще утромъ, чтобы вы не входили ко мнѣ сегодня... неужели я не могу быть свободной въ своемъ домѣ? Или случилось что-нибудь важное?—въ такомъ случаѣ говорите скорѣе.

— Съ этого вопроса вамъ слѣдовало-бы начать, синьора,—тономъ тихаго упрека произнесъ Панчетти;—конечно, случилось, если я рѣшаюсь васъ безпокоить и являться, не смотря на ваше запрещеніе. Здѣсь московитскіе послы... и они требуютъ выдачи синьора Александра.

Анжіолетта ничуть не испугалась и только разсердилась еще больше.

— Требуютъ выдачи!.. вотъ вздоръ!.. и кто-же это имъ сказалъ, что онъ здѣсь?—вы что-ли?

— Нѣтъ, я не говорилъ, конечно, да и не умѣю объясняться съ ними, а что у нихъ есть еще другой переводчикъ—я узналъ только сейчасъ, когда онъ заговорилъ со мною... Не знаю—кто могъ имъ сказать, но они увѣрены, что онъ здѣсь, и требуютъ, чтобы я ихъ провелъ къ нему.

— Такъ и проведите ихъ къ нему, синьоръ Панчетти,—спокойно сказала она.

— Гдѣ-же онъ? въ какой части палаццо?—я не знаю.

— Его въ моемъ палаццо нѣтъ и гдѣ онъ—я тоже не знаю... неужели вы думаете, что я стану прятать у себя кого-нибудь? Скажите этимъ людямъ, чтобы они сейчасъ же уходили и не смѣли меня безпокоитъ. Я ихъ не знаю и знать не хочу.

— Подумайте, синьора, вѣдь я говорю единственно изъ преданности вамъ, изъ желанія избавить васъ отъ очень большихъ непріятностей, быть можетъ отъ серьезной бѣды. Это не простые люди... вѣдь это послы иностраннаго государства, съ которымъ республика находится въ дружбѣ. Дожъ никакъ не можетъ оставить ихъ жалобу безъ послѣдствій... Если они не уведутъ съ собою синьора Александра, то немедля отправятся къ дожу съ жалобой и онъ поневолѣ долженъ будетъ приказать сдѣлать строгій обыскъ въ палаццо Каппелло. Подумайте же, какое

это произведетъ на всѣхъ впечатлѣніе! У васъ, синьора, столько завистницъ, у васъ столько враговъ... что̀ сдѣлаютъ они съ вашей репутаціей!

— О моей репутаціи я вовсе не прошу васъ заботиться—это ужь мое дѣло,—сказала Анжіолетта все съ тѣмъ же спокойствіемъ,—что же касается обыска—неужели вы не могли догадаться, что мысль о немъ должна была прійти мнѣ въ голову!.. Пусть перероютъ весь палаццо—и все же не найдутъ того, кого ищутъ... и дожъ долженъ будетъ предо мною извиняться.

— Такъ гдѣ же онъ, гдѣ?

— Я сама этого не знаю, а еслибы и знала, то, конечно, не сказала бы ни вамъ, ни дожу, никому на свѣтѣ.

Панчетти отлично видѣлъ, что она знаетъ, гдѣ скрывается Александръ; но еще лучше понималъ, что она этого ему не скажетъ.

— Это послѣднее ваше слово, синьора?

— Да, синьоръ, а потому, пожалуйста, меня не задерживайте и не тревожьте всякимъ вздоромъ. Скажите этимъ варварамъ, что я совѣтую имъ успокоиться и не требовать осмотра моего палаццо, потому что они никого здѣсь не найдутъ и я буду на нихъ жаловаться. Развѣ Анжіолетта Каппелло должна выносить такое оскорбленіе?

Она повернулась, твердой, спокойной поступью прошла въ сосѣднюю комнату и заперла за собою на ключъ дверь.

Панчетти сильно задумался. Онъ видѣлъ, что его

разсчетъ оказывался невѣрнымъ. Онъ могъ выдать Александра посламъ только въ томъ случаѣ, еслибъ самъ зналъ, гдѣ именно онъ находится, а знать это могъ только въ случаѣ полнаго къ нему довѣрія синьоры. Между тѣмъ она во время догадалась, очевидно на основаніи дѣйствій Нино, что и Панчетти, тайно въ нее влюбленному, не слѣдуетъ довѣряться. Онъ, конечно, не способенъ поступить какъ поступилъ Нино, онъ не подговоритъ «браво» убить Александра, но придумаетъ что-нибудь другое, менѣе для него отвѣтственное, даже совсѣмъ не отвѣтственное,—и все-же достигающее цѣли.

Дѣлать нечего, пришлось аббату итти къ посламъ и объяснить имъ, что бѣглеца найти трудно, что неизвѣстно—гдѣ онъ находится.

— Какъ же ты, еретикъ, говорилъ, что онъ здѣсь?—завопилъ Чемодановъ.

— Можетъ быть и здѣсь, да если не выходитъ и его не выдаютъ, такъ нечего дѣлать.

— Обыскать надо—вотъ что!—рѣшилъ Посниковъ.

Полякъ перевелъ это аббату.

— Объ обыскѣ нечего и думать,—сказалъ Панчетти, и передалъ въ точности слова синьоры Каппелло, объяснивъ, что она одна изъ знатнѣйшихъ патриціанокъ и съ нею надо обращаться осторожно.

Послы изъ себя вышли.

— Къ дуку, къ дуку... прошеніе!.. требованіе!..—задыхался Чемодановъ.

— А что̀ коли онъ и впрямь того?—вдругъ проговорилъ Посниковъ.

— Чего того?

— А того, что, предавъ душу свою дьяволу и увлекаемый врагомъ рода человѣческаго—взялъ, да и утопился!

— Ну что́ ты, что́ ты!.. вѣдь вотъ же еретикъ какъ по книгѣ все разсказалъ...

— Да вѣдь онъ говорилъ, что малый-то здѣсь, а теперь, самъ видишь, виляетъ: можетъ, говоритъ, и здѣсь, а можетъ и нѣтъ его, и не вѣдаю, говоритъ, гдѣ онъ... Да ты на рожу-то его взгляни. . у него и рожа другая... и сдается мнѣ... чуръ меня! чуръ! наше мѣсто свято!

— Что тебѣ сдается, Иванъ Иванычъ?—тревожно и растерянно спросилъ Чемодановъ.

— А то, что этотъ еретикъ... кто его знаетъ... а по рожѣ-то... можетъ, это и есть самъ дьяволъ!

Алексѣй Прохоровичъ перекрестился и невольно отступилъ отъ Панчетти.

— Такъ чего-жь мы стоимъ тутъ... чего ждемъ!?—крикнулъ онъ и поспѣшилъ къ выходу.—Домой скорѣй, тамъ разсудимъ какъ теперича быть намъ.

Когда гондола отчалила, онъ обратился къ Посникову.

— Да прочти ты мнѣ толкомъ цидулу-то... какъ онъ пишетъ?

Посниковъ вынулъ изъ кармана небольшой листъ бумаги, сложенный въ видѣ письма. Это письмо въ посольство утромъ принесъ какой-то мальчишка, принесъ, подалъ и убѣжалъ. Въ письмѣ, на имя Посникова, значилось:

«Не ищите меня, не найдете — вода въ венецей-

скихъ каналахъ глубокая и кто попалъ въ нее — не выплываетъ. Безъ меня поѣдете, другого переводчика, хоть поляка нашего, возьмите—его найти легко. Помолитесь обо мнѣ грѣшномъ. Александръ Залѣсскій».

Прочли, перечли и опять прочли они теперь эту цидулу.

— Вотъ грѣхъ! вотъ грѣхъ! — повторялъ Чемодановъ.

«А кто тому грѣху первая причина, кто совратилъ парнишку своимъ примѣромъ?!»—думалъ Посниковъ, но громко своей мысли не высказалъ.

Однако Алексѣй Прохоровичъ прочелъ ее въ глазахъ его и ужь не покраснѣлъ, а поблѣднѣлъ, а въ сердце ему будто ножомъ кто ударилъ.

— Вѣстимо—утопъ! — между тѣмъ мрачно говорилъ Посниковъ,—вотъ до какого грѣха, вотъ до какой бѣды дожили!.. и какъ же намъ быть теперь... какъ на Москву показаться?.. вѣдь царь-то... вѣдь онъ, батюшка нашъ, наказалъ намъ хранить да беречь его... А чтó-жь ты тутъ подѣлаешь... какъ убережешь, коли дьяволъ въ дѣло впутался и образъ бабій, прельстительный на себя принялъ... Эхъ, Алексѣй Прохорычъ!!

— Ты это чтó... а? что это ты?!

— Эхъ, говорю, Алексѣй Прохорычъ... эхе-хе-хе! пропала парнишкина душа, задаромъ пропала—и мы къ тому-жь въ отвѣтѣ!

— Да не говори ты, молчи!—отчаянно закричалъ Чемодановъ, сжимая кулаки,—молчи, аспидъ,—и такъ вѣдь тошно!..

XVI.

Александръ слышалъ весь разговоръ Анжіолетты съ аббатомъ, такъ какъ былъ рядомъ въ комнатѣ, за спущенной дверной занавѣсью. Поддавшійся страсти и отуманенный ею, онъ ужь не оглядывался, не колебался и съ полнымъ спокойствіемъ совершалъ то, что за сутки считалъ грѣхомъ и преступленіемъ.

Спокойствіе это было какое-то странное, будто человѣкъ дѣйствовалъ не добровольно, не сознательно, а какъ заведенная машина. Анжіолетта сказала ему, что надо послать «московитамъ» такую записку, прочтя которую они подумали бы, что онъ утопился,— и онъ тотчасъ-же исполнилъ это. Теперь она приказывала ему стоять за занавѣсью и не шевелиться,— и онъ стоялъ какъ окаменѣлый, безъ малѣйшаго движенія, почти остановивъ дыханіе.

Однако въ глубинѣ его сердца шла какая-то тайная работа. Ему становилось все тоскливѣе. Будто камень легъ на грудь—и давилъ. Но онъ еще не сознавалъ своей тоски, не спрашивалъ себя — почему

это, когда онъ соединенъ навсегда съ тою, которую любитъ больше всего на свѣтѣ, онъ испытываетъ не радость, не счастье, а давящую, все усиливающуся тягость...

Анжіолетта вошла, заперла за собою дверь, прислушалась и, услыша, что Панчетти ушелъ, подняла скрывавшую Александра занавѣсь.

— Ты слышалъ?

— Да, я все слышалъ,—безъ малѣйшаго проявленія какого-либо чувства, произнесъ Александръ.

— О, этотъ Панчетти! онъ хитёръ, но я его хитрѣе,—говорила Анжіолетта,—я увѣрена, что это онъ далъ знать твоимъ старикамъ, что ты здѣсь... Я думаю, что теперь, вотъ въ эту самую минуту, онъ уговариваетъ ихъ немедленно принести жалобу дожу и требовать обыска въ моемъ палаццо... Очень можетъ быть, что московиты и добьются обыска... Еслибъ это было при покойномъ дожѣ—я ни минуты не стала бы тревожиться, но теперь... Дожъ втайнѣ ненавидитъ всю мою семью и будетъ радъ подъ благовиднымъ предлогомъ нанести намъ оскорбленіе... Да, обыскъ возможенъ, но намъ все же нечего бояться. Я знаю одну тайну этого стараго палаццо, которой никто не знаетъ, кромѣ владѣльца. Когда мой несчастный мужъ отправлялся въ Турцію, гдѣ такъ ужасно умеръ, онъ передалъ мнѣ эту тайну... Теперь, мой дорогой, ты скоро станешь владѣльцемъ палаццо Каппелло, потому что мужъ мой, тоже передъ своимъ отъѣздомъ, подарилъ мнѣ его... ты

станешь владѣльцемъ—и я могу довѣрить тебѣ эту тайну... Пойдемъ!

Она взяла его за руку, провела черезъ нѣсколько комнатъ и, остановясь передъ стѣной, между двумя большими окнами, сказала:

— Осмотри хорошенько эту стѣну—не найдешь ли въ ней чего-нибудь страннаго, подозрительнаго?

Онъ тотчасъ же приступилъ къ осмотру съ той же машинальностью, которая не покидала его. Но какъ онъ ни оглядывалъ эту наружную стѣну между окнами—ничего не могъ въ ней замѣтить.

— Ты видишь, — наконецъ прервала молчанiе Анжiолетта,—это наружная стѣна, въ ней ничего нѣтъ, да и быть не можетъ... если даже станутъ искать какого-нибудь тайнаго помѣщенiя, куда я могла бы тебя спрятать—его будутъ искать гдѣ угодно, только не здѣсь... какой же тутъ можетъ быть тайный ходъ, гдѣ же тутъ слѣдъ двери?!.. А вотъ... смотри...

На трогаясь съ мѣста она сдѣлала ногою нѣсколько движенiй, сильно надавливая на мозаичный полъ—и вдругъ все пространство стѣны между окнами, отъ полу и аршина на четыре въ вышину, медленно и безшумно стало опускаться куда-то внизъ.

Александръ невольно вздрогнулъ и отскочилъ—онъ никогда не видалъ ничего подобнаго.

Стѣна все опускалась и образовала довольно объемистое, темное пространство.

— Иди за мною!—сказала Анжiолетта, и смѣло

перешагнувъ остатокъ опустившейся стѣны, оказалась въ этомъ темномъ пространствѣ.

Александръ, не разсуждая и какъ бы во снѣ, тоже перешагнулъ и очутился рядомъ съ нею. Но что же дальше? Если стѣна снова подымется—оба они окажутся замуравленными между камней, почти даже не имѣя возможности шевельнуться.

И вотъ, только что эта мысль пришла ему въ голову, какъ стѣна дѣйствительно стала подниматься. Еще нѣсколько мгновеній—и они въ полномъ мракѣ, со всѣхъ сторонъ холодный камень. Еслибы не теплое дыханіе Анжіолетты, еслибы не ощущеніе ея присутствія — Александру, можетъ быть, стало-бы очень жутко. Теперь-же онъ только вышелъ изъ своего равнодушія и, ничего не понималъ, ждалъ—что-же будетъ дальше.

— Охъ, что́ я сдѣлала, что́ я сдѣлала!—разслышалъ онъ отчаянный шопотъ Анжіолетты.—Я забыла оставить открытой пружину—и теперь мы погибли! никакая сила не спасетъ насъ! Мы умремъ здѣсь голодной смертью... вотъ такъ... стоя... мы можемъ только обняться передъ смертью!...

Александръ вздрогнулъ и почувствовалъ, какъ ледяной холодъ пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ. Онъ понялъ сразу всѣ безвыходность положенія. Смерть! Это смерть! Онъ ужь видѣлъ ея приближеніе, тогда, во время бури, на кораблѣ... Но тогда была надежда... а теперь... теперь ничто и никто спасти не можетъ!..

«Не ищите меня, не найдете—вода въ венецей

скихъ каналахъ глубокая и кто попалъ въ нее — не выплываетъ»—вспомнились ему его слова въ запискѣ, посланной имъ Посникову по желанію Анжіолетты.

Холодно и ужасно въ мутной водѣ венецейскихъ каналовъ, а здѣсь, въ этой каменной могилѣ, пожалуй еще холоднѣе, еще ужаснѣе! Когда онъ писалъ эти обманныя слова—мысль о смерти и не приходила ему въ голову—онъ думалъ о жизни, о наслажденіи... «Не ищите—не найдете!» —вотъ и накликалъ, вотъ никто и никогда не найдетъ его!.. Вотъ и наказаніе за обманъ, за грѣхъ, за совершенное имъ тяжкое преступленіе!..

Анжіолетта рыдаетъ, шепчетъ прерывающимся голосомъ:

— Что-же намъ дѣлать!? пойми—вѣдь это смерть... вѣдь никакого спасенія!.. мы можемъ стучать о камни, пока не отшибемъ себѣ рукъ—и никто насъ не услышетъ... мы можемъ кричать, пока не надорвется грудь—и крикъ нашъ будетъ замирать въ этихъ камняхъ... Да еслибъ кто и услышалъ стукъ и крики, развѣ можно понять, откуда идутъ они!.. Я заперла дверь на ключъ, до завтра никто не посмѣетъ войти... потомъ, можетъ быть вечеромъ, рѣшатся и выломаютъ дверь, обойдутъ всѣ эти комнаты, меня нигдѣ нѣтъ... и уйдутъ... станутъ вездѣ искать меня—и не найдутъ... Вся Венеція будетъ говорить о томъ, что синьора Каппелло исчезла... Потомъ всѣ забудутъ... Потомъ пройдетъ много лѣтъ, много, много лѣтъ, можетъ быть цѣлые вѣка пройдутъ,—и когда сло-

мають эту стѣну, узнають ея тайну... и найдутъ насъ...

Она рыдала и въ глубокомъ, холодномъ мракѣ прижималась къ Александру.

— Да скажи-же мнѣ хоть что-нибудь!—шептала она.

— Если смерть пришла—значитъ умирать надо,—наконецъ выговорилъ Александръ,—мы заслужили эту смерть...

XVII.

Вдругъ она засмѣялась.

— Александръ, мой милый, мой дорогой, да вѣдь я шучу... я только хотѣла попугать тебя... Мы вовсе не заслужили смерти, мы заслужили жизнь, радость, счастье!

Онъ ничего не понялъ, онъ не успѣлъ еще обрадоваться, притти въ себя отъ неожиданности, когда Анжіолетта дернула возлѣ себя за какую-то пружину и они стали опускаться. Показался слабый свѣтъ, проникавшій въ очень маленькія, сдѣланныя въ стѣнѣ отверстія. Они опускались все ниже и ниже и, наконецъ, очутились въ довольно обширномъ помѣщеніи.

Здѣсь было почти совсѣмъ темно; но Анжіолетта зажгла огонь и вотъ свѣтъ двухъ восковыхъ свѣчей позволилъ Александру оглядѣться. Онъ въ очень богато убранной комнатѣ. Полъ, стѣны, даже потолокъ—все увѣшано коврами. Великолѣпныя зеркала уничтожаютъ мрачность этой подземной комнаты.

Анжіолетта сейчасъ-же стала приводить все въ порядокъ.

— Я давно не была здѣсь,—говорила она,—тутъ пыльно и холодно... да что-же дѣлать!.. Но прежде всего скажи: ты на меня не сердишься за мою глупую шутку?..

Она подошла къ нему, положила ему свои руки на плечи, и глядѣла ему въ глаза, и улыбалась. Развѣ могъ онъ на нее сердиться!

— Да, конечно, надо быть осторожнымъ... когда они уѣдутъ—можно будетъ дѣйствовать смѣлѣе... пока-же тебѣ придется посидѣть здѣсь. Здѣсь-то ужь тебя никто не отыщетъ и я не боюсь никакого обыска—пусть хоть всѣ сбиры Венеціи три дня обыскиваютъ палаццо!.. Теперь я поднимусь, принесу тебѣ ужинъ, вино и теплыя одѣяла для ночи... Только долго я съ тобой не останусь сегодня... Я проведу вечеръ у себя въ гостиной, даже призову Панчетти и заставлю его читать мнѣ. Пусть приходятъ твои старики со сбирами, пусть приходитъ самъ дожъ и съ нимъ вся Венеція.

Она стала на маленькую желѣзную платформу, на которой они сюда спустились, прижала въ стѣнѣ большую круглую пуговицу и стала медленно подниматься къ потолку, посылая Александру воздушные поцѣлуи. По всему видно, что она отлично знакома со всѣмъ этимъ хитрымъ механизмомъ и что нерѣдко сюда спускалась и отсюда поднималась.

Ея нѣтъ; въ потолкѣ, гдѣ она скрылась, только широкое отверстіе, откуда брезжетъ слабый свѣтъ. Александръ одинъ, среди глубокой тишины, ненарушаемой никакимъ звукомъ. Онъ упалъ на низенькій,

мягкій диванъ и погрузился въ полное бездумье, почти въ забытье, пока она не спустилась къ нему. Она приготовила ему постель, поставила на столъ ужинъ и крѣпко обняла его.

— Прощай, прощай, не смѣю оставаться здѣсь съ тобою ни одной лишней минуты — мало-ли что̀ можетъ тамъ случиться. Можетъ быть ужь и теперь стучатъ въ мою дверь... Что̀ дѣлать! потерпимъ дня два, а потомъ—вся жизнь передъ нами!.. Но что же съ тобой?.. отчего... отчего ты такъ холодно меня цѣлуешь?

— Спѣши, спѣши... вѣдь ты сама говоришь: мало-ли что́ тамъ можетъ случиться...

Она исчезла—и онъ опять одинъ. Онъ не дотронулся до ужина, легъ, закутался теплымъ одѣяломъ и хотѣлъ заснуть. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ и тяжесть съ каждой минутой все больше и больше начинала давить его сердце.

Сонъ не приходилъ, мысли метались во всѣ стороны, ни на чемъ не останавливаясь. Становилось невыносимо тяжело, тоска такъ и томила.

И стало ему казаться, что все это съ нимъ оттого, что онъ позабылъ что-то. Стоитъ ему только вспомнить это позабытое — и тоска пройдетъ, станетъ легко на сердцѣ. Но онъ никакъ не можетъ вспомнить. Вотъ какъ будто что-то подходитъ — еще немного, еще одно усиліе — и оно вспомнится... А между тѣмъ нѣтъ—не вспоминается, никакъ не вспоминается,—да и только!..

Наконецъ онъ уснулъ. Ему приснилось, будто онъ

одинъ, въ каменномъ гробу, который со всѣхъ сторонъ плотно его облегаетъ. Страшно холодно среди этихъ камней, и душно и тяжко. Ужасъ охватываетъ его, онъ задыхается — и не можетъ шевельнуться. Вдругъ откуда-то издали доносится тихій звонъ. Звонъ этотъ все ближе, все яснѣе. Онъ узнаетъ его— это звонятъ на Москвѣ колокола кремлевскіе.

Небывалая сила наполнила его, онъ рванулся, разсыпались вокругъ него камни, поднялся онъ—и видитъ: свѣтло... онъ въ церкви, сіяютъ, и теплятся восковыя свѣчи и лампады... Кто-же это?.. кто это склонился въ молитвѣ передъ образомъ Спаса?.. и отчего такъ вдругъ замерло и забилось его сердце?.. Онъ спѣшитъ къ образу Спаса, и падаетъ на колѣни... и видитъ... рядомъ съ нимъ...

«Настя»!—радостнымъ кликомъ вырывается изъ груди его. Она повернулась къ нему... Это она, она! Ему свѣтло, ему чудно, всю его душу наполняетъ невыразимое счастье, такое блаженство, какое только во снѣ и можетъ прегрезиться человѣку...

Онъ проснулся. Тоски нѣтъ, тяжесть спала... Онъ вспомнилъ...

«Настя! Настя!»—услышали безмолвныя, холодныя, увѣшанныя коврами стѣны венеціанскаго подземелья.

XVIII.

Царское посольство, въ полномъ своемъ составѣ, съ громадными тюками товаровъ и всякой поклажи, медленно подвигается на сѣверъ. И вмѣстѣ съ «московитами», будто сопровождая ихъ, стремится къ тому-же сѣверу благоухающая весна. Чудное время и чудная природа, поражающая разнообразіемъ своихъ картинъ, причудливой пестротою своихъ красокъ. Какіе теплые, сіяющіе, смѣющіеся дни, какія волшебныя, манящія ночи!..

На сѣверѣ еще снѣгъ лежитъ, оттуда еще морозы трескучіе уходить не хотятъ, до весны еще тамъ далеко и только солнце мало-по малу замѣшкиваться на небѣ начинаетъ, а здѣсь ужь въ густой зелени всѣ деревья и цвѣтутъ невиданные цвѣты, и распѣваютъ неслыханныя птицы. Чудное время, чудный край!.

Ну какъ тутъ не поддаться очарованію, какъ не продлить остановокъ, какъ не насладиться всѣми

этими новыми впечатлѣніями, которыя ужъ не повторятся въ жизни! А между тѣмъ «московиты» спѣшатъ все впередъ да впередъ, останавливаются только по необходимости. Алексѣй Прохоровичъ то и дѣло всѣхъ торопитъ, и кричитъ, и жалуется на каждую остановку. И всѣ посольскіе люди, отъ перваго до послѣдняго, понимаютъ его нетерпѣніе и раздѣляютъ его чувства:

«Чего-жъ тутъ и впрямь прохлаждаться-то! дѣло сдѣлано, пройдены всякія мытарства, а теперь скорѣе-бы домой... Дай-то, Господи, благополучно добраться!—вотъ общая мысль—и страстное желаніе попасть поскорѣе въ русскіе предѣлы такъ велико, тоска по родному дому такъ неотвязна,—что гдѣ ужъ тутъ наслаждаться диковинками заморскими. Самые блистательные вешніе дни, самыя душистыя южныя ночи проходятъ незамѣченными для «сѣверныхъ варваровъ», мечтающихъ о бѣломъ снѣгѣ, крѣпкомъ морозѣ да горячихъ лежанкахъ...

— Ишь ты, время-то какъ идетъ!.. Святая скоро!—говоритъ со вздохомъ Алексѣй Прохоровичъ,—вотъ... и Рождества Христова не видѣли, да и Пасху не придется увидѣть... цѣлый годъ изъ жизни вонъ!.. Ну ужъ не приведи Господи еще такого года!..

И всѣ посольскіе люди, отъ перваго и до послѣдняго, готовы изъ глубины души повторять за своимъ нáбольшимъ: «не приведи Господи еще такого года!»

Готовъ былъ повторять это и Александръ. Какъ Александръ? да развѣ онъ возвращается въ Москву вмѣстѣ съ посольствомъ? Конечно, а то какъ-же

иначе? «Быль молодцу не укоръ»—и ужь особенно не укоръ, если эта быль является въ образѣ такой прелестной соблазнительной женщины, какъ синьора Анжіолетта Каппелло. Разумѣется Иванъ Ивановичъ Посниковъ имѣлъ всѣ основанія глубоко возмущаться и порицать Александра. Самъ почтенный, серьезный дьякъ никогда не увлекся-бы никакой синьорой, вопервыхъ потому, что даже и въ юные годы сердце его всегда очень спокойно билось, а красота для него казалась совершенно излишней роскошью; вовторыхъ, и это самое главное, потому, что никакая синьора низачто не увлеклась-бы имъ и не стала-бы увлекать его. Добродѣтель, когда она является побѣдительницей въ человѣкѣ, сердце котораго отъ юности «мнози борятъ страсти»,—есть истинная добродѣтель; но мы знаемъ обоего пола особъ, носящихся со своею добродѣтелью; но въ дѣйствительности не побѣжденныхъ только потому, что никто и никогда не захотѣлъ съ ними бороться...

Соблазнъ, представшій предъ ученикомъ андреевскихъ монаховъ во образѣ венеціанской красавицы, былъ такъ великъ, а сердце горячаго, полнаго жаждой жизни юноши—такой горючій матеріалъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ оно непремѣнно должно было вспыхнуть. Оно и вспыхнуло жаркимъ пламенемъ, но такъ какъ въ немъ таилось зерно иного, глубокаго и животворнаго чувства, зерно крѣпкое подобно алмазу и никакого огня не боящееся,—то огонь страсти и не могъ его уничтожить. Пришла минута—и позабытое имя зазвучало въ сердцѣ. А разъ оно за-

звучало среди такого пламени—это былъ кличъ побѣды.

Когда утромъ Анжіолетта сошла въ подземелье—Александръ уже оказался совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Туманъ страсти, окутывавшій его, разсѣялся. Безсильный и безвольный еще нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, теперь онъ владѣлъ собою, къ нему вернулись его твердость, рѣшительность и смѣлость.

Онъ вовсе не возненавидѣлъ Анжіолетту, страстное чувство влекло его къ ней по-прежнему и ея присутствіе наполняло его трепетомъ. Ему было тяжело разставаться съ нею и, какъ онъ зналъ теперь, разставаться навсегда. Но то, на что онъ было рѣшился, казалось ему такимъ позоромъ и ужасомъ, что онъ былъ готовъ на все, лишь-бы избавиться отъ этого ужаса и позора.

Надо скорѣе бѣжать отсюда, бѣжать пока еще не поздно. Но вѣдь она не выпуститъ! Да, онъ отлично понималъ, что стóитъ ему сказать ей правду—и она силой удержитъ его. Поэтому, такъ какъ иначе было нельзя, онъ, съ присущей ему смѣлостью, рѣшился обмануть ее. И онъ обманулъ, обманулъ такъ ловко, будто учился этому искусству у Нино или Панчетти.

Онъ весь былъ полонъ теперь только однимъ—чувствомъ самосохраненія; это была отчаянная самозащита, борьба не на животъ, а на смерть, и среди такой борьбы не оставалось мѣста ни жалости, ни уступкамъ. Онъ сталъ жестокъ и безпощаденъ, потому что инстинктивно чувствовалъ, что стóитъ ему

подумать лишь на мгновеніе о своей жестокости, стоитъ на мигъ одинъ пожалѣть ее, прелестную свою тюремщицу—и онъ погибъ, погибъ безвозвратно.

Поэтому онъ не разсуждалъ, а дѣйствовалъ и, силой проснувшейся воли подавивъ въ себѣ страстное влеченіе къ Анжіолеттѣ, глядѣлъ на нее, какъ на злѣйшаго своего врага, котораго всѣми средствами, не разбирая каковы эти средства, необходимо побѣдить и этимъ спасти себя. Онъ встрѣтилъ Анжіолетту такъ нѣжно, что, конечно, ей и въ голову не могло притти заподозрить его въ какомъ-нибудь коварствѣ. Когда онъ объявилъ ей, что всю ночь не могъ заснуть, потому что это подземелье его душитъ—она ему повѣрила и согласилась съ нимъ, что здѣсь вовсе не весело. Но вѣдь благоразуміе требуетъ остаться здѣсь еще хоть сутки.

— Конечно,—сказалъ онъ,—только дай мнѣ взглянуть на свѣтъ и подышать воздухомъ. Эта удивительная машина такъ устроена, что при первой опасности можно въ одну минуту сюда спуститься. Вѣдь вотъ теперь, когда ты здѣсь, потайная дверь тамъ открыта, могутъ вломиться въ комнату, увидѣть эту потайную дверь—и тогда поймутъ куда ты меня скрыла.

— Ничего не поймутъ, и ничего не увидятъ, такъ какъ дверца закрыта и мы оба не существуемъ въ палаццо,—отвѣтила Анжіолетта.

— Хорошо, однако если предположить, что въ комнату на верху теперь ворвались... и вотъ ты под-

нимаешься отсюда и, на глазахъ у всѣхъ, вдругъ выйдешь изъ стѣны?

— Конечно, если сломаютъ дверь, войдутъ въ комнату и если я вдругъ выйду изъ стѣны — наша тайна будетъ открыта...

— Вотъ видишь! такъ не лучше-ли не рисковать. Поднимемся-же вмѣстѣ и я останусь въ запертой комнатѣ наверху, куда ты можешь приходить ко мнѣ безъ всякаго страху... Если будетъ что-нибудь подозрительное—я сейчасъ въ стѣну—и кончено!

Конечно, онъ былъ правъ и ей нечего было возразить ему. Она привела въ дѣйствіе хитрый механизмъ и черезъ минуту, выйдя изъ стѣны, онъ глянулъ въ высокія, залитыя солнцемъ окна, увидѣлъ воду и небо. Самое трудное препятствіе было побѣждено. Еслибъ по чему-либо Анжіолетта не согласилась съ нимъ, еслибъ нашла, что ему необходимо оставаться въ подземельи—чтó-бы онъ сдѣлалъ? вѣдь онъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ слѣдуетъ управляться съ тайнымъ механизмомъ подъемной машины, какъ, поднявшись наверхъ, заставить открыться потайную дверь, безъ помощи Анжіолетты онъ никогда не могъ-бы выбраться отсюда. Она была полной распорядительницей его жизни.

Но вотъ онъ почти на свободѣ и ощущеніе свободы наполнило его съ еще бóльшей силой, чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда онъ избавился отъ нанятаго Нино убійцы и вырвался изъ темныхъ венеціанскихъ закоулковъ, куда его заманили.

Въ одно мгновеніе онъ разглядѣлъ ключъ въ за-

пертой двери и Анжіолетта не успѣла оглянуться, какъ онъ уже былъ у этой двери, отперъ ее и быстро шелъ, направляясь въ хорошо знакомую ему гостиную синьоры.

— Безумный! что̀ ты дѣлаешь? куда идешь? — воскликнула ровно ничего не понимая Анжіолетта и побѣжала за нимъ.

Но онъ уже въ гостиной и, когда она догнала его, онъ повернулъ ключъ въ замкѣ и дверь, за которой была его полная свобода, отворилась.

— Александръ... куда ты? да вѣдь тутъ... сейчасъ... ты можешь кого-нибудь встрѣтить... тебя увидятъ... Панчетти...

Она схватила его за руку, силясь заставить его вернуться и запереть за нимъ дверь.

Онъ быстрымъ движеніемъ освободился, ступилъ шагъ назадъ и оказался за дверью гостиной. На ея лицѣ изобразилось изумленіе, испугъ—и вдругъ глаза ея блеснули гнѣвомъ. Она начала догадываться.

— Что-жь... ты, кажется, совсѣмъ уйти хочешь? ты бѣжишь?—задыхаясь прошептала она.

Его глаза невольно опустились передъ нею; но все-же онъ собралъ всю свою силу и отвѣтилъ:

— Да, я ухожу, Анжіолетта... прости меня и... прощай... Я не могу остаться... не удерживай меня... я не останусь...

— Трусъ! жалкій трусъ!—воскликнула она, все-же хватаясь за него обѣими руками.

— Называй меня какъ хочешь... только пусти меня... я все равно не останусь...

Ея руки опустились, все ея прелестное лицо исказилось до неузнаваемости, глаза злобно горѣли.

— О, я не стану васъ силой удерживать, синьоръ,—произнесла она какимъ-то не своимъ, свистящимъ голосомъ,—бѣгите, да скорѣе! вы оскверняете стѣны этого благороднаго дома! вы обманщикъ, низкій трусъ... и я благодарю небо, что во́-время поняла васъ... Вѣдь я считала васъ за человѣка, а вы— вы дикарь, неотесанный варваръ, звѣрь—и только!..

Она злобно и не совсѣмъ естественно захохотала.

Эти послѣднія слова ея, этотъ ея хохотъ окончательно спасли его. Еслибъ, вмѣсто грубой брани и оскорбленій, она заплакала, еслибъ стала съ любовью умолять его остаться, еслибъ обожгла его своимъ молящимъ взглядомъ—очень можетъ быть, что въ послѣднюю минуту онъ потерялъ-бы всю свою рѣшимость и силу. Но теперь передъ нимъ была не она, онъ взглянулъ, увидѣлъ какое-то новое существо, увидѣлъ своего врага—и со всѣхъ ногъ бросился черезъ рядъ парадныхъ комнатъ къ выходу изъ палаццо.

— Синьоръ, синьоръ... остановитесь!

Кто-то схватилъ его за плечо. Это былъ Панчетти.

— Не спѣшите такъ... ваши еще не уѣхали... поспѣете!—говорилъ аббатъ, не выпуская его и стараясь остановить.—Да и подумайте... нельзя же вамъ такъ выбѣжать изъ палаццо... безъ шляпы...

Александръ очнулся и понялъ, что аббатъ правъ... куда же бѣжать безъ шапки!

— Постойте минутку — скажите мнѣ, гдѣ вы оставили вашу шляпу?

Тутъ только Александръ вспомнилъ, что шапка у него въ карманѣ кафтана, что она была съ нимъ и въ подземельи. Онъ вынулъ ее и надѣлъ.

— Ну вотъ такъ — хорошо! — сказалъ Панчетти, весело и лукаво сверкнувъ глазами. — Прощайте, синьоръ форестьеръ, желаю вамъ счастливаго пути .

— И вамъ, и вамъ то-же!—самъ не понимая что̀ говоритъ, крикнулъ Александръ, еще быстрѣе устремляясь къ выходу.

Панчетти поглядѣлъ ему во слѣдъ, затѣмъ подошелъ къ окну, увидѣлъ какъ Александръ сбѣжалъ со ступеней, какъ сѣлъ въ гондолу и отплылъ.

«О, глупый бѣлый медвѣдь!—весело думалъ онъ,— о, бѣдная синьора! о, идіотъ Нино!.. Бѣдная, бѣдная синьора! какое пораженіе!.. а вѣдь мы самолюбивы, мы горды... охъ какъ горды! Да, впрочемъ, ни одна женщина въ мірѣ, будь она не красавицей синьорой, а хоть самой плохенькой кухаркой, не умѣющей даже сварить макароны, никогда не въ силахъ простить такого позорнаго бѣгства... Пойти къ ней, это было-бы глупо... до завтра не покажусь, а завтра съ утра начну утѣшать ее... О, милый бѣлый медвѣдь! о дорогой мой Нино... какъ я вамъ благодаренъ!..»

XIX.

Александръ благополучно доѣхалъ домой и, такъ какъ всѣ посольскіе люди были заняты упаковкой тюковъ, то его замѣтили только итальянцы-служители, которые даже и не знали объ его исчезновеніи и о переполохѣ, произведенномъ этимъ обстоятельствомъ въ московитскомъ посольствѣ. Такимъ образомъ, они не обратили на него никакого вниманія.

Онъ пробрался въ свою комнату и увидѣлъ въ ней большой безпорядокъ. Почти всѣ его вещи были свалены на полъ да такъ и валялись. Онъ тотчасъ же принялся ихъ укладывать и эта работа, говорящая ему о возвращеніи въ Москву, подѣйствовала на него самымъ успокоительнымъ образомъ. Онъ окончательно очнулся и ему показалось даже, что все это послѣднее время, съ самаго пріѣзда въ Венецію или, вѣрнѣе, съ перваго посѣщенія имъ палаццо Каппелло, онъ былъ «не въ себѣ», а теперь вотъ пришелъ въ себя и все вокругъ него стало совсѣмъ иначе.

Ему вспомнилась эта ночь, проведенная въ холодномъ и сыромъ подземельи, вспомнилось дышащее гнѣвомъ и злобой лицо Анжіолетты, ея брань, ея хохотъ—и онъ не нашелъ въ себѣ прежняго страстнаго къ ней чувства. Даже самая красота ея, сразу такъ его поразившая, но къ которой онъ уже присмотрѣлся, не смущала его больше: передъ нимъ теперь носилось иное далекое видѣніе и казалось ему несравненно привлекательнѣе.

«А вѣдь это она меня приворожила!—вдругъ пришло ему на мысль,—вѣстимо приворожила, зельемъ тайнымъ, любовнымъ опоила!.. ну да теперь, слава Тебѣ, Господи, зелье-то видно силу потеряло... теперь меня къ ней не потянетъ на погибель!..»

Пришла эта мысль—и Александръ жадно за нее ухватился, и очень легко и быстро увѣрилъ себя, что это такъ, что иначе и быть даже не можетъ. Какъ было ему не ухватиться за такую счастливую мысль, какъ было не утвердить себя въ ней—вѣдь если Анжіолетта его зачаровала, опоила зельемъ (а что такія любовныя зелья здѣсь есть—онъ отлично зналъ, такъ какъ они открыто продавались на площади Святого Марка) —значитъ онъ самъ ни въ чемъ не виноватъ и совѣсть его можетъ быть спокойна. Некому было доказать ему, что изо всѣхъ его венеціанскихъ дѣяній это обвиненіе Анжіолетты и сваливаніе всей вины на приворотное зелье—во всякомъ случаѣ самое худшее.

Какъ-бы то ни было—порывъ грубой страсти, очевидно, прошелъ, вина съ себя снята и совѣсть успокоена. А вслѣдъ за этимъ Александръ превратился

въ спокойнаго и ловкаго малаго, какимъ бывалъ всегда въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда дверь его комнаты отворилась и онъ увидѣлъ входившаго Посникова, то былъ уже во всеоружіи.

Посниковъ сразу даже не повѣрилъ глазамъ своимъ.

— Батюшки-свѣты! да никакъ это ты, пострѣлъ Алексашка?—закричалъ онъ.

— Я-то, я, кому-жь иному и быть-то!—весело отвѣтилъ Александръ,—только чего-жь это ты, Иванъ Иванычъ, лаяться-то вздумалъ? Какой я тебѣ пострѣлъ Алексашка?

— А то какъ же мнѣ величать тебя прикажешь?—раздраженно и въ то-же время съ явнымъ злорадствомъ перебилъ его Посниковъ,—пострѣлъ ты и есть! Хуже того—измѣнникъ ты, бѣглецъ поганый!

Александръ, сидѣвшій на полу на корточкахъ и перевязывавшій тюкъ съ вещами, поднялся и подошелъ къ нему въ упоръ.

— Однако!—сказалъ онъ спокойно, но внушительно:—ты языкъ-то свой попридержи, я тебѣ не холопъ и бранить себя такими словами, будь ты не токмо что дьякомъ, а хоть-бы и бояриномъ, не дозволю. Ты это какое слово сказалъ? ты сказалъ: измѣнникъ! въ чемъ же моя измѣна? докажи, а доказать не можешь, такъ не смѣй меня порочить... Я такой же измѣнникъ, какъ и ты...

— Ахъ ты...—началъ было Посниковъ; но тотчасъ же замолчалъ и попятился.

Однако, онъ не намѣренъ былъ еще сдаться.

— Пока ты себя велъ изрядно, я и обращеніе съ тобою имѣлъ,—уже гораздо тише говорилъ онъ,—

но ты, какъ попалъ къ этимъ нѣмцамъ венецейскимъ, такъ съ пути и сбился... Нешто не видѣлъ я, какъ ты невѣдомо гдѣ по цѣлымъ днямъ да ночамъ пропадаешь?.. Я все молчалъ, все ждалъ, авось ты за умъ возьмешься... А тутъ вдругъ—на поди!—намъ ѣхать пора, а онъ у дьяволицы какой-то скрывается а самъ цидулу намъ посылаетъ: «потопился, молъ, безъ меня уѣзжайте!» Да понимаешь-ли ты, что такое надѣлалъ!..

Въ это время Чемодановъ проходилъ по сосѣдней комнатѣ и, заслыша голоса, отворилъ двери. Увидя Александра, онъ разинулъ ротъ да вдругъ какъ кинется на него съ кулаками. Но Александръ нисколько не растерялся. Онъ ловко отскочилъ въ сторону и крикнулъ Чемоданову:

— Алексѣй Прохоровичъ, рукамъ воли не давай... бить тебѣ меня не показано, и я не потерплю того — самъ дамъ сдачу... такъ ладно-ли оно будетъ?

Въ голосѣ Александра слышалась такая рѣшимость и послѣдствія могущей произойти драки были настолько нежелательны, что руки Алексѣя Прохоровича сами собою опустились. Но языкъ его за то не скупился на бранныя выраженія по адресу юноши.

— Ты бы хоть на минутку замолчалъ, Алексѣй Прохорычъ!—наконецъ перекричалъ его Александръ,— дай ты мнѣ сказать слово... я тебѣ изъясню...

— Ну что ты мнѣ изъяснить можешь! цидуля-то твоя, грамотка-то твоя обманная... при мнѣ вѣдь она! Да я тебя... да вотъ вернемся... такъ ты у меня...

— Опоили меня, батюшка Алексѣй Прохорычъ, опоили «хари» венецейскія карнавальныя и самъ я не

вѣдаю, что въ той моей грамоткѣ написано! — внезапно рѣшившись солгалъ Александръ самымъ возмутительнымъ образомъ и не чувствуя никакого угрызенія совѣсти за ложь эту.

И Чемодановъ, и Посниковъ вдругъ какъ-то стихли и стали внимательны.

— Самъ не вѣдаешь... опоили...—бормоталъ Чемодановъ, — «хари» венецейскія... какія-жь такія «хари»?

— А вотъ тѣ самыя, что и тебя, батюшка, Алексѣй Прохоровичъ, опаивали, съ которыми ты всю ночь пропировалъ, отъ которыхъ я на зарѣ увозилъ-то тебя... тѣ самыя!—наивнѣйшимъ образомъ глядя на Чемоданова объяснилъ Александръ.

Алексѣй Прохоровичъ громко плюнулъ:

— Тьфу ты!..

Онъ смутился, совсѣмъ смутился и хоть не глядѣлъ на Посникова, но чувствовалъ на себѣ ядовитый и злорадный взглядъ его.

— Да какъ-же ты, мальчишка... какъ-же ты смѣлъ!.. поднять такую... да что-жь ты... хвастаешься что-ль тѣмъ, что тебя басурманы опоили?..

— Не хвастаюсь я... самому стыдно вспомнить... да что-жь тутъ подѣлаешь?.. онѣ, эти хари карнавальныя, можетъ у нихъ зелье какое.. приворотное и коли ужь тебя...

— Молчи ты! — проревѣлъ Алексѣй Прохоровичъ и вышелъ стукнувъ дверью.

Въ сущности вѣдь бѣда прошла—и онъ былъ доволенъ. Александръ вернулся во-время и бѣжать, повидимому, не собирается.

«Напрасно погорячился... погорячился—и нарвался: «тѣ самыя, вишь ты, что и тебя опоили»... «коли ужь тебя».. ахъ ты аспидъ!.. а тотъ-то... ровно змѣй... такъ и жалитъ, безъ словъ жалитъ»...— тревожно думалось Алексѣю Прохоровичу.

Александръ между тѣмъ, перемѣнивъ тонъ и сдѣлавшись такимъ ласковымъ, задобривалъ Посникова.

— Ну не серчай, прости ты меня, Иванъ Иванычъ, — говорилъ онъ,—нешто я самъ не чувствую вины своей, знаю, что напугалъ васъ... и вотъ, какъ только отъ опоя отрезвился, такъ сейчасъ же и домой... смерть боялся — а ну какъ вы безъ меня-то уѣхали...

— Боялся... боялся...—раздумчиво и съ недовѣріемъ твердилъ Посниковъ,—а какъ же этотъ... монахъ-то нѣмецкій, бритый... какъ же онъ говорилъ, что ты у бабы скрываешься и остаться здѣсь навсегда хочешь?..

— Не знаю, какой такой монахъ и что такое онъ говорилъ...—хоть и не глядя въ глаза Посникову, но все-же безъ запинки отвѣтилъ Александръ;— только вѣдь кабы я гдѣ скрывался да хотѣлъ тутъ остаться... такъ вы и уѣхали бы, я бы и остался... я же передъ тобою. Гдѣ-жь правда то? самъ посуди!

— Кто тутъ васъ разберетъ!—махнулъ рукою Посниковъ, — завтра вѣдь мы выѣзжаемъ, чутъ свѣтъ... слышалъ?

— Слава тебѣ, Господи!—изъ глубины души воскликнулъ Александръ.

XX.

И вотъ царское посольство держитъ путь въ предѣлы московскаго государства и, какъ уже сказано, весна сопровождаетъ московитовъ, развертывая передъ ними свои чудныя картины. О морѣ Чемодановъ и Посниковъ и слышать не хотятъ—пусть лучше всякія неудобства и трудности, лишь-бы не бури, лишь-бы не встрѣчи съ морскими разбойниками.

Изъ Венеціи поѣхали прямо въ Тріентъ, черезъ Тревизу и Бассано. Благополучно добрались до границы Венеціанской республики; но тутъ произошла остановка и немалая даже непріятность. Стражи пограничные потребовали съ посольства уплаты пошлинъ за провозимые товары. Послы изъ себя вышли.

— Какія такія пошлины? это еще что за новость?—въ одинъ голосъ кричали Чемодановъ и Посниковъ и рѣшили, что не станутъ платить ни одной копѣйки.

— Да какъ-же не платить, — объяснялъ Алек-

сандръ,—когда здѣсь законъ такой. Вонъ стражники говорятъ, что коли не заплатимъ по положенію, то насъ черезъ границу не пропустятъ и будутъ держать доколѣ не заплатимъ.

— Это насъ-то не пустятъ черезъ границу? это великаго государя посольство-то задерживать станутъ!.. да ты не моги намъ такихъ срамныхъ рѣчей и переводить-то, и самъ ихъ не слушай!—горячился Чемодановъ.—Какія такія пошлины? это кабы мы ихніе товары везли—ну, тогда другой разговоръ, такъ и опять таки царское посольство безъ пошлинъ пропустить слѣдуетъ; а то—на поди! свое добро веземъ, а съ насъ за это шкуру драть хотятъ! Да вѣдь это хуже морскихъ разбойниковъ.

Но какъ ни горячились послы, какъ ни было въ нихъ возмущено чувство справедливости и собственнаго достоинства, а когда пограничные стражники, число которыхъ было весьма значительно, продержали путниковъ цѣлые сутки и, повидимому, рѣшились-таки не пропускать черезъ границу—пришлось уплатить все, чего требовали. Съ Чемодановымъ чуть ударъ не сдѣлался, и если-бы итальянцы могли понять тѣ пожеланія, которыя онъ имъ высказалъ на прощанье—они бы изумились богатству русскаго языка и русской разгоряченной фантазіи. Если-же бы эти пожеланія могли осуществиться, то вся Венеціанская республика одновременно и правалилась бы въ тартарары, и испытала бы участь Содома и Гоморры, и унесло бы ее туда, куда вóронъ и костей не заносилъ, и жарилась бы она на сковородкѣ

у дьявола, и случилось бы съ ней такое, чего никогда ни съ кѣмъ не случалось и о чемъ не повѣствуется ни въ одномъ изъ сказаній востока и запада.

Только въ Тріентѣ нѣсколько успокоилось взволнованное чувство пословъ московскихъ, потому что епископъ приготовилъ имъ весьма торжественный пріемъ. Онъ выслалъ имъ навстрѣчу красивые экипажи и верховыхъ лошадей, помѣстилъ ихъ въ прекрасномъ домѣ и задалъ имъ такое угощеніе, что Алексѣй Прохоровичъ чуть было не запамятовалъ, что теперь постъ великій.

Попировавъ и ласково простясь съ любезнымъ епископомъ, посольство сѣло въ лодки и поплыло по рѣкамъ до Боцено, гдѣ опять пришлось нанимать повозки. Но за повозки приходилось платить очень дорого, а потому часть посольскихъ людей шли пѣшкомъ и, такимъ образомъ путешествіе происходило крайне медленно. Кое-какъ добрались до Инсбрука и тамъ узнали отъ намѣстника важныя новости изъ Россіи. Оказалось, что заключенъ миръ со шведами, а государь Алексѣй Михайловичъ находится съ войскомъ на польской границѣ. Намѣстникъ былъ также любезенъ и ласковъ, какъ и епископъ Тріентскій, и пожелалъ выразить свое уваженіе царскому посольству всякими празднествами и увеселеніями. Но послы наотрѣзъ отъ всего этого отказались, объявивъ, что теперь на Руси страстная недѣля и что не время плоть свою тѣшить, а слѣдуетъ грѣхи замаливать.

Апрѣль уже былъ на исходѣ, когда посольство достигло Амстердама, поразившаго русскихъ людей своими каналами, обсаженными прекрасными деревьями, безчисленными мостами, большими гаванями, гдѣ стояло столько кораблей, что и счесть ихъ было невозможно.

— Навидались мы всякихъ диковинокъ,—говорили послы,—а ужь чистоты такой нигдѣ не видывали, да и какъ такая чистота можетъ держаться, и зачѣмъ она надобна—понять дѣло трудно!

Отдохнувъ въ Амстердамѣ, послы наняли за сто десять рублей большой корабль до Архангельска, такъ какъ дальнѣйшее путешествіе по сушѣ, въ виду польской войны, оказывалось невозможнымъ. Опять горе, опять море! Но голландскіе купцы увѣряли, что въ это время года бури бояться нечего, а о пиратахъ здѣсь и слуху нѣтъ. Поневолѣ пришлось забраться на корабль и ввѣрить себя судьбѣ. Только и поддерживало сознаніе, что каждый день пути приближаетъ къ русскимъ предѣламъ.

А весна давно ужь перегнала путниковъ. Настало лѣто, со своими короткими свѣтлыми ночами. Море оказалось благопріятнымъ, посольскіе люди отдыхали отъ утомительнаго странствованія по сушѣ и съ каждымъ днемъ общее настроеніе москвичей все улучшалось и улучшалось. Іюнь приближался къ концу—еще два дня и они достигнутъ устья Двины.

Алексѣй Прохоровичъ прохаживался по палубѣ съ веселымъ лицомъ, ни на кого не кричалъ и не сердился. Подошелъ къ нему Александръ и завелъ бесѣду

о томъ, о семъ, главное же, что вотъ, молъ, потерпѣть еще немного—и окончены всѣ мытарства.

— Да, братецъ, авось съ Божiю помощью доберемся! — вздохнувъ всею грудью, сказалъ Чемодановъ.—Шутка сказать, больше году плутаемъ, да и ворочаемся-то съ пустыми руками!

— Что дѣлать!—не ты тому причиной, батюшка Алексѣй Прохорычъ,—не безъ заискиванья перебилъ его Александръ, — я свидѣтель, сколько ты потрудился и какъ важно велъ посольское дѣло...

— Да, послужилъ какъ могъ...

— То-то я и говорю... а вотъ—какiя новости насъ на Москвѣ ждутъ... всѣ-ли тамъ въ добромъ здоровьи...

— Богъ не безъ милости...

— А что я скажу тебѣ, батюшка Алексѣй Прохоровичъ,—вдругъ дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Александръ, — какъ выѣхала мы... нелюбъ я тебѣ былъ... ну а теперь, неужто на милость не склонилось твое сердце?

Чемодановъ насупилъ брови и однимъ глазомъ взглянулъ на молодого переводчика.

— Ты это о чемъ же?

— Да все о томъ же, родимый...

— Ну, такъ ты съ этимъ разговоромъ отъ меня отойди подальше. Не бывать тому... слышалъ?

У Александра во рту вдругъ стало совсѣмъ сухо; но онъ все-же спросилъ:

— А почему же?

— А вотъ хоть бы потому... Венецію-то забылъ что ли?

Александръ оживился.

— Зачѣмъ забыть,—все помню!.. всѣ наши карнавальныя дѣйства... какъ я на зарѣ тебя отъ синьоры Лауры везъ:—помню даже Ливорно... жену дохтура... и перстенекъ твой помню, Алексѣй Прохорычъ... все помню!

— Отойди ты отъ меня!—краснѣя и топнувъ ногой, крикнулъ Чемодановъ.

Александръ отошелъ, но видъ его показывалъ, что онъ не оплакиваетъ пораженіе, а, напротивъ, празднуетъ побѣду. Онъ чувствовалъ, что въ концѣ концовъ Алексѣй Прохоровичъ сдастся. Синьора Лаура, и жена дохтура ливонскаго, и перстенекъ погибшій сослужатъ добрую службу.

XXI.

Мы въ царскомъ терему, въ покояхъ великой государыни, царицы Марьи Ильинишны. Покои эти многочисленны, но не обширны—всѣ-бы они умѣстились въ одну изъ залъ палаццо какого-нибудь богатаго венеціанскаго патриція. Потолки низенькіе, окошечки маленькія, а печи и лежанки большія, изразцовыя, всѣ въ затѣйныхъ узорахъ. Съ непривычки душно въ этихъ своеобразно красивыхъ покойчикахъ и пріѣзжему изъ-за моря человѣку, конечно, должно страннымъ казаться—зачѣмъ это люди, бóльшую часть года проводящіе въ четырехъ стѣнахъ, помѣщаютъ себя въ такія клѣточки. Если въ долгіе холодные мѣсяцы нельзя пользоваться воздухомъ и приходится запираться да топить печи,—такъ жилье-то хоть себѣ надо устраивать обширнѣе да выше, да свѣтлѣе. Добро-бы нужда, невозможность; но вѣдь о нуждѣ и невозможности нельзя-же говорить во дворцѣ царей московскихъ.

Все это такъ; но велика сила привычки, отцовскаго и дѣдовскаго обычая,—и если до сихъ поръ западные европейцы никакъ не могутъ, вѣчно страдая въ холодныя зимы, додуматься до нашихъ печей и двойныхъ рамъ, то нечего удивляться, если царица Марья Ильинишна отлично себя чувствовала въ своихъ маленькихъ, душныхъ покойчикахъ и рѣшительно противилась введенію какихъ-либо новшествъ въ исконный строй своей теремной жизни.

Всѣ эти новшества, стремленіе къ заморскимъ обычаямъ, къ измѣненію или забвенію своихъ, отъ дѣдовъ заповѣданныхъ, — все это казалось царицѣ Марьи Ильинишнѣ грѣховнымъ, и, замѣчая подобную грѣховность въ своемъ супругѣ, она сильно смущалась. Она даже пробовала, въ первое время, смѣло высказываться передъ царемъ и убѣждать его отречься отъ всякой иноземщины, бѣжать отъ грѣха и соблазна. Но царь, любящій и ласковый, часто готовый поступиться многимъ, лишь-бы угодить своей доброй хозяюшкѣ, въ этомъ остался непреклоненъ: на первый разъ отшутился, на второй отмолчался, а на третій вспыхнулъ какъ порохъ.

— Чего-жь это ты ко мнѣ пристала, Марья!— крикнулъ онъ,—отвяжись и впредь, слышь ты, не серди меня... не твоего ума это дѣло!.. Я тебѣ въ твоихъ теремныхъ распорядкахъ не мѣшаю,—не мѣшай и ты мнѣ!

Марья Ильинишна пробовала было возразить, увѣрить, что вѣдь она не въ противность ему говоритъ, а о его-же душѣ помышляя. Но онъ такъ грозно

взглянулъ на нее, что она увидѣла передъ собою не добраго супруга, какимъ онъ всегда былъ съ нею, а разгнѣваннаго грознаго царя. Слова замерли у нея на губахъ и съ тѣхъ поръ она возвышать голоса не рѣшалась и только, узнавая о новшествахъ, горячо молилась: «не введи его во искушеніе, но избави его отъ лукаваго!»

Чѣмъ болѣе склонности проявлялъ царь вмѣстѣ со своими приближенными къ нововведеніямъ, тѣмъ сильнѣе держалась царица за старые порядки жизни. Въ охраненіи этихъ порядковъ она видѣла прямую свою обязанность и неуклонно ее исполняла.

Марья Ильинишна родилась и выросла въ небогатомъ дворянскомъ домѣ и была образцомъ хорошей русской женщины XVII вѣка со всѣми ея достоинствами и недостатками. Положительныхъ достоинствъ въ ней было много, что-же касается недостатковъ, то они, по тому времени, представлялись, опять-таки, чуть-ли не въ числѣ первѣйшихъ достоинствъ.

Прежде всего царица была прекрасной хозяйкой, хозяйство оказалось ея призваніемъ. Еслибы судьба и ловкая, безчеловѣчная интрига боярина Морозова, погубившаго первую царскую невѣсту, Евфимію Всеволодскую, не возвели ее, изъ бѣднаго дома Ильи Милославскаго, на вершину почестей, еслибы она сочеталась бракомъ не съ царемъ, а съ зауряднымъ дворяниномъ,—домъ этого дворянина превратился-бы, подъ ея управленіемъ, въ образецъ всякаго порядка, добро въ немъ преумножалось бы съ каждымъ годомъ и сталъ-бы онъ во истину «полной чашею». Судьба

содѣлала ее царицей, поставила во главѣ громаднаго хозяйства—и содержаніе, смыслъ и цѣль ея жизни нисколько не измѣнились, они стали только обширнѣе, труднѣе, мучительнѣе.

Царица не доѣдала и не досыпала въ своихъ вѣчныхъ хозяйскихъ заботахъ и заботамъ этимъ суждено было, болѣе чѣмъ какимъ-либо другимъ причинамъ, сократить вѣкъ ея. Она доходила до всего, знала всякую мелочь, во всемъ принимала живое участіе.

Когда новая женщина или дѣвица поступала въ царицынъ штатъ, Марья Ильинишна тотчасъ же узнавала всю ея подноготную и затѣмъ ничего ужь не забывала. «Матушка царица» становилась сразу «судьбою» и играла первѣйшую роль во всѣхъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, обстоятельствахъ жизни теремной жилицы.

Изъ этого рѣдко выходило что-либо дурное, рѣдко приходилось жаловаться на «судьбу», такъ какъ царица, олицетворявшая ее, была добра и милостива. Глубоко благочестивая и строго нравственная, Марья Ильинишна оказывалась безпощадной, если узнавала о чемъ-либо непотребномъ, происходившемъ въ теремѣ. Судъ ея въ такихъ случаяхъ былъ скоръ и суровъ. Но устроить, хорошенько все обдумавъ, бракъ какой-нибудь теремной жилицы—это царица очень любила: и разрѣшитъ, и о приданомъ не позабудетъ, и благословитъ, и потомъ не оставитъ своими милостями...

Настя Чемоданова, по вступленіи своемъ въ цари-

цынь штать, сразу же пришлась по нраву Марьи Ильинишнѣ. Разспросивъ ее, по своему обычаю, обо всемъ и выслушавъ ея безхитростные и прямые отвѣты, царица рѣшила, что дѣвка добрая и проступокъ ея, по ея юности и глупости дѣтской, извинить ей можно. Планъ царя выдать Настю за Александра Залѣсскаго и устроить примиренiе враждующихъ стариковъ тоже весьма нравился царицѣ.

Уже полтора года жила Настя въ царскомъ теремѣ и во все это время ни чѣмъ не навлекла на себя гнѣва хозяйскаго. Напротивъ того—царица была до крайности довольна ею и даже просто ее полюбила.

— Добрая дѣвка, тихая, послушливая, а ужь мастерица какая,—на всѣ руки! золото, а не дѣвка!— говорила про нее Марья Ильинишна и другимъ своимъ боярышнямъ въ примѣръ ее ставила.

Дѣйствительно Настя оказалась на всякiя рукодѣлiя большой искусницей; какое кружево вязала, какъ шелками да золотомъ вышивала—заглядѣнье! И прилежна была: сядетъ за работу да и сидитъ часъ, другой и третiй... глаза пристально, неотрываясь глядятъ на пяльцы, рука ходитъ сама собою, мѣрнымъ монотоннымъ движенiемъ продергиваетъ шелковую или золотую нитку, а мысли... гдѣ онѣ? далеко гдѣ-то.

И хорошо, подъ эту тихую, однообразную работу, гулять мыслямъ...

Едва начнетъ она работу—мигомъ встрепенутся мысли—и улетятъ туда, за моря, въ далекiя невѣдомыя страны, гдѣ находится ея милый и откуда не

доносится о немъ ни единой вѣсточки. Летятъ мысли, залетаютъ въ то самое тридесятое царство, гдѣ небо сходится съ землею, и стучатся, и просятся, и вопрошаютъ невѣдомый мракъ: «гдѣ онъ? гдѣ онъ?». Но мракъ неизвѣстности безотвѣтенъ...

Только бываетъ и такъ; вдругъ, будто сквозь разсѣявшійся туманъ, мелькаетъ милый образъ—и все яснѣетъ, все яснѣетъ. Глядятъ на нее его ясныя очи, чувствуетъ она его дыханіе на щекѣ своей, слышитъ его голосъ, повторяющій одно и то-же: «Настя, моя Настя!»

И сердце ея, замирая отъ тоски, шлетъ ему одинъ и тотъ-же вопросъ: «милый, да когда же ты возвратишься?..»

XXII.

— Настя? а, Настя?.. Настасья Лексѣвна?.! Да неужто, матушка, не слышишь?

Это царская постельница теребитъ за рукавъ задумавшуюся дѣвушку, искусные пальцы которой выводятъ по алому атласу крестики да звѣздочки хитраго узора.

Настя встрепенулась, крылатыя мысли сразу слетѣлись изъ страны чужедальной—и замерли.

— Что это ты, дѣвка?.. работаешь, такъ ужь ничего не видишь и не слышишь, ровно сонная... заработалась совсѣмъ, одурманило тебя отъ работы,—не подневольная та работа, не урокъ срочный тебѣ заданъ... Складывай-ка ты свое рукодѣлье да ступай къ царицѣ, она тебя звать приказала.

Настя сложила пяльцы, прикрыла ихъ шелковымъ платочкомъ, оправилась—и побѣжала къ царицѣ. Она застала Марью Ильинишну одну, отдыхавшей послѣ цѣлаго утра всякихъ хозяйственныхъ хлопотъ.

Поклонилась Настя низкимъ поклономъ и почтительно спросила:

— Что, государыня наша милостивая, приказать изволишь?

— Ничего я тебѣ не прикажу,—отвѣчала царица и улыбнулась.

У Насти ёкнуло сердце. Не даромъ эта улыбка! И она вопросительно, сама не зная отчего краснѣя какъ маковъ цвѣтъ, глядѣла прямо въ прекрасные каріе глаза царицы.

— У меня для тебя есть новость, — помолчавъ сказала Марья Ильинишна,—и новость та хорошая: отецъ твой на Москву вернулся.

Настя не удержалась и громко, радостно вскрикнула.

— Да, вернулся, нынѣ утромъ, мнѣ это государь сказалъ... значитъ теперь и твоему житью здѣсь у меня конецъ наступаетъ. Отецъ, чай, захочетъ тебя къ себѣ взять... такъ ты будь готова.

Настя совсѣмъ растерялась и стояла не зная, чтó ей сказать, какъ быть.

— Что это ты?—все съ той-же улыбкой спросила царица.—Али отцу не рада, али домой не хочешь?

— Рада я, государыня, рада... какъ же мнѣ не радовать я...

Но это было все же не то.

— Договаривай, Настя, спроси меня, коли спросить что хочешь... Я тебѣ отвѣчу.

Но у Насти силъ не хватило—она только все больше и больше краснѣла. Ея смущеніе понравилось Марьи Ильинишнѣ.

— Баловница ты—вотъ что!—весело сказала она,—ну да, Богъ съ тобою, слушай: суженный твой вернулся живъ и невредимъ. Поладилъ онъ со старикомъ твоимъ, либо нѣтъ — я того не знаю. Но что мной тебѣ обѣщано, то и будетъ сдѣлано. Совсѣмъ я тебя еще не отпускаю, а соберись ты и тотчасъ же поѣзжай повидаться съ отцомъ, побудь дома часа два времени—и возвращайся. Колымага тебя ждать будетъ. Сама увидишь, каковъ отецъ... такъ, стороною, попытай его, послушай, что̀ онъ говорить станетъ, а какъ вернешься приходи ко мнѣ... тогда видно будетъ и мы обсудимъ. Съ матерью твоей, какъ уѣзжала она, я уже обо всемъ переговорила, она противиться не станетъ, а только, дѣло понятно, противъ мужниной воли не пойдетъ.

Настя поблагодарила царицу, какъ умѣла, и съ замирающимъ сердцемъ поѣхала домой.

Она была очень рада свидѣться съ отцомъ, котораго любила сильно, но къ этой радости теперь примѣшивался такой страхъ, такая неизвѣстность. Однако, когда она увидѣла толстую, бородатую отцовскую фигуру—все забылось и съ громкимъ крикомъ кинулась она ему на шею, прижалась не нему, цѣловала его и не могла нацѣловаться.

— Дочка... Настюша... голубка моя!—повторялъ, весь сіяя и въ то-же время съ навертывающимися на глаза слезами, Алексѣй Прохоровичъ.—Да постой ты, погоди... дай взглянуть-то на себя!.. ничего себѣ дѣвка, поправилась... не изморили тебя въ царскомъ терему... выросла... ей-ей выросла!

И онъ гладилъ ей голову, и любовно глядѣлъ на нее, и прижималъ ее къ своему сердцу. Это былъ самый счастливый день въ его жизни и никогда не думалъ онъ даже, что бываетъ на свѣтѣ такое счастье. Онъ дома, у себя, со своими! Онъ ощущаетъ присутствіе жены, дочери. Ему казалось страннымъ—какъ это онъ могъ такъ долго жить безъ нихъ.

Но первая радость прошла и Алексѣй Прохоровичъ остановилъ порывъ своей нѣжности, превратился въ прежняго, всегдашняго Алексѣя Прохоровича. Настя засыпала его вопросами, мать вторила ей. Сначала онъ отвѣчалъ неохотно, немногословно; но вдругъ разговорился, увлекся воспоминаніями и сталъ разсказывать разные эпизоды изъ своего путешествія.

Хорошо, что ни Посникова, ни Александра тутъ не было, а то они съ удивленіемъ услышали-бы о такихъ вещахъ, о которыхъ до сихъ поръ не знали. Особенно интересной и ужасной вышла у Алексѣя Прохоровича битва съ морскими разбойниками.

— Они это за нами,—разсказывалъ онъ, увлекаясь больше и больше и глубоко вѣря въ то, чтó разсказываетъ,—мы отъ нихъ, а они за нами... вдругъ подводный камень... корабль нашъ такъ и сѣлъ на него. Они на насъ наскочили и давай стрѣлять...

— Ай, страсти какія!—воскликнула Чемоданова, закрывая лицо руками!

— Да, мать моя, страсти не малыя, хорошо, что васъ, бабъ, съ нами не было.

— Такъ какъ-же вы-то, батюшка? — робко спрашивала Настя.

— А такъ-же вотъ, дочка, — они стрѣляютъ, и

мы стрѣляемъ, они за сабли, и мы за сабли... вотъ этой самой рукою я шестерыхъ разбойниковъ уложилъ... съ маху! . и не пикнули!

Настя вздрогнула, а мать даже отскочила въ ужасѣ и глядѣла на мужнину руку, будто на ней была кровь шестерыхъ разбойниковъ. По счастью, Алексѣй Прохоровичъ отъ сценъ ужасныхъ перешелъ къ описанію южной природы и сталъ разсказывать о томъ, что въ тѣхъ странахъ нѣмецкихъ зимы совсѣмъ нѣтъ и круглый годъ зеленыя деревья, а на тѣхъ деревьяхъ растутъ золотыя яблоки.

— А вотъ ты-бы, батюшка, намъ съ матушкой хоть по одному такому яблочку привезъ!—замѣтила Настя.

— Глупа ты,—отвѣтилъ отецъ,—они хоть и золотые, а все-жь таки портятся и никакъ ихъ довести невозможно.

— А вотъ батюшка, Алексѣй Прохорычъ,—заговорила жена,—намедни Макарьевна, странница, приходила и Господомъ Богомъ клялась, что въ тѣхъ самыхъ нѣмецкихъ странахъ водятся люди съ песьими головами. Видалъ ты тѣхъ людей?

— Какъ-же, пришлось сію погань видѣть!—отвѣтилъ Алексѣй Прохоровичъ.

— И что-жь, батюшка, точно:—песьи головы?

— Ну да, песьи—вотъ ни дать ни взять какъ у нашего шарика.

— И лаютъ?

— Вѣстимо лаютъ.

— Какъ шарикъ?

— Не совсѣмъ такъ... лаютъ-то они лаютъ... только

по-нѣмецкому... Да я, матушка, и не того еще навидался... въ Венецiи-то,—въ томъ самомъ градѣ, что дьявольскою силою на водѣ стоитъ и не тонетъ... я тамъ и чертей видѣлъ... такiя хари, что какъ вспомню, ажно мерзко станетъ!

Чемоданова содрогнулась, плюнула и перекрестилась. Настя во всѣ глаза глядѣла на отца. Еслибъ кто другой сталъ такое разсказывать—она-бы не повѣрила, но отцу она не смѣла не вѣрить: она вся ушла въ разсказъ его и вдругъ, сама не зная какимъ образомъ, громко сказала мысль свою:

— Люди съ песьими головами... черти... такъ значитъ и Алексаша всего этого навидался!

Сказала да и ужаснулась—какъ такое могло громко сказаться. Но слова не вернуть—и отецъ его разслышалъ. Онъ вдругъ нахмурился.

— Это ты что-жь такое, Настасья?—мрачно выговорилъ онъ.—Никакъ ты за старое...

Это старое въ мигъ одинъ нахлынуло на него, поднялась въ сердцѣ вражда къ старику Залѣсскому и самъ Александръ представился не такимъ, какимъ онъ теперь зналъ его, а прежнимъ мальчишкой, сыномъ лютаго ворога, мальчишкой, осрамившемъ его, нанесшимъ ему кровную, несмываемую обиду.

— Настасья!—крикнулъ онъ,—чтобъ я не слыхалъ больше этого имени... не то худо будетъ!

Онъ поднялся съ лавки и, по своему обыкновенiю, вышелъ, хлопнувъ дверью.

Настя отчаянно взглянула на мать и рыдая упала головой ей на колѣни.

XXIII.

Когда Александръ, яснымъ, свѣжимъ осеннимъ утромъ, подъѣзжалъ къ родительскому дому—его охватили чувства радости и въ то-же время безпокойства. Вѣдь вотъ, во всѣ эти долгіе мѣсяцы скитаній по бѣлу свѣту, онъ такъ рѣдко вспоминалъ и отца и мать, такъ рѣдко, что можно было подумать, будто онъ совсѣмъ ихъ не любитъ, будто они совсѣмъ и не нужны ему. Но теперь, когда черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ ихъ увидѣть,—его сердце готово было выпрыгнуть отъ радости.

«Здоровы-ли они, все-ли тамъ по-прежнему?»—приходило на мысль и тотчасъ-же дополнялось мучительнымъ предположеніемъ: «А вдругъ!.. вдругъ безъ него что-нибудь случилось неладное... вдругъ мать... или отецъ...»—и радость быстро смѣнялась мучительнымъ безпокойствомъ.

Вотъ онъ видитъ крышу родного дома, изъ трубы, какъ и всегда, въ этотъ часъ утра, поднимается дымъ...

«Это она тамъ... присматриваетъ за стряпнею... готовятся пироги... съ кашей и съ лукомъ, а то съ говяжьей начинкою и съ яйцами... пироги падовые... во рту таютъ!..»

Онъ уже чувствовалъ у себя во рту вкусъ этихъ любимыхъ падовыхъ пироговъ, которыми онъ съ дѣтства объѣдался и никакъ не могъ объѣсться.

Онъ у воротъ, стучитъ... калитка отворяется, собаки заливаются громкимъ лаемъ, но вдругъ стихаютъ: онѣ узнали хозяина и радостно визжать, кидаясь къ нему, прыгая на него, стараясь лизнуть ему руки.

— Батюшки свѣты! Лександръ Микитичъ!.. соколикъ!..

Это Акимъ, старый вѣрный Акимъ.

— Всѣ-ли... всѣ-ли у насъ въ добромъ здоровьи?— спрашиваетъ Александръ съ упавшимъ сердцемъ и дрожью въ голосѣ.

— Всѣ, касатикъ, всѣ, батюшка!..

Онъ вырывается отъ собакъ и никого и ничего не видя бѣжитъ въ домъ и кричитъ:

— Батюшка! матушка! гдѣ вы? я вернулся!

— Гдѣ? что?!!—и мать, рыдая, трепеща и безумствуя отъ восторга, душитъ его въ объятіяхъ, и цѣлуетъ, и мочитъ слезами, и креститъ, и причитаетъ.

Ему хорошо, ему отрадно, онъ готовъ пить эти соленыя материнскія слезы—такъ онѣ ему милы, сладки и дòроги.

— Мать, да что̀ ты, али рехнулась, али бѣлены

объѣлась... да отпусти ты его... не души... дай взглянуть на него и поздороваться по-человѣчески!

Это говоритъ отецъ, но въ его голосѣ нѣтъ раздраженія, а одна только радость.

Наконецъ, Антонида Галактіоновна на мгновеніе отпустила сына и онъ очутился въ могучихъ объятіяхъ отца и почувствовалъ его крѣпкое, троекратное лобзаніе. Онъ прижалъ къ губамъ мясистую, покрытую волосами отцовскую руку, а затѣмъ тотъ трижды перекрестилъ его и отстраняя отъ себя промолвилъ:

— Покажись-ка!..

— Ишь какъ обросъ... почернѣлъ!.. видно не больно сладко жилось... не на матушкиныхъ перинахъ валялся!— продолжалъ Никита Матвѣевичъ. Въ глазахъ у него была ласка, какой Александръ никогда не знавалъ прежде.

— Санюшка, ангелъ ты мой Господній! да полно, ты-ли это? глазамъ своимъ не вѣрю!—между тѣмъ снова кинулась на него Антонида Галактіоновна.— Вѣдь я по тебѣ всѣ глаза выплакала, все сердце изсушила... живымъ тебя никакъ не чаяла видѣть... и сны мнѣ все снились такіе нехорошіе... то вижу будто ты по морю плывешь одинъ въ лодочкѣ и поешь такову жалобну пѣсенку, то будто вернулся ты отъ басурмановъ, анъ гляжу я, а у тебя-то хвостъ выросъ, такъ изъ-подъ кафтана-то и мотается... Да вѣдь и не разъ я такой поганый сонъ видѣла, и ужасъ на меня напалъ, и тошно такъ мнѣ стало... позвала я Ульянку-странницу, что сны разгадывать

мастерица... разсказала ей мой сонъ про хвостъ-то, а она мнѣ—ни слова; только поглядѣла на меня этакъ жалостливо и рукой махнула: лучше, моль, и не спрашивай.

— Ну чего ты тамъ про хвосты врешь... нашла то-же время!—крикнулъ Никита Матвѣевичъ,—ты бы лучше о томъ подумала: вѣдь Лексашка-то чай проголодался... да и меня что-то какъ-будто на пирогъ позываетъ...

— И то, и то!—заторопилась Антонида Галактіоновна,—глупая я, глупая! мигомъ велю на столъ собрать... и пироги, поди, ужь готовы!

— Матушка? каки у насъ нынѣ пироги-то? падовые? съ начинкою?—не утерпѣвъ спросилъ Александръ.

— Падовые, Санюшка, падовые, алмазный мой!..

Какъ одно мгновеніе пролетѣлъ для Александра часъ, быстро пробѣжалъ и другой. Падовые пироги были такіе, что мать три раза подкладывала и моглабы подложить и въ четвертый, да отецъ пристыдилъ:

— Что это, Лексашка, никакъ тебя полтора года голодомъ морили!

Пробовали было Залѣсскіе распрашивать сына о томъ, о другомъ, только онъ отвѣчалъ совсѣмъ не такъ, какъ имъ, видно, хотѣлось. Антонида Галактіоновна приготовилась наслушаться всякихъ ужасовъ, а по словамъ Александра выходило, что за моремъ никакихъ ужасовъ и въ заводѣ нѣту—правда, была одна буря на морѣ, только обошлась благополучно. Никита Матвѣевичъ то-же ожидалъ чего-то и ловилъ

каждое сыновнее слово. Наконецъ, не выдержалъ, самъ спросилъ:

— Ну, а тотъ-то?..

— Ты это о комъ, батюшка?

У Залѣсскаго ноздри раздулись.

— О комъ?.. ну объ этомъ...

— Объ Алексѣѣ Прохорычѣ что-ли?

— Какой онъ тебѣ Алексѣй Прохорычъ... съ чего это ты его величаешь?.. ну да... чай онъ тебя, аспидъ, поѣдомъ ѣлъ?

— Нѣтъ, батюшка, грѣхъ будетъ пожаловаться... въ первое время, точно, косился онъ на меня, только потомъ обошлось и никакой обиды я отъ него не видалъ, окромя ласки... Грѣхъ пожаловаться.

— Гм!—мрачно промычалъ Никита Матвѣевичъ и видно было, что ему гораздо пріятнѣе было-бы узнать, что Чемодановъ за все время долгаго пути всячески мучилъ его сына.

Послѣ обѣда, когда старикъ по обычаю пошелъ вздремнуть, Александръ обѣжалъ весь домъ, потомъ кинулся въ садъ и даже не ощущая тяжести, произведенной непомѣрнымъ количествомъ съѣденныхъ пироговъ, устремился по знакомымъ дорожкамъ. Ничто безъ него не измѣнилось. Вотъ онъ и у забора, въ кустахъ, у проломанной доски. Она забита.

— Настя!—крикнулъ онъ, но никто не откликнулся.

А тутъ вдругъ мать!—видно за нимъ по пятамъ гналась. Благо не услышала его крика. Заговорила она о томъ, о другомъ и свернула на Матюшкиныхъ.

— Ждутъ вѣдь они тебя, Санюшка!—объявила она.

Но онъ не испугался.

— Пускай себѣ ждутъ,—спокойно отвѣтилъ онъ матери,—долго имъ ждать придется!

Антонида Галактіоновна растерялась.

— Да какъ-же такъ, Санюшка?.. неужто у насъ опять пойдетъ бѣда за бѣдою?..

— Зачѣмъ бѣда за бѣдою?.. отъ бѣдъ Господь избавитъ... а теперь что-жь намъ заранѣе толковать-то!..

— Такъ ты-бы хоть прилегъ отдохнуть съ дороги, мой ненаглядный,—грустно сказала мать;—я вотъ за батюшкой, за попомъ Саввой послала... какъ отецъ выйдетъ—мы молебенъ отслужимъ, возблагодаримъ Господа за твое возвращеніе.

XXIV.

Видя Россію со всѣхъ сторонъ окруженною врагами, конца борьбы съ которыми не предвидѣлось, зная, что и внутри государства далеко не все благополучно, что того и жди начнутся въ томъ или другомъ изъ городовъ русскихъ новые «гили», наконецъ помышляя о ежегодно увеличивавшемся истощеніи казны государственной и тщетно изыскивая способы для ея пополненія,—царь Алексѣй Михайловичъ не могъ почесть себя счастливымъ правителемъ. Съ того самаго времени, какъ почти ребенкомъ сѣлъ онъ на престолъ отца своего, не было ни одного года, провожая который онъ могъ сказать: «хорошій былъ годъ, спокойный, мирный, благополучный!» Всѣ года оказывались тревожными годами и будущее представлялось далеко не въ розовомъ цвѣтѣ.

Будь у царя иной характеръ — онъ изводился бы, измучился и, естественно, самъ изводясь и мучаясь, и другихъ бы изводилъ и мучилъ. Но не даромъ

Алексѣй Михайловичъ носилъ наименованіе «тишайшаго», не даромъ называли его благочестивѣйшимъ. Великое терпѣніе развилъ онъ въ себѣ и глубокая его вѣра въ милосердіе Божіе давала ему возможность спокойно взирать на всякія земныя превратности, не падать духомъ во дни неудачъ и несчастій. При этомъ онъ умѣлъ, утомясь отъ дѣлъ и заботъ государственныхъ, отдыхать въ дѣлахъ и заботахъ своей частной жизни. Такая смѣна дѣятельности и впечатлѣній, при неизмѣнно умѣренномъ и воздержномъ образѣ жизни, подкрѣпляла его силы.

Съ большимъ интересомъ узналъ царь о возвращеніи посольства изъ Венеціи. Призвавъ Чемоданова, Посникова и Александра, онъ долго и подробно разспрашивалъ ихъ о путешествіи, попечалился, что дѣло, за которымъ онъ посылалъ ихъ, не удалось; но успокоился, выслушавъ объясненія пословъ о томъ, въ какомъ великомъ почтеніи находится у всѣхъ народовъ Россійское государство.

Дневникомъ путешествія царь остался очень доволенъ и оставилъ его у себя, для того, чтобы внимательно прочесть на досугѣ.

Сказавъ свое царское спасибо посламъ, Алексѣй Михайловичъ остановилъ ласковый взглядъ на Александрѣ.

— Радуюсь,—сказалъ онъ ему,—что ручательство, за тебя мнѣ данное Ѳедоромъ Михайловичемъ, оправдалось. Вижу, что ты былъ исправенъ и объемъ сего писанія твоего указываетъ, что ты не терялъ даромъ времени...

— А впрочемъ, — прибавилъ царь съ едва замѣтной улыбкой, — можетъ я поторопился похвалить тебя... можетъ за тобой есть провинности?..

— Доволенъ-ли ты имъ? — спросилъ онъ, обращаясь къ Чемоданову.

Алексѣй Прохоровичъ, неожидавшій этого вопроса, взглянулъ на Александра и вдругъ отвѣтилъ:

— Что-жь, я ничего... я доволенъ... Коли ты, ваше царское величество, спрашивать изволишь, такъ долженъ я отвѣтъ держать по совѣсти... Изрядно онъ обязанность свою правилъ и мнѣ на него не жаловаться!

— А ты? и у тебя нѣтъ на него жалобы? — обратился царь къ Посникову.

Иванъ Ивановичъ хотѣлъ было что-то сказать, да видно побоялся, что не воздержится и скажетъ что-нибудь такое, за что не только Александръ, но и Чемодановъ на всю жизнь окажутся его злѣйшими врагами. Поэтому онъ не сказалъ ни слова и только поклонился, благодарствуя царя этимъ поклономъ за вниманіе и въ то-же время какъ-бы подтверждая благопріятный отзывъ старшаго посла.

— Значитъ моя похвала тебѣ у мѣста, — сказалъ царь, снова взглянувъ на Александра, — теперь ты достаточно пріобыкъ и, надѣюсь, не безъ пользы станешь служить намъ въ посольскомъ приказѣ.

Александръ благодарилъ добраго царя за его милости и чувствовалъ, что милости эти только что начинаются, что царь не забылъ о судьбѣ его.

Такъ оно и было. Отпустивъ всѣхъ, Алексѣй Ми-

хайловичъ удержалъ Чемоданова и, когда они остались вдвоемъ, заговорилъ съ нимъ объ его дочкѣ. Не успѣлъ посолъ вдоволь накланяться и наблагодарствовать, какъ ужь понялъ въ чемъ дѣло.

«Ишь ты!—пронеслось въ его мысляхъ,—и царь за него!! Парень-то не промахъ... ловко обдѣлалъ дѣло... ну что теперь... какъ быть мнѣ?...»

Между тѣмъ царь говорилъ:

— Мнѣ вѣдомо, что у тебя нелады и вражда съ отцомъ его... все мнѣ вѣдомо... Но вѣдь вражда—дѣло грѣховное. На дѣтяхъ—помиритесь, и Господь благословитъ ваши семьи. Что онъ малый добрый и съ головою—ты самъ съ этимъ согласенъ. Времени у тебя было довольно узнать его...

Алексѣй Прохоровичъ стоялъ молча и, самъ того не замѣчая, громко сопѣлъ, ибо этимъ сопѣніемъ выражались одолѣвавшія его самыя противурѣчивыя чувствованія. Царь пристально глядѣлъ на него.

— Я тебя не хочу неволить,—сказалъ онъ ему,—ты отецъ и власть твоя отеческая при тебѣ... Я только совѣтъ подаю тебѣ добрый,—а ты поступай какъ вѣдаешь... Коли сказать что́ желаешь—говори смѣло.

Царь глядѣлъ такъ ласково и такъ «просто», что вся робость Чемоданова исчезла. Онъ почесалъ у себя въ затылкѣ и заговорилъ:

— Истинное это ты слово молвилъ, ваше царское величество,—вражда—дѣло грѣховное, да только и такъ бываетъ, что не хотѣлъ-бы враждовать, а никакъ нельзя иначе... Самый этотъ Лександръ, онъ

хоть и обидчикъ, онъ хоть и озорникъ, но не въ немъ дѣло... я ему простилъ и, какъ вы наказывать мнѣ изволили передъ отъѣздомъ нашимъ въ нѣмецкія и иныя страны, я его оберегалъ и обиды онъ отъ меня не видѣлъ... Только какъ-же это такое будетъ... послѣ всего-то... какъ могу я поклониться Микитѣ Залѣсскому?! Воля твоя, государь, а мнѣ Микиткѣ Залѣсскому не кланяться!

Алексѣй Михайловичъ укоризненно покачалъ головою.

— Вотъ то-то вы всѣ... гордость въ васъ сидитъ не по званію... себя-то вы не по росту высоко ставите, а заповѣди-то Господни забываете! Мнѣ, вишь, Микиткѣ Залѣсскому не кланяться! а Микитка Залѣсскій, поди, то-же самое про Алёшку Чемоданова скажетъ! До старости дожили, а судите какъ малыя дѣти, что въ камешки на улицѣ играли да сварку затѣяли... Ну и не кланяйся... и онъ тебѣ не поклонится... а коли вы оба старую свою дурь и вражду изъ сердца вонъ вырвите, то и безъ поклоновъ у васъ дѣло сдѣлается. Даю я тебѣ двѣ недѣли сроку и черезъ двѣ недѣли ты приходи ко мнѣ и скажи мнѣ свое рѣшеніе: желаешь-ли на своемъ поставить, али добраго совѣта послушаться. Покамѣсть-же — прощай.

Съ этимъ словомъ царь ушелъ изъ палаты, а Чемодановъ остался съ понуренной головою и недоумѣніемъ во взглядѣ.

XXV.

Прошла недѣля, втеченіе которой повидимому не случилось ничего особеннаго въ семьяхъ Чемодановыхъ и Залѣсскихъ, а между тѣмъ эта недѣля была полна значеніемъ для дальнѣйшей судьбы ихъ.

Настя перебралась отъ царицы въ домъ родительскій очевидно совсѣмъ успокоенная. Она вернулась къ обычному своему образу жизни, помогала матери въ хлопотахъ домашнихъ, занималась всякимъ рукодѣліемъ и только время отъ времени жаловалась то матери, то старой своей мамкѣ, что время идетъ очень медленно, что часы тянутся словно кто ихъ силой тащитъ, а они упираются.

Александръ почти весь день проводилъ въ приказѣ, а то съ Ѳедоромъ Михайловичемъ Ртищевымъ, которому подробно передавалъ впечатлѣнія своего путешествія. Тотъ слушалъ его внимательно, съ интересомъ, обо всемъ разспрашивалъ.

— Дорого бы я далъ, чтобы такъ проѣхаться, —

говорилъ онъ,—да мнѣ о томъ и помыслить невозможно...

— А почему бы?—спрашивалъ Александръ.

— Гдѣ ужь! дома непочатой уголъ работы всякой и нельзя покинуть эту черную работу... Каждому свое: одинъ путь расчищаетъ, а другой по тому пути катается... Да я не сѣтую, а вотъ что ты въ юные годы столь великое путешествіе совершилъ—это тебѣ на всю жизнь въ большую пользу будетъ. Чувствуешь-ли это ты?

— Еще бы не чувствовать, Ѳедоръ Михайлычъ! да вотъ какъ я скажу тебѣ: то я сидѣлъ у окошечка малаго и глядѣлъ въ проулочекъ узенькій, а то вдругъ на Ивана-Великаго, подъ самою маковку взобрался и во всѣ стороны на много верстъ увидѣлъ. И еще скажу тебѣ: читать о чемъ-либо въ книгѣ или со словъ чужихъ о чемъ думать—не то, совсѣмъ не то, какъ ежели ты эту самую вещь увидишь своими глазами...

— Вотъ то-то оно и есть!—невольно вздыхалъ Ртищевъ.

Александръ всѣ мѣры употреблялъ, чтобы обо всемъ разсказывать Ѳедору Михайловичу вразумительно, образно, и изъ его живыхъ разсказовъ Ртищевъ узналъ не мало для себя новаго и достойнаго вниманія.

Несмотря на занятія и эти горячія бесѣды съ самымъ близкимъ и любимымъ человѣкомъ, Александръ все-же находилъ, подобно Настѣ, что время слишкомъ медленно тянется, и считалъ часы и дни, а возвращаясь домой зорко слѣдилъ за отцомъ.

Онъ зналъ, что царь призывалъ къ себѣ Никиту Матвѣевича, но чтó тамъ было—того не зналъ, такъ какъ отецъ молчалъ упорно. О Матюшиныхъ никакого разговору пока не начиналось.

Дни продолжали стоять свѣжіе и ясные. Въ саду собирали послѣдніе яблоки и рыли въ огородѣ. Никита Матвѣевичъ выходилъ глядѣть на эти работы, а потомъ долго бродилъ по саду, погруженный въ никому невѣдомыя думы. Во время одной изъ такихъ прогулокъ онъ вдругъ услышалъ какъ-бы стукъ топора. Прислушался—точно: стучитъ топоръ въ сторонѣ сосѣдскаго сада.

Пошелъ онъ въ ту сторону, заглянулъ за кусты и видитъ: ломаютъ заборъ, отдѣлявшій его владѣнія отъ владѣній вражескихъ. Такъ какъ заборъ этотъ былъ воздвигнутъ, въ первый періодъ вражды, Чемодановымъ, то разрушеніе его, хоть и съ невѣдомой еще цѣлью, не могло почесться какимъ-либо нарушеніемъ правъ Никиты Матвѣевича. Поэтому у него не было никакого предлога разсердиться. Но онъ почувствовалъ большое любопытство, пробрался сквозь кусты и увидѣлъ работника, сидѣвшаго на заборѣ и его рубившаго.

— Ты это что-жь такое дѣлаешь?—строго, но въ то-же время спокойно спросилъ Залѣсскій.

Работникъ снялъ шапку и почтительно отвѣтилъ:

— А вотъ, батюшка, по приказу господскому заборъ ломаю.

— Зачѣмъ-же ты его ломаешь?

— Да какъ-бы это сказать... оно точно,.. стоялъ

себѣ заборъ заборомъ, ну, вѣстимо, отъ лѣтъ обветшалъ малость, только все-же еще сколько-бы времени продержался. А какъ вернулся изъ-за моря Лексѣй-то Прохорычъ да пришелъ сюда, такъ и говоритъ: плохъ, молъ, заборъ, сломать его надо... ну, дѣло хозяйское, дѣло господское, плохъ такъ плохъ, по мнѣ что̀—приказано рубить—я и рублю...

— Что-жь... новый заборъ онъ ставить будетъ?

— Про то, батюшка, я ничего не вѣдаю... коли прикажутъ новый заборъ ставить—я и стану ставить, потому—я плотникъ...

Отошелъ Никита Матвѣевичъ и задумался. А потомъ подъ-вечеръ, какъ смеркаться стало, опять пошелъ въ садъ да къ забору. Видитъ: добрыхъ саженъ пять, не то шесть разобрано, видитъ: сосѣдскій садъ, когда-то столь знакомый; по осеннему времени облетѣлъ онъ, осыпался, сквозитъ весь и въ глубинѣ его, въ окошкахъ Чемодановскаго дома, огоньки свѣтятся.

Странное ощущеніе охватило Никиту Матвѣевича; ему вдругъ показалось, будто вмѣстѣ съ этимъ разобраннымъ заборомъ рушилась и еще какая-то преграда, будто между его домомъ и домомъ сосѣда мостъ перекинулся и можно пройти по этому мосту. Глядѣлъ онъ на огоньки, мигавшіе въ чемодановскихъ окошкахъ и вспоминалъ устройство этого дома—гдѣ какой покойчикъ и что̀ въ тѣхъ покойчикахъ есть.

«Да поди, чай, нынѣ у нихъ совсѣмъ не такъ, чай многое измѣнилось!» — подумалъ онъ и въ первый разъ, послѣ долгихъ лѣтъ, при мысли о Чемодано-

выхъ, никакой злобы и горечи не поднималось въ его сердцѣ.

Впрочемъ, онъ этого самъ не замѣтилъ.

На слѣдующее утро, будто что́ притянуло его, оказался онъ опять у сломаннаго забора. Стоитъ да смотритъ. И вотъ слышитъ онъ—кто-то идетъ по ту сторону. Да, идетъ, приближается, шуршатъ опавшіе листья подъ тяжелыми шагами.

Уйти!.. Онъ уже и двинулся, да остановился, только ужь не смотритъ, не замѣчаетъ, будто ничего даже и не слышитъ. Подошелъ къ забору, оперся на торчащую изъ земли доску—и не шевелится.

Кто-то близко — и вотъ остановился... слышно даже какъ дышетъ. Никита Матвѣевичъ все не глядитъ; но уже навѣрное знаетъ, кто это въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Такъ проходитъ минута другая и третья въ глубокомъ молчаніи. Только слышно, какъ вѣтеръ шелеститъ сухими листьями. Ворона грузно поднялась съ вѣтки, шарахнула крыломъ и каркнула.

И опять тихо.

Никита Матвѣевичъ повелъ однимъ глазомъ и видитъ его, своего стариннаго друга-пріятеля, своего ворога. Чемодановъ тоже повелъ однимъ глазомъ — и это два глаза встрѣтились. Тогда, будто по командѣ, сосѣди повернули головы и, послѣ десяти лѣтъ, въ первый разъ прямо взглянули другъ на друга.

XXVI.

Съ этого мгновенія всѣ чувства и мысли двухъ почтенныхъ сосѣдей совершенно отождествились. Никита Матвѣевичъ и Алексѣй Прохоровичъ сразу потеряли всѣ свои особенности и превратились какъ-бы въ одного человѣка. На первомъ планѣ стала забота—какъ-бы не сказать или не сдѣлать чего-нибудь такого, чего не сказалъ и не сдѣлалъ «онъ».

Задача оказывалась крайне затруднительной, ибо неизбѣжно кто-нибудь изъ нихъ да долженъ же былъ принять на себя починъ перваго движенія и перваго слова. Поэтому они очень долго оставались неподвижными и молча глядѣли другъ на друга.

Наконецъ у Чемоданова запершило въ горлѣ и онъ произнесъ:

— Гм!

— Гм!—было ему отвѣтомъ со стороны Никиты Матвѣевича.

Онъ кашлянулъ и повторилъ свое: «гм!»

— Гм! гм! кх... кх!..—совсѣмъ закашлялся Никита Матвѣевичъ и въ то-же время правая рука его стала медленно приподниматься, какъ-бы съ цѣлью снять шапку.

То-же самое движеніе сдѣлалъ и Алексѣй Прохоровичъ—и вотъ двѣ правыхъ руки тихонько поднимались все выше и выше, одновременно взялись за шапки и сняли ихъ.

— Здра...

— Здра...

— Здравствуй, Алексѣй Прохорычъ!

— Здравствуй, Микита Матвѣичъ!

Это было произнесено разомъ, какъ по командѣ, и оба почувствовали, что самое трудное сдѣлано, и на сердцѣ легче стало.

— Въ добромъ-ли здоровьи, сосѣдушка?—опять принялъ на себя починъ Алексѣй Прохоровичъ.

— Спасибо; какъ тебя, сосѣдушка, Богъ милуетъ?

— Живемъ помаленьку.

— Что это ты заборъ-то ломать вздумалъ? ни какъ новый ставить хочешь?..

— Ломаю я его потому, вишь ты, подгнивать онъ сталъ что-то... Меня-то вотъ почитай цѣлыхъ полтора года дома не было, въ бусурманскихъ странахъ важную службу царскую справлялъ,—такъ безъ хозаина-то, самъ знаешь, упущеніе всякое... и заборъ то-же этотъ самый...

Передернуло было Никиту Матвѣевича, какъ услышалъ онъ про «важную службу царскую», да по счастью подумалось ему, что отъ такой службы,

сопряженной съ необходимостью покидать домъ и ѣхать невѣдомо къ какимъ нехристямъ, самъ онъ бѣжалъ-бы хоть въ преисподнюю,—и эта мысль его успокоила.

— Да, вѣдомо мнѣ все это... и про службу твою вѣдомо, Алексѣй Прохорычъ,—спокойно сказалъ онъ,—вѣдь ты съ моимъ парнишкой ѣздилъ-то.

— Какъ-же, какъ-же... славный у тебя парнишка, Микита Матвѣевичъ,—совсѣмъ добродушно воскликнулъ Чемодановъ, вдругъ вспоминая пріятнѣйшія минуты своего путешествія, въ которыхъ не малую роль игралъ Александръ.

— А у тебя, слыхалъ я, дѣвица возросла преизрядная,—отвѣтилъ широко улыбаясь Залѣсскій.

Доска затрещала подъ его ногою и онъ ступилъ шагъ по направленію къ сосѣду. Ступилъ на шагъ впередъ и Чемодановъ. Еще разъ и другой, и третій ступили они—и очутились вплотную другъ противъ друга. Шагать ужь было некуда, а потому они побрались за шапки и троекратно, звучно облобызались.

— Эхъ, братъ!—сказалъ Чемодановъ.

— Да, братъ!—отвѣтилъ Залѣсскій.

Въ этихъ повидимому неопредѣленныхъ восклицаніяхъ заключался для нихъ самый ясный смыслъ и двумя словами было сказано очень много.

Мелькнуло было передъ ними слабое воспоминаніе о черной курицѣ, которая около десяти лѣтъ тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, была причиной ихъ ссоры; но черная курица тотчасъ-же и за-

былась. Вмѣсто нея стало вспоминаться старое хорошее время, когда этого высокаго, разрушаемаго теперь забора еще не было, когда два сада раздѣлялись только ветхой, мѣстами совсѣмъ повалившейся оградой, когда друзья и сосѣди частенько перелѣзали сквозь эту ограду, навѣщая другъ друга и долгіе тихіе часы проводя въ благодушной бесѣдѣ.

— А вѣдь шибко постарѣлъ ты за эти годы!— говорилъ Чемодановъ,—ишь, сѣдой совсѣмъ становишься!

— Да и ты не молодѣешь, Алексѣй Прохорычъ, только раздаешься во всѣ стороны... чай ты нынѣ, какъ стоишь, сразу не скажешь—есть-ли у тебя ноги и что на тѣхъ ногахъ надѣто!

И оба разсмѣялись этой незатѣйливой шуткѣ. Засмѣялись, а потомъ и вздохнули.

— Вотъ то-то, братъ,—раздумчиво произнесъ Алексѣй Прохоровичъ,—кажись вчерась оно было, какъ мы съ тобой здѣсь этакъ-то бесѣдовали, анъ сколько лѣтъ ушло... мы постарѣли, дѣти выросли... Вотъ она, жизнь наша, бѣжитъ ровно вода изъ рѣшета— не удержишь... Да и кто знаетъ, сколько еще той воды осталось... можетъ и оглянуться не успѣешь, анъ ужь и нѣтъ ея—вся вытекла. А мы тутъ враждуемъ, когда о душѣ надо думать!

— Такъ, братъ, такъ!—со вздохомъ сказалъ Никита Матвѣевичъ и, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Ну, а теперича мы что-жь... къ великому государю значитъ завтра пойдемъ съ тобою?

Чемодановъ поднялъ брови и съ изумленіемъ взглянулъ на сосѣда.

— Къ великому государю!.. такъ, значитъ, онъ и тебя призывалъ, и съ тобой толковалъ объ этомъ?

— А то какъ-же?!. Мирись, говоритъ... Я ему: какъ-же такъ мириться, мнѣ мириться невозможно. А онъ мнѣ: «Богъ, говоритъ, поможетъ». Вотъ и сталось по его царскому слову... И говоритъ онъ еще: «какъ, говоритъ, помиритесь—тотчасъ-же ко мнѣ ступайте, вмѣстѣ, чтобъ я своими глазами видѣлъ вашъ миръ...»

— Такъ вотъ оно чтó-о!—протянулъ Чемодановъ.— Ну, коли такъ, нечего намъ съ тобой и дѣлать, Микита Матвѣичъ... Противъ царской воли не пойдешь... Видно такъ суждено...

— Видно такъ суждено, Алексѣй Прохорычъ!.. Отдаешь что-ль за моего парня свою дочку?

— А вотъ ты научи меня, какъ не отдать коли царь приказываетъ...

— Нешто онъ приказываетъ!.. онъ, вишь ты, говоритъ: я, говоритъ, противъ родительской власти не могу, я васъ не неволю, а только совѣтъ подаю добрый...

— Да ладно, чтó ужь тутъ! Видно судьба такова. Пойдемъ завтра къ царю... А нынѣ то... вечеръ-то длиненъ... надо намъ съ тобой по чарочкѣ пройтись, чтобы, значитъ, миръ нашъ и свойство были добры да крѣпки.

— Вѣрно твое слово, Алексѣй Прохорычъ, – идемъ ко мнѣ, у меня, братъ, осталась та самая романея...

помнишь чай... и она видно за десять лѣтъ-то постарѣла, только стала отъ того не хуже, а много лучше.

— Вотъ это ты совсѣмъ не такъ говоришь!— воскликнулъ Чемодановъ.—Самъ посуди: мнѣ-ли къ тебѣ нынѣ итти, тебѣ-ли ко мнѣ: я твоего Лексашу вдоль и поперекъ знаю, полтора года съ нимъ возжался, а ты мою дочку и не видалъ ни разу... А ну, завтра царь тебя про нее спроситъ? что ты ему отвѣтишь? Да такъ оно и по всему подобаетъ... прежде чѣмъ сватовъ засылать, самъ разгляди ее... Я, братъ, товаръ продаю хорошій... взгляни на товаръ мой... А ужь какая у меня романея! да что́ романея, я, друже, такихъ напитковъ заморскихъ изъ нѣмечины вывезъ, что ему помраченіе.

Говоря это, онъ такъ причмокнулъ языкомъ, что у Никиты Матвѣевича слюнки потекли.

— Ладно ужь, къ тебѣ, такъ къ тебѣ... Идемъ что-ли!—рѣшилъ онъ, окончательно убѣжденный.— И вотъ я тебя еще про нѣмечину поразспросить-бы хотѣлъ... Лексаша-то, какъ вернулся, болталъ тамъ, да что́ онъ, молокососъ, смыслитъ... Тебя-бы послушать...

— Что-жь, я не прочь,—оживился Алексѣй Прохоровичъ,—твой парнишка, хоть и смышленъ онъ, да гдѣ-же ему... онъ многого и не видѣлъ... Я тебѣ, братъ, такое разскажу, такое...

Сосѣди, какъ во время оно, двинулись по направленію чемодановскаго дома.

XXVII.

Александръ сидѣлъ утромъ у себя и читалъ, когда послышался стукъ въ его дверь, которую онъ имѣлъ обычай запирать на задвижку.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ.

— Санюшка, дитятко, отомкнись!—послышался голосъ матери.

Онъ отворилъ дверь и впустилъ Антониду Галактіоновну. Ея нарумяненное и набѣленное лицо носило всѣ признаки крайняго изумленія. Въ манерѣ, съ которой она вошла къ сыну, была какая-то таинственность. Она присѣла на кровать Александра и, приложивъ палецъ къ губамъ, многозначительно произнесла:

— Шш!

— Что̀ такое, матушка?

— А такое, дитятко, что и ума приложить не могу... Хоть убей меня на семъ мѣстѣ,—нечегошеньки-то я не понимаю!.. Чудеса у насъ въ домѣ творятся...

Александръ, хорошо зная, что мать сразу, безъ предисловій, никогда ничего не скажетъ и что спрашивать ее—значитъ только удлинять эти предисловій,—терпѣливо ждалъ.

— Въ среду-то, когда онъ нарядный-то кафтанъ надѣвалъ, какъ полагаешь—гдѣ онъ былъ?—торжественно спросила Антонида Галактіоновна.

— Не знаю я.

— А я такъ вотъ знаю.. У царя онъ былъ, Санюшка, у царя онъ былъ, родименькій! Какъ вернулся тогда, скинулъ кафтанъ, и—ни слова. Гдѣ, молъ, былъ, Никита Матвѣичъ, спрашиваю. А онъ мнѣ: «отвяжись, дура!»—и только. И все молчалъ...

Она передохнула и продолжала:

— Это одно, а вотъ и другое: вчерась вечеромъ въ садъ вышелъ, жду я часъ—нѣтъ его... смерклось совсѣмъ, работниковъ спрашиваю: видѣли Микиту Матвѣича? Видѣли, говорятъ, какъ по саду ходилъ, а потомъ и не видали. Сама пошла, весь садъ обошла—нѣтъ его. Страхъ меня взялъ, да потомъ и думаю: можетъ онъ какъ непримѣтно въ ворота ушелъ. Опять жду, сторожу наказала отъ воротъ ни на шагъ. А сама, будто тянетъ меня чтó—нѣтъ-нѣтъ, да въ садъ-то и выгляну. Ночь совсѣмъ... темень — хоть глазъ выколи, и вотъ, какъ выглянула-то я въ послѣдній разъ—слышу будто кто-то по саду къ дому пробирается. Я такъ и замерла, двинуться не могу, крикнуть хотѣла—голосу нѣтъ. А онъ идетъ себѣ да и бормочетъ что-то. Тутъ я и разслышала, что это Микита Матвѣичъ, окликнула его, онъ и

отозвался. Вошелъ въ домъ, красный такой, а самъ усмѣхается.

— Гдѣ-жь это онъ былъ?—съ невольно забившимся сердцемъ спросилъ Александръ.

— Вотъ и я тоже объ этомъ ему сказала... гдѣ, молъ, былъ! А онъ мнѣ... Охъ, Санюшка, наказалъ онъ мнѣ крѣпко накрѣпко, до поры до времени тебѣ не сказывать; да не могу я вытерпѣть... Какъ спросила я его, онъ мнѣ и отвѣчаетъ: «а я, вотъ, говоритъ, сына женить надумалъ, такъ невѣсту его глядѣть ходилъ». Чтò ты, говорю, опомнись, батюшка!.. Вижу я—хлебнулъ онъ порядкомъ и винный духъ отъ него идетъ по всей горницѣ. А онъ какъ засмѣется: «Правду сказываю, говоритъ, невѣсту Лексашкѣ смотрѣлъ, хороша невѣста». Да вѣдь ты ее, Матюшкину дочку, не разъ ужь видалъ, не больно то, молъ, хороша она. «Какая тамъ, говоритъ, Матюшкина дочка, ей Лексашкиной невѣстой не бывать. Невѣста ему—Настя, Чемодановыхъ, Алексѣя Прохорыча дочка. Мы, говоритъ, это дѣло когда еще, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, порѣшили, ну вотъ я и посмотрѣлъ Настю. Дѣвица перворазрядная. Изъ себя красавица, у царицы въ большой милости, одна дочка у Алексѣя Прохоровича, а достатки у него не малые. Только ежели ты объ этомъ хоть одно слово шепнешь Александру до поры до времени—убью!» Ну, я дальше ужь и не слушала, потому—отъ пьянаго человѣка какого толку добиться можно... Только онъ, ложась спать, приказалъ разбудить себя пораньше. Разбудила я его. Богу помо-

лился, закусилъ, да и говоритъ: «подавай нарядный кафтанъ». Почто онъ тебѣ? спрашиваю. «А я, говоритъ, съ Алексѣемъ Прохорычемъ къ царю собираюсь». Такъ я и ахнула; всю-то ночь спалъ и всежъ не проспался, какъ хмѣльнымъ легъ, такъ хмѣльнымъ и всталъ. Одѣлся, а уходя опять вчерашнее: «ежели, говоритъ, ты хоть слово одно Лександру,— убью!» Гляжу я, гляжу—онъ, во всемъ нарядѣ-то, прямо въ садъ. Хоть и страхъ меня разбиралъ, а всежъ-таки не утерпѣла: какъ вышелъ онъ—я за нимъ, кусточками пробираюсь. И что-жь бы ты думалъ: прямехонько онъ къ Чемодановскому забору... я за нимъ.. гляжу, заборъ-то поваленъ, онъ перешагнулъ въ сосѣдскій садъ да и былъ таковъ... Что жь это такое дѣется у насъ. Санюшка? скажи мнѣ— рехнулась я что-ли, навожденіе дьявольское это на меня, чудится мнѣ... Охъ, пропала моя головушка!

Антонида Галактіоновна схватилась за голову и заунывнымъ голосомъ начала причитанія надъ собою.

— Матушка, успокойся!—радостно сказалъ Александръ,—какое тамъ навожденіе, какое тамъ чудится! Ничего тебѣ не чудится, а все такъ и есть, какъ говорилъ тебѣ батюшка: и у царя онъ былъ, и къ Алексѣю Прохорычу вчерась ходилъ смотрѣть мою невѣсту ненаглядную, Настю мою милую...

Антонида Галактіоновна опять схватилась за голову.

— Мутится! мутится... чудится!—завопила она,— и ты тоже!.. Ахти мнѣ!..

— Вотъ что ты мнѣ скажи, матушка, давно это было? давно ты изъ саду вернулась?

— Охъ, сейчасъ только, прямо къ тебѣ... охъ, мутится... совсѣмъ помутилась!..

Александръ безжалостно оставилъ мать съ ея мутящейся головою и кинулся изъ покойчика. Забывъ надѣть шапку и не соображая, что на немъ легкій домашній кафтанъ, а на дворѣ свѣжо и вѣтряно, онъ выбѣжалъ въ садъ и какъ стрѣла помчался къ Чемодановскому забору. Смотритъ—часть забора сломана. Подбѣжалъ и остановился, а сердце такъ и колотится.

«Придетъ, безпремѣнно придетъ!—рѣшаетъ онъ,—какъ отцы уѣдутъ къ царю, такъ и придетъ она... никто... ничто ее не удержитъ!»

И она пришла. Онъ издали, еще не видя и не слыша, ее почуялъ. И она знала, что онъ ждетъ ее. Они кинулись въ объятья другъ къ другу, и цѣловались, и смѣялись, и молчали, и говорили, и не могли наглядѣться другъ на друга. Передавать ихъ безсвязнаго, влюбленнаго шопота— нечего, ибо всякій легко его себѣ можетъ представить, а кто не представитъ—для того онъ совсѣмъ не интересенъ.

Одно только слѣдуетъ замѣтить: у Александра не оказалось ни стыда, ни совѣсти: онъ цѣловалъ и ласкалъ Настю такъ, будто кромѣ нея никого не цѣловалъ въ жизни. И среди этихъ поцѣлуевъ ни сердце, ни память не подсказали ему имени далекой венеціанской красавицы, Анжіолеты Каппелло.

XXVIII.

Черезъ мѣсяцъ была ихъ свадьба. Чемодановы и Залѣсскіе не ударили лицомъ въ грязь и задали пиръ на всю Москву. Гостей было много и духота въ маленькихъ покойчикахъ стояла какъ въ натопленной банѣ. Но никто не замѣчалъ ея. Всѣ пили, ѣли и старались перекричать другъ друга. Чемодановъ улучилъ удобную минуту, взялъ за плечо Александра и отвелъ его въ уголъ.

— Ну, братъ,—сказалъ онъ,—добился ты своего, перехитрилъ меня, заставилъ отдать за тебя Настю... Только ты смотри, ухо востро держи... и знай, коли ты передо мной въ чемъ провинишься—у меня на тебя плетка есть, особая, заморская.

— Какая-жъ такая плетка?—весело спросилъ новобрачный.

— А такая вотъ, венецейская, синьорой она прозывается... на каналѣ живетъ... въ большомъ палацѣ...

Безсовѣстный Александръ и тутъ не смутился.

— Эхъ, батюшка,—отвѣтилъ онъ,—не тебѣ бы го-

ворить, не мнѣ бы слушать. А какъ станутъ меня про твой перстенекъ многоцѣнный спрашивать—что прикажешь отвѣчать-то? Да и синьоры венецейскія тебѣ, я такъ полагаю, болѣе нежели мнѣ вѣдомы.., Пойдемъ-ка лучше къ Посникову Ивану Иванычу. будемъ его ублажать да умасливать—вѣдь у него-то на обоихъ насъ плетки здоровыя и человѣкъ онъ для насъ съ тобою опасный.

— Разбойникъ ты, Лексашка, пиратъ ты морской!—краснѣя воскликнулъ Алексѣй Прохоровичъ,— а насчетъ Ивашки Посникова—это ты вѣрно. Пойдемъ къ нему.

Искали они, искали Ивана Ивановича, да такъ и не нашли. Дѣло въ томъ, что думный дьякъ не воз держался, чрезмѣрно хлебнулъ чего-то заморскаго и завалился за лавку. Только на слѣдующее утро удалось его вытрезвить...

Конецъ

Bayerische
Staatsbibliothek
München

R. B
Buchb
13 L

Solov︠ev, Vsevolod Sergeevič,

Carskoe posol'stvo Istor. roman XVII věka. V trech častjach

S.-Peterburg 1893

P.o.russ. 119 x

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680398-3